

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Июнь 2022 № 3 (49)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 4 июля 2022 года. Тираж: 42 экз. Заказ № 1061

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее
в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New
Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-
либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом.

Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почто-
вый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется
буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Вячеслав Куприянов. Орден Полярной Звезды. <i>Повесть. Начало. Окончание в следующем номере</i>	5
Юрий Серб. Сонь подь шубой. <i>Рассказ</i>	20
Елена Крюкова. Раскол. <i>Книга огня. Фреска первая</i>	26
Анастасия Чернова. Особняк. <i>Роман. Часть 1</i>	35
Олег Черницын. Пленэр. <i>Рассказ</i>	56
Эвелина Азаева. Похитители спокойствия. <i>Рассказ</i>	60

Поэзия

Андрей Шацков. На поле Куликовом. Часть 2. Чтобы память попирала смерть!	64
Елена Пиетиляйнен. Заповедник любви. <i>Стихи</i>	66
Сергей Пахомов. Мост. <i>Стихи</i>	68
Владимир Хохлев. Я встретил март. <i>Стихи</i>	71
Галина Капецкая. Из цикла «Звезда иных миров». <i>Стихи</i>	74
Татьяна Ярышкина. Надо мною печаль небес... <i>Стихи</i>	77

Поэтическая Седмица

Александр Логинов. Рождественские строфы. <i>Стихи</i>	79
Олег Рябов. Казанская. <i>Стихи</i>	81
Николай Алешков. «Куда б ни привела меня дорога...» <i>Стихи</i>	83

Берега юбилеев

Анастасия Маряч. Деятельность Сергея Павловича Дягилева в контексте русской культуры рубежа XIX–XX веков. <i>К 150-летию Сергея Дягилева</i>	86

Берега Новороссии

Нина Ищенко. «Русский Лавкрафт»: ледяной поход по зимнему Донбассу	91
Елена Заславская. Новороссия гроз. Новороссия грёз. <i>Отрывок из поэмы</i>	94

Берега Янтарного края

Валерий Громак. Украина: НАТО и культ палачей. <i>Из блокнота украинского «иноземца»</i>	99
Сергей Рослин. Балтрайон – мир моего детства. <i>Повесть</i>	113

Берега истории

Екатерина Фёдорова. Потомок московских Вырубовых – князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский	126
Григорий Некрашевич. Потомок старинного шляхетского рода. Служа царю и Отечеству. Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад	133
Виктор Ширяев. Моряк и воин. Автобиографические записки из жизни капитана 1 ранга в отставке. <i>Начало. Окончание в следующем номере</i>	147

Берега прочтения

Зоя Колесникова. Сила русской мысли. <i>О книге Лидии Довыденко «Русская мысль и человечество» (Калининград, 2021)</i>	155
Эдуард Анашкин. «Посылка из Америки» Василия Килякова	163
Лидия Довыденко. «Опять ветра заводят перебранку...» <i>О книге стихов Андрея Шацкого «Сказы Куликова поля» (Москва, 2022)</i>	166
Валерий Скрипко. Мытарства творческой души. <i>Читательские раздумья о романе Анатолия Байбородина «Боже мой» (Вече, 2021)</i>	169
Ваагн Карапетян. Великий блеф под названием «Мастер и Маргарита». <i>Отрывок из романа-эссе</i>	175

Мир без границ

Берега Палестины

Абдулла Исса. Начало. <i>Перевод Светланы Савицкой</i>	192

Берега Черногории

Олег Мраморнов. Балканские мотивы. <i>Стихи</i>	195

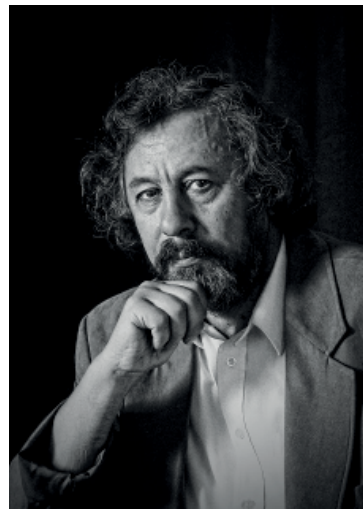
Наши друзья

Советуем почитать	198

Проза

Вячеслав Куприянов

Вячеслав Глебович Куприянов – поэт, переводчик, прозаик. Родился в 1939 году. Окончил Московский институт иностранных языков в 1967-м. Публикует стихи с 1961 года. Его сборник «Жизнь идёт» (1982) – среди первых книг верлибров в русской поэзии второй половины XX века. Участник многих всемирных форумов поэзии. Переводил стихи европейских, прежде всего немецких, поэтов (Гёльдерлин, Новалис, Рильке, Трахль, Целан, Фрид, Бобровский, Энценсбергер, Яндль). Лауреат Европейской литературной премии (1987); обладатель Литературного жезла Македонии (1999); лауреат премий: им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006), Министерства культуры Австрии (2007), «Моравская грамота» (Сербия, 2008), Бунинской (2010), «Европейский атлас поэзии» (Сербия, 2017), Felix Romulana (Сербия, 2017), «Сердце связующая нить» (2018), «Югра» (Ханты-Мансийск, 2018), Золотой ключ Смедерева (Сербия, 2021).

Автор книг: «На языке всех» (русско-англ.) (Лондон, Forest books, 1992), «Телескоп времени» (русско-нем.) (Alkyon-Verlag, 2003), «Лучшие времена» (МГ, 2003), «Зарубежная поэзия в переводах Вячеслава Куприянова» (Радуга, 2009), «Ода времени» (Новый ключ, 2010), «Бумажная ложь» (русско-фламанд.) (POINT-Edition, 2012), «Нельзя/Verboten» (русско-нем.) (2012), «УРОКИ – LEÇONS» (русско-франц.) (PEBO-Verlag, Бельгия, 2012), «Дикий Запад» (Pop-Verlag, 2013), «Башимак Эмпедокла» (БСГ-Пресс, 2013), «Ничто человеческое», «Озарение», (Сан-Пауло Бразилия, на русском и португальском, 2016), «Волчий зов» (Сербия, 2017), «Für den unbekannten Feigling» – «Неизвестному трусу» (на русском и немецком, Pop-Verlag Ludwigsburg, 2021), «Соль на языке земли» (на русском и сербском, Смедерево, 2021), «GOLDREGEN», «Золотой дождь» (на русском и немецком, Publishing House Universal, Tbilisi, 2021), «СНИЖЕГ» (Избранные и новые песни, на сербском, Бая Лука, Сербия, 2021), «HUR MAN BLIR EN GIRAFF» («Как стать жирафом»), (poetry на шведском, FAETHON, Stockholm, Швеция, 2022).

ОРДЕН ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ

Повесть

Начало. Окончание в следующем номере

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТЕЦ

Гениального Основателя Вселенской Империи, кроме особо допущенных, никто не знал в лицо. Можно только догадываться, что это лицо время от времени покрывалось щетиной, поскольку тюремный цирюльник брил только раз в неделю. Такая щетина стала модной и на свободе, наряду с татуировкой, ибо на свободе только и мечтают об изысканных причудах вкуса, доступных по-настоящему только в тюрьме.

Несколько слов об особо допущенных. В их среде смена поколений проходила как-то неожиданно, чтобы особо допущенные не успели слишком сблизиться с поколением приговорённых к пожизненному заключению. Считалось, что особо допущенному повезло, если он своевременно переходил в разряд пожизненно заключённых, это было добрым знаком продления жизни.

Особисты были той особой выделки, благодаря которой ведомый ими объект (или субъект?), поглощённый своей творческой деятельностью, не замечал, как один особист сменялся другим. Для ведомого они, таким образом, всегда оставались в одном возрасте, приближающемся к среднему,

никогда его не достигая. Одеты они были в одинаковые мундиры цвета тюремных стен, курили один и тот же недорогой табак и в любую погоду носили сапоги. Основателю иногда смутно казалось, что как только сапоги начинали стаптываться, следовало ожидать, что обладатель новых сапог проявит вспышку интереса к его проекту, как будто ему надо освежить свою стоптанную от хождения по разным местам память. Но что тут удивляться, его проект был столь необычен, что его было непросто изложить даже другим гениям на прогулке, тем более что это строго запрещалось. Не рекомендовалось пытаться и другого гения о сути его гениального проекта, дабы не отклоняться от своего собственного.

Особисты вели документы и составляли отчёты, но они уничтожались так же тщательно, как и велись, чтобы вводить в заблуждение всякого рода врагов, способных выкрасть эти ценные документы. Поэтому всё, что можно сообщить о легендарном Основателе, основано на устном предании, неизвестно как проникшем за пределы того сурового времени, о котором принято говорить, что оно не должно повториться.

Основатель ценил свободу превыше всего, ещё в детстве он освобождал пауков из паутины, поскольку их оцепенелый вид вызывал сочувствие, а мухи и осы бились, попав в тенёта, что вселяло в наблюдателя надежду на их собственноручное освобождение. Он помогал муравьям выбраться за пределы муравейника, ибо ему казалось, что они в плену у собственной суеверности. Ему не нравилась зависимость собственной ходьбы от зрения, поэтому он упражнялся в движении вперёд с закрытыми глазами, отчего на его лице с раннего детства остались заметные шрамы. Его не устраивала зависимость головы от ног, оттого и замучила его мечта о полёте, но без крыльев, прикованных к собственному туловищу или к фюзеляжу самолёта, раздражала его и необходимость опоры на спёртый воздух, ибо воздух не бесприделен.

Будучи математиком, он уважал знак равенства, равенство углов и сторон приводило его в восторг, но больше всего его восхищала теорема, согласно которой **хрен редьки не слаще**, её доказательству он посвятил немало времени, придя наконец к выводу, что за пределами овощных истин разрастаются дикие поля и леса иерархий, где всякое сравнение **хромает**, в результате он и сам хромал, сорвавшись однажды с дерева, пытаясь вычислить зависимость скорости его роста от веса взобравшегося на него разумного существа.

Что касается братства, то он старался всю свою сознательную жизнь отделить его от панибратства, дабы оно не переходило в хамство, но и близнецов он презирал за вопиющее разукрупнение безликости. Но больше всего он страдал от ощущения братства с обратным знаком, под которым подразумевалось нынешнее состояние человечества: небратство. Чем более разрастался и скупивался совокупный организм человечества, тем более он впадал в это небратское состояние, состояние немужественности и неженственности. Основатель породил идею: рассеять вздорное человечество в крошечном пространстве, расселить его по хуторам Вселенной, тогда и пробудится желанная родственная тоска по ставшим далёкими братьям и сёстрам по разуму, по братьям по оружию, растерявшим своих закадычных врагов, по братьям – собратьям по перу, утратившим даже надежду на читателей, поклонников и поклонниц.

Человечество будет расширяться вместе с космосом, краснея за всё возрастающее отчуждение, но когда-то рассеивание достигнет физического предела, и уже не будет знать предела платоническая любовь человечества к себе самому, тогда космос блаженно съёжится до состояния идеального братства!

Забота об этой в принципе русской идее требовала бездны времени и личной неограниченной свободы. Основатель прежде всего поспешил распутать свои семейные узы, это ему удалось, всеобщее непонимание было в этом надёжной опорой. Семья мешала ему думать, а когда он получил невероятную возможность безнаказанно думать, он скоро забыл про свою семью, жену и, кажется, сына. Да, сын, если верить преданию, у него где-то был, но ему счастливый отец предоставил столько свободы, что сын ничего не знал и даже не хотел знать об отце.

Парадоксальным образом это не увязывалось с его мечтой о воссоздании детьми вечно исчезающего мира отцов, более того, физического возвращения ушедших отцов в утраченный ими мир детей. Возможно, путь лежит через жертву: отец жертвует сыном, чтобы сын своим путём нашёл отца! Каков же тогда путь сына?

Но отец пока думал о своём, более близком: как освободиться от уз непреклонного земного тяготения? Думая об этом, Основатель ещё не знал, что на это уйдёт вся его свобода.

Звёздное небо не давало ему покоя с раннего детства, ему страстно хотелось его приблизить к себе, для этого он залезал на деревья, а так как звёзды виднелись только ночью, то он прокрадывался по ночам в сады, отчего принимали его за вора, хватали и начинали пытать, что же он хотел украсть, ведь цветы уже отцвели, а плоды ещё не успели. Тогда он оправдывался, указывая на звёзды, и его отпускали, одни, полагая, что он очередной безобидный сумасшедший, другие же, чтобы не ввязываться в политику и вяло возделывать свой сад, ибо разговор о звёздах, опасались они, мог затянуть именно в политику.

Бывал он и на крышах домов, где его подозревали уже в краже белья, которое сушилось на чердаке, но, найдя всё в сохранности под его звёздные вопли, его оставляли в покое, считая оторванным от жизни лунатиком.

В результате повышенного интереса к небу и неосмотрительного отношения к земле в более сознательный возраст он вошёл прихрамывая, так как падать ухитрился не только с деревьев, но и с крыш. Знакомые и родственники поговаривали, что на самом деле он упал с Луны. Но в зрелом возрасте он уже не карабкался куда-то, а подолгу засиживался в публичных библиотеках, где осиливал сложные книги, которые мало кто до него дочитывал до конца, а то и до середины. Он читал, считал, перечитывал и пересчитывал, рисовал и чертил, некоторые его чертежи и сегодня можно увидеть в музеях рядом с копиями наскальных рисунков первобытного человека.

Он вычислял, насколько должно быть вытянуто шарообразное тело, чтобы в полёте полностью совпадать со своим собственным следом. Какова должна быть скорость космического объекта, чтобы при движении внутри Млечного Пути увлечь за собою все видимые звёзды. Какой толщины должен быть слой космической пыли, чтобы звёзды стали чихать, и как это отразится на уровне интеллигентности земных муравьёв. Позже он делал вычисления по заданию руководства, например: каким должен быть максимальный объём тюремной камеры, чтобы камера прогревалась теплом тела оголённого узника (это пригодилось позже для расчёта оптимального объёма тела космонавта для заполнения кабины пилотируемого корабля), или каково должно быть соотношение площадей тюрьмы и около-тюремного пространства, чтобы выход за пределы тюрьмы расценивался как ущемление свободы (и это пригодилось в период приватизации земного шара).

Его угнетал тот факт, что звёздное небо представляло из себя прежде всего зверинец, и он добивался решения загадки, что это: конфигурация человеческого сообщества ещё не дотягивает до уровня небесного распределения светящихся масс или светящиеся массы ещё не сложились в осмысленную конфигурацию, способную действительно просветить человека. Надо ли настраивать земную жизнь на правильно понятую звёздную, небесную, или так починить небо, чтобы под ним жизнь стала вольготней и ярче?

Один из его последователей – генерал инженерной службы Покровский – начертал проект, как лучше всего Земле свихнуться с привычной орбиты: в центре Антарктиды пробурить скважину, которая станет соплом реактивного двигателя. Надо только выбрать соответствующее светило, к которому надо лететь за недостающим светом и пространством.

Земной шар с реактивным выхлопом в точке Южного полюса можно обнаружить на полях одной из рукописей Основателя, хранящейся в тюремных архивах.

Почему именно в тюремных?

Известно, что Основатель в своём стремлении достичь кромешной свободы считал Землю отнюдь не колыбелью, но тюрьмой человечества. Поэтому он не удивился, когда однажды прямо из библиотеки был доставлен в Тюрьму. Знаменитая «Матросская тишина» и Лефортовская тюрьма до сих пор оспаривают право установить мемориальную доску в честь Основателя на своих стенах. Кто победил в этом споре, сказать трудно, ибо доска установлена во внутреннем дворе и видна только нынешним, к тому же не вполне грамотным заключённым. Возможно, что подобные доски установлены и в других тюрьмах, чтобы поднять дух обитателей.

В тюрьме Основатель пробыл какое-то время без работы, потом в его одиночную камеру доставили все его записи и чертежи, а как он позже убедился, к ним добавились ещё и рукописные труды на заданную тему неизвестных ему энтузиастов. Однажды появился человек, которого он сперва принял за надзирателя, ибо тот принёс две кружки кофе из цикория, себе и ему.

- Цикорий цветёт синим цветом, а вот кофе из него – чёрный, – вместо приветствия сказал он.
- Ночное небо тоже чёрное, но днём, когда оно цветёт, оно синее, – объяснил Основатель.

– Вот как? А ведь мы с вами видим в основном серое небо, даже днём, мне кажется, лучше уж сразу любоваться плодами, а не цветочками, – отвечал надзиратель, и тут же сменил тему: – Такое же небо видел перед смертью народоволец Кибальчич. Что вы думаете о Николае Кибальчиче?

– О Кибальчиче? Гениальный мыслитель! Он перед казнью успел начертить космическое устройство, это было первой догадкой применить ракету для преодоления земной тяги...

– Ага, значит, покушение на земную тягу? Тянем-потянем... А вы знаете, за что был повешен Николай Иванович? – надзиратель достал трубку и начал её любовно раскуривать

– За что? М-да. Повешен... Как нехорошо оставлять человека между небом и землёй, когда он уже сам собой не распоряжается. Я в принципе против смертной казни в любом виде. Любая казнь бесполезна. Рано или поздно все будут воскрешены силой моей науки. И Кибальчич, который пытался приручить взрывы, и царь-освободитель Александр II, погибший от неуправляемого взрывного устройства...

– Так уж и неуправляемого! Всё управляемо. И объяснимо. Так вы понимаете теперь, за что вас несколько ограничили в свободе? Попробуйте порассуждать! Кибальчич покушался на жизнь царя, как вы тут неосторожно заметили, освободителя, а потом стал чертить космические устройства! Покушение на Вселенную! Итак, кое-какие устройства уже начертаны. На кого вы собираетесь покушаться?

– Как? – Основатель не ожидал подобного поворота мысли. Подобный поворот он бы вообще не отнёс к правильной мыслительной операции. Но по запаху едкого трубочного дыма он скорее ощутил, чем понял, что в такой атмосфере нельзя обсуждать сам ход мысли, а надо откликаться на её предметное содержание: – Я вообще против любого покушения на любую жизнь, я перед жизнью благоговею, хотя давно её не наблюдаю. Я же говорил, рано или поздно все будут воскрешены, тогда я опять буду наблюдать жизнь.

– Так что, и царя вы нам опять воскресите? – недобро усмехнулся надзиратель.

– Раз все воскреснут, то и царь, – испуганно, но упрямо заявил учёный.

– Ну вот, получается, что мы и так и этак правы, задерживая вас здесь на неопределённый срок с вашими неопределёнными замыслами. Ну, воскресите нам царя, это, конечно, плохо, но его тут же взорвёт воскрешённый вами Кибальчич, что уже совсем неплохо, однако, зачем повторяться?

– Не взорвёт, – хотел было озвучить мысль Основатель, но тут же спохватился и промолчал, подумав, что ему дают неопределённый срок, то есть пока не казнят смертью.

– Казнить смертью мы вас пока не будем, – подтвердил его думу свирепый собеседник, – мы же вас не сможем, к сожалению, воскресить, если нам в будущем понадобится действительно кого-нибудь по нашему усмотрению воскрешать. Так что вам и карты в руки. Работайте. Ваше свободомыслие в вашем полном распоряжении!

За дверью раздались вопли, кого-то проволокли мимо по коридору, надзиратель отвлёкся от мрачных мыслей о свободе и счёл нужным разъяснить происходящее:

– Это, между прочим, истошный голос нашего осведомителя. Это он сообщил нам о вашем увлечении летающими предметами и указал нам на историческую связь этого увлечения с терроризмом. Вы удивляетесь? Он сидел рядом с вами в библиотеке и делал вид, будто читает литературу о переселении душ, на самом же деле он больше интересовался перевозкой мебели, но это неважно. Вы удивляетесь, почему он здесь? Но мы же не можем до бесконечности пользоваться его наблюдательностью, которая чем тоньше, тем грубее результат: мы же не можем заполнять тюрьму грузчиками-леваками, хотя левый уклон мы и не одобряем. С другой же стороны, нам и в тюрьме нужны преданные наблюдательные люди. Когда он не кричит, он по-прежнему занят: заглядывает в ваш глазок. Не насытится око видением! Вы наш двор уже видели? Не видели?

Он подставил табурет к окну и подчёркнуто услужливо под локоток подтолкнул заключённого подняться и выглянуть в окно. Во дворе по кругу двигались люди в полосатых робах.

– Это вам что-нибудь напоминает?

Основатель ещё постоял на носках, припоминая, откуда ему знакома эта картина, наконец, предположил:

– Как на картине Ван Гога!

– Именно, как у Ван Гога! – обрадовался надзиратель, выбивая трубку о каблук своего сапога. – Мы в своё время обратились к правительству Франции с просьбой выдать нам этого Ван

Гога. Он как-то изобразил довольно старые ботинки и стал от этого знаменит. Мы подумали, было бы справедливо для истории, если бы он запечатлел достойно мои новые сапоги. Однако правительство Франции ответило нам отказом, дескать, не располагают информацией о местонахождении некоего Ван Гога! Какие малокультурные люди! А у нас даже тюремный двор – произведение искусства!

Он помог собеседнику спуститься с табурета, и только тут заметил, что тот хромает.

– Жаль, что вы хромаете, а то бы мы вас хоть сейчас вывели на прогулку. Там бы вы и с Ван Гогом познакомились, он же всё равно к нам попал, это естественно, ведь художники недаром любят изображать собственное лицо в безликой толпе. Но у нас и сама толпа не безликая, хотя, если понадобится, все будут хромать, как и вы, в этом не слабость, а соборная нравственность замкнутого коллектива. Ещё замечу, маршируют-то одинаково, а хромает каждый по-своему. Мы иногда запускаем коллективную хромоту, чтобы при помощи её синхронного ритма замерить параметры подземных атомных испытаний, которые проводит наш противник неизвестно где. Вы знаете, что такое атом?

– Как же не знать! – возмутился учёный. – Я же построил непротиворечивую теорию восстановления бывшего тела уже истлевшего человека по тоскующим атомам...

– Тоскующий атом – это не наш атом, – перебил его надзиратель, – хотя мы найдём возможность и его развеселить. Наш атом – это неисчерпаемое оружие, которое хорошо ещё и тем, что совсем не ржавеет. Создатель этого оружия работает как раз в камере напротив. Это даже не камера, а свинцовый саркофаг, это на тот случай, если наш атомщик просчитается и взрыв произойдёт прямо в камере. Тюрьма при этом даже не пострадает. Считаю нужным вам сообщить, что и над вами потолок свинцовый, так что, если вам вдруг заблагорассудится при помощи вами начертанной ракеты выйти за положенные вам пределы, в лучшем случае вы попадёте в саркофаг над вашей камерой.

– Но я и не собираюсь лететь в космос из моей камеры! Я вообще не уверен, доживу ли я сам до осуществления моих проектов.

– Доживёте! У нас здесь хорошие специалисты по целесообразному продлению творческой жизни. Или доживёт отдельная от вас мыслящая часть. У нас уже разработана щадящая гильотина: у легкомысленных французов – рраз! – и тело больше не безобразничает, и голова не соображает, а у нас при хирургическом вмешательстве тело тоже больше не безобразничает, а голова соображать продолжает. Иногда уже и на более приличном теле. Что же до полёта в космос, то в космос вы, быть может, и не собираетесь, кто знает, что там, а вот в другую страну перелететь, почему бы нет? Вы же знаете географию! А что есть ваше изобретение как не подготовка массового перелёта целого народа из отдельно взятой страны да в тёплое местечко! Гуси-лебеди, тью-тью! Что вы так укоризненно на меня смотрите? Вы ещё сами не ведаете, что вам может прийти в голову, как только ваша модель заработает. Вам же всё хочется испытать, а нам всё предупредить нужно. Думаете, нам с атомщиком легко? Ну, создаст он нам оружие массового поражения, чтобы мир во всём мире укрепить окончательно. Но он же после этого может ввязаться в борьбу за права человека! Это что же, чтобы каждый, кому не лень, мог на эту бомбу права иметь? Одно дело – дураков бомбой окоротить, а как дураки тебе под нос эту же самую бомбу? Чудовищно!

Основатель глянул в свой свинцовый потолок и почувствовал, как это чудовищно, но ещё сильнее заняла в нём тоска по своим выкладкам и чертежам, чтобы никто ему не мешал обозначать корявыми значками свои воздушные грёзы. Надзиратель, кажется, уловил сквозь дым своей трубки эту воздушную тоску, поднялся из-за стола и с воодушевлением произнёс:

– Ну, так с Богом! Нас всех ждут достойные дела. А как, кстати, по поводу Бога? Поможет ли ваша ракета окончательно разоблачить его очевидное отсутствие?

– С Богом? – растерялся вычислитель. – Лаплас не нуждался в этой гипотезе, где там у меня копошатся уравнения Лапласа? Я ведь не работаю с очевидностями. Есть, правда, мнимые величины, корни из пустоты... С другой стороны, есть бесконечно малые величины, значит, возможны бесконечно далёкие или бесконечно высокие, это уж точно за пределами нашей тюрьмы.

– Смотрите у меня. Я полагаю, вам самому придётся осуществлять ваш безумный проект, так что, если наткнётесь на Бога, можете не возвращаться! А цикорий пейте, он смягчает нрав и продляет жизнь, – надзиратель забрал свою пустую кружку, вышел и замкнул за собой тяжёлую железную дверь.

* * *

Шло время, он думал, чертил, ставил опыты, воспитывал учеников. Читал популярные лекции: для политических – космополитизм космоса, для уголовников – космос в законе, для надзирателей – как охранять границы Вселенной.

Его старательно контролировали особисты. Если кто-то из уголовников не мог пересказать лекцию, то Основатель был обязан прочитать её в более кратком и более доступном виде. Иначе с политическими, в связи с расширением Вселенной они требовали того же количества слов, но в более затяжной период, они же настаивали на том, чтобы на этот период были сокращены сроки их заключения. Особисты поддерживали это требование, ибо таким образом политические ускоренно переходили в разряд уголовников, а это благотворно влияло на мировое общественное мнение.

Надзиратели забрасывали вопросами, когда наконец можно будет выйти на границы Вселенной, установить там контрольно-пропускные пункты и натянуть колючую проволоку через небесные сферы. Много спорили о наличии братьев по разуму: или их вообще нет, или в тюрьмах на других планетах такая хорошая охрана, что побег на нашу Землю практически невозможен.

Особисты опасались массового побега с лекций при помощи чертежей и схем, их пугала уже возможность свернуть чертёж в трубку, а это уже оружие. Однако ничего предосудительного не происходило, и Основателя уже начали подозревать, что все его расчёты ничего не стоят, что у него так ничто и никогда не полетит и не взорвётся. Тогда он сам предложил устроить в тюремном дворе фейерверк и очень воодушевился, когда это ему разрешили. Он стал готовить потешный космический флот к запуску. Заключённые прильнули к окнам камер, а для персонала была организована трансляция с места события, но на место события они старались не выходить, мало ли что.

Основоположник, подобно магу и волшебнику, был весь вечер на арене – на тюремном дворе, он поджигал петарды и жирандоли, метался от одной вспышки к другой, в грохоте взлетающих разноцветных огней тонул звон его цепи, – конечно, из опасения, чтоб он и сам не взмыл в небо, свободу его передвижения ограничили цепью, длину которой он рассчитал сам, чтобы её хватило на всю площадь тюремного двора. Тут уж он и сам был виноват, незадолго до этого он прочитал лекцию о движении тела с переменной массой, изображая этот процесс как последовательное сбрасывание цепей.

Праздник был признан как удачный, на полыхание волшебных снарядов мгновенно откликнулась пожарная служба, дюжина машин окружила тюрьму, но внутрь их не пустили, и пожарные, задрав головы, любовались полыхающими разрядами, пытаясь достать до них водяной струёй. По городу разнеслись зловещие слухи, будто изобретён новый вид смертной казни – катапультируемый электрический стул, что весьма ускоряет процедуру: приговорённого катапультируют, он ещё исторгает из себя электрические разряды, а на его место сажают тут же следующего осуждённого, всё это настолько современно и удобно, что на стул сажают уже и тех, кого ещё не успели приговорить. Поговаривали, что стул подарен нам американцами, но были и сторонники отечественного производства, убеждавшие в том, что стул создан у нас, но по американским чертежам, выкраденным нашей разведкой.

Слухи эти, скорее всего, понравились главному надзирателю, который в хорошем расположении духа посетил учёного.

– Как долго мы с вами не виделись? Лет одиннадцать, а то и все двенадцать, целый солнечный цикл! Слышал про ваш салют в нашу честь, похвально! Со мной даже советовались, не привлечь ли к этой огневой подготовке нашего атомиста, но что-то ему в саркофаг не смогли достучаться. Я всегда считал учёных чудаками, одни спешат пустить цветную пыль в глаза, другие прячутся и скрывают от народа свои достижения!

– Чудаки, чудаки, а как иначе, кому ещё в голову придёт то, что приходит им в голову, вот они и держат всё подальше у себя в голове, а то ведь что можно в ответ услышать, – мысль, изречённая, есть ложь, а дело, выставленное напоказ, тем более, – заступился за своего коллегу Основатель, а сам вспомнил слова атомщика, сказанные недавно на прогулке: – Эх, взорвал бы всю эту тюрьму, да боюсь, разнесёт и всё остальное!

– А это уже возможно технически? – спросил его тогда же Основатель шёпотом, оглядываясь на остальных прогуливающих, среди которых где-то ковылял акустик, работающий в области усиления слуха вплоть до улавливания писка мысли.

– Технически возможно, атомов полно вокруг, но громоздко, – прошипел в ответ атомщик, – с атомным зарядом всё ясно, но пока взрыватель получается в десять раз больше. Вот и мы тут ходим по кругу, как атомы по орбите... Если бы нам соответствующее ядро, да скорость побольше... Есть ещё одна мысль, как бы она на свежем воздухе не пропала... Мне кажется, что атом, как и каторжник в своей робе, полосат, а следовательно – несвободен... А если наоборот, каторжник из состояния частицы воспользуется своей полосатой одеждой и перейдёт в волновое состояние... Надо всё это додумать в саркофаге...

Основатель представил себе, что будет, когда эти идеи выйдут за пределы саркофага, за пределы тюрьмы и овладеют массами, но голос надзирателя вернул его к мрачной действительности:

– А я всё хотел вам показать ещё один наш саркофаг. Пройдёмте-ка по нашей тюрьме!

Он звякнул ключами.

– Как он это произнёс, по *нашей* тюрьме? Любовно, как будто по родной стране, – мелькнуло в голове учёного и тут же утонуло во тьме его старых мыслей.

– А вот тут, – излагал он по дороге, – полагает свои труды на алтарь отечества наш летописец. Какая тишина, слышите? Если прислушаться, то можно будет уловить мерное поскрипывание вечного пера. Ему созданы идеальные условия, никто не входит, да и ему выходить не надо. Чернила и новую бумагу ему подают вместе с баландой. Когда он углубится в прошлое, ему будут подавать пергамент, затем папирус и бересту. Стены камеры он может использовать по своему усмотрению, мы пока не вмешиваемся. Когда наша история закончится, а закончится она не скоро, его труды будут, несомненно, опубликованы и станут предметом обсуждения, а затем и изучения.

Он указал куда-то вверх и продолжил:

– А это могло бы вас заинтриговать, будь это в наших интересах. Там, этажом выше, отдыхает наш специальный агент, он доставил нам чертежи реактивного прибора, для взлёта которого приспособлен американский мыс Канаверал во Флориде. Мы проверили, не у вас ли украдены эти американские чертежи. Вас мы даже отвлекать не стали. К счастью, как выяснилось, они были похищены ещё из царской тюрьмы у террориста Кибальчича. Возможно, за эту халатность в работе с важными секретными документами и был на самом деле повешен известный вам Кибальчич. А у нас всё гораздо надёжнее! Уж до ваших формул и чертежей никто не доберётся. А если и доберётся, то здесь над ними и будет работать. На нас, а не на них!

Наконец они вошли в полутёмную, прохладную камеру, похожую на рентгеновский кабинет, где немудрено столкнуться с собственным скелетом. У освещённой фиолетовым светом стены стоял стеклянный гроб, в котором лежал в глубоко задумчивой позе лысый человек с редкими усами, одна рука на груди была сжата в кулак, как будто в нём была зажата последняя копейка. Нижняя половина тела терялась в темноте, отчего казалось, что это великан с бесконечными ногами.

– Кто это? – содрогнулся учёный.

– Это, если можно так сказать, наш заключённый номер 1. Его заслуга в том, что ради него и была создана вся тюрьма. Это, несомненно, выдающееся достижение. Но не главное. Обратите внимание, как он хорошо выглядит!

– Он мёртв? – в ужасе взирая на мумию, спросил учёный.

– В том-то и дело, что жив.

Заметив, что учёному, больше имевшему дело с сухими схемами, а не с живой жизнью, стало явно не по себе, надзиратель поспешил вывести его отсюда под предлогом, что здесь нельзя курить.

Уже в своей камере Основатель, как в полусне, различал смешанные с табачным дымом слова, дым давал им не вечную синюю ускользящую плоть.

– Это у вас очень хорошая идея, дать народу надежду на вечность посредством далёкого космоса. Вы же предсказывали нашему народу, что он зарабатывает себе бессмертие, а затем начнёт воскрешать и другие народы, уже сошедшие с исторической арены. А чтобы не началась война за передел мира между воскресшими народами, им с вашей лёгкой руки будет предоставлено дополнительное космическое пространство со всеми удобствами. За тридевять земель! Правы были предки, когда рассказывали сказки. Отдельный космос для гуннов, свой космос для сарматов и скифов, главное, чтобы они и там не сталкивались, а, в крайнем случае, торговали. Вот мы вам сейчас не просто так ещё один саркофаг показали. Нам надо, чтобы вы и ему достойное место подыскали. Созвездие Льва или там Кентавра, вам виднее. Но вы уж не тяните долго, вы не думайте, мол, уж

он-то и так доживёт-дотянет. Мы, конечно, можем гордиться нашими успехами в области бальзамирования. Кстати, вы заметили?

Надзиратель так пыхнул трубкой в его сторону, что он закашлялся от чужого едкого дыма, но сквозь кольца его, наконец, увидел, на что ему указывают.

– Заметили? Сапоги! Видите, как блестят! Ночное небо, Млечный Путь! Это наши бальзамировщики создали такую уникальную вакуу для моих сапог, теперь даже если подмётки сносятся, голенища всё равно сиять будут! Ну, заговорился я с вами. Пора. Мне надо ещё потолковать с нашим архитектором. Ведь мы постоянно и неуклонно расширяемся. Надстраиваем этажи. Меняем орнамент решёток на окнах. Наша тюрьма, если бы было кому посмотреть на неё снаружи, пожалуй, самая красивая в мире!

И он ушёл, оставив учёного размышлять о блеске и бессмертии Вселенной.

* * *

Шли годы, чертежи становились приборами, приборы уносили на так называемые полевые испытания и не всегда возвращали. Росли ученики, самые способные из них сами заводили учеников, менее способные сами собой отсеивались, возможно, даже выходили на свободу.

Неоднократно ему доверительно сообщали о поимке шпионов, засланных в тюрьму только для того, чтобы выкрасть его секреты. Это для них надстраивал этажи архитектор. Видимый космос пока ещё не принадлежал никому, что противоречило священному принципу частной собственности. Собственники где-то на воле не дремали. Но об этих происках знали и принимали контрмеры. Бумага для всех его работ выдавалась с грифом «Совершенно секретно» и заранее была пронумерована, но даже названия просачивались за положенные пределы, эти названия уже настораживали и пугали: «Завоевание источников света без помощи тягловых животных»; «Овладение безвоздушным пространством негеометрическими методами»; «Вытеснение вакуума из мест довольно отдалённых» и т.д. Были и разработки не совсем по его специальности: «Засекречивание ещё несовершенных открытий путём озадачивания гипотетического противника».

Не так просто было шпионам просочиться в тюрьму, чтобы вплотную приблизиться к его секретам. Некоторые ради этого становились на зыбкий путь уголовников, принимались грабить по ночам несчастных прохожих, что им вполне удавалось, но добыча была обычно невелика, а надежда на то, что их при этом схватят, не оправдывалась. Контрразведка разгадала этот ход противника и тут же была расформирована, а правоохранительным органам было дано негласное указание не трогать ночных лиходеев, несмотря на ропот несведущего населения.

Тогда шпионы попробовали проникнуть в это легендарное место лишения свободы путём политической борьбы. На каждом шагу можно было увидеть броские вывески: «Тайное общество по опровержению русской идеи»; «Тайный союз потусторонних сил»; «Секретная служба содействия подрывным силам» и т.д. Но узниками совести им не удалось даже назваться, ибо политический плюрализм и всяческая толерантность были возведены на уровень государственных уложений. К тому же при высоком уровне экономики в стране не столь важна роль государства, а значит, и политический переворот, кем бы он ни замышлялся, особой опасности не представляет.

Ку-клукс-клан, еврофашисты, поборники введения на Руси норманно-алеутского правления и проч. были зарегистрированы в качестве действующих партий и движений, их представители получили свои места в Думе, некоторым лазутчикам пришлось даже обратиться к изучению славяно-греко-латинского языка, чтобы выдвинуться в спикеры или хотя бы вице-спикеры.

Оставалась ещё одна возможность – заполнить должность надзирателя. Однако эта лазейка давно была наглухо закрыта, так как эта должность традиционно была наследственной, если сам надзиратель не оставлял наследника по мужской линии, то им становился потомственный заключённый из числа тех, чей проект безнадежно провалился, и надо было следить за тем, как бы кому-нибудь не пришлось в голову его осуществить. Так в надзиратели в своё время перешёл автор проекта осушения Мирового океана. По этому проекту дно Мирового океана будет заселяться беженцами из районов, где осуществляются грандиозные проекты, не связанные с океаном, а только с сушей. Мировой океан при этом будет собран в огромный пузырь, который, как гигантский одуванчик, будет колыхаться над землёй. По его прозрачному стеблю вода будет рачительно распределяться для нужд остатков населения, а по более тонким сосудам будут транспортироваться рыбные запасы, крабы, осьминоги

и другая съедобная морская нечисть. По встречному путепроводу за небольшую плату будут пропускаться внутрь пузыря любители подводного плавания. Проект окупится ещё и за счёт сокровищ, затонувших ещё во времена пиратов, а также собранных со дна морей вполне пригодных ядерных реакторов с подводных лодок.

Проект провалился из-за мощного сопротивления туристических фирм, чьи клиенты привыкли отдыхать на берегах ещё не осушенных морей. Их поддержала комиссия независимых учёных, которая пришла к выводу, что подобный пузырь будет постоянно лопаться и заливать солёной водой не готовые к этому участки суши. А в период стабилизации этого мочевого пузыря планеты он будет являть собою увеличительную линзу, пройдя сквозь которую солнечный свет сфокусируется на земной оболочке и просто прожжёт её в самом неподходящем месте, тогда из недр грянет огненная лава и снесёт с лица земли все шероховатости, к которым следует отнести все следы цивилизации.

Узнав о провале проекта, исследователь так обозлился, что мог после этого служить только надзирателем, ибо для этой должности требовалась именно отменная злость.

Являющийся нашему герою надзиратель, видимо, достаточно срывал злость на других заключённых, с ним же как бы отдыхал душой, что, как мы видим, происходило не так уж часто. Прочие особы, не важно, в старых или новых сапогах, входили к нему в камеру подчёркнуто уважительно, во всяком случае, ногами на него не топали.

Однажды передали ему в камеру трубку с антенной, сказав, что это новейший радиотелефон, разработанный здешним специалистом по звукослуху. Он нажал указанную кнопку и услышал знакомый голос, прерываемый задумчивым выдыханием дыма.

– Сколько времени мы не виделись с вами? Ещё один солнечный цикл? А ведь за это время мы выиграли две войны, третью предотвратили, а четвёртую развязали там, где, как говорится, нас и в помине нет! И это не без помощи ваших приспособлений и приборов. Вы меня хорошо слышите?

– Хорошо, сейчас особенно хорошо, я же всегда был туговат на ухо, а сейчас слышу, хотя и не вижу! Я ведь давно хотел поговорить с вами, – признался учёный.

– Поговорить? Это хорошо! А о чём? – раздался заинтересованный голос в трубке.

– О жизни, о смерти, – начал издалека Основатель.

– Э, любезнейший, на эту тему у нас с вами жизни не хватит. Тут у нас наш поэт об этом со мной поговорить рвётся. Его, правда, зарубежные поездки от этого отвлекают. У нас для этого специальная студия оборудована. Там тебе и тропики Рака, и трупобой Нью-Йорка, и прочие джунгли. Международные успехи. Большие друзья нашего народа. Все там! Но жизнь там не наша... Расскажите лучше, как ваши успехи?

– На бумаге уже всё сходится. Я ещё хотел бы вас поблагодарить за вычислительную машинку, мне её от вашего имени предоставили, очень всё дело ускоряет. Спасибо!

– Ускоряет? Я рад, что ускоряет. Но благодарить не меня надо, а опять-таки ваших соседей. У них там, на воле, машинки эти были с трактор величиной. А у нас тут места не так уж много, вот они их быстренько довели до камерных размеров. А как ваши ракеты, всё ещё на жидком топливе? Не пора ли на твёрдое перейти?

– Перейдём, скоро перейдём, как только вся жидкость подсохнет, так на твёрдое и перейдём. Нам тут и атомщик со своей стороны помогает.

– Я так и надеялся, что атомщик непременно поможет, атом, он ведь очень твёрд, хотя и неисчерпаем. Значит, если корабль твёрдый, а топливо жидкое, то скорость ниже, чем при твёрдом топливе?

– Несколько ниже, – согласился Основатель.

– А вы не задумывались над тем, какие будут достигнуты скорости, если топливо твёрдое, а корабль будет жидкий?

Этот вопрос весьма озадачил Основателя. Будь он даже приговорён к неминуемой смертной казни, ему бы такая мысль даже на ум не пришла.

– Корабль жидкий? Это интересно... К этому наука ещё не подошла, возможно, ещё не созрела... Как вы это полагаете?

Надзиратель не помедлил с разъяснениями.

– Как? А как считать человека, он твёрдый или он жидкий? Мой опыт говорит, что человек – это звучит жидко! Так что если основная масса корабля – это люди, то и весь корабль, я полагаю, довольно жидкий!

Возражать надзирателю даже по телефону не было принято, но надо было как-то осознать, куда он клонит.

– Я думаю, что люди не всегда жидкие. Они могут сплотиться в массу. А когда более совершенные люди по моему проекту преобразуются в растения космоса, то они станут значительно твёрже.

– Твёрже? – оживился голос в трубке. – Это хорошо. Но пока ещё очень много отдельных жидких людей, которые никак не хотят слиться с массами. Я бы давно всех жидких отправил с вашей помощью за пределы нашего с вами космоса, чтобы только твёрдые остались. Нам твёрдым лететь некуда, да и некогда. Одна надежда – на вашу невесомость!

– Ну, невесомость ещё как следует не разработана.

– Это плохо. Если до космоса далеко, то нельзя ли пока эту невесомость к нам опустить? Железнодорожный транспорт разгрузим. Я уже не говорю о питании населения. Невесомому, я надеюсь, не понадобится так много баланды. А то у нас некоторые моду себе завели, французских поваров выписывают. Дворяне выписывали, и мы туда же. А ведь французская кухня тяжеловата для нашего желудка. Луковый суп с хлебом-сыром. Сыр-фримаж! Плесень ещё разводят французскую и швейцарскую. Будто у нас своей не хватает. Так как у нас с невесомостью?

– С невесомостью всё хорошо, но пока не у нас. Мы же только часть космоса, потому у нас может быть только самая малая часть невесомости. И вот в чём трудность, вес-то изменяется, а масса остаётся. Постоянная величина.

– С массой трудности? У меня тоже трудности с массами, массы, они у нас движущая сила истории. Но что-то история движется слишком медленно. Такой народ! А если народ лишит его веса, то можно ли доверить такой массе беспрепятственное движение вперёд? И потом, как он в невесомости нас поддерживать будет?

– Трудно сказать. Если все в невесомости, то и поддерживать никого не надо.

– Вот как? Ну и скоро вы полетите? Без поддержки!

В трубке раздавалось мерное посапывание. Основатель самым слухом прочувствовал плотность выкуренного дыма.

– До полёта ещё далеко, – заполнил паузу учёный и от собственного воображения закашлялся.

– Как далеко? – возмутилась трубка. – Это что, саботаж? Мы же условились, вы первый и полетите! Вы что-то не спешите испытать чувство законной гордости. А на вас уже и скафандр спроворили, наши специалисты по саркофагам постарались, всё подогнано, всё по мерке, даже одна нога короче другой...

Надзиратель не на шутку рассердился, он уже откровенно издевался. Учёный даже пожалел, что ещё не научился отключать радиотелефон. Да и руки как-то плохо слушались, могли не ту кнопку нажать. «Не та твёрдость в руках», – мелькнуло у него в голове, но ответить он поспешил по сути дела:

– Не могу я лететь. Рад бы, но не получится. Нельзя мне за пределы Вселенной, я же несимметричный, так что мне, скорее всего, пути не будет. То есть путь мне возможен только незамкнутый.

– То есть как несимметричный? И что это значит – незамкнутый?

– Вы же знаете, что я хромой, это даже скафандром не исправишь. Только саркофагом! (Он сам удивился своей смелости.) Подобная несимметричность искажает искомую траекторию, как бы ни старался её выровнять хромой пилот. Так что путь получается незамкнутый, то есть исключающий возможность возвращения в исходную точку.

– Вот как? Что-то вы загибаете! Абсолютной симметрии в природе нет. Я вот тоже несимметричный. Рука вот – хромает. Как такой рукой руководить? А я руковожу! И народ от этого не шатает! Но если вы настаиваете на своём, то полетит ваш сын. Мы уже давно его наблюдаем и пестуем. Способный парень. И симметричный!

– Мой сын? – учёный настолько ушёл в работу, что о жизни за пределами тюрьмы и думать забыл. Да и в пределах тюрьмы что он видел? Он вдруг представил себе с тоской, как разрослась масса младенца, которого он видел только в колыбели, однажды и второпях. Как он питается там, на воле? Хорошо бы, если бы в тюрьме, здесь еду подают регулярно. И как жаль, что он ещё не сделал необходимых шагов в сторону преобразования несовершенного человеческого организма в идеальное растение космоса, которому кроме воды и света ничего не понадобится.

– Мой сын? Но и он состоит, как и я, из атомов, а атом – несимметричный, – продолжал противоречить учёный, интуитивно защищая жизнь своего сына.

– Атом несимметричный? Ну, это мы поправим. Если организм состоит из нечётного количества атомов, то не исключено, что организм несимметричный. Тогда мы добавим в организм ещё один атом, тогда он будет состоять из чётного количества атомов и будет, соответственно, симметричным. У нас здесь атомов хоть отбавляй.

Разговор на этом оборвался. Затем без стука вошли в камеру два особиста и внесли очередное изобретение, как они его называли – видеотелефон. Они объяснили, что техника уже позволяет внести в его камеру так называемый телевизор, но зрелище событий, которые он передаёт беспрестанно, способно только угнетать тонкие чувства и парализовать всякую самостоятельную мысль. А по видеотелефону он может общаться выборочно, когда ему предоставят возможность выбора, а пока он будет время от времени соединён с главным надзирателем. Кофе с цикорием на время разговора будет ему передаваться, как и прежде, вручную.

Как только особисты вышли и в коридоре отзвучал стук их сапог, вспыхнул синеватый экран, и на нём обозначились рябые черты его постоянного собеседника. Надзиратель, видимо, возлежал перед монитором в своём кабинете, по скромности мало чем отличавшемся от обычной одиночной камеры. Висевшая на стене географическая карта с пучками стрелок и флажков говорила о том, что её хозяин увлекается военной географией. Итак, хозяин лежал под картой развязанных им сражений, вытянув ноги перед монитором, так что можно было видеть огромные подошвы его сапог, а лицо терялось где-то в перспективе.

– Я что-то нехорошо с вами недавно поговорил. Мне как-то не хватало вашей живой реакции, вот я и велел ускорить внедрение видеотелефона. К тому же мне захотелось сделать вам что-то приятное и увидеть вашу реакцию. Я решил наградить вас орденом Полярной Звезды. Думаю, что посмертно.

– Как посмертно? Я ещё не изложил все мои мысли! Я ещё не осуществил...

– Не увлекайтесь! И не волнуйтесь. Нам вовсе не нужны все ваши мысли! – утешили его сапоги. – Нам достаточно только некоторых. Да и человечеству нужно время, чтобы дорасти до некоторых из ваших мыслей. В общем, времени у вас ещё достаточно. Но вот о чём я сейчас подумал. Вы, кажется, давно не видели звёздного неба над головой? Сейчас вам по моему указанию сделают сюрприз.

Экран потух, и действительно, тут же за ним пришли и вежливо пригласили следовать куда-то вдаль по бесконечному коридору, где в окошечках камер его приветствовали странные ликующие лица. По пути особисты в полосатых пиджаках и при галстуках говорили ему увлечённо о каком-то новом мышлении.

– Что ещё за новое мышление, когда старое ещё не кончилось, а кое-где и вообще не начиналось? – пробурчал он на это, но они не унимались:

– Как же, как же, – объясняли ему новые полосатые, – у нас здесь давно один товарищ сидел в позе роденовского мыслителя. Дело в том, что в его камере он и высидел мысль, что объёмы всех камер надо свести до сидячих размеров. Экономия пространства высвобождает массу времени! Стоит только решительно ужать пространство, как тут же резко подсказывает количество самостоятельных мыслителей. Это и есть новое мышление, или по-иностранному – плюрализм. Затем небольшое количество ходячих собирают все мысли, высиженные сидячими, и дают им ход. Это приводит весь механизм в вечное движение... А сейчас мы покажем вам нечто, что у нас связывается с ходячими представлениями о свободе...

Его ввели в огромную камеру, он огляделся и ахнул: над ним сияло незабвенное звёздное небо, все созвездия оставались на своих местах, что говорило о том, что историческая эпоха ещё не изменилась. Накренившийся Орион, целеустремлённый Лебедь, Малая Медведица всё ещё не больше Большой...

Он вспомнил о своих калькуляциях по управлению погодой, дабы она из нелётной становилась лётной, о переориентировке вооружённых сил на решение климатических проблем, о создании оружия массового развлечения, от которого не будет индивидуальной защиты, и подумал о том, что надо как-то к лучшему изменить небо. Хотя надо ли? Приглядевшись, он различил, что камера напоминает колодец, и если со дна его можно обозреть Вселенную, то можно и всплыть, то есть взлететь в крошечное пространство.

– А днём здесь можно проводить гонки по вертикальной стене на мотоциклах, – произнёс один из особистов, описав круговое движение рукой в кожаной перчатке.

– У стены внизу вы можете обнаружить свой старый велосипед, на котором вы когда-то ездили в библиотеку, всё в целости и сохранности, у нас ничего не пропадает, – добавил второй особист.

Они ушли и оставили его одного, из чего он понял, что эта камера принадлежит ему, хотя бы на эту одну ночь, хорошо бы, чтобы это не была ночь перед казнью. Он долго и жадно вглядывался в яркие чертежи созвездий, с замиранием отмечал мерцание цефеид, радовался, что его зрение не так ослабло, как слух, он ещё мог различить в Большой Медведице «восседающую» восьмую звёздочку. Потом он стал с нарастающей досадой замечать, что звёзды на этом небе как-то недостаточно обращали внимание друг на друга. Хотя, впрочем, они казались более расположенными к Земле.

Пахло яблоками, он на ощупь нашёл стол и яблоки на столе. Он не видел, но слышал, что какой-то чудаковатый разводит здесь яблоки прямо на столах. Надкусив яблоко, он скривился от его терпкости и подумал, что при подобной высоте каменного колодца вряд ли небесный охотник Орион мог бы высунуться выше своего пояса. Или это очередной удар ниже пояса со стороны главного надзирателя? Ему вспомнилось, как в детстве он бросал камни в заледеневшую гладь пруда с рассеянным лунным отражением, представляя себе полёт в околосолнечное пространство: Луна отражает Солнце, надо, отразившись от Луны, впитав её холод, попытаться ринуться навстречу колючему солнечному ветру! Он размахнулся надкусанным кислым яблоком и отчаянно запустил его в звёздное небо. Яблоко задело хвост Малой Медведицы недалеко от Полярной звезды и отразилось, отскочило вниз, в полную темноту. «Вот оно что. Птолемея картина мира с неподвижным и твёрдым небесным сводом», – отметил он, прежде чем заставил себя догадаться, что это просто высокий потолок, искусно снаряжённый тюремными электриками.

Он долго не мог заснуть под рукотворным небом. Хотя планетарии считал он милым и полезным сооружением ради объяснения детям и простофилям упрощённой Вселенной, но он никак не хотел принять тюремный вариант мироздания. Вот так воспарить, умчаться в крошечную бездну, дабы добыть людям новое знание или новую веру, вернуться с грузом открытий, а тебе возьмут да и подсунут не ту планету, не ту Землю... Впрочем, он уже давно потерял представление о том, какая она, эта настоящая Земля, и чего от него ожидают настоящие люди.

Во сне он занялся просвещением звёзд.

Он летел в настоящем небе с мешком книг за плечами, и на каждой звезде он открывал библиотеку. Для каждой библиотеки он оставлял свой звёздный каталог, ведь с каждой звезды небо выглядит по-другому. Он видел в звёздном свете, как из корешков книг вырастет мыслящее растение будущего, не такое хрупкое и ломкое, как мыслящий тростник у Паскаля и Тютчева. Он чувствовал, как оно шелестит мудрыми мыслями. Звёздные величины сияют от счастья, подаренного им с далёкой и незаметной Земли.

От скопления ослепительного света он устремляется во мрак Вселенной, ибо мрак соткан из дыма сгоревших библиотек. Там он восстанавливает по атому, по шепотке праха сгоревшие великие книги. Наконец, он находит в целостности и сохранности многократно спаленную библиотеку древней Александрии. Как долго блуждал в пустоте её неразвёрнутый дым!

Он обнаружил, что дальше, под Полярной звездой, в которую упирается гибкая земная ось, находится чёрный омут, где оседают все утраченные на земле сокровища духа, они вгонялись туда по чёрному смерчу, скрученному всем подспудным тягостным земным сумраком. И всё это можно ещё вернуть!

* * *

Утром его разбудила необычная суета. Было ещё темно, и электрические звёзды слабо горели на тюремном небе. Двери его исполинской камеры не были заперты, и он пошёл по коридору в сторону нарастающего шума. Заключённые выстроились перед своими камерами, двери были распахнуты. Кто-то напевал: «Америка, Америка...», им вторили другие: «Евразия, Евразия...» Перед телевизионной камерой стоял тюремный поэт в красной косоворотке и валенках и, перебивая всех, оглушительно читал, размахивая свободными руками, не то про Великую китайскую, не то про Берлинскую стену, которая настолько гнила, что надо в неё обязательно ткнуть.

Особисты были в подчеркнутах белых, уже без полос, костюмах, отчего казались привидениями в полумраке коридора. Они были уже без сапог. Наконец, он настиг чопорную процессию – группа аккуратных карликов в чёрных халатах торжественно несла на своих плечах прозрачный гроб. Он узнал карликов, это были микробиологи, они были призваны разрабатывать биологическое оружие. Кто-то из особистов в своё время решил, что микробами должны заниматься карлики, им виднее. Они же следили за тем, чтобы микробы не досаждали заключённому № 1. Но не он, как мне показалось,

не заключенный № 1 плыл в гробу на узких плечах микробиологов, а мой надзиратель, только уже без трубки, но в тех же сияющих сапогах.

Уголовники в такт их шагу стучали в стену оловянными плошками. Политические молча вздымали вверх сухие кулаки. Куда его несут? На какую свободу? Он мёртв? Или всё ещё жив? Его бледное усатое лицо не давало никакого ответа.

Куда его несут?

Наконец его медленно внесли в двери саркофага, под свинцовой защитой которого когда-то жил и работал легендарный атомщик. То-то его давно не было видно! Значит, он завершил свой труд, ведь по завершению своего труда учёные, как правило, исчезали неведомо куда. Тяжёлая дверь закрылась, и все стали расходиться по своим местам. Карлики поспешили к своим микробам, за ними и поэт, всё ещё указывая пальцем на стены и призывая обязательно ткнуть. Уголовники перестали стучать плошками, потому что туда уже успели плеснуть баланду, сделали это почему-то политические. Особисты на ходу снимали белые пиджаки, видимо, им было необходимо переодеться.

Основатель было сунулся в свою прежнюю камеру, но дверь была заперта, как будто там уже поселился новый жилец.

Он захромал в сторону своего колодца. Когда он прошёл сквозь стену, он едва не ослеп от сияния дня. Небо было голубое и настоящее. А на дне колодца, посередине двора, стоял готовый к старту космический корабль, нацеленный на Полярную звезду, чёткое воплощение его чертежей и расчётов. Уж не поставлен ли он здесь для заключённого № 1? Или?

Что за глупые мысли, тут же спохватился Основатель. И вообще, что такое мысль? И вдруг его охватила мучительная тревога: а где мой сын?

Говорят, что он поднялся на корабельном лифте в хорошо подогнанном скафандре, занял место пилота в голове ракеты, сам себе сказал: – Поехали! – и запустил двигатель на твёрдом топливе.

Хотя злые языки не устают утверждать, что он просто застрял в лифте.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЫН

Он долго искал камень, чтобы его бросить в пруд, нашёл, бросил, и по воде пошли круги, дёрнув луну за серебряную пуповину и рассыпав новорождённый свет в рассерженные волны. Второй камень искал он ещё дольше, и, когда он швырнул его, тот отпрянул от воды, никак не повлияв на лунный осадок, потому что пруд затянуло льдом.

Время собирать камни.

А где их возьмишь, если все они давно что-то подпирают, чему-то противостоят? Пирамиды, пьесталы, колонны... А иные заброшены в тину тихих заводов, где они едва блестят недоступными светляками в перевёрнутом омуте неба.

Ночью он имел право отдыхать от калейдоскопа дня, где его облик был разбит на множество подобий, где его рот коллекционировал улыбки, по глазам, словно рябь по воде, пробегали проблески разных по оттенкам, но мудрых по сути мыслей. Лицо, уставшее от ликующих, полных надежды взглядов, руки, набрякшие благодарными рукопожатиями. Отнятый от его гортани голос в положенные часы сопровождал ожившие слепки с его лица, обещая зрителям и слушателям то, чего им всем не хватало.

Время.

Он обещал Время.

Как пчела на обножке принесёт в свой улей накопленную цветком питательную пыльцу, так он призван выбрать созревшее на почве истлевших звёзд мировое время. Именно он, и никто другой. А они с лёгким сердцем могут пока продолжать утрачивать своё настоящее время.

Его долго готовили для небывалого подвига. С самого детства. И потому у него не было собственного детства, хотя уже тогда предполагалось, что это добавляет детства всем прочим.

Когда дети носились друг за дружкой, оставляя каждому вероятность догнать другого и в то же время при старании надеясь убежать от любого, он был за пределами этих игр, он должен был тянуться за взрослым наставником, который вёл его за собой, исходя из продуманных скоростей, ускорений

и внезапных остановок. Когда дети купались, будто они впервые попали в воду, он должен был повторять движения наставника, который, казалось, родился в воде.

Он научился любить землю, отталкиваясь от неё ногами. Он научился любить воду, проскальзывая сквозь неё, подобно обтекаемому существу, для которого голова служит носом. Он полюбил воздух, ибо с ним вдыхал в себя всё небо, приобщавшее его к высочайшему огню, до которого ему ещё суждено будет дотронуться.

– Дыши, дыши, – подстрекали его наставники, – тебе ещё придётся не дышать или почти не дышать целую вечность!

Он учился затаивать дыхание под водой, и когда он выныривал, то чувствовал не только вкус, но и цвет воздуха, который из синего в его лёгких мгновенно становился красным, а, пройдя сквозь камеру сердца, сгущался и темнел, как терпкое вино, которым его не баловали, но и не лишали с достижением зрелости. Ему исподволь загадывали загадки: старше ли его это вино или моложе и насколько, когда его сняли с лозы, какое стояло в ту пору лето – и чем старше он становился, тем более старое вино доверяли ему на пробу. И надо было угадывать местность, где оно родилось, высоту над уровнем моря, удалённость от розы ветров, и всё это не для того, чтобы в предполагаемом обществе блеснуть отточенностью праздного вкуса, но чтобы уметь определить, оказавшись в неизвестном краю, что это за край, по запахам, по привкусу надкушенной травы, по заложенной в этой земле толчке солнца, по томящемуся именно в этом колодце неба настою времени.

Не все из наставников настаивали на том, что время настаивается только в вине, сгущаясь до доступной многим поколениям истины. Однако идея выдержки казалась пригодной для его воспитания, он как бы накапливал время в себе самом, пока сам себя ещё никак не проявил, зато он и не выдыхался.

Приятно было сознавать, что время бывает белое и красное, а также розовое, оно бывает сухое, бывает в меру – хорошо, если в меру – сладкое, оно приятно бьёт в голову, если оно шипучее. Особенно приятно его делить вдвоём, тогда его становится больше даже при самом малом исходном разливе, ибо оно обрастает обходительностью, взаимностью и любовью.

Время, как гроздь, зависит от земли, воды и солнца, от каприза ветра и лёгкости облаков, оно начинается весной и замирает поздней осенью, и это почти неизбежно. Становясь вином, время зависит от бочки, от пошедшего на её бока дерева и уже почти не зависит от безразличной к её вкусу бутылки, в которой самое важное – пробка.

Он знал, что среди теоретических разработок, от которых зависит результат его будущего полёта за временем, проблема пробок является наиболее сложной. Уже предполагалось, где находятся залежи времени. Если бы Вселенная имела форму бочки, что не так уж далеко от истины, то время бродило бы где-то на её дне, а до нас доходило бы только редкими пузырями, их-то мы и транжирим, деля на зоны, века, дни и секунды. Но эта бочка ещё и вращается, подобно центрифуге или стиральной машине, потому время завихривается спиралью и отбрасывается на самые края вместе с галактическими туманностями, потому в мощные телескопы, даже несмотря на чудовищную удалённость, видно, что в этих туманностях заблудилось немало времени, возможно, даже и затонуло на дне четвёртого измерения. Красное смещение намекает нам не только на разбегание галактик, но и на красный цвет втуне исчезающего времени и на преимущество красных вин по отношению к белым. Он проходил – вернее, пробегал – все эти научно-небесные соображения; один наставник вёл его молча, всегда забегая вперёд, а второй, чуть отставая, диктовал ему на бегу скороговоркой то знание, которое не требовало формул и графических иллюстраций. Эти наставники передавали его друг другу как эстафету, ведь уставали они, вещая скороговоркой, быстрее, чем он, внимающий на бессловесном дыхании. Менялась при этом и тема: например, состояние вакуума внутри ближайшей Вселенной, стереометрия цветка зонтичных растений, разница в поведении рабочих пчёл и трутней в условиях магнитных бурь, пророчества древних атлантов и гипербореев о роли государства Российского в грядущем подъёме Атлантиды и так далее.

Знание более плотное преподавалось во время плавания, как только он выныривал, чтобы вдохнуть воздух, вместе с ним он проглатывал афоризмы о смысле жизни, вроде того, что человек – это гигантски разросшийся сперматозоид или что человек рождён для счастья, как птица для перелёта в Африку, тут же ему называли некоторые мировые константы – постоянную Планка, золотое сечение, число «пи», величину которых он должен был себе вообразить уже под водой, выпуская на поверхность соответствующего объёма пузыря, причём никто не мог выдуть квадратный пузырь, что говорило об иррациональности мира и невозможности кубатуры шара.

Следы мудрости отпечатывались в его мозгу гораздо надёжнее, чем его собственный след в воздухе или в воде, а ему придётся хранить эту мудрость в далёком вакууме, чтобы её не высосало в пустоту. Снова проблема пробки! И он, будущий сосуд всеобщего нового времени, в отличие от личностей, оставивших в человеческой истории цепочку значительных следов, был включён в сонм бессмертных, ещё не совершив заданного подвига. Это было обоснованно, ведь, когда он совершит свой подвиг и замкнёт кривую своего полёта, его встретят (согласно теории относительности) уже другие поколения, и они едва ли будут помнить даже кого-то из его достойных современников, ибо не будет для них такого свершения в прошлом, сравнимого с его неизбежным подвигом ради их будущего.

Вот его ещё и увековечивали. Когда с него ещё живого снимали гипсовую маску, он воспринимал это как очередной опыт затаивания дыхания. Вспышки фотографов предвворяли ощущение полёта среди недолговечных сверхновых звёзд, которые выслаивали из него плоскостной срез за срезом, но были изготовлены и голографические его облики, из которых предполагалось ещё соорудить единое монументальное его представление. Со временем, подходя к окну, он сам себе казался своим поясным портретом; распахивая дверь, он вписывался в проём портретом во весь рост; когда он бежал без лыж по снегу, он видел за собой, даже не оглядываясь, след легендарного снежного человека, а море он любил за то, что оно быстро смывало его следы.

Его вводили в заблуждение зеркала, в них он казался себе не столь значительным, как на портретах; он старался не обращать на них внимания, тем более что определить, правильно ли сидит на нём головной убор, можно было и на ощупь.

Однажды его посетил ночной кошмар: как будто его лицо несут на пластиковом пакете, набитом луком, и, хотя лук не был нарезан, из его глаз лились слёзы, кто-то из прохожих доброжелательно указал: «Смотрите, у вас пакет протекает!» Он в ужасе проснулся, бросился к зеркалу, чтобы убедиться, не из пластика ли его лицо и нет ли на нём не приличествующих ему слёз. Когда он поделился этим переживанием с наставниками, ему категорически запретили рассматривать человечество ниже уровня головы, а зеркало из его покоев убрали, рекомендовав при ночных кошмарах вызывать дежурного.

Отвлекаться на чтение писем восторженных поклонниц и завистливых поклонников ему не было положено, на них отвечали отзывчивые грамотеи, имеющие опыт собственного сочинительства, никому не нужного, но тут у них создавались все условия для ответственного творчества. Девушкам из кругов, к нему не допущенных, они сообщали, что да, встреча возможна, но только после его возвращения, когда у всех будет достаточно времени. Юношам они подтверждали принципиальную возможность повторения его подвига, но это лишь в случае, если его подвиг не состоится и уже не будет времени на подготовку такого же, как он. Тем, кто сомневался, доживут ли они до успешного завершения его космической миссии, предлагалось беречь своё время и таким образом обязательно дожить, но не забывать и вкладывать своё личное время как капитал в детей и внуков. В заключение они, как правило, добавляли, что примут все меры по улучшению работы почты.

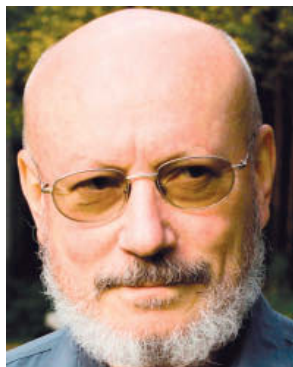
Летать он начал раньше, чем бегать, но позже плаванья. Сначала это были полёты с наставниками, он привыкал к высоте и скоростям, необычным для неоснащённого тела, он сразу понял, что управлять самому летательным аппаратом и одновременно заучивать, скажем, главы из истории о редком сочетании власти и интеллекта в лице фараона Эхнатона весьма затруднительно, даже пролетая в ясном небе над египетскими пирамидами, и, как бы велик ни был мудрый царь Ашока, следов его мудрости на азиатской земле нельзя было различить. К самостоятельным полётам его допустили одновременно с введением в его жизнь обязательных женщин, в расчёте на то, что одна из них в своё время привяжет его к себе настолько, что эта привязанность станет залогом его возвращения из окончательного полёта.

Кроме всего прочего, женщина была ему предписана для ощущения тех нюансов тяжести и невесомости, которые недостижимы ни при нырянии, ни при подъёме на снежные вершины, ни в пикирующем полёте. Называя свои знаки Зодиака, они преподавали ему наглядную астрологию, ему становился ясней тот ближайший Млечный Путь, первый слой, который придётся ему преодолевать. Наставники оставались при этом в тени, где они вычисляли, когда и с кем он погрузится в очередной раз в собственную тень, каковой он считал женское тело. Он и входил в него как в собственный след, не смытый морем и порывами ветра.

Окончание в следующем номере

Проза

Юрий Серб

Юрий Лебедев-Серб (Георгий Александрович Лебедев) – родился на Волыни в 1944 году. Член Союза писателей России с 1996 года, член Высшего творческого совета СПР. Автор множества статей о русском языке и словоупотреблении. Лауреат Всероссийской премии им. А. К. Толстого (2012) в номинации «Проза». Автор известного романа «Топот, хохот и тьма». В журнале «Берега» за 2019–2020 годы опубликован роман «Венок неудачнику» из трилогии «Счастливые». Стихотворения писателя собраны в одном изданном и другом неизданном сборниках.

С 2022 года живёт в Тосненском районе Ленинградской области. ЖЖ: http://ru_metaproza.livejournal.com, ВКонтакте: <https://vk.com/ksopvk44>.

СОНЪ ПОДЪ ШУБОЙ

Рассказ

Стѣнь у храма не было, но, опредѣленно, былъ порогъ: посѣтитель запнулся объ него. Во снѣ отношеніе къ самому себѣ обычно какъ почти къ третьему лицу: нѣкто присутствующій, наблюдающій себя со стороны... и, когда ничто не болитъ, ты вообще свободенъ отъ внутреннихъ органовъ, какъ плазменное облако.

Въ храмѣ же облакомъ клубился графитовый сумракъ, облакавшій витаніе мыслей въ ихъ быструю проводимость и читаемость...

Служитель, смотритель или директоръ храма встрѣтилъ посѣтителя заинтересованной улыбкой: съ чѣмъ пришѣлъ человѣкъ?.. Кто-то шѣлъ сюда какъ въ подлинный храмъ, кто-то шѣлъ какъ въ мастерскую, а кто-то – какъ въ банкъ данныхъ, чтобы погрузиться въ кладези и въ залежи предполагаемыхъ сокровищъ. Кто-то могъ прійти, чтобы просто убить время въ складѣ-журналѣ-магазинѣ изящной словесности – чѣмъ, строго говоря, для большинства и являлся этотъ «храмъ».

Журналъ и складъ были по совместительству ещё и витриной переводныхъ изданій съ вѣковыхъ заслуженныхъ языковъ Старога Свѣта.

«Толерантность и нетерпимость, – думаетъ посѣтитель, – младшія сѣстры-близняшки у прогресса», но дальше думать не хочетъ, остерегаясь сверхпроводимости и утечки мыслей въ пространствѣ, подконтрольномъ «Институту перевода».

Онъ пришѣлъ сюда по перечтении запомнившихся въ дѣтствѣ романовъ Мориса Бендрикса – вьетнамскаго, кубинскаго и негритянскаго цикловъ, и потому, что ещё вспомнилось, какъ преподавательница въ университетѣ давала ему прочесть въ подлиннике одинъ романъ того же Бендрикса («совѣмъ не похожъ на его остальные романы», звучитъ изъ далей и глубинъ ея тогдашній голосъ, а она всего четырьмя годами старше студента – тогда ещё и дѣвственника). Романъ посвящался терзаніямъ Бендрикса, разставшагося съ любовницей, притомъ съ женой пріятели, хотя многія обстоятельства студентомъ забылись, а вотъ терзанія автора запомнились какъ свои, а ещё странная особенность британскаго языка – называть любовное приключеніе аферой (affair).

Возможно, и образъ преподавательницы служилъ сохраненію въ памяти если не сюжета романа – то ощущенія утраты и разлуки, что авторъ Бендриксъ передалъ достаточно сильно.

И посѣтитель высказываетъ пожеланіе получить возможность перечесть когда-то читанный романъ. А если можно – то приобрѣсти.

– У насъ нѣтъ свѣденій о переводѣ этого романа на русскій языкъ, – откровенно дѣлится директоръ. – Хотя мы посвящены переводамъ съ цивилизаторскихъ языковъ на отечественный, вплоть до перенасыщенія рынка.

– Я въ курсѣ. Но я читаль его въ далёкой юности какъ разъ на колонизаторскомъ языкѣ. И настроенческая память сохранилась...

– Жить подождёмъ пока!.. – улыбается директоръ. – Будемъ читать пока! – и поясняетъ: – Былъ такой девизъ, если помните... въ самой читающей странѣ...

Посѣтитель этого не помнить, но, благодаря проводимости пространства, намёкъ понимаетъ.

– Тогда пройдёте въ капео...

– Куда?

– Въ КПО, кабинетъ прямого обмѣна. Только не капео, а капёо, а то находятся кліенты, кто уподобляетъ наше заведеніе капищу.

«Гмь!.. – думаетъ посѣтитель. – Но гдѣ же кабинетъ? Я не вижу стѣнъ».

– А розетку-штепсель видите? Надѣвайте обручъ-пеленгаторъ и втыкайте вилку...

«Допотопная техника!» – думаетъ посѣтитель, не подозревающий, что въ кабинетъ прямого обмѣна мысли читаются ещё проще, чѣмъ подъ высокими сводами.

– Зато безотказная! – отвѣчаетъ директоръ. И видитъ карту мыслей посѣтителя, какъ на экранѣ аэрофотосъёмки: тотъ доволенъ, что капео имѣетъ выходъ на сѣти колонизаторскихъ языковъ, потому что сытъ по горло несовершенными переводами якобы отечественныхъ тѣтушекъ-бабушекъ съ цивилизаторскихъ оригиналовъ на russo turista: тамъ встрѣчаются и уродъ-подлежащее *ничего*, и подмѣна предлоговъ (за – вмѣсто о или объ), падежей (винительный вмѣсто родительнаго), несклоненіе числительныхъ, мѣстоимѣній, топонимовъ, «второй» вмѣсто другой – и даже неспособность сохранить въ словѣ сыплется важную букву *л*. Хуже того: сіи кустари не знаютъ слова *заёмъ* – и пишутъ займ.

– Что – корректуры нѣтъ?

– Книгоизданія нѣтъ!

– Иногда мнѣ кажется, что государства нѣтъ, – говоритъ не кто иной, какъ самъ директоръ.

«Иногда!..» – хмыкнулъ посѣтитель.

И далѣе, по ходу прямого обмѣна, мысли посѣтителя и директора соединяются въ нераздѣлимомъ діалогѣ.

«...Такъ чѣмъ полюбился вамъ этотъ Бендриксъ?...» – «Язвительнымъ юморомъ, ироніей, хитрой изобрѣтательностью, а въ той вещи, ради которой я здѣсь, сильно переданнымъ чувствомъ утраченной любви...» – «Ну, тогда жмите на выбранный титулъ».

И посѣтитель мгновенно «заливается» текстомъ – такъ прежде пустовавшій электронный файлъ пропитывается внезапнымъ содержаніемъ.

– Ахъ, – шепчетъ посѣтитель, – я тогда запомнилъ только горечь утраты и горе Бендрикса, но всѣ эти годы совсѣмъ не помнилъ, что речь-то была объ адюльтерѣ, прелюбодѣйствѣ, и совсѣмъ забылъ разливы ненависти Бендрикса и въ чѣмъ была ихъ причина...

– Поздравляю! – говоритъ ему, смягчаясь, директоръ. – Это же и васъ опредѣлённымъ образомъ характеризуетъ!

«Да», – согласно киваетъ посѣтитель и вопросительно озираетъ графитово мерцающіе сумерки, не постигая ихъ смысла. – Меня занимало словечко *affair*, странное, казалось мнѣ, употребленіе его въ любовной исторіи. Но я тогда неглубоко сидѣлъ въ колонизаторскомъ англійскомъ языкѣ, знакъ равенства не ставилъ между *affair* и адюльтеромъ, то бишь *adultery*, представить не могъ, по молодости лѣтъ, что причиной и предметомъ ненависти можетъ быть предметъ любовной страсти.

– Теперь-то вы искушены, я думаю! – безъ улыбки комментируетъ директоръ, всего въ этомъ храмѣ насмотрѣвшійся. Здѣсь всё въ открытомъ доступѣ: не скроешь ничего.

– Уточните, пожалуйста, – продолжаетъ директоръ, – почему вы считаете современныхъ переводчиковъ хуже прежнихъ поколеній?

– Потому что при первомъ чтеніи кубинскаго романа Бендрикса другъ героя былъ Хассельбахеръ, а теперь онъ вдругъ Гассельбахеръ, и подосланный убійца заикается на букве *Х*, а у парочки новыхъ переводчиковъ – на буквѣ *Г*... Да у нихъ даже отель Хилтонъ становится Гилтономъ, а всемирно извѣстный коктейль *дайкири* превращается въ «дайквири». Они невѣжды въ міровой литературѣ, и вы, ваша милость, какъ лицо отвѣтственное...

– Понимаю, но не буду... – читаетъ посѣтитель молчаливый отвѣтъ директора и получаетъ деликатный совѣтъ не заниматься ерундой: за этихъ *популярныхъ наверху* переводчиковъ вступится профессиональная гильдія, Джорджъ Соросъ и мало ли кто ещё.

Посѣтитель задумывается о томъ, кому подчиняется сей храмъ, но получаетъ отвѣтъ, что «Институтъ перевода» хоть и вѣдаетъ кадровыми назначеніями въ храмъ, но занять только переводами доморощенныхъ вундеркиндовъ и геніевъ на цивилизаторскіе языки.

– Мы движемся въ разныхъ направленіяхъ, но къ единой цѣли, – милостиво поясняетъ директоръ. – Банкирамъ плевать, Хилтонъ или Гилтонъ въ романъ – важно, чтобы Хилтонъ всегда оставался на мѣстѣ.

– И чтобы тамъ читали нашихъ назначенныхъ геніевъ, а мы здѣсь – только импортныхъ, – дочитываетъ посѣтитель директорскую мысль.

– Вамъ кажется, что вашъ Хемингуэй и Бендриксъ похожи? – продолжаетъ директоръ. – На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ разные люди, даже противоположные.

– Уже и не думаю, что похожи.

* * *

– Кто много читаетъ, тотъ немножко и пописываетъ! – широко улыбаясь, говоритъ директоръ. – Это какъ въ томъ анекдотѣ: «Если бъ я былъ когрозль, я бы жилъ лутше, чѣмъ когрозль: я бы немножечко шилъ!» Ну, признавайтесь!

Между ними установилась несомнѣнная симпатія – съ того момента, когда посѣтитель наудачу спросилъ, гдѣ въ «храмѣ семъ» находится баръ.

– А! Дайкири захотѣлось? Признавайтесь!

Когда мысли читаются безъ словъ, ни въ чѣмъ признаваться не приходится, и посѣтитель усмѣхнулся въ отвѣтъ:

– Никогда не пробовалъ дайкири. А вотъ кайпиринью отвѣдывалъ: на набережной въ Рио, въ ресторанѣ «Аквариусъ».

Директору нѣтъ нужды спрашивать, что дѣлалъ посѣтитель въ Рио, но изъ вежливаго любопытства онъ спрашиваетъ:

– И какова кайпиринья?

– Голова ясная, веселая, а со стула не встать. Это много льда, ромъ до краёвъ и зелёный лаймъ. – И глаза застилаютъ ему лирическая дымка, и онъ мечтательно добавляетъ: – Вмѣсто рома и агуардъенте можно...

– На вопросъ вашъ отвѣчаю: тамъ, гдѣ я, – тамъ и баръ! А на службѣ на моей – да какъ не спиться? Но только въ капео, въ цѣляхъ самосохраненія.

Онъ протягиваетъ руку въ темноту и вытаскиваетъ литровую бутылку золотистаго рома. Чьи-то женскія ручки ставятъ блюдце съ ломтиками лайма и массивные бокалы со льдомъ.

Больше ничего во всеуслышаніе не говорится. Въ капео – въ этомъ нѣтъ нужды.

Мысли, кайпиринья, снова мысли струятся въ унисонъ.

Оба застали времена... книголюбовъ. Теперь времена... даже слова не подобрать. Какъ ещё директоръ тутъ уцѣлѣлъ – съ его-то памятью о прошломъ? Времена, времена монополистовъ... стервятниковъ... у нихъ это въ крови. Если человѣкъ – безъ срока давности, то человѣкъ ли онъ? Или, можетъ, о нёмъ скажутъ, открывая мемориальную плиту либо Имярекъ-центръ, – «приснопамятный»?

Книгоизданіе теперь – не государственное дѣло. И нѣтъ читателей, а просто потребители... гаджетовъ, игровыхъ консолей, коммуникаторовъ... У книготорговли зато – нацѣнка подъ триста процентовъ. Уххъ, хорошшо – да только кому?

На браслетѣ у директора замигалъ красный маячокъ.

– Ахъ, принесла нелѣгкая!.. Бѣда пришла – отворяй ворота! – и дѣлаетъ объявленіе, совершенно здѣсь излишнее: – Провѣрка!

«Утечка изъ капео?» – удивляясь, пугается посѣтитель, но директоръ отрицательно трясётъ пятернёй: – Просто крутую изъ себя изображаетъ! Привыкла!

– Ахъ, это женщина... Интересно!

«Ничуть!» – возражаетъ директоръ:

– Но выходимъ экстренно въ публичное пространство!

Въ публичномъ пространствѣ посѣтитель не видитъ особой разницы: почти такой же мракъ съ мерцающими переливами. А директоръ спѣшно включаетъ лекцію-пропаганду:

– ...о прошлых вѣкахъ отечественной словесности говорилось, что всѣ мы-де вышли изъ «Шинели» Гоголя. Но всякая крылатая фраза становится стѣртой, избитой, теряетъ крылья и поклонниковъ. Мы уже не слышимъ её больше четверти вѣка – цѣлое поколѣніе! Хотя признаёмъ, что толика объективности въ этой фразѣ есть, вѣрнѣе – была, но въ эпоху постмодерна она обезточивается, ибо пропадаетъ разность потенциаловъ: цѣль ничто, а движеніе – всё!

– Откуда движенію быть безъ разности потенциаловъ? – директоръ слышитъ этотъ нѣмой вопросъ посетителя.

– Движеніе есть всегда, хотя бы на уровнѣ химическихъ реакцій!

– Гнѣніе – тоже движеніе?

Вмѣсто отвѣта директоръ машетъ въ посетителя флажкомъ ВТО.

– Это вы накликали провѣрку мнѣ на голову!

Изъ-за колеблющихся занавѣсей мрака доносится цоканье каблучковъ.

На лице директора застываетъ сладенькая улыбка, а самъ онъ – въ полупоклонѣ.

Изъ тумана ткѣтся образъ женщины въ боевой попонѣ типа пончо подъ гривой изъ конского волоса.

– Жить подождѣмъ пока... – меланхолически шепчетъ директоръ.

– Васисуалій! Снова пиль! – гримаса искажаетъ крупнопородистыя черты, а посетитель получаетъ полную справку о носителницѣ оныхъ: важная закладка въ «Большой книгѣ» банковскихъ гарантій.

– Леночка, дорогая! Я же объяснялъ: это мой парфюмъ! Шанель Вириль!

– А это что за честновѣръ? Ты самъ-то не видишь? Совсѣмъ ужъ нюхъ потерялъ съ твоимъ парфюмомъ?

– Мнѣ онъ понравился тѣмъ, что фиксируетъ тексты не отлипая... И ещё онъ осуществилъ мечту Остапа Бендера: гулялъ по Рио-де-Жанейро въ бѣлыхъ штанахъ!

– Да онъ стоитъ сейчасъ и думаетъ: мало быть бѣлогвардейцемъ, надо быть и черносотенцемъ. Такъ? – свѣтская львица, а можетъ – и лошадь буравитъ посетителя взглядомъ прессъ-секретаря главковерха.

– Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ – бываетъ! – скромно говоритъ посетитель.

– Ты видишь, ты слышишь?! – взвизгиваетъ крупнопородистая дама. – Я тебѣ это зачту!

– Да онъ эпатируетъ! – защищается директоръ. – Онъ страстный поклонникъ британской литературы, онъ вѣритъ въ британскихъ учёныхъ... Впрочемъ, какъ ты, Леночка, скажешь...

– А скажу я, что не съ тѣми мыслями сюда я шла, не съ тѣми намѣреніями!..

– Намѣреніями, – машинально произноситъ посетитель.

– Это вы такъ думаете! Я съ вами спорить не собираюсь! Ты понялъ, Васисуалій? Завтра жду тебя ровно въ одиннадцать!

«Но гривы же у львовъ, а не у львицъ!» – некстати думаетъ посетитель, а дама принимаетъ это за комплиментъ, и всё оказывается какъ нельзя кстати...

* * *

– Здѣсь былъ мой отважный другъ, ненавистникъ Достоевскаго? – смягчаясь, говоритъ Леночка. – Обѣщала меня ждать! Но вижу: не былъ.

«Не много ли ненависти на меня одного? – думаетъ посетитель. – Романъ Бендрикса – о ненависти, свиданіе у дамы – съ ненавистникомъ Достоевскаго».

Но дама его игнорируетъ, потому что соглашается съ приглашеніемъ директора скоротать время ожиданія за экзотической кайпириньей. «Гдѣ мы – тамъ и баръ!» – вспоминаетъ посетитель.

– Я, собственно, мимоходомъ... – сообщаетъ гостя директору какъ бы вскользь, а изъ темноты, какъ изъ табакерки, рисуется невѣсть откуда барменъ. – Мой другъ, при его занятости... Цѣну его обѣщаніямъ всѣ знаютъ!..

– Лично я безумно радъ васъ видеть, прекрасная Гелена!

Барменъ подкрѣпляетъ слова директора махомъ шевелюры.

Гелена пригубливаетъ поданный коктейль.

– О... Коктейли у васъ, должна признать, неизмѣнно хороши. Уже пріѣздъ мой не напрасенъ. Хотя въ редакціи тамъ – работы прорва!

– Ещё бы!.. – говоритъ директоръ. – Звѣздная фабрика писателей! Это же мы вамъ обязаны Ляписомъ Примѣсомъ, Жаномъ Буксиркинымъ...

– Да, сдѣлали ихъ мы! – соглашается важная гостья. – Мо'но ска'ть, даже я! Но ты опять за своё: писатели, писааьтели!.. Кто такіе писааьтели? Кто ихъ помнитъ, кромѣ измученнаго издателя? Это слово было въ духѣ времени при Гоголяхъ, при Достоевскихъ, когда была мода свои рукописи жечь. Хотя, пардонъ, Гоголь былъ одинъ; зато другой умникъ потомъ провѣрилъ – и сказалъ, что рукописи не горять... Мы во главу угла ставимъ авторовъ! Авторъ – вотъ кто намъ важень и нужень, вотъ кого намъ – побольше, всякихъ-разныхъ! Умница былъ Генри Фордъ, придумавшій конвейеръ!

Директоръ важно возвышаетъ взглядъ – ни капли ироніи! – и посылаетъ посѣтителю открытымъ текстомъ: «Слушайте, внимайте! Великая женщина говорить!»

Посѣтитель симулируетъ непониманіе:

– А чѣмъ же авторъ выше писателя?

– Съ точки зрѣнія компьютера, у всякого файла долженъ быть авторъ!

– Ага! – поднявъ брови, соглашается посѣтитель.

– Да и русскому языку не грѣхъ бы брать примѣръ съ англійскаго! – не замѣчая, что мѣняетъ тему, продолжаетъ своё важная закладка. – Падежи становятся пережиткомъ! Съ точки зрѣнія... (...компьютера! – подсказываетъ посѣтитель)... науки, науки, падежи – анахронизмъ!

«Тема мѣняется, – соображаетъ посѣтитель, – но позиція у ней всё та же».

– Британцы зря ничего не дѣлаютъ! – согласно киваетъ директоръ.

– И не зря они каждую пару лѣтъ составляютъ словарь новыхъ словъ! – ехидно поддакиваетъ посѣтитель.

– Откуда вы знаете? – вскинулась дама въ пончо.

– Откуда-то знаю!

Почувствовавъ дерзость своей интонаціи, онъ хочетъ исправиться:

– Интересно, что чувствуетъ женщина, производящая нынешнихъ классиковъ? Гордость? Удовлетвореніе?

Гостья уловила въ вопросѣ подвохъ и не захотѣла остаться въ долгу.

– Классики, нынче... – въ ея улыбка блеснула издѣвка, и она со смакомъ, нараспѣвъ повторила русское слово: – Ный-и-нче!.. классики!.. – потому что ребята издаются классическимъ способомъ, за счётъ издателя. А безпризорники, патриоты и прочая шушера имѣютъ полное право издаться, какъ поётъ реклама – бесплатно, тиражомъ отъ одного экземпляра, по льготной цѣнѣ – и выставляйте свой экземпляръ въ интернетъ на продажу. На русскій авось!

И, побѣдно глянувъ на посѣтителя, она тряхнула гривой:

– Ужъ не интервью ли вы берёте, молодой человекъ? Имѣйте въ виду: интервьюеры хорошо выполняютъ мой бюджетъ по судебнымъ рѣшеніямъ!..

«Молодой человекъ», чьихъ сѣдинъ гостья не уважила, осипшимъ голосомъ вопрошаетъ:

– Развѣ тексты интервью не присылаютъ на согласованіе?

– Мнѣ некогда читать журналошекъ! Мнѣ даже классиковъ некогда читать – а надо! И это мнѣ не по здоровью – читать чудовищныя интервью!

Съ минуту, будто колеблясь, она смотритъ на посѣтителя, потомъ снисходительно поясняетъ:

– Литература, молодой человекъ, она такой же атрибутъ, какъ армія, какъ министерство финансовъ или бюджетъ... И мы её приканчиваемъ. Ибо читатель – исчезающая категория!

– Зачѣмъ же вы столько издаёте? Кромѣ вашихъ, больше никого не видно!

– Да чтобъ и не было видно!.. Однако мнѣ пора, господа!

Великая Елена отставляетъ опорожнённый стаканъ: она дѣйствительно заскочила наудачу...

Дѣла, дѣла!

– Будемъ рады, когда опять найдёте времечко! – приговариваетъ директоръ, назавтра вызванный на ковёръ. – Сегодня просто счастливы! – и отчаянно подмигиваетъ посѣтителю. – Восхищены вашей блистательной командой!

Высокая гостья поворачивается къ выходу, который посѣтителемъ едва угадывается за графитовымъ сіяніемъ пещеры, бѣтъ копытомъ по каменному полу и взмываетъ боевую попону, подъ которой, въ интимныхъ сумеркахъ, вдругъ блеснули бронзовыя яйца.

«Трансхендеръ?» – удивляется посѣтитель ея прыти и стати.

– Вотъ такъ-то! – дѣлаетъ глаза ей вослѣдъ директоръ.

И посѣтителю слышенъ абразивный скрежетъ директорской мысли: ну баба! Ну же баба! Коня остановить, избу подожжѣть!

Цѣпляясь за локоть посѣпителя, директоръ осипшимъ голосомъ говорить:

– Пошли! Запѣмъ эту гадость!

* * *

И вотъ они уже близкіе люди, даже внѣ предѣловъ капео – довѣрительно бесѣдуютъ.

– Не пойду я завтра къ ней! А пошлю я факсъ по формали-вертикали: «по собственному желанію»!..

– И что дѣлать будешь?

– Буду пить не отъ стресса, а по собственному желанію... Га-га-га!

«Только не усердствуй!» – думаетъ посѣтитель, директоръ долю минуты молчитъ, потомъ согласно киваетъ:

– Не бойсь! Я такіе мемуары напишу! Пусть они боятся!

Проводимость ещѣ есть, но на трезвую голову была получше.

– Было бы кого бояться!

– И это вѣрно!.. Ты понимаешь, мужъ у Гелены – Полушубокъ, зато сама она – цѣлая Шуба! Вотъ и готовитъ намъ словесность, какъ селѣдку подъ шубой. Теперь мы всѣ – изъ этой Шубы, что читатели, что писатели. Потому послѣднихъ больше, чѣмъ первыхъ.

– Товарищъ Сталинъ – тотъ и книги читаль, электростанціи строиль, лѣсополосы высаживаль въ защиту климата и мира во всѣмъ мірѣ...

– Если бы да кабы, да во рту росли грибы...

– А давай... Ещѣ не на посошокъ, а давай за Бендрикса! Это же онъ тебя привѣль!

– Ну, давай!.. А вѣдь я предоступалъ, ещѣ въ юности... читая его автобіографическій романъ, что человѣческія чары автора уже истощаются... а теперь, перечтя этотъ романъ ненависти, что я долженъ думать?... Даже не о Бендриксѣ, а о католичествѣ!.. И поможетъ ли католичеству то, что авторъ, всюду такой нехорошій, во всякомъ романѣ твердитъ, что Бога нѣтъ?.. или то, что авторъ былъ воспитанъ «католиками въ кубѣ», то бишь іезуитами, потому какъ англичане сбавриваютъ дѣтей изъ дома вонь...

– Угу, семья по-англійски... – директоръ пыхтитъ и трѣть пальцами воздухъ.

«Если это не у шахтѣровъ или фермеровъ... – уточняюще думаетъ посѣтитель. – А шахтѣровъ они повывели...»

– Сказать, что католичество – это ненависть и есть, было бы упрощеніемъ?... кощунствомъ или правдой? Исторія соврать не дастъ... Хорватская исторія, польская, британская...

– Но англичане развѣ католики? Они же англикане.

– Те же католики, только видъ сбоку. Ушли отъ Ватикана по волѣ короля, которому папа не позволилъ развестись... А латинское завоеваніе Америки, а Торквемада... Ахъ, зачѣмъ я къ вамъ пришѣлъ? Теперь я и любимые романы Бендрикса буду читать не съ прежнимъ чувствомъ къ нему. Какъ человѣкъ, онъ личностью своей скорѣе возмущаетъ. Что ни романъ – то adultery. Я и самъ былъ не святой, но мнѣ казалось, что Бендриксъ – иронистъ и платоникъ... А тутъ – love-hate story. Хоть англичане и пишутъ, что герой романа, потерявъ любовь, обрѣлъ вѣру въ Бога, – я этого не ощутилъ. Другое дѣло, какъ писатель – онъ виртуозъ, насмѣшникъ, интриганъ... Мы такъ не умѣемъ.

– И ты хочешь этому научиться?

– Нѣтъ, не хочу. Вѣдь я же русскій. Не казуистъ, не фокусникъ. Я не нанизываю діалогъ на недоразумѣніе...

– А на что нанизываешь?

– На что вынуждаютъ меня... На что насъ вынуждаютъ: на мечъ!..

Тутъ за окномъ раздался громъ – «посѣтитель» вздрогнулъ. Посыпалось гдѣ-то стекло.

– О, не волнуйся! – прокричалъ директоръ изъ тумана, быстро таявшаго на свѣту. – Это Шуба споткнулась. Сказался коктейль! Литература – свободна! Великая Гелена уронила «Большую книгу»!

– ...иии-гу, иии-гу, иии-гуу!.. – повторило раскатами эхо...

И обратилось въ канонаду европейской войны.

Проза

Елена Крюкова

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Поэт, прозаик, культуролог. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Лауреат премии им. М. И. Цветаевой (2010), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021), международных литературных премий им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), премии им. С. Т. Аксакова (2019), премии им. Ф. И. Тютчева (2020), премии журнала «Север» (2020), премии им. Н. Н. Благова (2021), премии им. С. Сергеева-Ценского (2021) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

РАСКОЛ

Книга огня

ЗВЁЗДЫ В ГОРСТИ

ФРЕСКА ПЕРВАЯ

Царю Государю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцу, быют челом богомолцы твои Соловецкого монастыря келарь Азарей, казначей Геронтей, и священники, и дияконы, и соборные чернцы, и вся рядовая и болнишная братия, и слушки и трудники все. В нынешнем, Государь, во 176-м году сентября в 15 день, по твоему великаго Государя указу, и по благословению и по грамотам святейшего патриарха Иосафа московского и всея Руси, и преосвященного Питирима митрополита Новгородского и Великолуцкого, при-слан к нам в Соловецкий монастырь в архимандриты, на Варфоломеево место архимандрита, нашего монастыря постриженник священноинок Иосиф, а велено ему служить у нас по новым Службеникам, и мы, богомолцы твои, предания апостольскаго и святых отец изменить отнют не смеем, бояся Царя царствующих и страшного от него прещения, и хотим вси скончаться в старой вере, в которой отец твой Государев, и прочие благоверные цари и великие князи богоугодне препроводиша дни своя: понеже, Государь, та прежняя наша христианская вера известна всем нам, что богоугодно, и святых и Господу Богу угодило в ней многое множество, и вселенския патриархи, Иеремия и Феофан, и протчия палестинский власти книг наших русских и веры православные ни в чем до сего времени не хулили, наипаче же и до конца тое нашу православную веру похвалили, и тем их свидетельством известно надеемся в день Страшного Суда пред самым Господом Богом не осуждены быти, наипаче же и милость получитьи...

*Послание соловецких иноков
Царю Алексею Михайловичу*

(я и Жизнь)

Зачем опять и опять слоями страдание кладётся и кладётся, я клад страданий, и, Господи, нет уже вздыханий, нет прозябаний, нет души огненных восстаний, – а есть только вот эта песня: воскресни... воскресни... воскресни... воскресни...

Воскресни, душа моя, мёрзнешь во тьме. Снег алмазный – россыпью по зиме.

В санках меня тащат, лошадьё за узду. Миръ, я такую более не вернусь... не приду.

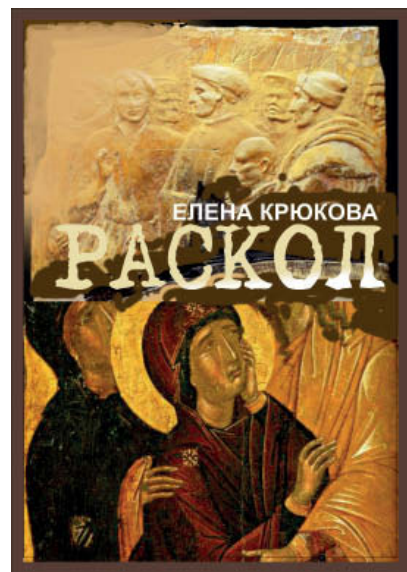
Меня увозят. Салазки дитячьи – розвальни, видишь, мои. Качусь по белизне, по счастью, по крови. Стою на Крови, икону вижу, Невидимый Свет. Господи, а страдания-то – не было и нет.

Народ ропщет, народ жаждет войны и отвергает войну. Народ, он обнимет меня одну. Народ, он сам, как я, в земляных ямах полёг. В срубх сгорел, во огненный входяше чертог.

Множество восстаёт на мя, множество топчет мя, аки червя. Раздавите в мясо-кровь, во дым!.. буду с моим Пресвятым, ночь алмазна, черна. Множество кричит мне в уши, вопит вздох: сгорят все Боговы души, готовы и ты себе гроб!

Ты не множество... ты одна... сама себе дудка-жалейка... сама себе неистовая жена... сама себе песня и пепел, исповеди истощенной порванная струна... зимним птицам тишайшее крошево... молитвы солнечная весна...

Господи, Заступниче мой, светло-пресветлая слава моя. В санях везут – мимо, мимо Страшный мой Суд!.. – по сугробам раскиданного белья, мимо страха и плах, повитух и свих, мимо медных канунов, в красных мешках палачей – мимо упорного гласа – Нерукотворного Спаса – мимо слёз изобильных, паникадильных слепящих свечей – мимо ёлки нарядной, Горы Мировой, на вершине золотая Звезда – мимо незачем и нигде – мимо никогда, никуда – а куда?.. о, я болярыня просто, черница-сударыня, чёрная ряса за полозом метёт снег – далеко ледяные звёзды – в Распятье полночи вбитые гвозди – а я лишь отверженный человек – я уснула, и забылась, и без просыпу спала, как мертвец, и восстала – заступись за меня, Господи Боже мой, заверни в алмазное полночное одеяло – к сердцу прижми – одну меж людьми – сегодня лишь ночью, сегодня – взвихряется расшитый опалами, перлами, лалами, смарагдами угольный, мрачный плат – нет пути назад – а лишь сани – по дороге Господней – вдаль да меж сугробов – от колыбели до гроба – от могилы до колыбели – не убоюсь тьмы тем врагов, войска без берегов, солдат, что на копья вздеть сумели – да не в Геенну Адову, а к небесам – Ты воскреснешь Сам – а я что, на копьях побуду под звёздами, да в яму – я робёнок Твой, я хочу домой!.. санки катят, катят упрямо – о, воскресни скорей, мой Царь Царей, в санях последних качусь и плачу – одна меж зверей – одна меж людей – по ладони Твоей, гвоздём пробитой, в крови горячей – мать за верёвочку санки везёт – последний поход – мылись в бане, парильне злой, многолюдной, и вот домой – по снегам плывёт деревянный плот – моё Распятие, санный мой Крест немой – жизнь в санях тех навyleт пересекла – вот и все дела – Боже мой, подступает мгла – да она ведь живая, грешная тьма Твоя – к телу липнет мокреть белья – а душа-то сходит с ума – все враждуют друг с другом!.. и – по кругу, по кругу... зубы скалятся, смех и грех... мимо, мимо – ненавидящих и любимых – мимо проклинающих всех – мимо всех, кто в толпе украдкою крестит – кто назавтра повесит на стене – мой избитый, изгрянённый, расколотый лик – раскололи нас – а шепчу: воскресни... без любви – никто не привык... нам любви бы... любви не иму... сани мимо, мимо... помрачённо пылают снега... подо мной, надо мной... Ты дверь неба открой... полон – по снегу... зга и мга... Господи, Ты еси моё спасенье... Ты моё Воскресенье... и на мне, катящейся в вечную тьму во детских санях – Твоё нежное, алмазно-снежное, безбрежное благословенье – звёзд Твоих уста – на лбу... на устах...

Обложка книги

(Аввакум и Детство)

Три Лица над временами висят. Смещаются времена многожды и стократ, переслаиваются, жарятся на чёрной сковороде, аки блины... а я всё вижу, вижу самоцветные сны... А я всё зрю да зрю, яко робёнком, беспросветные сны – как, грудью противу ветра, в санях скольжу поперёк да восточной стороны; как Солнце, навстречь сам себе по ободу земляному качусь – а шею ко звёздам выгнул, инда бессловесный серебряный гусь! Рыба да птица... спицы в колеснице... колёса иных, занебесных телег... мне моё детство всё снится да снится, я ведь лишь человек, а землетряс повозку мою колыхает, трясётся октябрь

и январь, гудит-дрожит в застенке седая столешница, без пищи, пуста, нагая... жена, хоть к вечеру воли изжарь... Хоть немереной, кровавой, вкусной свободы, – с пылу-жару схвачу, обожгусь... зубы волчьи в жизнёшку вонжу... на краю лавки в темнице молчу... с изнанки, свиной кожи, испода... возожгу себя, аки свечу... Три Лица, всево лишь Три Лица, а и кто они, да знамо, кто: один – батька, другая – матка, поперёд родильного крика я, брадатый, битый-распятый, молочный мороз хватаю голодным ртом... А кто ж третий-то Лик? не различу... старик... колыхается мрачным златом льня-щека, скула чешуйчато-морщена, струятся власы-серебрянка... Он глядит на меня краткий миг, всево лишь миг... и мне страшно: взрыхлили небесную пашню, вместо храмины Божьей – гомон, гул, гулянка... А вы!.. Родину нашу надвое раскололи. Разрубили, яко огнём да мечом, надвое – луг, надвое – поле, надвое – сердце: гляди, што почём... Раскол! а и кто там снова жжёт себя в срубе?.. сожигает, Господу Богу во славу, катятся перлами глаза, бормочут вешней водою, поют заполярным ветром губы, вот он, лютый огонь, небесная – на полмира – держава! Там-то, в небесех, наше Царство!.. наш хлебный кус!.. музыка наша!.. на кимвалах, систрах, тимпанах сыграйте!.. а и што сыграть-то вам?.. полную крови чашу?.. да, Граалеву чашу, испейте вволюшку крови Господней, не умирайте...

Я качусь в саях. Это детство моё катит малюткой-болярином из погибшей в полях, срубовой чёрной бани. Это детство моё везёт меня прочь от себя, уцепившись мохнатым когтистым котом за бечёвку. Это детство, детство моё я всё ловлю, ловлю сухими губами, а чрез миг – солёными: плачу морями полынных слёзынок, насыщаюсь великими столами, ведь нынче лишь во смерти ночёвка... Лишь дорога, дорога, – она одна чрез всю земельку, дорога-дорога! Лишь судьба-судьба, – ведь она одна, моя судьба, другой уж не будет. Лишь Раскол мой, Раскол, всё расколото, от Ада до Бога, – увези мя, Боже, на себя непохожего, во огненной дрожи, снова в детство... увезите меня туда, люди, люди, о люди...

Ох ты, детство моё... на морозе бельё... неба синий котёл... уха облаков... плыл осётр, да и был таков... плыла стерлядка, да была такова... на морозе гаснет трёхрядка, скоморошья иней-травы... на морозе гибнут безумные Божьи слова... а я жив... и вера моя жива... власть моя умрёт... а вера моя живёт... синий огонь под полозом, звёздный лёд... сколь страданий ищю, родная моя попадья, претерпеть... ищю жизни треть... ищю вечности треть... бичеваний плетью... погост и повесть... кандальная клеть... окладная медь... люди, я просто в санках козявка, малёк... снег алмазно слепит... путь ночной далёк... путь ночной широк... лёт ночной высок... надо мной, робёнком, во всю глотку хохочет мой Бог...

Закину башку в бараньей ушанке: Три Лица... в зените Три Лица... острее зрак вонзи, прищурь-ся, молись, эх, гляди-ка... Непостижимы... неприступны... присносущны... трисияны... То Детство моё, то Любовь моя, то Смерть моя: неведомы, мимохожи, без шерсти-кожи, любовью больны, чужестранны... Вчера явлены, нынче сновиденны... в Новолетие вечны, сей же час бренны... То златом иконным горят, то лисьей кистью писаны, будто парчовой гордыни парсуны... то мерцают, ровно плаголица гнева, ровно заречные молнии-руны... рокочат, ливня лунные струны... А я всё в санках качусь, да санки те уж сами с усами, самобранно, чюдесно по снегу свищут, и я в них сижу, ввечеру – Царь, а поутру – Золотарь, оборванный Нищий, и я, зри, народ, заутра воссяду на Судилище Грозное со всеми избранниками твоими, и я, беспородный щенок, вою жизнь напролёт, из гончих, звонкого лая Царских пород, лишь робячье, заячье повторяю имя – лаской мамки... за звёздной печкой... за треском дров, тепло насыщает кров, ищю ништо не свершилось... ищю никто не казнён, не убит... ищю нигде не болит... вот так, посидим у огня, обними крепче меня, пусть великое небо во срубе горит... немного ищю, во сне, в ночи, в тишине... сделай милость...

(мальчик Аввакум ищет дом: письмо с войны)

Стреляют. Очень страшно! А на улицу всё равно очень хочется. Я выбегаю на улицу с горящей свечой в руке. Когда возле моего лица горит огонь, не так страшно. Я с огнём разговариваю. Он живой. Выбегаю гулять, когда темно. Сегодня выбежал с огнём во двор и увидел в небе тень. Отец уже спал, мама уже спала. Раздался визг, потом я оглох и зажмурился. Когда открыл глаза, вижу: вместо нашего дома руины и осколки кирпичей. Я хотел пить, но не было воды. Колодец засыпало осколками. Из-под кирпичей сочилась кровь. В доме были отец, мама и старая бабушка. Свеча у меня в руке погасла. Я понял: я должен идти искать дом. Я теперь должен найти дом. Мой дом. Во что бы то ни стало найти.

(из послания великого Художника в Вечность)

Возьми, милый друже, возьми в руки-то. Не бойсь. Подойди. Ближе, ближе. Думаешь, голубь? Нет, друже. Раковина. Тако серебристо выгнута, и перламутром вся горит, перекатываются внутри неа лучи и стрелы, диковинные сполохи, разноцветье, самоцветье. Огромная та раковина, да, ну же, брось страшиться, ближе, ближе. А в ней, в раковине той, да не щурься, не алей скулами, лице свое не отвёртывай прочь, гляди, гляди, – две нагая девицы разлеглись. Развалились! Отдыхают. Вроде дремлют. А может, бодрствуют, да так, хитрят, из-под сомкнутых век, смекай, на волюшку взирают. На волю – из перламутровой той клетки. Рыбьей, подводной тюрьмы. Любое роскошество – гибель, коли оно разъедает душу алмазной солью. Крошка льдяная, алмазная сыплется, сыплется... с небес, отвес... и укрывает землю. Всю её, матушку, толстым блёстким платом, покрывалом святым, седым укрывает, закутывает: яко покойника, а может, яко младенчика. Лежат в Раковине голые девки! Красивые! И при взгляде на них не хочу и помышлять о худом, и чувство худо не посещает, вот хоть ты режь мя. Нет порока во красоте. Внутри красоты – греха нет. А лишь чистота. И на голые прекрасные, Божественные тела мелкое крошево алмазное с зенита, из волглых туч всё сыплется, сыплется... летит... Вот недавно хоронил я друга, друже мой, друже верный. Друга старово, старинново хоронил. И даже отпевал. Возле гроба драгово зело печальный, недвижно, инда воротный столб, стоял. Мёртвое лицо друга моево, родней родново, возлюбленново, во гробе созерцал. Серое-мышинное. Бледное. Временем выпитое. Маленькое, жалкое: вроде как усох он после кончины, и голова стала как у робёночка, в подушку атласную вжалась, вросла. В гагачьих перьях подушечных – глубоко утонула. И сам весь уменьшился, укоротился, будто ево топориком стесали, ложкой повыхлебали, инда кашу овсяную. И то, съела ево жизнь, сожрала. И нас всех жизнь сожрёт; а смертушке одне обьедки на трапезу оставит. Нечем ей будет поживиться. Вот и злится она. У гроба толкуются люди, люди... а снег валит и валит с небес, незримый. Уж весь лик усопшево моево друга засыпал, уж весь атлас подушки развышитой, холстину рубахи распоследней, подземной перлами унизал... а всё валит, и валит, метёт и метёт. Всё метёт! И удержу нет. И покоя нет. Природа вечно беспокойна. И равнодушна. Дела ей нет до нас. Души у неа нет. А может, есть; да только мы движенья той души мощной, природной не можем поймать, уловить, цапнуть, яко летящую снежную бабочку, сжать в горячем кулаке. К сердцу прижать. Какая тишина! Люди притекают ко гробу и плачут. Последний дом, одинокая домовина, и насельник дома сего лежит покойно и спит в нём, уж не глядит из окна.

А красивые девки – глядят. В Раковине возлежат, руки закинули за головы, груди перламутровы, животы серебряны. Вот одна веками дрогнула, глаза распахнула, взгляд на меня вскинула. Али на тебя, друже? Да ты иди, иди, подойди ближе, ищо ближе! Я вот близёхонько у гроба друга моево старово стоял. Взирал на ево белую могучую браду, на впалые бледные, бледней изнанки листьев лебеды, изморщенные щёки. Помор он по рожденью, друг мой, крепкий кряж был, не сломать, разве только выкорчевать с корнем. Любого, богатырь, мог побороть. Такова силища таилась в нём. И што? Где та силища? Куда провалилась? Кому досталась? Или растаяла, аки лёд по весне, бесследно, в Реку Времён утекла?

Отпевал. Панихидные словеса громко распевал. Все молитвы без мыслей повторял, птицею летящей в чистых, пустых небесах себя чуял. Слушали люди? Не слушали? Плакали? Не плакали? Ничего не помню. Будьто над каменными плитами храма в воздухе висел. Кадило плавало, дымом плакало. Курилось, изнутри светилося. Малая планета, кованая Луна, цепь зажата в руке одна, раскачиваю звонкое небесное тело, жизнь курится, смерть так не хотела, все всё знают, как оно всё будет, да молчат, ровно звери, о смерти люди... Идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная... бесконечная...

Што на меня так беспомощно смотришь, друже? Што оглянулся? Иди! Шаг! Ищо шаг! Вон она, Раковина, рядышком совсем! И девки те красивые – рядом! Ты на них – лехко, невесомо дохнуть можешь, и волосы на голове у них подымутся и зашевелиятся, а потом опять опадут. В покой. В тишину. Стань на колени! Лик приблизь. Поцелуй хоть одну! Пока я... иду ко дну... ко снежному дну... по жемчужному дну... по воде, по окияну безбрежному... нико не убью... не обману... не прокляну...

Эта Раковина, милый, – зри!.. не Раковина, а Книга. Перламутровы ея страницы. Тяжко их, жёсткие, военные, перелистывать. Буквицы на них то вспыхнут, то сгаснут. Это Книга жизни вечной, любви быстротечной. По ней можно молиться, а можно и засыпать над Ея страницами, а можно

и проклинать Ея письма, над ними беспомощно плача и воя, кулаки сжимая и над Нею живую хоругвью воздымая. Жизнь! Вот так все, все до единого, во гробах будем возлежать. Лежал и мой друг старинный, молчал, очи закрыты, речи излиты. Никогда больше не разверзнутся уста. Штоб вытолкнуть словеса о жизни... да, о жизни лишь одной, великой, смешной и больной! Перламутровой – распоследней – озёрной, морской и речной – небесною, бессловесною, озорной и шальной – до самото Бога встающей стеной! Ты поминай мя, друже мой, в молитвах своих! Ты шепчи мне, всё шепчи, друже, последний твой, поминальный стих! Я ево, аки любимое демясто, до дна изучу... на ветру спою... у судьбы на краю... когда зажгут – и сожгут мя, как свечу...

Как свечу, слышишь ли, друже ты мой, мя сожгут! Умирать не хочу! Только берег крут! Только тут, с обрыва, далёко видать... то ли пытка моя, то ль благодать! Благослови, друже мой, тя Господь! Ты мне Постная, ты Цветная мне Триодь, ты мне тоже Книга, люблю все страницы в ней, все странствия, всю перебежку огней! Как ославляли – и как благословляли мя! Ненавидели как – до Судного Дня! Проклинали как, лобзали как, заносили надо мною казнящий кулак... А я вот он – жив! Да и ты – живой! Ищю ветер – над моею гудит головой! Ищю снег мне в бороду сыплет, алмаз... ищю раз... да ищю много, много раз... Да подаст нам, друже, Господь от щедрот Своих! Да не отымет от нас душу, дух и дых! Изольёт на нас влагу в засушливый год! А к Себе возьмёт – когда час урочный пробьёт! Ты гляди на красавиц во все глаза! Лежат в Раковине, яшма да бирюза, весь подводно-жемчужный, тающий перламутр – буревальных ночей, истомленных утр... Ешь ты, ешь, сладкие яства вкушай! Да хлебни из братины через край! Захмелей ты вволюшку – да спляши: на краю слезы, на помин души! Ткань ты ветхую, рогожу, в куски порви... не обтягивай новой кожей скелет любви... лучше наново, чисто, горько полюби вдругорядь – вишь ты, девки лежат в Раковине, краше и не сыскать!.. Упади на колени... руки твоя... вот – нагие твои ночи и дни... вот – нагие твои судьба и смерть... ни к одной не припасть... не обнять... не посметь... Так молись... широко, на полміра крестись... вот и вся она, наша святая жизнь... бита-гнута... проклята... измолочена вдрызг... в письменах обречённых кровавых брызг... помолись, штоб на столе соль, рыба и хлеб... на иконе – святой твой родимый, в нимбе судёб: житие ево страдальное – повтори... может, смерть узришь, друже мой, изнутри...

(я сама)

Я сама к тебе пришла. Слышишь ты, сама. Нет, я не схожу с ума. До юродства благословенново, благодатново мне ищю далеко. А я тебе, отче, просто горбушка ситново, просто ледяное, с погребца, молоко. И то, мя погребли – а я восстала да и пошла к тебе, отче, по выгибу родной земли, по ея буеракам, болотам, холмам, оврагам, огням... потеряла счёт летам, ночам, дням... Ну вот я тут. Это апостолы ранее приходили в веру Христову, сперва разбойничали, а потом просветлялись. А мне – Время одолеть: экая малость. А так я с Богом завсегда – и там, откуда пришла, и здесь, рядом с тобою; на закраине стола оплывает свеча... отче Аввакуме, это я. Не погаси. Нас и так Господь в свой черёд потушит на краю бытия. Я на прелесть не соблазнялась, на соблазн не косила глаз. Я всё это за спиною бросила, изникла нищая жалость, и не надобна мне никакая мирская сладость здесь и сейчас.

Ты ведаешь ли, я по монастырям бродила!.. скиталась, моталась по весям и городам... Мне Церковь давала великую силу. Мя от грязи омывал водопадом лучей Божий храм. Навстречь всем ветрам! А што будет там? Далёко?... тамо, куда иду... на костёр, на звезду...

Я тебя, отче, видала издалека. Ты прожигает собою все века. Оттуда, из Времени, из никогда, нигде и везде, зрела всякий седой волос в твоей святой бороде. Зрела обветренные смуглые щёки, болью изрезанные стократ. Синий, пронзительный, всенебесный взгляд. Сжатый камнем кулак... родинку на скуле... Эта жизнь твоя – рекой – растекалась по земле... А я хочу в той реке плыть. А я хочу вблизи тебя пребыть. Одним с тобою воздухом дышать. С тобою вместе спастись! С тобою вместе... помирать...

Ну так што же! Хочешь, штобы я всё-превсё рассказала тебе? Изволь. Правда дрожит у мя на солёной губе. Вот вырастет пред тобой из-под земли Никитка, звать нынче Никон. Станет он Патриарх. Да ты сам себе патриарх, в зеркало взгляни-ка, а за плечами – кострища жар. Чьё кострище? Твоё? Не бойся. Таково бытие. Ты ж сам учил малых сих: без мучений нету ни святости, ни святых.

Вот, зришь? Фигура зело мощна, нос заносчив, одежды богато расшиты перловым зерном. То твой Царь, отче. То нас всех земной Царь, и толкует всё об одном: подчинись, смирись, исполняй приказ. А не то кулаком промеж глаз. А ты такой, отче, неприказной. Ты ж сам на ково хочешь пойдёшь войной!

Иду на вы... выше корабельных сосен... тише воды... ниже травы...

Ну, протопопицу тебе што казать?.. она, жена, и есть жена. Она на всю жизнь Богом дадена, едина-одна. Рождена в вере Христовой, да возвращена-воспитана в ней, всегда шла мимо болотных, диаволовых огней. Потому, што ты был рядом с ней, ты. Гласом тя ласкала: Вакушка!.. – середь житейской маяты... Вместе вы зрели на небеси знамение: как прелаягася светлая, тресветлая Луна в людскую кровь. Вместе творили неусыпную любовь. Детки рождались... а звёзды всё катились, катились кругами округ синей мёртвой Луны... Зри, я дошла к тебе избитыми в кровь, живыми ногами... прими мя опричь детишек, опричь жены... Я, может, твоё дитя наилучшее, наисвятое. Хотя кругом, отче, грешна. Просто... хочу жить и помереть с тобою... не доченька, не сестрица, не жена...

Гляди дале! Болярыня стоит поодаль. Тихохонько стоит, застыла; молчит. То знатная болярыня, не опускает громадные очи, и глазыньки ея иконописные плачут навзрыд. Звать ея болярыня Морозова, а по имечку Феодосья, стоит в расстёгнутой собольей шубейке, а боса да простоволоса, а батюшка ея был знатный Прокопей, а она сама владелица златых-серебряных копей, да все сокровища свои на веру в Господа Исуса променяет храбро, на любовь к тебе, отченька, без тебя – рыбой об лёд, топыря жабры...

Што же ты за камень-магнит?.. в какой землице Богом отрыт... ах, в моей родной, в нижегородском окоёме... на крыше избы своея мальчонкой сиживал на соломе... И наблюдал, как Луна катит по смолянному небу. И грыз, грыз горбушку ржаново, цвета земли, тёплого, сейчас из мамкиной печи, хлеба...

Таково вижу тя, отче, робёнком... слышу, как плачешь тихо... как хохочешь звонко...

Глас человека – музыка века. Я пришла к тебе, я пришла! Из морока, криков, крови и снега. Из выстрелов из-за угла. Велишь продолжать, ково зрю?.. продолжу, изволь. Немного людей в виденьи осталось. Сыплются в жизнь твою, отче, калёная соль.

А што есть Луна, ответствуй?.. может статься, заблудшая звезда. И светит в нигде... и летит в никуда... Глядись в Луну, инда в зеркало. Видишь, там, у тебя за хребтом, всё люди-люди?.. толпятся, толкутся... ох, они тя и страшно избичуют потом...

Противостой Царю. Противостой Патриарху. Жизнь тебе – бичом и подарком. Жизнь тебе – скатёркой камчатной: убрусом к лику в кровище прижмёшь – вот тебе и образ печатный... Забьют тебя, замучат за то, што веру Русскую будешь хранить. Не бойся! Мужайся! Это вьётся Времени овечия нить. Это жужжит веретено в крепких руках Настасьи, жёнки твоя. И тебе, отче, вся земля – семья, и все звёзды – семья.

Спой нынче со мною любимый Давыдов псалом на краю бытия.

Пускай нас нынче не услышит никто из людей.

Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей!

Молись и за Никона, и за Царя. Все люди в реке-жизни плывут не зря. От твоя долблёнки отстанут их богатые, в бухарских коврах, лоды. А ты, и умирая, живи, всё живи. А ты, и сгорая на будущем костре, бороду к небеси задирая в серебре, усыпанный рубинами-топазами, искрами огня, кричишь-поёшь про жизнь, значит, про меня! Ведь я не человеича, отче, нет! я твоя жизнь! Ты за меня крепче, больней на костре держись! Смерть – яко затмение Солнца! зачернение Луны! Жизни, веруй, никакие смерти не страшны! Вот видишь, я тут, и пою с тобою и о тебе; это значит – я снова слеза на твоей губе; это значит – я проповеди твоя ночной тихий хрип, я под твоею стопой в темнице – половицы скрип, раскинь крестообразно в огне руки твои, ты сгораешь во любви и во имя любви, ты станешь пеплом звёзд, перегноем небес, а потом на востоке над Мiромъ взойдёшь, озарив дол и лес!

А сейчас – просто, отче, тебе Аллилуия моя! Хрипло, радостно пою тебе я! Трижды славим Господа! Трикраты в Пасху лобзанье! Трисвятое пенье, знаменный распев, широкое, на полмира, дыханье...

Всё ли понял ты, отче? Всё ли так я тебе рассказала? Отца, Сына, Духа Святаго помянула с конца и с начала? Тот ли спела заветный псалом? То ли Демество по гласам распела? Ты-то понял, што мы с тобою живём там, в ночных небесах, без края-предела?.. Там, округ белоликой Луны, над холкой Медведицы звёздной, где ветра сшибаются, где Илья в колеснице и Езекииль могучий и грозный, а рядышком с ними и ты, отченька Аввакуме, в лучистом хитоне, на звёздном убрусе... Прости-спаси-сохрани тебя, Вседержителю Господи Исусе...

(я свидетельствую о Расколе)

Я всё-таки добежала сюда. Я свидетель. Што такое свидетель? Свидетель – свидетельствует. Свидетельствую, ибо истинно. А ты, ты разве знаешь, што оно такое, истинно? Што есть истина? Так Понтий Пилат Иисуса спросил. И што Господь ему, наместнику императора римского, земному владыке, ответил? Ты сказал. Да, так и сказал: ты сказал. И боле ничево. Ничесоже.

Свидетельствую, што всё оно во времена твои, отче, происходит в матушке нашей Расее ужасно. Раскольно. Мне больно! Што есть Раскол? Земля трескается надвое, натрое, начетверицу, надсятеро, на сам-сто – и расходится. Разымается! Раскалывается. Вот уже раскололась. Реву в голос. А я-то, я – на каком берегу? На правом... на левом?... где верней спастись... а, всё одно погибнешь! молись...

Разве расскажешь тебе, отче Аввакуме, о том, што я видала-слыхала чрез три века после ты?... поведать бы, не шутя... я ж не скоморох... но и не Господь Бог... Нет ничево, што бы по силе ужаса перекрыло то, чему люди сами свидетелями станут. Наудачу да спяну. Хмельным легче: они веселеньки очи закроют с улыбкой – а Мирь под ними качнётся зыбкой, а Мирь под ними с места тихо стронется, и поплывут корабли, и поскачет конница, и полетят железные, крестовидные лютые птицы в небеси... и будут на землю, вниз, бросать смерть... ай, Господи, спаси...

Батюшко!.. навидалась я, наслыхалась. Настрадалась. Как тот, ну, пророк, про нево ты мне говаривал, да и боярыне твоей, усердно тебе внимающей, нежно нащёптывал: Нострадамус. Во ханцузских землях жил-поживал, заботливо врачевал, людей из лап чумы вынимал. А ночью – в толстенной книжище, телячьей кожей обтянутой, всё писал и писал. Скрипело гусье перо... расплывалось чернило... Увидати, што будет – не то, што было. Он, Нострадам, и стальных адских птиц в небесах тайным внутренним оком видал. И тяжёлые коробки, сработаны из железа, а на них пушки, и стреляют; и всё живое в округе враз помирает – от края до края... А ведь землю нашу можно убить легко, просто! И ни слова не скажут чуждадельные звёзды. И ни лучика приветного нам, мертвецам, не бросят равнодушные звёзды. Убить – просто. Умереть – тоже просто. Жизнь недорого; а смерть ищо боле дешёва. Подкладывай в топку людские поленья! Жарко горят дрова!

Мы, отченька, в минувшем веке пережили две грозных войны. А малых войн и не счесть; лишь о них у бедных матерей сны. Уходят на войну – и не вернутся сыны. Глаза от слёз навеки солонны. В начале века родился новый великий Раскол. Мирь весь безумный трещинами пошёл. Люди как озверели. Убивали друг друга таково жестоко! Армии шли друг на друга. Заслоняли ужас вышитым ликом Бога. Воздымали хоругви, штандарты и иные знамёна. Кровь хлюпала под ногами. Лилась с небосклона. Кровь, она ведь всё помнит. И во мне она шумит настойчиво и устало. Мне она поёт: дитя, начинай всё сначала. Вымани из норы войну. Стань охотницей! Может, ея-то ты и застрелишь. Горькими семянами на зубах молодых смелешь. Я помню и вторую страшную битву, в середине минувшаго века. Мильоны убитых, забытых закрывал полог снега. Снег молчал. Снег валил. Морозы такие настали – хоть стой, хоть падай. Немец на нас тогда войною пошёл; и пластами, слоями жизнь обращалась в падаль. И люди людей вешали. Кололи штыками. Жгли огнём. Взрывали торпедой. Свидетельствую, ибо истинно! И мы били, били врага, били и гнали, до конца, до венца, до самой победы.

А ты, ты-то ведь таково рыдал, когда увидал скотину мёртвую на дворе у соседа... рыдал, Бога Господа пред образом поминал, шёл впервые по Господнему следу, ибо лишь Господь может тебе показать, как в радость обращается гибель, в имярек – любимое имя; а ты горько плакал, всё о душе, ей одной исполать, бессмертной, между смертными всеми другими...

Свидетельствую, ибо истинно! Разрубили нашу древнюю веру мечом! Скажешь, отче, Царь ни при чём, и Никон, твой шабёр, ни при чём?! Я-то вижу, да и ты уж зришь, как воистину в Господа верующие идут, собираются в срубы, штобы чрез минуту древняный гроб факелом возжечь, вознести к ночному небу огненный меч... как молитву последнюю шепчут горящие губы... Скажешь, зачем люди себя убивали?! И ты не остановил! Ты знал: так будет в конце, и так было в начале. Это выбор свободный, нам даёт Господь ево смело: иди хоть во смерть, хоть в бессмертье, ибо оба – без края-предела!

Кровь... кровь... Ты ей не прекословь. Она снимет с тебя и оковы, и сами следы оков. Человек родится в крови, убитый – уходит, весь в крови лежащ; кровавый на нево брошен, вместо Святой Плащаницы, грязный военный плащ. А война и в миру может завтра, да што там, севодня разразиться; война такая птица, куда долетит, там людям и разбиться. Кровь твоего народа, Аввакуме, што, на

тебе разве? Воззри на Царя своево в одночасье. Вот же оно, всевластье! Лютое горе то, а не счастье. Благодарю Господа, што не родился Царём! Што простолюдинами живём... народом простым, святым и помрём... А кровь, шум крови в ушах, ты же ведь тоже СВИДЕТЕЛЬ, отче Аввакуме, живой свидетель всех судеб, коих не ведала я, всех земель, где я не бывала, всех яств, што я не едала... на колу мочало, начинай сказ сначала... Я-то зрела, как ты мать женила; а ты зрел времена иные – во Время орлиным оком прозревал – в Аримафее со святым Иосифом святое вино выпивал – вдоль по Парфии за Божьим хитоном, по ветру летящим, увился... за руку Марию Магдальскую вёл... слышал, как громко, трубно вопил Вербного Воскресенья осёл... а дорога пылила... а Господь ехал на смирном ослике к Своей могиле... и к Воскресенью... и к Вознесенью... сидел ты в мрачном, полночном саду Гефсиманском в сиреневой страшной, влажной и звёздной сени... последний цвет аромата... последний запах смолы кедровой... о, кедр Ливанский, царственный, чёрный и суровый... это ты, ты, отче, слышал со Креста последнее Господа слово... **ВЪ РУКИ ТВОИ ПРЕДАЮ ДУХЪ МОЙ** – не правда ли, так Он сказал?... повтори, повтори это мне снова...

Кровь. Она твой царь, хан, князь и шах. Она тихо и мощно, упорно шумит в ушах. Она омывает тебя, и в памяти вспыхивают твоей то шёпоты: люби!.. – то вопли: бей!.. Кровь течёт из раны во вне – это сквозь красную линзу Время глядит на просвет. Кровь течёт тебя внутри, в тишине – это значит: а смерти нет. Ея и в самом деле нет, разве ж я тут бы стояла, батюшко, рядом с тобой, в тебя из времени плеснулась, яко прибой?... весь в крови мой там, за спиною, последний бой. А нынче сердце мне своё открой! Сколько раз в ночи, то ль во сне, а то ли нет, я шептала-бормотала твой – Господу – неслышимый обет; твой потайный ирмос; твой последний кондак; на память вызубрила... зажала в кулак... Сколько я хоронила! Бессчётно. Не вспоминать. От Тигра, Евфрата и Нила стелилась кровавая гать. Не слёзы текли, а кровушка из ослепших очей... пел над убитым соловушка во мраке ночей... Кровь. Она въедается в землю. Ея впитывает земля. Кровь. Я ея не подымлю. Ползёт, красная змея. Вширь, вглубь, и вдаль, ищю дальше, далёко, закатной алой рекой. Кровь. Она так одинока. Ея коснуться рукой. На деле, на самом деле – в ней толпы, вече и гам, сраженья, сабли, постели, где роды и фимиам, в ней лица просвечивают, близко, далече, горят красные свечи, пылают голые алые плечи, небо красные ядра мечет, летит в зените красный кречет, да не птица то, хищный то человеке, кровавую пищу клюёт, глазом красным косит в народ, говорят, так в небе летит любовь, а кровь? Ей не надо слов. Ей ничего не надо. Ни пули. Ни взгляда. Она течь рада, и литься рада; она Богу на Кресте Распятому – награда; она вся вылилась в чашу Грааля; ея жадно выпила сухая земля, там, где мы не бывали; там, где мы не стояли; где мы не молились; так, отче, давай хоть нынче помолимся, сделай милость...

О, ты встаёшь... ты тоже слышишь шум крови... уста твои для молитвы наизготове... Молитва – это и сон, и объятие, и блаженство, и прощенье, и бой... бой последний... давай, начинай, мы оба сейчас за кровавой, кровной обедней...

Ты, отче, ходил по камням Рима, по скалам Эллады. И живой остался!.. твоя жизнь мне наградой, услугой. Твоя жизнь мне отрадой. По Руси мы оба ступаем. Инда по Эдему, по яблочному, вишнёвому Раю. Мандарины в густо-зелёной листве... во смарагдах – топазы... Если уж умирать, отче, так с тобою и сразу; штоб не мучили долго; штоб не расходились страданья по красной воде кругами; и стану я тогда – красная ёлка, зело изукрашенная красными звёздами, алыми снегами... Я слышу кровь. Она, отченька, тихо звенит. Она колокольна. Оттого, когда ея проливают, так тяжело и больно. Так остро и больно. Так вольно – и больно! Сколько раз я стучала лопатой в мёрзлую землю, штобы любовь мою схоронить достойно... А земля кровила. А земля – под лезвием – мне в лицо брызгала кровью! И я клала любовь во могилу, и зарывала, и сажала цветы в изголовье, красные цветы, и они кровоточили жадно, и со креста чугунного ту кровь не смою ни сияющим бешаным летом, ни тусклой слюдяною зимою... Кровь, солёная, горькая... на губах. Это раненых я целовала. Кровь на вёслах, уключинах, на руках, я в лодке по разлившейся крови гребу ко причалу, к бедной пристаньке, в красных огнях, а волна мя пьяно шатает, и што будет со мною в иных временах, один Господь знает... Выпить красного, да, в помин. Зашвырнуть в разливы крови бутылку. Сквозь красную толщу виден рыбий сверкающий клин, видно рыданье моё на родной могилке. Видны все старые избы весей. Все древние стены забытых градов. Кровь, это просто музыки взвесь, а большево и не надо. Кровь, воли игра, Времени чётки, картография горя, Время нами играет, в крови умирает, внутри наших вздутых жил, с нами не споря, кровь, таинственная

река, разливается снова, красный лёд ветра солёно ломают, кровь, ты умер, а в роду твоём твоя кровь живая, о, так тяжело, длинно шумит, и встают во крови виденья, одно, другое, третье, о чём она говорит, зачем длит прощенье и наважденье, кровь, солёно, хинно, полынно, горько, горячо, текуче, встают народы, войска и семьи, династии, военные тучи, она, свободная, широко и нагло льётся меж всеми, кровь с кровью сплетается, люди друг друга опять начинают, тому кровь чужая, убей, а тому, о, прости, родная, кровь, вязкий плов чужеземной победы, кровоподтёк на месте оков, кандалов, забытые снежные Веды, кровь берут в полон, кровью клянутся, кровью на песке пишут заклинанья, кто в запретную кровь влюблён, нынче скотом пойдёт на закланье, кровь на морозе дымится, летит красным и белым паром, всё, что омыто кровью, всё пришло неслучайно, недаром, кровь, батюшко Аввакуме, я тебе бормочу, не слушай, для иной, небесной музыки отверзни слух свой, открой крылатую душу, кровь, это музыка, отче, это целый громадный оркестр, это варган, это жалейка и дудка и лира, я слышу кровь окрест, я вижу алый флаг ея – на пол-Мира, в крови сшибаются, плачут, летят тела, выпирают локти, кулаки гранатами вон вылетают, кровь, а может, любовь, несвятая, да брось, святая, всё красное свято, алой заплатой кровь на мне, на тебе, на тех, кто был и кто будет, морды коней, танков гусеницы, человек в крови, это страшно, больно и гордо, кровь, рода клеймо, дымы крематориев, пылающих изб, госпиталей, полных красных криков до неба... кровь, ты ей не прекословь, отче, она же тебе насущнее хлеба... кровь даждь нам днесь... Мирь, гляди, в крови весь... это Раскол, разрубили нас, разрубили... на душистое сено – и вопли измены... на святую молитву – и хищную, в задыханье, ловитву... на Положенье во Гроб – на дикий, последний вопль на могиле – и на Второе Господне Пришествие, в торжестве, во славе и в силе...

А любовь куда же от крови забрать... кровь, она любви и отец и мать... голая румяная баба выбегает на снег... свет струится у ней из-под век... в баньке, шипя, на камелёнку из ковшика плещет вода... красная жизнь... теперь и всегда... я так люблю ея, вот беда... отченька, ну обними мя, я ж не изо льда...

* * *

(иду искать мой дом)

Мама ты знаешь тут всё разбомбили Мама это просто страшный сон мне снится Ты меня разбуди и проснусь в крови в поту в мыле Проколовшая небо и время живую спицей Мама я больше всего боюсь после взрыва пыли Она зашьёт лёгкие нос рот сердце и печень И не будут светить никакие глаза как свечи Мама я больше всего боюсь чтобы тебя не убили Мама я тебя не смогу спасти если что ты знаешь А ты ведь давно умерла как забыть могла я И умер отец а я вот дрянь такая живая Но я противного свиста боюсь вот она пуля шальная Мама я знаю как пахнет война ни хлеба ни йода Соль в виде пороха крик в виде песни Война она повторяется год от года И новая грянет ещё оглушительней мракобесней Мама я просто дура но мне очень страшно А вдруг полетит на нас много смертей слева и справа Меня взорвут и стану в воротах Рая Ангельской стражей Сама себе призрачный Мирь сама себе хлеб и держава

Мама жизнь всё дальше а смерть всё ближе Давай я пойду искать наш дом я его потеряла Его взорвали надо жизнь начинать сначала Всё вру надо смерть начинать сначала Мама я больше всего боюсь что ТАМ тебя не увижу...

Проза

Анастасия Чернова

Анастасия Евгеньевна Чернова – родилась в Москве, окончила Литературный институт им. М. Горького и аспирантуру при Московском педагогическом государственном университете. Кандидат филологических наук, член Союза писателей России. Прозаик, литературовед, публицист, исследователь фольклора и творчества Николая Рубцова. Автор книг: «Самолёт пролетел. Рассказы и повесть» (2012), «Ветер с пыльных дорог. Рассказы и повести» (2017), «Долина детства. Лирика Николая Рубцова: национальные образы и символы вечности» (2018). Лауреат международных и российских литературных премий. Главный редактор интернет-журнала «СОТЫ» и ведущая одноимённого литературного клуба. Преподаёт литературу в московских вузах. Награждена медалями Преподобного Епифания Премудрого и «Николай Рубцов».

ОСОБНЯК

Роман

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Опасная встреча

Сердце Данилы будто наполнилось льдом; сжавшись в комок, поскакало: вверх-вниз, вверх-вниз, от кафельного пола до потолка, от глубин преисподней к небесам, подоткнутым тяжёлой пеленой снежных туч. Перед его квартирой, на лестничной площадке, наворачивал круги милиционер. «Конец», – силой воли Данила попытался отловить сердце, вернуть его в клетку, затолкать обратно, не расплескав до основания. Напрасно. Выскочив однажды, сердце проникло во всё, что вокруг: в стены и тусклую лампочку, в оконную раму, в сапоги. Оно пульсировало, сотрясая собой мир.

– Вы были знакомы? – спросил милиционер.

– Что? – еле проговорил Данила, во рту было сухо, точно в камере, приготовленной для пыток. Ничего лишнего.

– Да умерла сегодня из пятнадцатой. Тихо, говорят, жила, одна. Родственников найти надо.

На улице пронзительно выла сирена, протыкая иглами подъездную тишину. Милиционер уже спулся по лестнице. Удаляясь, его шаги терялись в гулких сводах, а Данила всё не мог вернуть себя в действительность. Погоди. Всего-навсего мент пришёл в соседнюю квартиру. Вон, дверь приоткрыта, слышатся голоса. Видимо, она умерла. Так, нормально всё, держись, братан: то ли восемьдесят, то ли девяносто ей было, старая уже. Может, и все сто. Наталья, кажется. И всё-таки неприятно, странно. Уже у себя, упав на небрежную кровать, зарывшись лицом в простыни, Данила вновь и вновь прокручивал ситуацию. Милиционер смотрел с подозрением. Его взгляд был долгим, изучающим. И вопрос с подвохом. Сказать, что не знакомы – нельзя. Как же! Вы жили на одной лестничной площадке. А раз знакомы, то расскажи подробнее. Про всё. Про всё. Про всё. Явился... Ни раньше, ни позже. Ужасная мысль полыхнула в сознании. Данила тут же вскочил и бросился на кухню. Отворил дверцу шкафа под раковиной.

Пакет стоял на месте. А в нём, среди чистящих средств и порошков, ещё один пакет, тяжёлый и будто даже сейчас, вопреки здравому смыслу, излучающий постоянную энергию. Буря, зажатая

в стенки сосудов, сокрушительная и беспощадная. На лице Данилы выступили капли пота. Такого облегчения он в жизни не испытывал. Всё стало лёгким и невесомым. И тогда он понял, чего на самом деле боялся: не за себя, а за дело. За то, что всё рухнет, так и не начавшись. Что всё останется прежним. Что Тирольский вечно будет улыбаться с экрана телевизора и обирать простой народ, развлекаясь на яхте со своими тёлками.

Интересно, что бы дядя Лёня сказал? Ну, если бы знал весь план, все события до конца? Леонид Николаевич Линозов, историк и экскурсовод города N, был, пожалуй, одним из самых образованных и честных людей планеты. К шестидесяти годам он выглядел благородно. Особенно поражал взгляд: мудрый и глубокий, мерцающий за очками, дужки которых были обмотаны синей изолентой. Он немного горбился и любил носить яркую мальчишечью кепку задом наперёд, что придавало его облику милую непосредственность с привкусом старческого маразма. В какие только тайники мировой истории не проникал его пытливый ум! Сколько фактов, имён, архивных данных он мог привести за раз! И когда Данила думал о судьбе лучших людей страны, про эту смешную кепку и сломанные очки, ему становилось мерзко и больно. Внутренняя чуткость учёного создавала резкий контраст с душевным примитивом тех, кто захватил сегодня власть. Вечно молодые, самоуверенные, порочные. Вставные челюсти этих нелюдей так и сверкали в неоновых вспышках прожекторов. И местный миллионер Тирольский, по прозвищу Тролль, был одним из них.

Только подумать: недавно в интервью Тролль заявил, что раз в месяц обязательно летает в Париж, чтобы погулять по Лувру, а также постоять и покурить в тени Эйфелевой башни. Безумие. Соседка, баба Наталья, и на самолётах, быть может, никогда не летала. Не то что в Париж.

Вспомнив про Наталью, Данила вздохнул. Жалко. Её тоже жалко. Жила всегда одна, ни детей, ни внуков; кормила на улице птичек и котов, вязала полосатые носочки и продавала их на рынке. Пару носков как-то раз подарила ему, Даниле. Где-то в шкафу сейчас валяются... Ни разу так и не надел. Слишком толстые для ботинок. Правда, прошлой зимой пригодились. Засунул в них подарки для Полины и под ёлку положил. В тот год, бесснежный, но всё-таки прекрасный, у него дома была настоящая лесная ёлка. Стояла в ведре, посередине комнаты, покрытая мишурой. А как смеялась Полечка! Так и села на пол, вытряхивая из носков конфеты, орехи, блокноты, заколки, гребешки, прочие мелочи...

И вот теперь, значит, Наталья... Отчества он так и не запомнил, больше не выйдет на улицу, не сядет на складной стульчик возле подвала, подзывая кошек. Данила заварил кофе и посмотрел в окно. Уже давно стемнело. Только крупные снежинки пролетали в свете фонаря. Ничего особенного, если бы не время года: на дворе стоял апрель. Снег покрывал первую травку и твёрдые гроздья только-только народившихся почек. Весело и верно погружал яркий мир в единое бесцветное пространство, заполненное лишь облаками, бегущими вдоль самого асфальта. Вздвогнув, Данила отпрянул от окна. Ему показалось, что сквозь бурю медленно и упрямо, сжав тонкие губы, идёт Наталья. Совсем такая, как в жизни. В сером пуховом платке, из-под которого виднеются прядки седых волос, в бежевой куртке и потёртых широких брючках, заправленных в сапоги.

* * *

В ту самую ночь в город N вернулась птица Сирий. Уселась на трубу бывшего кирпичного завода. Сладостные звуки мягко плыли над крышами домов и оседали где-то на окраине, проваливались в карманы редких прохожих, не подозревавших, какое сокровище приобрели. По-хорошему, эту птицу нужно было гнать. В старые русские времена, заметив хоть одно перо незваной гостьи, крестьяне выбегали на поляну и стреляли из ружей, малые дети – даже те – ширкали из рогаток. В противном случае половина жителей падала замертво, не в силах вынести томительных нежных звуков.

...И тогда и сейчас на поляну выходят художники. Вновь и вновь пытаются схватить птицу, затолкать в золочёную клетку, невзирая на опасность мистических встреч. Правда, не все, лишь некоторые. Многие равнодушно слушают музыку, льющуюся с неба на землю. Пьют бесконечный чай, листают новости Фейсбука, мечтают и грустят. Только белые лепестки, кружась, осыпаются на землю. Только...

ГЛАВА 2

По ту сторону завода. 1937-й

В пепельных сумерках – робкие звёзды, насыпь тумана и темноты. Сирий красуется в вешнем наряде, яркие перья и жемчуг в косе. Над засыпающей нищей деревней – дивная песня дрожит: словно хрустальные хрупкие звуки тают на кромке судьбы. Звонко и пусто становится в сердце, хочешь – зови, хочешь – молчи. Только в стихающих грустных напевах плещется море внутри.

Афанасий Иванович Петров, бывший староста храма Благовещения, на море-то ни разу не был, лишь на картинках видел. С тех пор как двадцать лет назад произошла революция, на море ничего не изменилось. Корабли ходят, рыбы разные живут (одна из них – рыба-кит, с остров большой размером), волны колечками складываются. Сестра Аграфена Ивановна поставит вечером самовар, про чудеса, страхи и научные открытия расскажет. Серый кот на колени прыгнет, песенку споёт. А за окном выюга всё воет да воет, деве-птице грудь открытую выстужает, бусы бледные теребит.

– В пургу весь мир делается морем, – говорит Аграфена Ивановна, – разве что соли ещё добавить! Так и по вкусу всё сойдётся...

Петров про дочку тем временем думает. Больно не вовремя она в религию обратилась, в храм по воскресеньям стала ходить. Да и вообще, не современно всё это теперь. Что люди скажут? Дочь самого Петрова от жизни отстаёт. Такая молва никого не красит. Даже Наташеньку, без пяти минут невесту – и не кого-нибудь, а лучшего работника кирпичного завода, ударника во всевозможных видах трудовой деятельности.

– Ты мне про Ленина лучше расскажи, – просит Афанасий, – как он там со старухой в лесу встретился.

– Встретился, ой, было дело! – послушно откликается Аграфена. – А ты как думал, родной? Несла она связку хвороста. Вся из себя такая... Старорежимная. А Ленин на поезд спешил. Опаздывал. Посмотрели они друг на друга, значит... Ну, и всё. Вдохнул Ленин – и дальше пошёл, только валенки закрипели.

– Вот как оно бывает... – эта байка Петрову очень нравилась. Сложно объяснить, чем именно. Возможно, незамысловатостью своей. – А про Сталина?

В сенях скрипнула дверь, и спустя мгновение в комнату вбежала девушка, невысокая и чуть полноватая, с румянцем во всю щёку. Коротко подстриженные волосы обрамляли миловидное личико с пухлыми округлыми губками, похожими на вишню, и тёмными, почти чёрными глазами. «Курица» – так называла её про себя Аграфена Ивановна и печалилась, как у её брата Афанасия, вполне интеллигентного, благородного, выросла слишком беспечная и суетливая дочь – примерно таких на лубках малюют художники-самоучки. Правда, истории самой Аграфены нередко напоминали лубок, но это было умышленно, для потехи. Наташа же выказывала свою лубочность на полном серьёзе, без усмешки, а как бы её натуре свойственную. Возможно, лет так через пять-десять она заматерееет окончательно и станет напоминать матрёшку. В храм даже стала ходить, в этот белый громадный собор, в который теперь лишь одни бабки тёмные стекаются – жительницы окрестных деревень да богаделен. Бедный Петров!

– Чем занималась сегодня, Наташенька? – традиционно спросила Аграфена. – На стройке была? Как Василий? В церкву ходила? А то ведь колокола утром бушевали, все уши мне отмозолили, ух. Умные люди сейчас в музеи спешат, науку изучают. Мудрые объяснения слушают. И как земля появилась, и человек откуда взялся. Сначала он в шерсти был и с копытцами. Барашком ходил...

– Папа... тётя... – Наташа отступила назад и, качнувшись, вдруг рухнула на скамейку. Закрыла лицо руками.

– Наташенька! – засуетилась Аграфена. – Кто ль обидел?... Деточка... Случилось что?

– Случилось! Отца Виктора всё-таки забрали! Не тогда, когда мы собрались, а ночью, после... После... – Больше она ничего не могла сказать. Не от слёз, а от какой-то внутренней пустоты, что, проступая за словами, мгновенно лишала их всякого смысла.

– Ну, забрали... Ну и что? – резонно заметил Афанасий. – Эка невидаль.

Всё произошло ещё два дня назад. Сотрудники НКВД ворвались в храм во время всенощной, и сразу – в алтарь, прямым путём через царские врата. Мальчик-звонарь метнулся на колокольню. Тревожные бом-бом-бом поднимались, будто огромные факелы, и, замирая, полыхали над городом. Звук был каким-то жалобным и непрерывным. Набегал волнами. Глушил радостное движение советских трудящихся граждан, сдёргивал пелену утреннего сна. Народ сходил. Всё больше, больше,

вот уже во дворе негде протолкнуться. Стоят стенами, храм окружили. Колокольный звон стал общим пульсом, он проникал под кожу, ускоряя движение крови. В небе, обычно скрытом тяжёлыми слоями туч, вдруг образовалась бездна. Пробоина, похожая на прорубь, что делают рыбаки зимой. Молчаливо и робко проступили первые звёзды. Золотая пшеничная россыпь. Птица Сирий устремила её поклевать – звёзды напомнили ей спелые ягодки морошки на болотце былинных времён. Так и ухнула с головой в этой бездне, только лапки мелькнули да крыло.

В тот день отца Виктора забрать не удалось. Он предложил сотрудникам НКВД прийти ночью, когда всё успокоится. «Сейчас-то народу много. Приходите после, позже...» Так они и поступили. Священника арестовали, когда небо и земля соединились в единую плоскость. Во всём городе горело одно единственное окно, узкой, змеиной полосой: в подвале бывшего купеческого дома, где обитал теперь комсомолец Василий Сулов. В ту ночь он сидел на подоконнике с блокнотом и пытался сочинить стихотворение-агитку в честь ударного дня на кирпичном заводе. Несколько строф уже бронзовели, подкованные рифмами, когда, сверкнув фарами, за углом скрылась машина. Василий ничего не заметил, потому что был погружён в чувственную стихию зарождающихся форм – прохладных и терпких на вкус, будто неспелая вишня. Потом он убрал карандаш в пенал и лёг спать. Спокойно заснул, радуясь своей молодости, революционному успеху и куражу. Мирно заснул, не догадываясь, что у стихотворения не будет читателя. И что сам он никогда не прославится, как хотелось бы. Не помогут ни занятия в литературной студии, ни беседы с мастерами слова, искренняя любовь к Наталье и бодрость духа – ничего.

ГЛАВА 3

Непризнанный гений

...Казалось, будто он находится в просторном зале, без конца и без края заставленном стульями с высокими спинками; и будто вдали, на троне, кто-то важно сидит, но дойти невозможно: белые колонны, качнувшись, рассыпаются. И вот уже только груды обломков вместо пышного дворца... Один из обломков угодил в глаз, другой стукнул по голове, третий – проник внутрь, потому что тело стало прозрачным. Прозрачным, израненным, полым внутри.

Данила проснулся. В дверь стучали и звонили. Притаившись, он слушал, как неведомый гость тяжело дышал, топтался, потом стал спускаться по лестнице. По напряжённости шорохов Данила безошибочно угадал, что это был один человек, причём, скорее всего, пожилой и скромный; не группа, не компания, и скрип шагов, тихий, будто колыбельная, отозвался внезапной радостью. Да, Наталья, конечно, умерла не вовремя. Лишняя суета теперь. Но и ему-то осталось продержаться недолго, всего пару дней. Дверь открывать никому не будет, на работу не пойдёт. Продукты в холодильнике имеются. Что ещё?

Прислонившись к стене, он осторожно глянул, чуть сдвинув штору, в окно. Из подъезда выходила женщина в длинной чёрной юбке и модной куртке с блестящими стразами на рукавах. Снег, выпавший вчера ночью, теперь лежал на газонах, неряшливо и грязно, окружённый чёрной рыхлой землёй и лужами. В небе также было зябко, неуютно. За тёткой шествовала пара чуваков с камерами наперевес.

Как же надоели! Сразу понял, что приходили по поводу одного видеосюжета, причём глупейшего. Вот уже несколько месяцев по городу рыскали журналисты, которые снимали фильм «История одной любви». Их интересовало не только что-то великое, незабываемое, но и повседневность. Одну из первых, очень красивых пафосных историй рассказал Тирольский. Тем самым он бросил тень и окончательно опозил всю идею проекта...

Когда-то они с Полиной подали заявку на участие в проекте. Данила не хотел, но она настояла. Вскоре они расстались, однако режиссёра интересовали «истории любви» не только настоящей, сложившейся, но и бывшей, угасшей; он хотел показать скрытые пружины и взаимосвязи. Судя по навязчивости, вся его команда – скорее всего, мошенники.

В комнату залетела муха, тяжело повела крыльями. «Совсем скоро проснутся насекомые, а у червей в земле появится свежее питание... – с иронией подумал Данила. – И пошли вы со своим фильмом».

Муха неприятно и как-то даже непристойно зудела. Схватив газету, Данила хлопнул воздух, а затем дверцу подвесного серванта. Стало тихо. И тогда он увидел...

Там, на верхней полке серванта, между часами и жестяной банкой из-под чая, в пластиковой грошовой рамке коварно затаилась фотография Полины. Получается, весь этот год он ходил с опущенной головой и ни разу не взглянул наверх – так бы обязательно заметил и убрал. Снял бы да бросил в корзину. А в рамку заправил бы что-нибудь иное, да хоть фотографию младшей сестрёнки Даши. Самого близкого, пожалуй, человека в этом мире. И самого светлого.

Неужели он настолько привык к окружающим деталям, что просто не обращал внимания? В таком случае это – первый признак приближающейся смерти. Ты перестаёшь видеть реальность обновлённой, тебя не задевают, не царапают воспоминания, предметы и всё остальное, житейское. Оно становится подобным тусклому отражению мерцающих свечей.

Выхватив фотографию, присмотрелся. Пышным взмахом – золотые косы на плечах. Такие же светло-коричневые, почти золотистые глаза. Тонкий нос, припухшие губы. Сейчас она казалась ему некрасивой. Учесть, что и веснушки ещё замазала и тени под глазами убрала. Знаем мы ваши хитрости. Посмотрел... Да и отложил. Слишком много времени прошло, чтобы злиться. «Живи с миром, – подумал Данила, – будь радостна на своём пути, ну а мой день что-то не задался...»

Данила был прав. День не задался. Чуть позже позвонила мама и, рыдая, рассказала, что после обеда Дашка схватила сумку, школьный рюкзак, и куда-то исчезла. Выскочила из дома, на звонки не отвечает. Нужно было срочно её искать, и это – сейчас-то! «Может, повременить с делом, пока Даша не повзрослеет. Через два года она станет совершеннолетней, сможет жить отдельно», – мелькнула мысль и тут же растворилась, задохнулась от внутреннего возмущения. – Нет, нет, ждать, терпеть больше нет сил – нельзя!

От всех этих мелких событий и тягостных известий голова шла кругом, а цельный мир распался на фрагменты. Муха, режиссёры, фотография, сестра. Апрельский снег, пустынное шоссе. Всё это мерцало, увеличиваясь в размерах, и угнетало, и звало. Так, что Данила забыл про запланированную встречу со своим старшим другом и наставником Леонидом Николаевичем Линозовым, который поджидал его в пекарне «Советская». Мягко говоря, Линозов был не в восторге. Прождав целый час, он сделал неутешительные выводы о духовном состоянии молодёжи, а также деградации общества на фоне разрушительной антинародной политики правительства.

ГЛАВА 4

Красная машинка

Удивительная и странная у них была дружба – у скромного аспиранта химического факультета и мудрого, чуть возвышенного («не от мира сего») экскурсовода-историка. Среди разногласий и всеобщей разобщённости они смогли найти друг друга. Время от времени гуляли по центральной улице или же в тихих беседах проводили вечера в пекарне «Советская». Когда-то экскурсовод Линозов был влюблён в маму Данилы, но свои чувства умело скрывал, давая при этом волю фантазии. Этого вполне хватало, чтобы жить счастливо. Познакомились они в тот период, когда молодой Леонид Николаевич преподавал в школе отечественную историю, а Вита Степановна – литературу. Худенькая и нервная учительница была бы совсем незаметна, если бы не её глаза, чёрные и пронзительные. Скромная до катастрофы (а-ля «серая мышь»), она одевалась просто, без всякого вкуса. Стандартные юбка-пиджак, толстые колготы в рубчик, а на голове – прилизанный строгий пучок, проткнутый шпилькой. Но томный взгляд под тёмными ресницами обещал что-то другое, волшебное и печальное, и при более близком знакомстве Линозов понял, что не ошибся. Общение, правда, было совсем недолгим. Разрушать чужую семью он не собирался. Мало, что ли, в жизни других проблем! Как человек интеллигентный, он мог представлять Виту, когда обнимал других женщин; это было даже приятнее, чем банальная связь, расставляющая все точки над «i»: каждый раз аромат её кожи был новым, а тело таило неизведанные оттенки наслаждения; Вита не прекращалась и была вечной. В каком-то смысле Линозов чувствовал себя однолюбом. И даже гордился этим. Единственное, к шестидесяти годам было бы разумно создать собственную семью, найти какую-нибудь скромную девочку, способную родить здорового ребёнка. Как-то раз он говорил об этом с Данилой, но тот лишь улыбнулся. Высокие идеалы современная молодёжь, увы, совсем не воспринимает. Любовь, дети, прочие ценности им непонятны, как стёртые иероглифы на скале. Они даже семьи создают не искренне, а просто так,

следуя моде. Леонид Николаевич вздохнул, обмокнув блинок в густую сметану. За окном крупными ключьями валил снег – апрельское ненастье продолжалось. Всё кружилось и куда-то несло, исчезая.

Сейчас мгновения рассыпаются, будто мелочь из дырявого кошелька, а раньше... «Есть только миг, за него и держись». Почему? Да потому, что он вечный, этот миг. Лодочкой чудесной унесёт в сиреневую даль. И до сих пор ведь уносит, лаская душу. До сих пор Вита Степановна проходит по коридорам, и маленький Данила бежит следом.

– Постой! – говорит Леонид Линозов, и мальчик тут же останавливается. – Вот, возьми это, – он протягивает шоколадку, под обёртку которой незаметно вложена записка с признанием в любви, – передай маме. Только обязательно, слышишь? Обязательно. Я тебе машинку подарю. Красную, с большим кузовом. После...

– Хорошо, – тот берёт и уходит, теперь уже не так быстро, но всё-таки не оглядываясь.

«Как бы не съел... – думает Леонид, – ребёнок глупый, первый класс. Сейчас такие дети...»

Но мальчик всё отдал, сделал, как уговаривались. Линозов это понял сразу, на другой день, как только встретился с Витой взглядом на педсовете. Она напряжённо сжала губы и отвернулась, а щёки, вспыхнув, всё горели, словно костры надежды, разведённые на островах морями, потерпевшими крушение. Так Леонид узнал, что его чувство ответно. Это в корне меняло дело. В тот же момент школа погрузилась в густое полотно тумана, над предметами проявился едва заметный золотистый нимб, а некоторые люди и вовсе растворились. Последнее, что он помнил, – это долгий мелкий дождь и автобусную остановку, на которой они встретились якобы случайно, но ведь случайностей в жизни не бывает. Под крышей, затёкшей какой-то дрянью, будто небо накладывало макияж, и теперь его старательно смывало дождём, Вита тут же заявила, что всё это дурь. Она – не девочка для игр, пусть не мнит о себе невеста что. Леонид смотрел на её колготки в рубчик, забрызганные грязью, на ботинки армейского типа с толстыми шнурками и думал, до чего же она некрасива и смешна. С тяжёлым портфелем, заполненным тетрадками, добиралась до дома. А потом опять в школу. Вот и всё. Вся жизнь. Красной ручкой подчёркивать чужие ошибки. Сейчас такой ошибкой стал он – а ведь не навязывался, ничего не хотел, просто сообщил о своих чувствах (такая вот прихоть) и оставил при этом втайне главное: здесь не баловство, всё очень-очень серьёзно. Любовь подобна звезде: вдруг падает с неба, кто поймал, тот обрёл счастье на несколько мгновений. Линозов был ещё и романтиком: он считал, что чувство надо беречь, несмотря ни на что, ни на какие внешние обстоятельства, а не растаптывать грубо и вульгарно, как это делала Вита. Он хотел, чтобы счастливое мгновение стало вечностью.

– О чём вы? – бесстрастно сказал Линозов. – Шоколадку передал просто так. Порадовать думал.

Такого поворота Вита Степановна явно не ожидала. По её сценарию он, видимо, должен был упасть на колени и целовать асфальт, хранящий отпечатки её ботинок. Побороться ещё, а потом...

Не прощаясь, Линозов шагнул в дождь. В самую гущу холодного осеннего ливня. Вокруг колыхались тёмные ветви деревьев, а тусклый фонарь напоминал череп, насаженный на длинный кол.

Ещё через два месяца, дождавшись зимних каникул, он уволился из школы и стал работать свободным экскурсоводом; из свободного – незаметно перевёлся в «лицензионного», а из вечной молодости – в старость-не-радость. Потом Данила встретился с ним много лет спустя, на экскурсии. Тогда-то они и стали друзьями.

– Кстати, ты помнишь, как я маме твоей шоколадку передал? – спросил как-то раз Линозов.

– Помню. Могли бы и сами подарить...

– Мог бы, да. Так не оригинально совсем! Вот в чём дело. Мы ищем лёгких путей. Во всём и всегда... Попроще, полегче... а надо... – Леонид Николаевич говорил ещё долго, а Даниле тем временем вспомнился тот день, когда он принёс домой шоколадку.

Мама с покорным равнодушием взяла, почти не удивившись: «От учителя, ага...» Затем прошла на кухню, там развернула. Вкус, видимо, ей совсем не понравился. Она вскрикнула и, хлопнув дверью, метнулась в комнату, где Данила продолжал разбирать портфель.

– Иди сюда! Ты что принёс?!

Невкусная шоколадка лежала в хрустальной салатнице в центре стола. А на другой день – и это не померещилось – мама крошила её на пол и топтала, вдавливая то одной ногой, то другой. Вечером его наказали и не разрешили идти гулять с друзьями. Скорее всего, это было связано всё с той же дурацкой шоколадкой, но на всякий случай Данила уточнять не стал – меньше вопросов, меньше проблем. Случай вполне укладывался в повседневную жизнь и череду невзваний.

– Я искал более изысканного пути, чтобы поздравить с Восьмым марта твою маму, только и всего, – завершил свою речь дядя Лёня. Его сухое лицо, тронутое морщинами, было печальным и одновременно одухотворённым.

– Да понял я...

Уже тогда, при первой встрече в коридоре школы, невозможно было не почувствовать душевное тепло и доброту учителя. Просто так, без всяких даже слов! А как деликатно он после ни о чём не спрашивал! Но больше всего Данилу поразила способность говорить и рассуждать. Леонид Николаевич ни на чём не настаивал и не заставлял – он всего лишь говорил, искренне, от чистого сердца, выдерживая необходимые паузы. Правда, обещанную машинку так и не подарил. Но это ведь и не важно...

ГЛАВА 5

Линозов негодует

В пекарне пахло тёплым хлебом и только что испечёнными блинчиками. Всё было таким вкусным – совсем как тогда, в советские времена! И докторская колбаса ярко-розового цвета с белыми горошинками душистого жира, и супергустая сметана: ложку воткнёшь – не упадёт. Линозов уплетал эту сметану с блинами и запивал брусничным морсом, а вокруг сидели личности криминального типа: мужик с бородой-лопатой, какая-то женщина и дети – все с телефонами, погружённые в свои личные тайные миры. За крайним столом устроился серый кот в сапогах и шляпе со вдетым пером страуса – и тоже уткнулся в телефон. «С ума сошли, – подумал Линозов, – глядят в экраны как ненормальные». Сам он из принципа не покупал смартфон, а потому не мог сейчас позвонить Даниле и поинтересоваться, что случилось. Для этого нужно было как минимум вернуться домой и покрутить диск стационарного телефона.

Но домой возвращаться не хотелось, слишком неприбрано там было и холодно. Свет через стекло, залепленное всякой грязью, пробивался едва-едва, а на полу лежали стопки книг, страницы которых таили пятна разлитого некогда кофе. Уж куда как приятнее заходить в квартиру, когда темно. Да и Поллета, ещё не вышедшего из зимней спячки, лишний раз не тревожить скрипом двери.

Из домашних животных Линозов держал Поллета – древнего австралийского червя, который обитал в литровой банке и жрал капустные листья. Купил когда-то на рынке: привлекло то, что червь не умеет разговаривать и не издаёт никаких звуков, а значит, не помешает чтению и научным изысканиям. В отличие от аквариумных рыбок – он был менее прихотлив в уходе, а в отличие, скажем, от пуделя или чихуахуа – его не нужно было расчёсывать и водить на прогулку, ну и, наконец, этот зверь был действительно древним и солидным: продавец выдал паспорт с указанием возраста и родословной. По всему выходило, что червь обитал в Австралии, когда славяне ещё ходили в шкурах, сочиняли священные руны и поклонялись Перуну. «Я не какой-нибудь там Тирольский, – подумал тогда Линозов, – пусть моя каморка и мала, но зато домашние питомцы уж наверняка древнее, а значит, лучше».

Расплатившись за блинчики, Линозов вздохнул про Данилу. Так и не пришёл! Ну, загулял парень. А и правда – последнее время он какой-то странный, с лихорадочным пристальным взглядом и расчёпанными волосами. Отвечает невпопад. Так, будто думает о чём-то совсем другом. И где тот тихий совестливый мальчик с ясными чистыми глазами и доброй улыбкой? Линозов предполагал, что Данила влюбился, но от этого ему было больнее вдвойне: с ним не делились и совета в таком важном деле не спрашивали. Ну разве так можно?!

Проводить время в ожидании Данилы уже не было возможности – скоро должна была начаться экскурсия, и Леонид Николаевич двинулся в сторону центральной улицы, к памятнику Ленину, возле которого его уже поджидала группа, несколько человек. С неудовольствием он отметил недалёких посетителей той самой пекарни: вот и мужик с бородой-лопатой, и женщина, и подростки, и кот в сапогах.

– Гхм, где-то мы с вами виделись, – попробовал пошутить Линозов, но группа осталась безучастной. Видимо, в пекарне его просто не заметили. – Так. Прошу убрать смартфоны. Во время экскурсии ими пользоваться нельзя!

– Позвольте, – оживилась женщина, – а я хотела фотографировать. Фотографировать на телефон можно?

– За отдельную доплату. От всех этих вспышек стены зданий ветшают.

– А, ну тогда не буду, – согласилась женщина, затолкала телефон в узкий розовый футлярчик и сразу загрустила.

– Ещё вопросы есть?

– А долго будет экскурсия? – протаптываясь, спросили подростки, и Линозов понял, что их отправили родители, а по доброй воле – сидели бы в пекарне они и дальше, уткнувшись в свои электронные устройства.

– Несколько часов, – сказал Леонид Николаевич, хоть и собирался уложиться в два часа. Лица детей сразу стали пасмурными. Теперь, для полного комплекта, осталось чем-нибудь расстроить бородатого мужика и кота, но кот неведомо куда исчез, а мужик и так был вроде бы печален. Его лицо словно бы хранило отпечаток мировой скорби.

– Ну, приступим! – решил Линозов.

И чудо началось! Подростки, раскрыв рот, забыли про время, а женщина про телефон. Вновь появился кот. Слетелись на провода стайки воробьёв, которых Линозов зимой всегда подкармливал. Из коробки «Молоко» он даже соорудил кормушку и повесил на тополь возле библиотеки.

Секрет экскурсии Леонида Николаевича, пожалуй, заключался в том, что это была история города – и одновременно его собственная, личная история, проступающая сквозь вековые камни неровным почерком. Вроде бы всё мелочи, бытовые частности, но именно они создавали ощущение доверительной беседы за чашечкой чая. При этом Линозов не заслонял собой исторические сюжеты, но, скорее, расширял и дополнял их.

От типичного памятника Ленину на центральной площади маршрут лежал к величественному собору Благовещения, недавно восстановленному, с золотыми куполами на стройных башенках, затем – к купеческому особняку – нарядному дореволюционному зданию с дорическими колоннами, балконом в форме парусной лодки и причудливой лепниной под окнами. Так сложилось, что остальные старинные постройки не сохранились: одни снесли, когда расширяли дорогу, другие сгорели во время пожара, третьи совсем обветшали и на их месте построили стеклобетонную коробку. В особняке же в советский период располагался Дворец культуры, в парадном зале звучали правильные речи, а по коридорам ходили пионеры. Потом, когда времена сменились и всё разворовали, помещения стали арендовать разные частные организации – спортивный клуб «Берёзка» на первом этаже, какая-то то ли певческая, то ли танцевальная студия – Линозов толком не разобрался – в зале второго этажа; склад всякой рухляди на чердаке и бардак (а по-другому его не назовёшь) в подвальном помещении, куда заходили молчаливые неформалы в тёмных одеждах. Их лица, густо накрашенные, были подобны театральным маскам. Для любителей теории заговора также находился уголок – в фойе, на входе, продавалась разная неофициальная литература, посвящённая концу света, масонским козням, достижениям советского периода, преступлениям деятелей современности, а также вариантам неизбежного возмездия. Здесь же, в особняке, проходили музыкальные концерты и обсуждения стратегий народной борьбы. Мнения разделялись. Кто-то говорил, что необходим переворот, другие – что надо купить домик с земельным участком и уехать в деревню. Спасение там.

Словом, особняк, подобный городу или даже миру в миниатюре, вмещал самые разные формы общественной активности, и жил он не только днём, но и ночью, когда под окнами собирались молодёжные компании, а по опустевшим тёмным комнатам начинали бродить призраки. Несколько случаев реальных встреч с привидениями, свидетелем которых он был сам, Линозову поведал охранник дядя Толя. Кроме того, происходили и другие таинственные явления, которые дядя Толя просил пока не разглашать. Например, на стене в одной из дальних комнат каждую пятницу проступало кровавое пятно. Сначала уборщица оттирала его специальным средством с хлоркой, закрашивала, заклеивала обоями, пыталась завесить картиной, но оно сквозь стену проступало и на картину. Потом, утомившись, предложила закрыть это место картиной, выполненной кистью художника-абстракциониста. Квадраты, кубы, зигзаги и прочие фигурные излишества делали бы наличие кровавого пятна вполне оправданным и легальным.

Идея понравилась директору особняка, человеку незаметному, но очень влиятельному. Всё, за что он брался, он делал с размахом, а потому вместо одной картины повесил сразу десять и заодно учредил премию. Так появился «Выставочный зал современного искусства» и премия «Квадрат».

В тени берёз, что росли подле особняка, было принято признаваться в любви и устраивать первые свидания. Сюда стягивались туристы, бандиты, поэты и сумасшедшие, герои, меценаты, мотоциклисты, благонравные тётушки и обманщики всех мастей. Здесь же, казалось, вечно маячила тень

отца Гамлета, а также рваные мачты давно затонувших кораблей. И, конечно, именно сюда в первую очередь приводил экскурсантов Линозов.

Сначала он рассказывал про лепнину вокруг окон. Эту тему Леонид Николаевич очень любил и мог говорить часами. Древнегреческие сюжеты затейливо переплетались с древнерусскими, и вот уже над поверженной Троей парит птица-Сирин, а Илья Муромец, привстав на коне, провожает взглядом отплывающего Одиссея. Фигурки были вырезаны мастерски, с ювелирной точностью, это давало хороший повод представить историю архитектуры в целом: когда появились первые каменные здания, какие существуют типы украшений, как сложились судьбы легендарных мастеров.

Затем он мимоходом упоминал историю самого особняка: построил его некий купец Былинкин, внук крепостного крестьянина Милетия Быкова. Про Милетия вообще ничего не известно.

– Вы представляете! – негодовал Линозов, – каково было отношение к народу! Бедному, гонимому! Увы, увы, мало что меняется. Крестьянин. Конечно. Не принято было про него мемуары писать. Вот так! Был бы он аристократом – то извольте. И портрет бы нарисовали, и всё такое. Плохо жил Милетий, хоть и выкупился. Лишь благодаря собственному труду и жил. Несгибаемой воли человек! Борец! Хоть и безмолвный, скромный. Свою тягу к труду он передал детям. И вот уже они, бедные дети, боролись с нищетой. С вечной нищетой русской деревни. Почитайте Бунина «Суходол», не поленились. Вам станет страшно. Так вот. Боролись. И так здорово это у них получалось, что... адью! Bravo! Уже внук соорудил этот замечательный особняк. И жил в нём со своей семьёй, женой, детьми и прислугой. Буржуем стал, скажете? Ну, не судите строго. Произведение искусства всё-таки создал. Да и, в целом, не скупился, надо сказать. Школам помогал. Считал, что все, даже девочки, должны иметь возможность получить образование. Вот как он считал, да. А сегодняшние, современные девочки могут учиться, да занимаются всякой ерундой. Вместо учёбы, гхм, в интернетах сидят. А тогда девочки хотели учиться, но не могли. Былинкин первый, на свои средства, открыл приходскую школу для девочек из бедных семей. Ещё он сделал освещение. На центральной улице фонари поставил. Ещё он построил больницу и открыл первую публичную библиотеку. На месте могилы Былинкина сейчас футбольное поле. Вот сразу за храмом, мы ещё посмотрим это место. Судьба детей. Два старших сына погибли в гражданскую войну, младший, ему шестнадцать было, – умер от голода. Про дочь Таисию, или Тасю, как звали её в детстве, ничего не известно... Словом, нет сейчас потомков Былинкина. Нету. Зато всякие Тирольские корчат из себя новую элиту. Тьфу! Псевдоэлита поганая... А ещё в этом доме проживал замечательный советский поэт Василий Суслов. Поэтому особняк в народе называют «дом Суслова».

Вот вроде и все сведения, которые преподносил Леонид Николаевич про бывшего владельца особняка. Без особых сенсаций, зато с чувством.

От «дома Суслова» группа направлялась к собору. По традиции, в центре стадиона участники экскурсии делали общее фото: здесь можно было подобрать такой ракурс, что виднелись и золотые купола собора, и фасад особняка. Затем заходили внутрь. В советское время в храме располагалась овощная база, это и сохранило памятник архитектуры от уничтожения. Взрывать не стали, хотя такой проект разрабатывался: дело в том, что на стадионе проходили общегородские соревнования и назревала острая необходимость расширить пространство. Для овощей предполагалось построить отдельные помещения.

– Но как у нас это обычно бывает, – вздыхал Линозов, – сначала разработали макет, потом долго согласовывали. Потом копали фундамент нового здания. А потом... Всё развалилось. Достроить не успели. И деревня уже не поставляла овощи в таком количестве. И храм стал действующим. Видите, как бывает. Жаль, конечно, что соскоблили древние фрески со стены. Я – человек верующий, скажу вам честно. А потому все эти действия считаю возмутительными. Мы же люди культурные, образованные... Зато... Зато сохранились стены собора. Аутентичные, как сейчас говорят. Это вам не Москва, в которой взорвали Храм Христа Спасителя, а теперь построили пафосную громаду, гимн официозу. Вообще, в современном мире всё как-то бездушно, с отпечатком холодного великолепия и пустоты. То ли дело раньше. Первый человек в космос полетел. Как же это здорово!

– Н-да, сегодня не хватает романтики, согласен... – подтвердил мужик с бородой. – Такая тоска вокруг. Зелёная!

Много чего ещё говорил Линозов, о свободе, справедливости и патриотизме, о громогласном поэте Василии Суслове, про памятник Ленину, Благовещенский собор и прочие достопримечательности.

И конечно, про особняк. Здание, которое напоминало мощную планету, вокруг которой кружили остальные дома, улицы, памятники. Другие города, страны и галактики. Туманы, дожди, потоки солнечных лучей и ветер.

ГЛАВА 6

По ту сторону ветра. 1922-й

Вспоминались разрозненные отрывки, лёгкой рябью по реке. Фиолетовая сирень в палисаднике, прохладный запах свежей вербы. Расписной конь на колёсах и сумеречный стих: пляс зажжённой свечки, скрип санок, задорный лай собак и что-то ещё тёплое, солнечное; лёгкое, как снежинки на рукавичке. Дунуть – полетят. Светлым кружевом под небеса. Её кто-то подхватывал и сажал на колени.

А потом, вскоре, она почему-то оказалась в низкой полутёмной избе.

Чёрные скаты крыш над снегом, косые ветви синеватых ёлок. Сколько бы она ни всматривалась в крохотное оконце, в оттаявший среди белых узоров на стекле ледяной глазок, ничего другого увидеть не получалось. Метель покрыла мир. Метель гуляла вволю, день-ночь, день-ночь... Будто маятник разбуженных часов.

Наташа была в валенках и шерстяном платке поверх тёплой одежды, но всё равно замёрзла. Сквозило из всех щелей. Печь давно потухла и стала холодной, а мама, неподвижно свесив руку, лежала на скамье. Не отвечала, не вставала. Ничего не спрашивала. Только в углу, под столом, деловито сновала чёрная страшная тень, мелкая, вертлявая. Потом тень стала больше и ещё больше. Раздулась, зашипела. Наташа отскочила, побежала, закрыв глаза, скорей бы хоть куда, вон к той, к дальней стене, но, запнувшись, упала, и скользкий холод полоснул лицо. Тянул, вбирал в себя, мучительно прилип... И вдруг опал, под крики, топот, голоса. Скрылся. Обессилев, Наташа не могла кричать и плакать, но разом стало тихо и привольно, как будто на большом лугу, среди густых весенних трав.

* * *

– Успели! – приговаривал мужчина, отмеряя шагами комнату, – и всё же, всё же... не успели...

Доски пола скрипели и шатались. Шатались створки шкафа и посуда, две чашки, блюдце, банки на столе. Маятник проник во всё. Туда-сюда, туда-сюда.

– Афоня, ну чего казнишь себя! – пыталась успокоить брата женщина, – мы не могли скорей. Метель, ишь, разгулялась. Ребёнок чуть не умер...

– Так что теперь?

– Как что! – тут она развязала узелок и положила на блюдце неровный ломоть хлеба, чёрный от разных добавок и смесей, поскольку мука давно закончилась. – Печь затопи. Вот что. Попа зови. Поди, все спят уже... Ты бывший староста, тебе всё можно. А девочку себе возьмём.

– Че-го?! – он разом остановился. – С ума сошла, Феня?! Придумала...

– Дочкой станет.

– Ты знаешь, чья она дочка?!

– Я знаю. Ты знаешь. А больше никто и не узнает... Никогда. Мала совсем. Священник пусть молчит, скажи ему... И пригрози. Настоящая будет дочка.

– Не хочу я никаких дочек! – сопротивлялся Афанасий Иванович.

Но Аграфена Ивановна прекрасно знала: это только пока так. Супругу Нину, умершую от тифа в год начала гражданской войны, не воротить, так хоть дочка будет, подрастёт, порадует... Внуки пойдут. По хозяйству опять же подмога. Пирожков напечёт, песню споёт. Не вечно же ей рядом быть! Тайно, пока ещё никого не предупреждая, Аграфена хотела уйти в странничество, посмотреть, как на Руси живут, что люди говорят. Добраться до южного моря и, скинув все одежды, упасть в косматую волну. Вцепившись в пенную гриву, поскакать над миром, веселясь и хохоча. В солёных искрах и солнечных лучах. Такую идею точно никто бы не одобрил, вот Аграфена и молчала. Только сухарики откладывала в мешок.

– Я, может, женюсь ещё! – возмутился Афанасий. – Так что не придумывай.

– Ну, дак, жена поможет нянчить... – покорно согласилась Аграфена, хоть и не верила в возможность брака: не те женщины сегодня пошли, чтобы дома с ребятишками сидеть или мужа убажывать. Она бы и сама не согласилась.

– И время голодное сейчас, – чуть мягче протянул Афанасий, – самим есть нечего... Так что...

– Маленькие девочки много не едят, – закончила беседу Аграфена, – нянчить помогу. А после, как подрастёт, она тебя уж нянчить станет. Вот так. Ступай к бывшему храму, я пока приберу... Тася, бедная Тася... – и, всхлипнув, потёрла глаза.

В тот свет и Божий мир они не верили, но необходимость некоторых обрядов признавали. Всю жизнь Афанасий был старостой Благовещенского собора, а она горделиво снимала свечи с самого главного, центрального, подсвечника. От этой деятельности она бы и сейчас не отказалась: ей нравилось ощущать на пальцах горячий талый воск, наводить стройность, следить за порядком во время богослужения. Свечи она тыкала не просто так, как некоторые неразумные свещницы, но исходя из толщины, оттенка, высоты, гибкости, выстраивала чудесными фигурными рядами. Сейчас-то в соборе всё уже не так. Пусто и холодно. Впрочем, что грустить. Молитвы она и раньше не слышала, высокое слово, преодолевая путь к сердцу, становилось пыльным, мохнатым, с изменённым смыслом и неясным звуковым очертанием, а потому ей было даже приятно проветрить душу и больше не загромождать её ничем лишним.

Необходимость же добрых дел никто не отменял: это и привлекло её в революционном движении. Бедных накормить, бездомным дать кров, неграмотным – образование, а всех богатых лишить имущества. Чётко и справедливо. Единственное, было обидно за купца Былинкина, тут как-то не разобрались, допустили ошибку. Аграфена знала, что для города он сделал очень много: ту же школу построил, где она бесплатно училась семь лет. Как-то раз он пригласил в гимназию Петроградскую театральную труппу, и на драматической постановке «Царь Гвидон» она впервые увидела синее море, вышитое на ковре-декорации. Тогда и поняла, что родному городу не хватает хоть какой-нибудь реки. Большой или малой. Был пруд, опять же, барский... В воде резвились стайки рыб и важно плавал лебедь. Возле своего дома-особняка Былинкин разбил небольшой сквер с фонтанами, по которому можно было гулять всем желающим, там она и познакомилась однажды с Тасей, младшей дочкой хозяина. В кисейном платье и белой шляпке, Тася обернулась и, робко улыбнувшись, протянула ей горсть фундука. Берёзы отбрасывали продолговатые ровные тени так, что почва казалась ребристой. Тёплый майский ветер теребил листву. К ним подошла пожилая женщина с высокой причёской, спросила, как зовут, и сказала Фене, чтобы она приходила поиграть, все вместе они будут бросать мяч, а после, в беседке, прочитают книги.

Так девочки и подружились. Аграфена стала бывать в гостях в том самом доме, который спустя каких-то десять лет станет государственным. Сначала в нём сделают ряд коммунальных квартир, но Былинкин, погибший при взрыве на железнодорожной станции, ничего этого не застанет. Вот его дети станут истинно былинками, носимыми в поле. Младший сын умрёт от голода в своих бывших владениях, в коммунальном углу, а Тася, Тасечка... теперь вот...

Не сдерживая слёз, Аграфена зарыдала в голос и тяжело опустилась на лавку. Как-то всё неправильно это было, несправедливо; при этом она понимала: значит, так должно быть. Не получается по-другому. Это сначала страдают и погибают хорошие люди, а после наступит счастье для всех. Такое прочное счастье, что ничто уже его не поколеблет.

– Малютку мы себе возьмём, не бросим, ты не переживай, – говорила Аграфена покойнице, – вырастим... Афанасий упрямится, но это он только так, на словах. Нет, ты не подумай. Человек он жалостливый, привыкнет, полюбит...

Так всё и случилось. Наташа стала жить в доме Петровых как своя, как родная дочка. Она знала, что мама её умерла от болезни сердца, это соответствовало тусклым воспоминаниям, неясно проступающим сквозь завесу, словно сквозь плотную листву. Как хорошо, что отец успел в тот страшный вечер вернуться из дальней поездки! Иначе её бы съели крысы...

И только два момента неуловимо берегли память о чём-то ином: впечатление, которое она не смогла бы выразить словом, подобное тихой песне, будто где-то слышанной, но не в семье Петровых. Может быть, то пели ангелы? Или птицы райские? Аграфена, любившая всё народное, рассказывала ей в детстве перед сном про южный остров, где живут птицы с печальными головами влюблённых женщин. Порхают по деревьям и поют. Одна из них на Руси обосновалась, хоть и тяжело ей, лапки мёрзнут зимой без сапог.

Второе – это старинные вещицы, которые, как туманно пояснял отец: «Её главное наследство, по праву ей принадлежат. От каких-то далёких родственников-предков, их имена уж подзабыли. Родовое, в общем». Зная склонность дочери, он строго добавлял: «Так что не вздумай кому-то подарить».

Аграфена загадочно молчала. И ничего не говорила. Не вспоминала, как оглядела тогда жилище Таисии Васильевны, присматривая, что бы взять на память для Наташи. Но комната была почти пустой. Порывшись в серванте, Аграфена не нашла ни писем, ни фотокарточек. Памятуя судьбу родственников, Тася больше всего боялась обыска и, видимо, куда-то надёжно всё попрятала, если не уничтожила совсем. К счастью, на дне одной чашки обнаружился медальон с фотографией молодого Былинкина – этот медальон, а также саму чашку Аграфена бережно убрала в холщовый мешочек. Ещё она взяла настенные часы с маятником. Дважды в сутки, в тот момент, когда стрелки приближались к двенадцати и к шести, створки часов распахивались и на пружине вылетала птичка, хлопала крыльями, вертела головкой, а затем, звонко чирикнув, водворялась обратно. Дверцы закрывались, и наступала тишина, вроде бы такая же, как была раньше, но при этом другая, непохожая. Потому что не существует минут-близнецов и время вспять не ходит.

ГЛАВА 7

При чём здесь солнце

Данила не выступал против искусства. Просто он считал, что пока ещё рано. Как можно писать картины или сочинять музыку, расслабляя красотой души обывателей, если в городе хозяйничает Тролль? Мерзкий оборотень. Он и к новейшей культуре лапу приложил – пришёл, видите ли, в особняк на открытие зала современного искусства и дал пространное интервью о своей жизни. Он-то тут при чём?! Потом оказалось: «при чём», да ещё как. Меценат грёбаный. Золочёные рамки для картин купил.

Любимый цвет Тролля, как все уже догадались, – золотой. Золочёные рамки, золотые купола, золотые таблички и дипломы. Одна из таких табличек висит возле Благовещенского собора. На ней выведена надпись: «Храм сей помог вернуть к былому благолепию труженик и благодетель Анатолий Тирольский». Прочитав это впервые, Данила почувствовал – бесповоротно и точно, а не так, как слепец нащупывает бордюр – ту самую сокровенную грань, за которой кончаются всякие слова и начинается чистое дело исполненных энергий. Своим пафосом простая табличка качнула чашу весов от жизни к смерти, от прозябания и тухлого застоя к переменам, к воскресению. Так казалось.

Заполнять собой город Тролль стал не сразу, но постепенно. Подобным образом мазут, просочившись из баллона, если его вовремя не перекрыть, ползёт по улицам всё дальше и дальше, оставляя за собой чёрный ядовитый хвост.

Сначала, в раннем детстве Данилы, Тирольский присутствовал где-то далеко: на глянцевах обложках журнала и телеэкране; в то время он встречался с девушкой и считал необходимым информировать общество о деталях своей личной жизни. Обставил всё самым романтическим образом. Каждый знал, что будущая супруга Тирольского, Полли, работала простой официанткой в какой-то забегаловке у трассы – таких много на просторах России. Жила она там же, рядом с магазинами и рынком, в деревянном домике, который сотрясало, когда мимо на полной скорости мчались фуры. И вот однажды её встретил Тролль. Так сложилось, что его автомобиль сломался, и, пока мастер рылся в запчастях, он зашёл выпить кофе и там, за стойкой, увидел её. Полли вовсе не была красавицей, толстая, с отёкшим и красным от вечного недосыпа лицом, с болезненно-затруднённым дыханием и тяжёлым взглядом: она злоупотребляла алкоголем и по своему складу была человеком мрачным и депрессивным. Но Тролль сразу понял – «она, она самая», ну, а всё остальное, внешность и привычки, можно изменить. И оказался прав. Весь город стал увлечённо наблюдать, как стремительно менялась Полли. Она села на диету, занялась спортом и похудела. Сделала несколько пластических операций. Кроме того, Тролль купил для неё элегантные дорогие платья от самых лучших зарубежных производителей. С каждым днём Полли расцветала всё больше и больше, вокруг неё даже сформировался круг поклонников, которые внимательно следили за каждым шагом, приговаривая: «Давай, Полли, давай! Ты сможешь!» Вот только счастья не было в её глазах. Между тем, пара активно готовилась к браку, и в глянцевах журналах регулярно появлялись фотографии их совместного досуга. Вот Полли и Анатолий выгуливают в парке ручного тигра. Вот они возле мерцающего камина, укрывшись клетчатым пледом, зимним вечером читают томик стихов Пушкина. Вот – катаются на велосипеде и плещутся, словно малые дети, в бассейне.

Наконец, день свадьбы наступил. Всё происходило красиво и пафосно, в худших традициях новой элиты: тут тебе и тысяча гостей, и пачка денег, брошенная с балкона нищей челяди, скучающим горожа-

нам, которые тут же (позор, позор!) рабски бросились поднимать и разглаживать смятые зелёные купюры. Цыгане, певцы в блестящих костюмах и начищенных ботинках, кривляющиеся перед микрофоном и пытающиеся отсутствие голоса заменить мимикой, активной жестикуляцией и прочими выкрутасами. Тут и реки шампанского, и салют во всё небо, и процессия автомобилей, пышно увитых цветами. За всеми этими новостями следила Вита Степановна, мама Данилы, она специально покупала журналы, чтобы узнать, как обстоят дела у Полли, бедной золушки, в один миг ставшей принцессой. Иногда эти публикации попадалась Даниле. Он, листая издание, удивлялся чужому успеху и благополучию, но особого значения не придавал: слишком уж далёкой была та жизнь и, если честно, малоинтересной. Только однажды он заметил, что у Полли какая-то вымученная, скучная улыбка, будто она позирует через силу, на самом же деле ей не интересно и хочется чего-то совсем другого.

– Не нравится ей этот Тирольский, вот что... – сказал Данила.

– Да что ты понимаешь в жизни! – мама вырвала журнал. – Хватит уже время тратить, чужие фото разглядывать. Иди, учи уроки. А Полли просто утомилась. У неё был напряжённый день. Как может Анатолий Николаевич не нравиться, скажешь тоже...

– Вполне может не нравиться, – пробурчал Данила, – чего он такой... Как павлин. Весь из себя.

Подумав, мама сказала:

– Он успешный, он сделал из Полли человека. Может быть, он не столь романтичен, как Ален Делон к примеру, но у него много денег.

– И что, ну-у...

– А то! Баранки гну. Рано тебе ещё журналы листать. Лучше бы в «Берёзку» записался, спортом занялся.

Хотя это и был стандартный, самый обычный ответ – чуть что, мама указывала на необходимость учить уроки и заниматься спортом: тем самым, видимо, она старалась воспитать и наставить на путь истинный. Но в этот раз Данила почувствовал особое раздражение и неприязнь к этому счастливому богатому человеку из журнала, которым все почему-то обязаны были восхищаться. Ему даже захотелось, чтобы Полли не любила Тирольского по-настоящему, чтобы у них случился какой-нибудь разлад и крушение. Тогда бы, возможно, мама поняла, что ошибалась и что не настолько уж прекрасен он, этот Тирольский, особенно, если сравнить его глянцевые успехи и достижения самого Данилы, который недавно занял первое место на олимпиаде по химии. Награждение состоялось в торжественной обстановке, в концертном зале особняка, сам губернатор вручил ему медаль и грамоту, а учитель химии во всеуслышание объявил, что у него, Данилы, «выдающиеся способности и большое будущее». Правда, в журналах об этом не печатали...

– Ну, поздравляю. Медаль – это неплохо, но вот в способностях сомневаюсь. А в большом будущем и подавно. Победа на олимпиаде? Просто повезло, – небрежно заметила мама. По её словам, когда он вырастет, то может спиться, как отец. Есть такая опасность: стать алкоголиком, а то и эком.

Впервые слово «зэк» Данила услышал ещё в раннем детстве и сразу спросил, что это такое.

– Давай ты не будешь спрашивать лишнего! – возмутилась мама. – Всё, видите ли, ему знать надо, проныра какой! Пойдёшь в школу, там расскажут.

Позже, вечером, когда у неё было хорошее настроение и она, напевая песенку, пересаживала цветы, всё же пояснила:

– Зэк – это человек, который сидит за решёткой. За убийство там или за воровство. И ты, если будешь плохо себя вести, не слушаться маму – станешь зэком. Тогда поймёшь, что это такое.

– За решёткой?!

– Ну да. Куда хочешь, уже не пойдёшь. То же самое касается питания. Есть будешь то, что принесут. А не то, что хочется!

– А игрушки? Там будут игрушки?

– Игрушек не будет. Что за балаган! Всё, разговор окончен, мне некогда. Ну, весь в отца...

Отец, наверное, мог бы рассказать подробнее, но он был далеко. Вечный путник по своей натуре, он редко оставался дома больше чем на два-три дня подряд. Каждый его приезд происходил по одному и тому же сценарию: первый день – всеобщее счастье и ликование; окрылённая мама, торт на столе, вкусный чай, смех и шутки до ночи. Второй день, ближе к вечеру, какая-нибудь громкая ссора. Мама рыдает, на полу битая посуда. День третий: напряжённая, почти могильная, тишина. Остатки торта, сладкие крошки на блюде, которые можно собирать пальцем и отправлять в рот... Холодный чай. Мама

молчит и смотрит в окно. Отец сосредоточенно шнурует ботинки. На прощание целует детей, его и Дашку: кратко чмокает в щёку, прижав к себе, к своему свитеру, пропахшему табаком. Вздыхает. Закидывает на плечо рюкзак. Хлопает дверь. Всё! Дай бог, через месяц-два, а то и через полгода заглянет вновь.

Почему мать называла отца алкоголиком, Данила не понимал: пьяным его никогда не видели. Кто он вообще такой? Куда исчезает и чем живёт? Эти вопросы волновали настолько, что иногда, вскрикивая, маленький Данила просыпался среди ночи и смотрел, не моргая, в густую и пустую темноту комнаты. Постепенно темнота серела, расходилась, опадала складками, и где-то в глубине, в бледном свечении, проступал призрак отца, его фигура, одиноко застывшая посреди дороги, за косыми штрихами то ли решётки, то ли дождя. Нужно было непременно разобраться, ведь где-то, в какой-то тайной, неуловимой, но подлинной точке-пересечении заканчивался отец и начинался он, Данила, – но удобного случая не представлялось. Тревожить и расстраивать лишними расспросами маму не хотелось, а потому он решил, что поговорит с отцом сам, в один из его приездов. И всё, обязательно всё разузнает. Но, как только он это задумал, отец пропал и вовсе перестал их навещать. Год, два... Десять лет... Навсегда.

Сначала Данила ждал упорно, жадно, с горячим трепетом и мукой, знакомой лишь одиноким детям. Каждое утро он просыпался с надеждой на встречу, а по вечерам, перед сном, смотрел в окно, на пустынную улицу, по краям которой росли лишь чахлые кустики да косматые пучки невесёлых сорных цветов. Вдали, отбрасывая неровную тень, горел фонарь. Дальше начинались гаражи, сараи, пустырь и городская свалка.

Ему почему-то казалось, что мама тоже ждёт и переживает, хоть и скрывает это от всех, может быть, даже от себя самой. И журналы с публикациями о личном благополучии Тирольского и Полли – лишь небольшое развлечение, отвлекающий ход в страну иллюзий.

– А ты что думаешь о Тирольском? – на всякий случай спросил Данила сестру, десятилетнюю Дашку.

– Кто? – развернувшись в кресле, она удивлённо посмотрела.

На столе, как всегда, сиял тусклый экран компьютера, сестра была погружена не в игры, а в какие-то социальные сети, в бесконечные переписки с подругами.

Тогда Данила показал журнал и попросил оценить фотографию, где Тирольский и Полли выгуливают ручного тигра.

– Прикольно, – сказала сестра, – чувак классный. И тигр у него в полосочку. Но всё же не в моём вкусе. Мне больше волшебники нравятся. А он даже летать не умеет, судя по всему. Сомневаюсь, что он обладает хоть какими-то магическими способностями.

– Ты чего, Дашк, – поразился Данила, – какие ещё магические способности?!

– А такие, – улыбнулась она, – сейчас покажу, только маме не рассказывай. И пообещай мне, что смеяться не будешь...

Потом она достала из шкафа колпак, обклеенный серебристыми бумажными звёздами, и чёрную мантию, также усыпанную звёздами, каждая из которых была не пришита, но приколоты крохотной булавкой. Мгновенно переодевшись, она предстала перед ним в образе то ли прелестного мага, то ли заморской чаровницы. Её пышные, коротко стриженные волосы торчали из-под колпака во все стороны, а длинная, до пола, мантия, слегка сползала с одного плеча, приоткрывая пёструю домашнюю кофту. Наверное, так и было задумано.

«Фу-у, всё бумажное, не настоящее, ты что, не видишь этого?..» – хотел сказать Данила, но сдержался. Только вот улыбку погасить не смог. Тем более, Даша смотрела напряжённо, готовая проникнуть во все скрытые эмоции.

– Тебе не нравится! Ты ничего не понимаешь!!! – догадавшись, закричала она и затопала ногами. – И никто не понимает! Тогда как мне... подчиняются некоторые планеты! И люди! И звери...

– А погода?

– И погода! Пусть завтра будет дождь.

И правда, на следующий день пошёл дождь. Такое вот совпадение. Долго обижаться Даша не могла, а потому вскоре поделилась своим секретом: через интернет она познакомилась со сказочными инопланетными существами, которые когда-нибудь, возможно, заберут её с собой в чудесную страну Вечного Солнца. Там круглый год лето, все любят друг друга, звери умеют разговаривать, а люди – летать. Да, она понимает, что это какая-то сказка, что так не бывает. Но всё же другая реальность, так или иначе, существует, и в этом она уверена.

– Нестыковочка, – проговорил Данила, – сама же признала, что чепуха, что так не бывает. Но при этом уверена...

– Опять ты ничего не понял, – вздохнула Даша, – но я тебя всё равно люблю. Очень...

Она забралась на ручку кресла и, прижавшись, обняла его за плечи. Было слышно, как из кухонного крана звонко капает вода. Ток-ток-ток... Обречённо и бесконечно, кротно, беспечно...

Ну а Тирольский... Что Тирольский! В те годы он был слишком далеко и не опаснее вымышленного персонажа из дамского романа, но потом, когда Данила окончил школу и подружился с Линозовым, он стал стремительно расти, обретая плоть. Из гламурного и тщеславного прожигателя жизни превратился в хитрого, бесчеловечного Тролля. Самое страшное было здесь то, что облик благовоспитанного приятного человека сохранился, но под этой личиной скрывался дракон. Чудовище. Любое его доброе дело, разумеется, ради галочки и прилюдной похвалы, таило в себе катастрофу и распад. Его благотворительность, по мнению Данилы, источала смрад и требовала возмездия. Все эти бесчисленные золотые таблички скрывали гнилую основу, так же как искусственная блестящая коронка прикрывает испорченный зуб.

Леонид Николаевич рассказывал, что когда-то Тролля был самым обычным человеком и даже какое-то время учился с ним в одном классе. Точнее, похожим на обычного... Уже тогда он выделялся в коллективе: например, в его пенале хранились американские жвачки, которыми он угощал девчонок, и те пищали от восторга.

Дальше – больше. В девятые годы, в отличие от многих, он не растерялся, но, имея семейные связи, провернул ряд крупных дел, не без махинаций, конечно, в результате чего сказочно разбогател. Линозов поправлял свою кепку и грустно щурился, словно пытался разглядеть истоки всех событий, как прошлых, так и будущих.

– Прыткий, потому что везде успевал. А на самом деле у него нет даже высшего образования! Диплом он купил. Я точно знаю. Но недалёким девицам нравятся именно такие...

– Моя сестра ставила в упрёк Тролля, что тот не волшебник, – хмыкнул Данила. – Правда, давно это было.

– Да шарлатан он! Шарлатан! – вскричал Линозов. – Самый натуральный! Только всех и обманывает... С ранних лет мухлюет, видимость создаёт. Впереди планеты всей скачет. Тоже мне, объявился...

Кто возглавляет общество помощи одиноким пенсионерам? Кто выпускает школьную стенгазету и после уроков долго общается с учителями? Кто устраивает по вечерам концерты, играет на саксофоне? Он, он – и только он... Толечка Тирольский.

Каждый год ему вручали десяток похвальных грамот. Однако, рассказывал Линозов, от громкой саксофонной музыки у слушателей потом болели уши; а помощь пенсионерам оборачивалась лишь новыми печалью. Например, одна старушка, после того как «Толечка с командой» навёл порядок в её комнате – не могла найти очки, зимние рукавицы и сберкнижку.

Всё, за что бы тот ни брался, завершалось для всех какой-нибудь неприятностью, а для Тролля – очередным успехом. Девушка Полли, кстати, исчезла после свадьбы, почти сразу, как отзвучали праздничные фанфары. Никто не знал, что случилось: кто-то говорил про аварию и даже убийство, а кто-то, что она просто-напросто сбежала и вновь живёт в маленьком домике возле трассы, продаёт кофе, семечки и чебуреки.

Даниле очень нравилась вторая версия, и, если бы времени у него было побольше, он отправился бы искать Полли, обошёл бы все трактиры и забегаловки, все кафе и дешёвые столовые, не поленился бы! Лишь бы найти ответ на загадку. Или, в крайнем случае, хотя бы написал роман – продолжение истории золушки. Жизнь с принцем оказалась несладкой, всё чаще золушка грустила, вспоминала свою каморку и то лёгкое, беспечное время, когда она могла танцевать босиком с веником и швабрами.

Но времени не было совсем. Тем более, задерживаться, медлить было нельзя. Мазут растекается, но никто не хочет остановить его гибельное движение. Только золотые таблички Тролля сверкают, развешанные по всему городу. Похвальные речи звучат. Ещё немного, и город задохнётся в золотой паутине; так нужно успеть её разорвать.

...Стараясь хоть как-то приглушить звучание Тролля, Данила выбросил все золотистые предметы из своей квартиры. К счастью, их было не так много: пара ёлочных украшений, шишка и стеклянный шар, а также серёжки Полины, своей девушки. Ух, и разозлилась она! Но сама виновата: Данила несколько раз просил убрать подальше эту гадость – золотое украшение, но она лишь смеялась, не

понимая, насколько всё серьёзно. Зато после того, как он исполнил сказанное, выбросил безделку – расплакалась и сразу поставила в упрёк, что-де свою золотую школьную медаль он не ликвидировал, если уж такой принципиальный. Это была правда. Медаль он лишь убрал на дно письменного стола, прикрыл бумагами. Но, чтобы слово не расходилось с делом, в тот же миг, на глазах Полины, он достал коробочку и, размахнувшись, швырнул в мусорное ведро.

– Давай, выноси на улицу! Кидай в бак... – приказал ей. – Выноси. Сама! Чтобы не сомневалась... Пойдём вместе. Пусть всё будет честно!

Однако полностью избавиться от золотого, а значит, от давления Тролля, не получалось. С недавних пор Данила стал ненавидеть солнце, безвольный плеск золотых лучей. Слишком тяжёлую и слишком пышную корону мира.

ГЛАВА 8

Светлый Луч

Это выглядит смешно, но перед самым выходом на дело Данила безумно проголодался. Его охватила дрожь, а в глазах потемнело. Пришлось задержаться на полчаса и срочно варить макароны. Пока закипала вода, Данила слопал целый пакет солёных крекеров.

Позади был сложный день и короткая тревожная ночь; заснуть он так и не смог, только ворочался. Теперь голова раскалывалась, словно внутри сумбурно двигалась какая-то лишняя деталь, всё не желающая вставать на место. Постепенно её движение расшатывало и другие гайки, болтики, шурупы... Голова начинала распадаться, будто сломанный механизм; потом, в какой-то момент всё стягивалось в единую точку и боль на время стихала – только лишняя деталь, провисая, продолжала давить. Но это было терпимо. Жить можно. «Держи себя... Последний шаг... Ещё немного», – сдаваться Данила не собирался. Ему почему-то казалось, что, если сейчас он упустит этот шанс – второй такой не скоро представится. И чтобы отвлечься, он вновь и вновь прокручивал в мыслях прошедший день.

Что за идиотские совпадения! Ни раньше, ни позже! Дашка поругалась с мамой и сбежала из дому. Такое иногда случалось. Не часто, но всегда драматично.

Сначала он обошёл дворы, заглянул в знакомые подъезды. Пробежал этажи и залы в особняке на всякий случай. Сестры нигде не было. Конечно, маловероятно, чтобы она скучала на банкетке в коридоре или прогуливалась по залу современного искусства, среди пёстрых картин, изображающих какие-то разрозненные фрагменты мира – пятна, круги, спирали... Но всё же... Десятки раз набирал номер. Глухо. «Абонент недоступен», и только. И вот, отчаявшись, он сел в девятый автобус, чтобы ехать к дому.

Здесь, в этом старом пожелтевшем, словно осенний лист, глухо дребезжащем и подсакивающем на каждом повороте драндулете он и увидел Дашу. Она притаилась на первом сидении, отвернувшись к окну – но Данила сразу узнал её розовый шарфик, туго обмотанный вокруг воротника пальто. Некоторое время он просто стоял рядом и ждал. Даша не оглянулась. За окном проплывали промышленные строения, заборы, свалки – автобус выруливал к окраине, за которой, на возвышении, начинался дачный посёлок Светлый Луч, и вдали, среди тёмных сырых просторов, то здесь то там сквозили бледные огоньки невысоких домов. Светлый Луч, с горькой иронией подумал Данила – вовсе не светлый, состоящий из хилых полусгнивших дачек-сараяв, богатых коттеджей, а также «зимнего дворца»...

На конечной остановке, перед мостом, Даша встала – и всё так же, механически, напряжённо глядя под ноги, вышла. Выскакивая следом, Данила окликнул. Не обернулась. Теперь, замерев возле светофора, она явно собиралась переходить на противоположную сторону, туда, где сверкали витрины «Ашана» и находилась остановка автобусов, следующих обратно в город.

– Ну и долго ты будешь кататься?! – помедлив, он зашёл чуть спереди.

Глаза Даши были закрыты, а из-под шапки к верхним карманам пальто, пульсируя, тянулись тёмные проводки наушников.

Теперь, припоминая эту сцену, Данила почувствовал в ней что-то inferнальное и даже мистическое. Сумерки. Белые хлопья апрельского снега, тающие на лету. Пустынная остановка. Время вроде бы не позднее – но все люди куда-то исчезли; нет никого. Только машины проносятся, со свистом размыкая лужи. Одинокaя девочка-подросток среди темнеющих дорог, в старых кедах, пальто до колен, розовом шарфике... – сейчас, правда, она не в этом скорбном мире, а в мире своей музыки, какой-нибудь Мельницы, метельных вихрей, средневековых замков, королевшиш, мудрых птиц. Эй! Ау!

Весь обратный путь Данила разъяснял некие жизненные истины, от которых ему самому было тошно. Как он и предполагал, Дашка целый день каталась на автобусе – сначала в одну сторону, до Светлого Луча, потом обратно. Бродить по улицам было холодно, сидеть в подъезде – скучно и слишком неудобно, жители косились, собаки, ведомые на прогулку, противно тявкали; автобус же дарил серию ненавязчивых картинок за окном и мирное, почти колыбельное, сопение мотора... Поток красноречия Данилы быстро иссяк, сам того не замечая, он проговорил все установки матери, усвоенные с детства: о том, что необходимо прилежно учиться, слушаться старших, а также о незавидном будущем, особенно, если принять во внимание сегодняшнюю неразумную дерзость. Он, например, тоже страдал, но почему-то так никогда не поступал. На «незавидном будущем» Данила и споткнулся. В этом слове сквозила пустота. Там не было ни музыки, ни слов, ни движения. Только мертвенная воронка на обочине. Размытая линия, чем-то похожая на петлю.

– Прости, – сказал Данила, – ты понимаешь, это я так. Мать переживает, чуть с ума не сошла.

Он тронул сестру за руку и чуть улыбнулся, ободряюще. У самого подъезда Дашка расплакалась. Сказала, что о спонтанной выходке пожалела почти сразу, но ей было страшно вернуться домой. Телефон разрядился, а так бы она обязательно всем позвонила.

– Всё будет хорошо, – заверил Данила, – ты не представляешь, как мама обрадуется! Жива, здорова...

– Да ну... Лучше бы она проекты свои оставила. Это ведь я начала сегодня, первая... Стала говорить, сначала спокойно, но вот после...

– Что за проекты?

– А ты не знаешь?

– Она... В общем, она, – Дашка быстро глянула по сторонам, – встретила одного мудилу и хочет выйти замуж. Точнее, он этого хочет, а она соглашается.

– Что-о-о?!

– Тебе бы этот псих не понравился. Во-первых, он моложе. Такой наглый, самоуверенный тип. И это ещё не всё! Как бы тебе сказать... Ладно. Его зовут Анатолий, и если ты зайдёшь завтра пораньше, то можешь его застать.

– Зайду.

– Обязательно?

– Давай, Даш... – Даниле не хотелось обманывать, а потому он лишь махнул рукой. – Скорее всего, зайду. Дел завтра много.

Он с такой лёгкостью рассуждал про «завтра», будто оно должно было непременно наступить.

Теперь, по-быстрому закинув в себя макароны, слипшиеся и невкусные (не до кулинарных изысков сейчас), Данила осторожно поместил корпус небольшой коробки с детонатором себе под куртку, во внутренний, пришитый для этой цели карман.

Пискнул телефон, проверять не стал. Мысли клубились беспорядочно, бестолково – ни о чём и вроде бы и обо всём сразу: так происходило всегда, когда он прикасался к корпусу взрывного устройства, которое, тщательно скрывая, сам же изготовил в университетской лаборатории. В основном. А дома лишь частично.

Кортеж Тирольского, он знал точно, рано утром должен проехать в город: из Светлого Луча, где олигарх в «зимнем дворце» проводил выходные, на передачу радиостанции «Мираж». Прямой эфир проходил раз в неделю, по понедельникам, в семь утра – так совершалась дополнительная промывка мозгов простых горожан: разного рода трудяг, студентов, государственных служащих, которые только-только проснулись и, завтракая, торопливо собирались на работу или учёбу. Тролль, как он сам выражался, заряжал их позитивом на весь рабочий день, а также грядущую неделю. Плёл какие-то пошленькие байки, хихикал, любезничал с позвонившими дамами.

Данила надеялся, что больше его мерзкий голос на «Мираже» никто не услышит. Подражая героям-шахидам, он планировал дожидаться кортежа и броситься с бомбой прямым под лимузин. Детонатор сработает от электрического заряда, останется лишь кнопку вовремя нажать. Самоподрыв должен произойти мгновенно, а потому – никаких «завтра» уже не предполагается. Так же, как и семейных встреч, бесконечных и пустых.

Неожиданно он понял, что имя любовника матери совпадает с именем Тролля, но каких-либо чувств уже не испытал. Ещё раз проверил пояс с укреплённым взрывным устройством, затянул ремень и вышел в гулкую, ночную темноту.

ГЛАВА 9

Чай с котом

Особняк, или «дом поэта Сусллова», как называли его в народе, предлагал каждому посетителю свою личную историю, вот только расслышать её получалось не всегда. Экскурсовод Леонид Николаевич Линозов с энтузиазмом воспринял сюжеты, связанные с парадным бытом Дворца культуры. Восторженно соотнёс их со своим детством, в котором также было много доброго и благополучного; расцветил причудливым набором старинных лепнин и романтикой дальних странствий. Пересчитал паруса кораблей, а также каждое пёрышко птицы Сирин и остался доволен пусть малыми, но всё же – открытиями: результаты подсчёта выдавали число двенадцать, такая вот удивительная случайность, а может быть, и таинственный намёк.

Проектировщиком был сам хозяин дома, купец Былинкин, который, безусловно, знал толк в прихотливой красоте, однако углубляться в его творческий поиск и трагическую историю особого желания не возникало. Там, за границей культурных событий советского времени, по мнению Линозова, начиналась какая-то непроглядная топь и хлябь, в которую лучше не заглядывать. Выбрались, вот и славно. Плохо, что ненадолго, и все достижения, по сути, растеряли. Точнее, разворовали, растащили на частные «зимние дворцы», дорогие лимузины и золотые унитазы. Про финансовые аферы Толочки Тирольского Линозов охотно рассказал бы подробнее, но в тот день он сильно устал, а потому финальную часть решил подсократить. Тем более, женщина в берете, как он заметил, с упорной тупостью, несмотря на запрет, снимала за его спиной на телефон здания, а дети принялись вдруг громко шмыгать носами и бодро топать, всем своим видом изображая, что замёрзли. Один только кот да задумчивый бородатый муж сохраняли мудрое безмятежие и чуть мрачноватое, барочное спокойствие.

Воспринимались они как пара, как неперенное дополнение друг друга, а потому Линозов очень удивился, когда по завершении экскурсии к нему подвалил кот и попросился на ночлег. Причём то была скорее не просьба, а требование.

– Нет-нет, – замахал руками Леонид Николаевич, – у меня уже есть обитатели дома! Безмолвные древние жители... С родословной... Не просто так...

Кот облизнулся и, расправив хвост трубой, двинулся следом.

– Брысь, – негодовал Линозов, – всякие доходяги мне не нужны! Я никогда не увлекался всякого рода котиками, я человек серьёзный! Так что...

Так что кот уверенно, даже несколько опережая, победно зашёл в подъезд, а затем – Леонид Николаевич и сам не понял как – едва только дверь квартиры приоткрылась, мигом оказался в прихожей и, возликовав, бросился изучать интерьер. Так. Где у вас тут кровать? Где холодильник? Есть ли балкон?

– Что за гад, куда он делся?! – метался по квартире Линозов с веником. – Караул! Вторжение! Грабят!

Но всё это выглядело несерьёзно и даже несколько комично. Кот, в отличие от некоторых, обладал изысканными манерами и самым что ни на есть благородным воспитанием. А потому, осмотрев помещение, он прыгнул в ванну и стал ждать, чтобы ему помыли лапки.

– Чего ещё не хватало, – ворчал Леонид Николаевич, – навязался, понимаешь ли... – Но кран всё же открыл, настроил тёплую воду и, вспенив гель для душа, намылил коту лапки до самых щиколоток. Тот от удовольствия зафыркал. Пришлось выделить ему и полотенце – у Линозова давно никто не гостил, а потому он не без труда разыскал на дне шкафа дополнительный комплект постельного белья, а также белое, слегка потрёпанное полотенце.

...Мир уже окутал тёмно-дымчатый занавес ночи, сквозь который просвечивали редкие фонари, похожие на дальние планеты, а Линозов с котом сидел на кухне и пил чай.

– Что наша жизнь... – вздыхал Линозов. – Так, травинки рост. Сегодня взошла, расцвела, завтра увяла. Были у меня ведь мечты, про то, про сё. И... вжух. Шестьдесят уж скоро. Нет, в школе работать мне не нравилось. Экскурсоводом быть уже поднадоело. Мне бы в актёры податься, да, видимо, поздно. Психологом стать хочу, вот на курсы, может, скоро запишусь... Консультации потом давать буду, эти, как их там... Тренинги проводить. В дружбе давно разочарован, в любовь не верю. Встречался я тут с разными барышнями, то с одной, то с другой, а любил всегда одну. Вот так, кот, бывает. Ни дня нет, чтобы её не вспомнил. Правда, это целое искусство. Но я себя настраиваю, и вечно вроде бы влюблён... А она, что она? Не виделись сто лет. Сын её, бездельник, куда-то исчез.

Негодник этакий. Даже не позвонил. А другом ведь считался, соратником, взгляды мои разделял. Все, в общем-то, про меня забыли. Это я на людях только такой бодрый, весёлый, а внутри... Так по-другому и не получается. Нынче Толечки Тирольские правят бал. Коррупция в стране и прочий беспредел. Мы ведь в одной школе учились, в одном классе, понимаешь? И всегда он выделялся. Достанет из пенала мятную жвачку – девчонки пищат, на шею вешаются, в губы чмокают. Машину вскоре купил, за руль сел, тут уж всё. Куда нам угнаться. А мне, может, тоже хотелось чего-нибудь такого яркого, необычного, великолепного... Эх, друг, да что вспоминать... Была молодость и прошла. Волосы стали седыми. Кожа на лице – жёсткой. Каков он, тот свет, – не знаю. Да и есть ли она, жизнь за гробом? Что скажешь? Но в храм иногда захожу, свечи ставлю, так что... Как знать, может, случится и на моей улице праздник. Что-нибудь хорошее... Счастье. Как знать...

Этим разговором Линозов так увлёкся, что даже не заметил: древний червь Поллет проснулся, вышел из зимней спячки и теперь напряжённо, не мигая, смотрит вдаль, и глаза у него чёрные и узкие, как пропасти земли.

ГЛАВА 10

Ожидание

Ещё темно, а листья шумят. И ветер весенний. Птицы вот-вот запоют. В напряжённой тишине слышно всё. Данила шёл, словно бы отдельно от своего тела – он уже столько раз представлял себе в уме этот выход, переживал всё в мельчайших подробностях, вплоть до прохладного, но не враждебного ветра и неподвижных шапок снега на низких кустиках и ограждениях, что теперь с трудом бы отличил явь от мерцающего сна. И это хорошо. Слияние мысли и действия давало спокойную уверенность, что всё получится. Поздно уже что-то менять.

В предрассветной дымке город, знакомый до боли, становился другим, так, словно бы Данила ступил в негатив давно известной, изрядно поднадоевшей фотографии. Здания выступали из мглы, будто остовы затонувших кораблей, и только в очень редких окнах горели огни. Прохожих, как и следовало ожидать, почти не было, лишь один раз в сторону центра прогремела какая-то женщина с тележкой, а в сквере возле особняка томила компания пьяных подростков с гитарой, издававшей неустойчивый и жидкий звук.

Данила мог бы пойти и другой, более короткой дорогой, но слишком часто он мечтал, как окажется именно здесь, прощаясь с нелепой и жалкой, но всё же удивительной жизнью, с городом, с полуразвалившимся старинным «домом поэта Суслова» и с бледным храмом, купола которого среди тёмных облаков казались невесомыми; вся эта ненужная сентиментальность, заложником которой он теперь оказался, диктовала свои маршруты и предпочтения. Он следовал им, боясь, что произвольный сдвиг, проявление даже малейшего своеволия разрушат сложившуюся определённую. Раз планировал идти через город и чувствовать себя последним героем, пусть будет так. Вышел, конечно, поздно, но всё равно запас времени имеется, достаточно ускорить шаг...

Вот памятник Ленину. Возле него Линозов обычно собирает экскурсионные группы. Жаль, забежать попрощаться, ещё раз увидиться не успел; но Данила был уверен, что дядя Лёня всё поймёт и простит. Вот большие деревянные качели, на которых они когда-то сидели с Полиной. Отталкиваясь от земли, парили в небе.

– Поля, – сказал после Данила, – о чём задумалась?

– О жизни, которая нас ждёт... Ты даже не представляешь, как будем мы счастливы... – она положила голову ему на плечо и ткнула пальцем вверх. – Вот там горят звёзды, и одна из них – наша.

Неужели эта звезда горит и сегодня? Даниле стало смешно.

Вот стадион на месте бывшего церковного кладбища. Над ровным асфальтом туманно вздымалось что-то похожее на кресты, и человек, обвитый белым полотном, стоял поодаль. «Ха», – подумал Данила, но приближаться, вникать в эту театральную постановку не стал.

Однако на душе вдруг стало зябко. Слишком пустым и слишком гулким, слишком чужим был этот город. Невесомый собор с куполами, похожими на связку воздушных шариков, молчаливый Ленин, старые качели, поток тумана, ветра, темноты...

Несколько по-иному представлял он прощание с городом. Более возвышенным, что ли. А тут – и деловая тётка, и громахающая тележка, доверху набитая всякой ерундой, и пьяные подростки с тоскующей гитарой. В довершение всего из какой-то подворотни к Даниле бросилась мелкая злобная собачонка и, задышавшись от лая, постаралась цапнуть за штанину. Будь это какой-нибудь безродный пёс, опасный, похожий на ночного волка-убийцу, Данила бы опешил меньше. Реальность словно бы издевалась над ним, подсовывала карикатуру. У собачонки были тонкие трясущиеся лапки-прутики, шерсть торчком и острые мелкие зубки, её ничего не стоило бы прихлопнуть, как муху, но от того, что Данила никак не реагировал, а лишь ускорил шаг, она, превратившись в разъярённый комок шерсти, почти летела за ним следом по воздуху. Наконец выдохлась и отстала.

Мелочь, казалось бы, но настроение испортилось окончательно. Тревожная неустойчивость переросла в гнетущее раздражение. Из рискованного парня-смельчака он стал казаться самому себе полным неудачником, бездарем, который заранее, без всякого боя, проиграл вожаденную битву, и хотя, пока что, это было и не так, плохие предчувствия усиливались.

На окраине города начинался огромный пёстрый базар. Первые продавцы, громко переговариваясь, уже раскладывали свой товар, что также не давало ему сосредоточиться. На внешнем уровне суета и грубые окрики продавщиц ничего не меняли, но на внутреннем – расшатывали слаженный, почти воплощённый идеальный план. Теперь летящие собачки мерещились Даниле в каждом углу.

Наконец он почувствовал, что напряжение достигло высшей точки, что он физически не сможет ещё полчаса идти вдоль шоссе до перелеска, до того места, где он заготовил для себя и брезентовый коврик, и плащ на случай дождя. Могло случиться всё что угодно. После того как мимо проехала милицеская машина и вроде бы возле Данилы чуть замедлила ход, словно взвешивая, нужно ли остановиться и проверить этого странного молодого человека, куда-то чапающего в такую рань, он не выдержал и решил расположиться у самого въезда в город, в канаве, поросшей чахлыми редкими кустиками. Возможно, это и не самый плохой вариант. В любом случае, какая разница: выскочит он на трассу ближе к Светлому Лучу или дальше. Главное, не проморгать машину, самому не тормознуть.

Он спустился в канаву под тощую облысевшую ёлку, состоящую из сухих веток-прутьев, скомканной сетью ухидившую в небо, и, прислонившись к стволу, замер. Раньше ему казалось, что он опаздывает и нужно ускориться, теперь же, напротив, он понял, что пришёл слишком рано. Если Тролля не взбредёт в голову ехать в другое время (кто знает!), то впереди ещё часа три... Можно немного расслабиться, не забывая, конечно, поглядывать на дорогу...

Данила не представлял, что простое ожидание окажется настолько трудным и выматывающим. Одно дело, когда он шёл по городу, отвлекаясь на пятое-десятое. На ту же пакостную собачонку. Но совсем другое – застыть без движения в грязной замусоренной канаве, среди болотистых луж, и смотреть не отрываясь на редкие машины, пролетающие быстро и почти бесшумно. Вряд ли Тролля захочет выехать пораньше. Не в его это характере. Данила наблюдал уже пару месяцев. Несколько раз выходил в это время на трассу – просто чтобы посидеть, прорепетировать, осознать. Научиться безошибочно, издалека узнавать автомобиль врага. И он знал, что раньше шести тридцати Тролля не выезжает, а иногда может и задержаться.

Каждая минута тянулась страшно медленно. Так, словно время обернулось пластинкой, которая, крутясь, постоянно заедала и образовывала мучительные лакуны-паузы. Такие пластинки, плоские планеты, танцующие под смычком проигрывателя, он помнил в раннем детстве. Тяжёлый музыкальный агрегат стоял на специальной тумбочке. И если звук начинал западать, нужно было, чтобы мама подошла и поправила иглу. Потом появились лёгкие кассеты, прозрачные коробочки с мотками тёмной плёнки внутри корпуса, и проигрыватель вместе с пластинками оказался на свалке. Для того чтобы скоротать время и отвлечься, Данила решил вспомнить, какие же сказки он слушал в детстве. Вместо названий всплывали отдельные фразы, которые тут же начинали кружиться, повторяясь по кругу: «Ганс-Трина, Ганс-Трина, пух-перина, пух. Ганс-Трина, Ганс-Трина...» Где-то там, на несуществующей солнечной долине, среди пышных зелёных лугов стоит домик этих самых Ганса и Трины, до смерти влюблённых друг в друга. От жизни им ничего не нужно; их не волнует, что Трина слишком толстая и вся какая-то выцветшая, стареющая, а молодой Ганс – бездельник и транжира. Лишь бы цветы в полях собирать. Спать на мягкой перине. Петь эту песенку, пить из кувшина молоко... Тьфу! Тролля на них не хватает, который бы схапал себе их домик, изнасиловал Трину, а Ганса отправил бы пасти овец. Нет. На современный манер – заставил бы вести прибыльный блог и обзванивать кли-

ентов, навязывая им всякую фигню. Попробуй отказаться, Ганс. На моей стороне не только власть, сила, деньги, но и красота, искусство, толерантность. Твой кувшин с молоком и букет цветочков, собранных для Трины. «Ганс-Трина, Ганс-Трина, пух-перина, пух...ух...»

Вспомнилась Дашка. В какой-то степени это была битва и за сестру: неизвестно, как сложится её судьба, но отсутствие Тролля, безусловно, повлияет благотворно. Город освободится от груза золотых табличек, сразу станет легче дышать. Станет просторнее, прохладнее, солнце смирит свой навязчивый пыл...

Сейчас, правда, было холодно. Очень холодно. Данила пожалел, что не догадался одеться потеплее. Хоть бы вязаные шерстяные носки той Натальи захватил... и какой-нибудь плед. Перчатки. Пальцы рук просто отваливались. Он сцепил ладони под сдвинутыми в единую трубу рукавами, стараясь унять дрожь.

Уже прошёл час или два, поток машин значительно увеличился, и это тоже был существенный недостаток выбранного наугад места. Ближе к Светлому Лучу движение не такое сильное. Кроме того, и растительность густая, пышная. И деревья огромные. Просто чаща непролазная! Будто затаившийся зверь, он чувствовал бы себя там в полной безопасности. А теперь... Что-то ему подсказывало, дрожит он не только от холода.

Ещё хотелось пить. Вот тебе результат пачки солёных крекеров. Но это не главное! Примерно за полчаса до ожидаемого момента Данила перестал различать горизонт. Всё слилось в какую-то единую непроглядную хлябь. Машины он узнавал, но они казались чужими, инопланетными. Скользили будто на той стороне реальности. Где-то в другом мире.

Сердце билось бешено. Более того, с каждой минутой всё сильнее. Временами ему казалось, что ходит ходуном не только куртка, но и земля вокруг. «Мерзкий трус, – не хотел смиряться Данила, – ты же столько раз уже был здесь... Осталось совсем немного... Сущий пустяк... Соберись...» Был здесь. Здесь – да не совсем здесь! Вот в чём дело...

Ганс, Трина, Ганс... Сделав усилие, он подполз к самому краю канавы и, прячась за прошлогодней травой и кустами, стал наблюдать. Угол обзора был неудобным, машины, словно цветные фишки, скатывались с пригорка, расположенного слишком близко. «Всё не так, всё не так...» – с ужасом понимал Данила.

Зазвонил телефон. Пришлось достать из кармана, чтобы посмотреть, кому там неймётся. Звонила Даша.

– Привет, братик! – принялась щебетать она, едва Данила принял вызов. – Ты был прав, у нас всё хорошо. Мама обрадовалась. Может, я, это, правда, ошиблась. Ты знаешь, Анатолий, может, и не такой плохой.

– Какой ещё Анатолий?! – прохрипел Данила.

Само имя обжигало, точно кипятком. Он никогда бы не подумал, что слова могут быть настолько горячими и даже кипящими.

– Как какой?... Мм... мамин друг...

– С дуба рухнула! Звонить ночью! Который час?

– Ой, уже почти семь. Данил, прости. Я думала, ты, как обычно, к семи на работу едешь... Ты же до первой пары раньше ездил, чтобы всё успеть... Ты больше не едешь, да? Это даже хорошо, послушай...

– Сколько, ты сказала? Сколько уже времени?! – Данила вырубил телефон и поднёс к глазам наручные часы.

Так и есть. Стрелка циферблата стояла неподвижно. Замерла ровно на без десяти семь. Вот в чём дело...

Почти семь... Но Тролля ещё не проезжал.

Он отломил у телефона заднюю крышку, вытащил симку, затем всё убрал в карман и замер, приготовившись в любой момент выскочить. Теперь уж точно счёт шёл на секунды. Эта машина? Та? Или следующая? Тролля иногда опаздывал, что, конечно, в порядке вещей, так может быть. Эта задержка вернула переживания к исходному сценарию, Данила вновь обрёл опору. Теперь он забыл, что хотел пить и замёрз. Стало уже совсем светло, и он прекрасно различал лесок на той стороне. Туманный луч дороги, который скоро может стать лучом смерти.

Продолжение в следующем номере

Проза

Олег Черницын

Олег Анатольевич Черницын – родился в 1956 году в Нижнем Тагиле Свердловской области. Служил в Советской армии. Окончил Уральский политехнический институт. Работал слесарем, учебным мастером, на руководящих должностях общественных организаций и производства. Служил в Органах внутренних дел. Лауреат премии «Национальный Олимп». Неоднократно печатался в журналах: «Берега», «Тобол» (Курган), «День и Ночь» (Красноярск), на порталах: «Православие.RU» (РПЦ, Москва) и «Созвучие» (Литература и публицистика стран Содружества, Минск). Переводился на азербайджанский, английский, сербский языки. Победитель и дипломант ряда региональных литературных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. Третье место в конкурсе ОЕВФ «Open Eurasian-2016», Лондон. Финалист конкурса сказок Литературного института имени А. М. Горького в 2020 году, в этом же году издана книга его сказок. Готовится к печати книга прозы «Без ретуши». Живёт в Екатеринбурге.

ПЛЕНЭР

Рассказ

Правил июль – поддавал жару, давил духотой. Застоявшийся раскалённый воздух гудел, как высоковольтные провода. Дачники спали внасласть. Кто вставал раньше, так это мальчишки – потаскать окуньков-полосатиков в ещё клубившейся белёсым туманом речке, змеиным изгибом касавшейся посёлка, да ягодники – в ближнем лесу набрать литр-два земляники с черникой. Были ещё охотники за ровным бронзовым загаром – любители погреться на солнце, поутру ещё ласковым и безопасным. Вот и получалось, что самое движение на дачах происходило утром, до полудня, и вечером, до которого нужно было ещё дожить.

Не обедалось. Павел обошёлся немудрёным бутербродом, запил холодной водой – в этакое пекло пить без меры. Квас – на вечер, на окрошку. Пиво – оно бы «под баньку», но в такую погоду баня не в милости, как и спиртное. Спасала вода: здешняя, из скважины, чистая как слеза – пил бы и пил! Ломтиком колбасы угостил Бонку – двухлетнего спаниеля угольно-чёрного окраса с тёмно-карими печальными глазами. Уговаривать не пришлось – проглотила, будто ничего и не было. Глаза собаки повеселели и преданно смотрели на хозяина – отрезал ещё.

В свои шестьдесят, выйдя на «заслуженный отдых» и будучи человеком разносторонним, Павел вдруг обнаружил в себе страстное желание к литераторству. Говорят – получалось, даже имел несколько публикаций своих рассказов в «толстяках» – литературных журналах. Спасибо жене – при возможности не привлекала мужа к домашним делам, когда его посещало вдохновение; она же была его первым читателем и критиком. «Уж лучше бы ты пил!» – отшучивалась, когда Павел, как всегда не вовремя, приставал с просьбами прочесть что-то «новенькое из своего».

Сегодня не писалось. Рассказ «не шёл» дальше второй страницы: мысли путались, нужные слова терялись в тяжёлой голове.

«Ташкент! И когда же это всё закончится?»

Прилёг. Древний диван коричневой, некогда гладкой кожи с потемневшими медными гвоздиками, оставленный прежними хозяевами дома, был жестковат, но просторен. Пробежался взглядом по заголовкам газеты, прихваченной с собой из города, – ничего занимательного. Полистал «Огонёк» за шестидесятые годы – несколько журналов нашлись на чердаке. Не потерявшие глянец страницы были приятны на ощупь, здесь было поинтересней, чем в их городской вчерашней вечерке: дифирамбы кукурузной кампании Хрущёва, кубинская революция – молодые Кастро и Гевара, знаменательный групповой полёт Терешковой и Быковского – «Чайки» и «Ястреба».

Вдруг – ура! – дождь! Хлынул ливнем, долгожданный, крупный, звонко отстукивал морзянку по металлическому подоконнику, потоком стекал по стеклу. Павел распахнул настежь форточку – дождь бесцеремонно обрызгал его, но был тут же прощён. «Наконец-то прорвало! Разверзлись хляби небесные».

Громыхнуло, ещё и ещё. Вот, прямо над крышей. Коротко, сухо, с треском. «Свят-свят!» – Павел перекрестился: быстро, мелко, не со страха, больше по обычаю. Вдохнул полной грудью посвежевший воздух. Отключил телевизор от антенны. Вновь прилёг. Потянулся во весь рост, улыбнулся дождю и, заложив руки под голову, незаметно для себя заснул. Рядом, на коврике, удобно устроилась Бонка, устало зевнула и с большим желанием поддержала хозяина.

Глаза открыл с трудом – так разоспался. Бонка, привстав на задние лапы, облизывала шершавым языком его мочку уха, поскуливала. Часы показывали без малого половину шестого. Вечерело...

* * *

– Бонка, гулять!

Услышав любимую команду, собака тотчас исчезла в густом папоротнике.

В лесу парило. Воздух был тягучий, ароматный, банный. С густых взъерошенных верхушек буро-красных сосен нет-нет да и капали дождейки-последыши – несколько попали Павлу за ворот футболки, тёплой струйкой стекли по взмокшему телу. Павел шёл знакомой тропинкой, ещё не высохшей после дождя, мягкой от пожухлых иголок и шишек, часто переступал через оголённые корни сосен, извивающиеся под ногами. Сосны, будто бы старшие сёстры, бережно прикрывали приземистый подлесок от зноя. Рябили редкие берёзы: разбрелись по сосняку – девчонки девчонками! Загрёшь, прислушаешься и услышишь, как перекрикиваются друг с другом, аукаются: «Ау-у, ау-у!» Лёгкие ветви девичьей косой спускались к земле, нижние – чуть не касались её; под покровом сосен листья оставались свежими, липли к пальцам. «Ах, невестушки мои, нарядились». – Павлу вспомнился Шукшин, его «Калина красная»; он свернул к ближайшей берёзке, нежно погладил её гладкий, с глянцем ствол – и за Василия Макаровича тоже...

Бонка резвилась. Она то пропадала в высокой влажной траве, оставляя за собой шлейф сверкающего жемчуга – остатка дождя, то выскакивала на тропинку – увидеть хозяина, и тут же исчезала. На сто метров прогулочного шага Павла Бонка отвечала километром резвого бега. Её длинные кучерявые уши крыльями развивались по сторонам, были густо облеплены цепким репейником, глаза блестели охотничьим азартом. Вот она подняла из-под папоротника какую-то заспавшуюся пичугу, едва не попавшую в лапы непрошеной гостьи, вот уже гонится за стрекозой, возбуждённая её недоступностью и стрекотом перламутровых крыльев. Шальная!

– Бонка, ко мне! – И спаниель уже угощается пригоршней земляники, пропеллером крутит хвостом.

Тропинка привела на высокий крутой склон к реке. В нескольких метрах от края склона за мольбертом работал художник – высокий мужчина в белой широкополой шляпе. Павел свернул с тропки, подошёл – тихо, со спины, остановился в паре-тройке метров. Холст оказался пуст, лишь несколько лёгких штрихов. Художник в пол-оборота повернулся к Павлу.

– Добрый день!

Художник ограничился учтивым кивком.

Побродив в бору, Павел возвращался на дачу. Мольберт стоял на том же месте, рядом – термос, на термосе – шляпа, тут же сушился ярко-радужный пляжный зонт. Художник сидел на раскладном стуле сбоку от мольберта, на шаг впереди него: откинувшись на спинку стула, скрестив на груди руки, он смотрел на открывающийся с откоса вид – сосредоточенно, вприщур.

За склоном расстилался пейзаж, достойный кисти художника. К откосу прижималась река – спокойная, покладистая. Сразу и не поймёшь, течёт она или решила передохнуть, да и заснула. Река нежилась в широких лугах, утоливших жажду, вострепнувших, разделяла низину пополам и зеркальной дорогой уходила к горизонту. Пестрели луговые цветы: то плотным кругом – дружной весёлой семьёй, то щедрой – с размахом, россыпью. Всё это великолепие заключили в объятия горы, пологие, ошестинившиеся густым ельником. Тайга зелёным каскадом спускалась в долину, оберегала от чужаков.

Что-то заставило Павла вновь подойти к художнику. Этюд был без малейших изменений...

Художник подобрался:

– А, это вы. – Голос у него был спокойный, приветливый, сказано без обиды за беспокойство, как давнему знакомому. Взгляд цепкий, пронизательный, но не злой. Секунду-другую смотрел на Павла – внимательно, не моргая. «Максимальную выдержку установил, как в фотоаппарате – подумал Павел. – Глубоко смотрит, до нутра, точно на атомы раскладывает».

Незнакомец показался Павлу несколько старше, чем он сам. Седые волосы. Тщательно выбритое загорелое лицо с ямочкой на крепком, чуть выступающем подбородке. Мускулистые руки. Весь вид этого человека говорил об уверенности в себе, волевой натуре. «Если бы не его толстовка, то ковбой ковбоем!»

– Не пишется? – Павел кивком головы указал на холст.

– Почему, уже написал.

– ?

– Всё уже здесь. – Художник слегка постучал пальцем себя по голове. – Закончу в мастерской.

– Сфотографировали?

– Проглотил, – чуть заметная улыбка скользнула по красивому лицу. – Нет, не признаю я это дело. При всём уважении к фотографическому искусству, скажу следующее. Фотоаппарат, конечно, величайшее достояние человечества. Снимай – не хочу: влево – вправо, дальше – ближе. Удобно и быстро; сам иногда люблю пощёлкать. Но... – Художник вновь повернулся лицом к панораме, задумался: – фотография, на мой взгляд, не может передать изображение в той степени, как это может живопись: объёмность, глубину, запахи и ароматы, тепло красок, их осязаемость. Наконец, душу предмета изображения, настроение автора, его внутреннее состояние. Картину ТВОРИШЬ! С ней от чистого холста до кажущегося тебе совершенства, ан нет, проходит время, и понимаешь, что до этого самого совершенства – думать и думать, пахать и пахать! Над картиной можно работать месяц, год, всю жизнь! Можно приостановиться, убрать холст с глаз долой, додумать сюжет, детали и нюансы будущего полотна. И когда перемелешь всё в голове, пропустишь через это – художник указал на сердце – вновь возвращаешься к начатому. А можно убить её – изрезать в клочья, сжечь...

Художник замолчал, перевёл дыхание: – Что-то я так разошёлся не по делу! – Он по-доброму улыбнулся, чуть откинул голову назад.

Павел молчал. Такой реакции на свой вопрос, такого вдохновенного откровения он никак не ожидал. Вдруг ему стало не по себе: в этом одержимом, убеждённом сединой человеке он вдруг увидел не кого иного, как посланника Всевышнего на Земле, которому надлежало обновить сотворённый миллиарды лет тому назад мир, привести его к первоначальной гармонии. Но кисть посланца была чиста.

– Хорошо-то как, хо-ро-шо: красота, покой и равновесие. И поправлять здесь ничего не нужно...

Незнакомец читал мысли Павла.

А ведь, действительно, – хорошо! И благодаришь творца этой красоты, радуешься ей, вдыхаешь её полной грудью и осознаешь, доходишь до мысли, что ты существуешь, ты – ЖИВЁШЬ! Как же мы привыкли к суете сует, повседневному круговороту проблем, смотреть себе под ноги, не замечая, игнорируя красоту – истинную, первозданную. Черствеем сердцем, болеем душой, погибаем... Учёба, карьера, квартира, дети-внуки, машина-дача, квартиры для детей, друзья, половина из которых и не друзья вовсе, а так, попутчики... А сколько в нашей жизни чего-то мелкого на поверку, наносного – на что тратишь своё драгоценное безвозвратное время, прогибаясь под моду, устраивая пляски вокруг золотого тельца...

Павел отдавал себе вполне ясный отчёт в том, что и сегодня прошёл бы мимо этой благодати, не остановился, не повстречав... Мастера?.. Уже давно порадовался бы холодной окрошке, под которую, скорее всего, выпил рюмку-другую «самиздатовской» рябиновки. Покорпел над своей писаниной, в общем-то, не нужной никому, кроме него самого. Потолковали бы с соседом о международном положении, кознях так называемых «наших партнёров», в сердцах, как пить дать, матюгнулись в их адрес.

И так захотелось Павлу оторваться от земли, взвиться в эту необыкновенную искрящуюся прозрачность, упиваться ею, стать её крохотной частичкой! И защитить эту красоту, уберечь – от людей и для людей...

– Да-да, вы правы, так и хочется закричать во всё горло: «Руками не трогать!»

И опять Павел был поражён пронизательностью незнакомца.

– А вот сейчас начнётся самое интересное... – Художник протёр очки, сел удобнее, подался вперёд. Всем своим видом он как бы приглашал Павла на просмотр своего любимого фильма, который сам смотрел не раз.

Золотисто-розовое солнце спустилось к облакам, парящим белыми перьями над горизонтом. Уставшее за долгий день, собралось с силами, зарделось, подпалило небесную перину. Небосклон блеснул розовым, завязался малиновым. Горящий диск играючи прожёт облака, и лес вспыхнул, занялся верховым пожаром – яростным, на полнеба.

Живописец встал, прищурился на зарево, напрягся. Ноздри его шевелились, улавливая мягкие ароматы вечера. Павлу показалось, что живописец сейчас, на его глазах, создаёт своё лучшее полотно: смешивает краски на невидимой палитре, не скупясь на самые яркие, точными, щедрыми мазками одаривает бескрайний холст.

Вот и река взялась огнём – смотри, закипит! Алый горячий полукруг завис над горизонтом – секунда, и солнце рухнуло в пожарище, подняв в небо сноп золотых искр. Заря медленно гасла.

– The end, – прокомментировал художник, последним мазком незримой кисти зажигая на тёмно-голубом небе яркую, сияющую серебром звезду. Он отступил назад, будто хотел убедиться в безупречности своей работы.

Бонка ловко выгрызала репей из высохшей шерсти, нет-нет да и поднимала голову, чтобы увидеть хозяина.

Мужчина повернулся к Павлу, улыбнулся:

– Да, к справке, Аркадий Ильин – заслуженный и всё такое... (Конечно же, автор не мог оставить холст без своей подписи...)

– Павел Мальцев – ещё нет, но надеюсь.

Оба рассмеялись. Крепко пожав друг другу руки, маститый художник и начинающий писатель расстались как старые добрые друзья. Одухотворённые и счастливые.

* * *

Зима не мешкала – нарушив очерёдность, уже в середине ноября взяла в оборот: привалила снегом, попробовала морозцем и не обещала поблажки. Минувшее тягостное знойное лето сейчас казалось благодатным и желанным – ох уж эти люди, поди, угоди им!

Павел продолжал работу над будущей книгой; Бонка, готовилась стать мамой.

Как-то Павла пригласили на юбилей одного из друзей. Юбилей – дело не простое: подобрать подарок, принарядиться, подготовить спич. Поздравления ему удавались, тем более, когда для друзей, от души.

На банкете, дождавшись своей очереди и получив микрофон, Павел вдруг увидел... Обёрнутая прозрачным целлофаном картина стояла на столике для цветов и подарков – этот пейзаж он узнал бы из тысячи! Павел спутался, смутился, говорил «мимо» юбиляра и не мог оторвать глаз от картины...

– Откуда она у тебя? – при первой возможности поинтересовался он у виновника торжества, не скрывая своего волнения.

– Аркадий подарил. Ильин. Художник. Заслуженный и всё такое (Павел слегка улыбнулся краешками губ). Не пришёл – простудился на пленэре, где-то за городом в карандаше этюды набрасывал, неугомонный! А картину через нарочного передал. Запакованная, но я уже вижу – шедевр! Второй Шишкин, без малого!

Хозяин вечера намеревался оставить Павла, но тот не отпускал его от себя:

– Ты знаком с Ильиным?..

– С детства дружны: в коммуналке в одной ванне мылись, на одних улицах собакам хвосты крутили, за девчонками бегали. А потом разбросало нас кого куда, но связь с ним не потеряли. А что такое?

– А такое, что картину эту мы с Ильиным вместе писали! – Павел по-дружески приобнял за плечо юбиляра и вкратце рассказал о встрече с художником.

Забыв о торжестве, двое мужчин молча стояли перед распакованной картиной. Вокруг них собирались гости.

А в это время по завьюженным окраинам вечернего города спешил молодой Новый год...

Проза

Эвелина Азаева

Эвелина Азаева – журналист. Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора.

С 1998 года живёт в Канаде. 14 лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Является корреспондентом КП в этой стране. С 2018 года издаёт газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде: «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Печаталась в журналах: «Нева», «Дружба народов» и др. Дипломант I-й степени литературного конкурса «Мгинские мосты» (Санкт-Петербург, 2021). Член Новосибирского отделения Союза писателей России.

ПОХИТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

Рассказ

Анна, руководитель русской эмигрантской организации в Канаде, летит в Москву. На форум эмигрантов. Блаженствует. Потому, что на Родину. И потому, что впервые далеко без мужа и детей. Можно без объёмной сумки с игрушками, можно не петь в любимое маленькое ушко весь десятичасовой полёт, и не читать стихи...

Канадский самолёт. Местные жители летят через Москву куда-то...

Рядом с ней канадец среднего возраста и среднестатистической внешности: чистый, полный, розовый, с незапоминающимся лицом. Вежливый, старающийся, чтобы его было как можно меньше – вытягивает куда-то, как моллюск, свою руку, чтобы подлокотник достался соседке.

Принесли поесть. С полчаса все обедают, шурша фольгой и салфетками, а потом канадцу, видимо, захотелось продолжения банкета – поговорить. Спрашивает, является ли Москва её конечной остановкой, и сообщает, что летит в Дубай, он – представитель благотворительной организации, которая помогает детям Ирака, Сирии, Афганистана.

– А вы будете в Дубае сидеть или ездить по этим странам? – интересуется Анна, прихлёбывая кофе.

– Буду ездить.

– Не надо бы, за шпиона примут.

Кусочек «брауни» – шоколадного кекса – висит у него в руках. Он долго молчит. Потом переспрашивает:

– Вы сказали, «шпион»?

– Да, – простосердечно кивает Анна. – Шпионы всегда работают под эгидой благотворительности, так что вас могут неправильно понять. А там же война...

Сосед навеки замолкает, и до неё через минуту доходит, что она, возможно, угадала. Вот у него сейчас буря в пустыне: она русская агентша? Случайно ли посажена с ним? Что ждёт его в аэропорту Москвы?

Что-то... Шаурма и чай с чабрецом.

Через некоторое время скучно стало соседке справа. Будучи в наушниках, она не слышала разговора Анны со «шпионом». Седая ухоженная дама сняла наушники, посмотрела на то, что Анна читает выпуск журнала «Хелло» о королевской семье Британии, и с улыбкой поинтересовалась:

– Вы тоже, как и я, любите королевскую семью?

Если можно сказать, что Анна остолбенела в кресле самолёта, то вот она именно остолбенела. Недоуменно взглянула на соседку.

– Другого журнала в киоске не было.

С лица дамы сползла улыбка, и она отвернулась. Но через минуту не вытерпела:

– Вы летите в Москву? Отдыхать?

И тут дамбу прорвало! С жаром Анна принялась рассказывать, что мы все, русские из Канады, любим ездить в Россию, она стала совсем иной, чем когда мы уезжали – в девяностые, и мы так рады, и как мы скучаем по ней!

– А я живу в Канаде тридцать восемь лет и не соскучилась по Германии, – удивилась немка.

«Я бы тоже по такой стране не соскучилась», – думает Анна, но молчит.

– Вот чего вам не хватает в Канаде? – продолжает допытываться собеседница.

Русская с минуту соображает. В Канаде много хорошего, и всего ей хватает. Кроме главного.

– Мне России не хватает, – говорит.

Немка отвернулась. Далее все летят в полном молчании. Анна думает, что вот так Россию и изолируют. За её лучшие качества: простодушие и материнскую заботу, с которыми она, Анна, сообщила возможному шпиону, чтобы он был осторожен, и за патриотизм, в котором русские расписываются, не подумав, что западному человеку он неприятен.

* * *

Через три часа Анна замечает, что в конце салона пустует весь ряд и перебирается туда. Пусть шпион растечётся по освободившейся жилплощади, а немка почувствует себя вне зоны влияния Красной армии.

И тут появляется русский человек. Его сразу видно. У русских говорящие глаза. Удивительно, но наша жизнь с крепостничеством, видимо, была не такой страшной, как жизнь западного человека без оного. Потому что мы продолжаем выражать эмоции, а те давно приучились скрывать их, чтобы не быть съеденными своими же собратьями. Вот о чём думает Анна всякий раз, когда встречается в толпе с живыми, говорящими глазами.

– Посадка возможна? – спрашивает парень, кивая на пустое сиденье.

Она соглашается.

– Там семья с детьми, я сбежал, – поясняет.

– А у меня там немцы...

– Стреляют?

– Обижаются, что люблю Россию.

– А вы читали, что некоторые немцы, как и другие иностранцы, переселяются в Россию? – спрашивает попутчик, представившийся Андреем. – Я считаю, хрен с ними, пусть едут. Трудолюбивы. Да и исторически они нам ближе всей Европы. Тока чур без своего самовара – толерантность и фидарасню пусть там оставят!

Анна солидарна, и парень заказывает алкоголь, чтобы сбрызнуть знакомство. Женщина проверяет свой фейсбук. Видит новый пост от одного из друзей, канадских организаторов Бессмертного полка.

«Я вышел из бана, – пишет Пётр. – Слава великому и мудрому Путину, спасителю Русского мира, слава ДНР, слава ЛНР, пусть горят в аду фашисты Украины, сдохни Америка, КРЫМ НАШ, Сирия наша, мы русские, с нами правда, Бог и Путин, УРА!»

Анна смеётся. Она любит своих друзей. Пётр – как кукушка, прокричал и сейчас снова отправится в бан.

«Вот это они пустили к себе погреться, – думает Анна. – Ничего. Сами нас развалили, терпите теперь».

Андрей, видя, что попутчица так мало выпила и уже смеётся, подливает и улыбается.

– А я, – говорит, – в Исландии живу.

И рассказывает, что русские там духовно не дремлют. Когда в стране легализовали однополые браки, местный русский храм осуществил акцию. Батюшка позвонил в крупную газету, узнал, когда те сдают номер в печать и пообещал прислать рекламное объявление. Тут же, заранее, его оплатил. А прислал рекламку в последнюю минуту, чтобы некогда было проверять. В объявлении с изобра-

жением храма читателей приглашали посещать литургии, а ниже, буквами помельче, стояла цитата из Святого Писания: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость... Не обманывайся: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют».

И это вышло. Проследили журналюги!

Скандал состоялся. И полиция приходила, и исками грозили, да всё на нет сошло: цитировать Слово Божие пока ещё не подсудное дело.

* * *

Обратный путь. С полным впечатлениями сердцем (в театрах была, в музеях была, разговоры по душам вела!) и полными чемоданами (книги на русском, российские кремы, которые ничем не хуже западных, но стоят гроши, самые вкусные в мире российские конфеты, календари с Путиным – всем друзьям-«ватникам» по подарку, а кое-кому и магнетики: «Сталин не умер, он растворился в вечности»).

В аэропорту Шереметьево Анна покупает бутылку французского коньяка. Её запечатывают в пакет и дают чек.

Вскоре Анна прибыла в Франкфурт-на-Майне – там пересадка. И вот же ж странное. На выход объявляют как охранники в концлагере: со злобными лицами и командной интонацией. Никто из бортпроводников не улыбается.

Женщина оглядывается и вдруг замечает, что в самолёте почти все – мужчины. Русские. Кольнуло сердце: ездят на работу в Германию? Ну, сейчас-то уже чего?..

По одному пассажиры с развёрнутыми паспортами прошли мимо банды проводников. Такого канадской общественнице видеть ещё не доводилось. Чтобы выпускали из самолёта, только если покажешь паспорт. Спрашивается, а как вы туда впускали?

Один из «охранников» меняет злое выражение на дружелюбное – видит её канадский паспорт.

Уже в аэропорту, некрасивом, и опять же, похожем на концлагерь – ни единого украшения, всё какие-то железные бараки, соединённые меж собой, и безликие коридоры – Анна стоит в очереди на проверку ручной клади. Аэропорты российских провинциальных городов куда краше.

Сотрудник смотрит на пакет с коньяком и командует: – Бросай сюда! – указывает на корзину для мусора.

– Почему? Я купила в аэропорту, бутылка запаяна в пакете, вот чек.

– Чек не в пакете, значит недействительно.

Женщина понимает, что ему понравилась бутылка...

– Тут в чеке написано, что это французский коньяк и его название.

– Бросай, я тебя не пропущу.

Она скандалит. По обёрнутым на неё лицам других сотрудников и их переглядываниям понимает, что могут вызвать полицию. Берёт пакет и уходит.

В туалете отбивает горло у фигурной бутылки и выливает содержимое в раковину. Запах – изумительный!

Горло было толстое, пришлось несколько раз ударить им по железной раковине. На шум прибежали уборщики. Нюхали воздух и недоумевали.

Вернулась к «КПП». Бросила пустую бутылку без горла в пластмассовую ёмкость для вещей.

– Это что? – спрашивает тот же сотрудник.

– Это французский коньяк, который вы хотели у меня украсть, чтобы вечером выпить. Не будет у вас вечеринки.

Странно, но он смотрит на русскую так, будто что-то понял и сожалеет.

– Вы нечестный человек, – говорит Анна, – желаю, чтобы люди вели себя с вами так же, как вы себя ведёте с ними.

– Та сфиданья! – орут ей другие работники. – Та сфиданья!

Анна понимает, что опоздала на самолёт, но она это и тогда, в туалете, осознавала.

– Не успокойтесь никак, что проиграли? – бормочет по-русски, а по-английски выкрикивает: – Вы воры! Вы обворовываете пассажиров! И у вас некрасивый аэропорт. Самый некрасивый в мире!

Под ответы, которых не слушает, уходит. К стойке, где стоит вежливая униформенная дама.

– Я туристка из Канады. Опоздала на рейс по вине ваших сотрудников, которые долго досматривали, – говорит спокойным, высокомерным тоном, как богатая канадская фря, привыкшая к тому, что ей не перечат. – Дайте другой билет.

Ей дают.

Анна, закутавшись в павлопосадский платок, сидит на жёстком железном сиденье, разгадывает кроссворд и не покупает ничего за евро. Не хочет вкладывать и одного евро в их экономику.

* * *

– Ну а если бы тебя в тюрьму увезли? – спрашивает мама. Мы и так переволновались: самолёт прибыл, а тебя там нет...

– Зато они увидели русский характер. Снова. Им надо показывать время от времени. Наши мужики там работают и молчат, у немцев может сложиться неправильное впечатление.

– Ну, так-то оно так...

* * *

Отоспавшись после полёта, Анна выходит в соцсети и пишет: «Мы отвратительны тем, что не сдаёмся. Ни в большом, ни в малом. Ни даже в крохотном. Мы не боимся трудностей, считаем, что «двум смертям не бывать, а одной не миновать», и сторонимся греха, напоминая тем самым грешникам Европы и Америки, как низко они пали. Мы бельмо. Похитители спокойствия. Божий набат в глухие уши и покрытые жиром сердца. Как нас любить?»

Избавление придёт, когда мы поймём, что нам не нужна их любовь, признание.

Русские – не народ, а цивилизация. А цивилизации самодостаточны.

Русские – счастливы. У нас всё ещё говорящие глаза...»

Андрей Шацков

Андрей Владиславович Шацков – родился в 1952 году в Москве. Автор четырнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий и наград. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Ответственный секретарь журнала «Невечерний свет» (Санкт-Петербург). Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

ЧАСТЬ 2

ЧТОБЫ ПАМЯТЬ ПОПИРАЛА СМЕРТЬ!

*Во славу русского оружия
и памяти старшего сына Дмитрия*

ОСЕННЯЯ РОССТАНЬ

И пахла росстань брагою хмельной.
И старый клён ветрами укачало.
И бьёт копытом в землю вороной,
И трензелем позвякивает чалый.

Сентябрь пригож, и так прекрасна Русь
Сим, наступившим в пору, бабьим летом,
Что я никак с тобой не соберусь
В дорогу, сын,
за нашей славой следом.

Ложится корзно на твоё плечо...
Невеста опускает тихо руки,
Не плачет, но наплачется ещё,
Когда придёт безвременье разлуки.

Поберегись!.. И только пыль столбом.
Догоним наших около Коломны.
Но кружит ворон в небе голубом
И хрипло грат голосом соромным.

Останови коня, наладь стрелу.
Навскок стрелять умеют лишь татары...
Гуся несут с почётом ко столу,
А ворона не жаль послать в тартары.

Ну вот и наша сотня. Поутру
Мы встанем с нею около Непрядвы.
И заполошут стяги на ветру,
Взыскующих единой русской правды!

Под клёкот лебединых верениц
Святая Мать за воинство заступит.
И Красный Холм – Мамаю ринет ниц
И в степь отбросит, словно чёрта в ступе.

* * *

Прощай сынок! Я тайну сберегу,
Не рассказав, что снилось в дебрях ночи:
Ковыль дымился кровью на лугу,
И синь дождя стекала павшим в очи.

Крестом, простёршим руки средь жнивья,
Застыв навек в молчании суровом...
Зачем уходят к звёздам сыновья,
Не одарив отцов прощенья словом?!

НОЧНАЯ СТОРОЖА

Нет в этом мире правды,
Да и того ль ты ждёшь?
В пойме реки Непрядвы
Ветер качает рожь.

Лютые оборотни
Чувствуют волчью сыть...
«Отче, позволь полсотни
Прапором осенить?

Да не поглотит темень
Нами зажжённый трут.
Сёмка, Игнатий Кремень,
Гридя – не подведут!»

«Сыне, тебе не приспело
С воями в пекло лезть».
Скажет Боброк: «Не дело!»
Скажет Бренек: «Не в честь!»...

Взгляд его светлый – строже
Сделался, и синей.
«В первой пойду стороже!
Лучших возьму коней!»

Ах, как кричали птицы
В смутной поре ночной.
Бьют родники-криницы
В быстрой воде речной.

И опустилось утро.
Бликами на пески...
Княжича русы кудри
Вынесло из реки.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим надгробьем –
Смертным грехом отца.

Души летят, как криквы,
На ледяном ветру...
Нет в этом мире правды!
Нет и в ином миру!!!

*30 июля 2016 г.
Сороковины*

ДИМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

Волчий попрыг... Плавает рассвет
В лужах крови загнанного лося.
Утренних лампад неяркий свет
Ветер в Занеглименье уносит.

Ударяет сполох тут и там,
И крадётся нечестью затынкой
По векам, по весям, по пятам
Времени разбоя дух полынный.

И играет где-то во дуду,
Чая встречи, половецкий ворон...
Я Непрядву первым перейду
И стрелой калёною споровю –

В Диком поле рыщущую смерть,
Колченогой тенью Тамерлана...
А над Русью – дождь и коловерть,
Низкие осенние туманы!

А над Русью в стае облаков
Вспыхнет омофора позолота.
Зазвенит печаль колоколов
Дмитровской родительской субботы.

И взойдут озимые сквозь твердь
Колосом пшеницы и крестами,
Чтобы память попирала смерть
Свода летописного листами!

НАША СУДЬБА

Вот и край... От багряной полосы зари,
Перерезавшей птичье горло заката,
Не останется шрама, как стен у Твери,
Уничтоженных волей Батыя когда-то.

Не останется Нижнего вольный причал,
Изойдут головнями Владимира башни.
Почему я об этом? Зачем закричал?
Словно рвётся душа чёрным вороном с пашни

В дальний аэр, где тают былые века,
Где сгущается туч грозное возмездье.
Я ищу тебя, сын, средь ушедших полка
От московской земли в Волопаса созвездье.

И течёт по щетине мужская слеза,
И бессильно ложится на сердце десница.
Ты при встрече, наверное, спрячешь глаза.
Не захочешь печалью сыновней делиться.

Всё уйдёт... Но воздвигнется новая крепь,
Без тебя, без меня, без желанного внука.
Выйдут вои заслоном в полынную степь,
Если враг с бедою нагрянет, без стука.

Прерывается род... Угасает закат.
На окраинах подняли воды цунами.
Слышишь, кто-то трубит – меднолик и крылат:
Это наша судьба пролетает над нами.

Елена Пиетиляйнен

Елена Евгеньевна Пиетиляйнен – поэт, главный редактор литературно-художественного журнала «Север». Председатель регионального отделения Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей России. Координатор Международной ассоциации писателей и публицистов по Северо-Западу. Лауреат поэтических конкурсов: «Золотое перо – 2009» (поэтический конкурс для профессиональных поэтов, проводимый Московским институтом социальных и культурных программ и Правительством Москвы), «Звезда полей – 2010» (Международный поэтический конкурс имени Николая Рубцова проводится Рубцовским центром

Москвы), «Душа и слово – 2011» (открытый поэтический интернет-конкурс, проводимый в рамках Шестого международного мультимедийного фестиваля «Живое слово – 2011»).

Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, удостоена медали Союза писателей Белоруссии «За большой вклад в литературу», медали «Русская звезда» имени Ф. И. Тютчева, удостоена Почётного знака и диплома «За вклад в литературное дело» Всероссийской ежегодной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству», лауреат Всероссийской премии в области литературы и искусства имени Алексея Фатьянова «Соловьи, соловьи...». Победитель международного форума искусств «Золотой Витязь», лауреат литературной премии Главы Республики Карелия имени Г. Р. Державина «Во славу Отечества».

ЗАПОВЕДНИК ЛЮБВИ

Там чужие не ходят,
там только свои.
Там едят с наших рук
прирученные звери.
В заповедных лесах
пахнет тёплым доверием.
Ждут к себе
заповедники
нашей любви.
Позови за собою,
туда позови,
Где в сосновых стволах —
отражённое озеро.
Даже если разлукой
уже подморозило
Родники в заповедниках
нашей любви.
Мой прозрачный родник
черноглазой смородиной,
Как руками возлюбленной,
нежно обвит.
Пусть нас встретит опять
хлебосольная родина
В золотых заповедниках
нашей любви...

* * *

А ты знаешь, всё было давно.
Помню твой
силуэт на закате.

Проливалась
заря,
как вино,
На небесную светлую скатерть.

Мы с тобой незнакомы пока
И не знаем, что сны наши значат.

Из ладоней подставляю бокал —
Пусть плеснёт мне
надежда удачи!

Осторожно, ещё наугад
Изучаем
друг друга касаньем.

...Капал в озеро
с неба закат.
Шёл наш поезд
без расписанья...

* * *

Не обрывай восторга сожалением,
Не отравляй упрёками любви.
Припал, как пёс, сентябрь к моим коленям,
Но ты его тихонько отзови.
Пускай ещё расплавленное лето
Смолой сосновой тает на стволах...
Сентябрь янтарный каплею последней
Переполюет чашу на Весах.
Весы – моё созвездие рожденья,
А осенью – ну что ни говори —
Перетекает в сердце наслажденье
Блаженно распластавшейся зари...

* * *

Вьётся змеёй в пространстве
Ветер, уют круша.
Но уцелела странно
Бьющаяся душа.
Вьётся слепая ярость,
Плавится белая боль.
И выпивает старость
Выжившая любовь.
Пульсирует в листьях ветер,
Крошится жёсткий век.
Но уцелел на свете
Бьющийся человек...

* * *

На зачерствевший грунт зима
Внезапно брызнет спелым снегом.
Последний раз вздохнёт Онего,
Захлопнут форточки дома.
В коросте старых листьев сад
Струя метели наполощет,
Ещё не вытоптана площадь,
И след крадётся наугад.
Ещё беспомощная мгла
Тоской цепляется за ниши.
Но луч, как тонкая игла,
День трепыхающий нанижет.
И срок пока ещё далёк
До истекающего мая, —
Но бьётся белый мотылёк
И крылья хрупкие ломает...

* * *

А своё я ещё наверстаю!
Даже если остались песчинки
В беспристрастных часах. И стаи
Птиц на юг собираются чинно —
Я успею ещё согреться!
Хоть и солнышко не в зените,
Но стучит во Вселенную сердце,
И душа бредёт по наитию
В лабиринтах историй, судеб,
Заблудиться уже не рискуя.
И теперь никого не судит,
О потерянном не тоскуя.
Ещё в солнечной тёплой купели
Не остыла дождя водица!
...Хорошо, что мы просто успели
На Земле этой в срок родиться...

* * *

Завтра встану рано-рано —
Проводить тебя в дорогу.
Проводить тебя в дорогу
С забелённого крыльца.
В наши окна будет странно
Ночь глядеть луною строгой.
Не одна звезда прольётся
С почерневшего лица.

Как кончается столетье —
Так иссякнет ожиданье.
И в бессонном, мутном прошлом
Промелькнёт последний крест.
Только ветер белой плетью,
Не переводя дыханья,
Вьюжной плетью небо крошит,
Подгоняя твой отъезд.

Как исчезнет за пригорком
След глубокий, человеческий —
Так исчезнет милый странник
И умрёт нестарый сад.
Станет тихо, станет горько,
Только век — и тот не вечен.
Завтра встану рано-рано,
Буду ждать тебя назад.

Поэзия

Сергей Пахомов

Пахомов Сергей Станиславович – поэт. Родился в 1964 году в городе Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор трёх книг. Стихотворения публиковались в журналах: «Арион», «Новый мир», «Нева», «День и ночь», «Сибирские огни», «Север», «Лад вологодский», «Волга» и др. Живёт в деревне Мережа Вологодской области.

МОСТ

ЯТЬ

Я изобрёл йотированный ять
И вставил в летопись. Проистекали годы –
Дочь стала матерью, а сгорбленная мать
Ушла в тот мир, где нет плохой погоды.
Напоминала буква крыльцо
С навесом, стог, соседа-воеводу,
Шрам на лице и, собственно, лицо,
Когда глядишь в изменчивую воду.
Сгорела летопись, когда пришёл Бату,
Господь мне рассказал об этом после
Того, как я свалился в темноту,
Где плыли ангелы, но не было их возле.
Исчез из азбуки йотированный ять –
Забавная безделица, и только.
Я тоже начинаю забывать
В раю и дом, и вкус калины горький.

ГОБЕЛЕН

Незаменим и вечен, как медленный Тобол,
Стекает огуречный не по усам рассол
На добрых на поминках дней, уходящих в прах.
Стихотворенье Глинки и гобелен в сенях
Над шаткою кроватью в пугающей ночи,
Где обнажают братья пудовые мечи,
Юродивое войско, где обряжают в путь...
И мысль худого свойства мешает мне уснуть:
Кровавая короста, обугленная речь...
Что происходит после, лишь завершится сечь?
Лежат на поле хлебном не зёрна – черепа,
На вертел непотребный насажена судьба.
Опять температура, и шум, и голоса,
И смерть (ну, дура душой), взяв кухонный тесак,
Глядит насторожённо и тербит висок,
В глазах её зелёный мерцает огонёк.
Я избегаю кошек – вечерних шансонье
И не кладу горошек ни в суп, ни в оливье,

Не поднимаю руку (товарища спроси),
Когда промозглым утром нам хочется в такси –
Рассеян, бесприютен мой взгляд из-под венца...
Кузнечик изумруден в глазнице мертвеца.

СЛУХИ

Забудь о прошлогоднем одутловатом сне,
Сугробы в преисподней, подтёки на сосне
Смолы. Чем лучезарней потусторонний свет,
Чем сердце планетарней, тем сгорбленней поэт.
Улещивать напрасно обманчивую жизнь,
В рябине тёмно-красной за окнами – чижи...
Сегодня был не в духе старушечий кагал,
И вместо них я слухи взводил на пьедестал:
Соседка изменяла, пока мужик сидел
(Был вечер томно-ялов и ветер скороспел...),
Узнал я, кто в сарае переколол дрова...
Я слухи распускаю, как девки кружева,
И что в ответ имею? «Он – пьяница и мот,
Он соблазнился ею, а не наоборот!
Вчера он мылся в бане – гремел пустым ведром!»
А дальше – как в тумане, призывном, голубом.
Горчит калиной воздух, засеребрился кров,
Душа считает розги несбывшихся грехов.

НА МАРШЕ

Я первый в четвёртом ряду
Большой македонской фаланги,
И небо, как сердце с изнанки,
Похоже на небо в аду.
Листаю мгновенья назад:
Ладья и поход предстоящий...
Я, в чёрную пену смотрящий, –
Сын Одина, идущий в ад.
Тюки... Раскалённая степь...
В колчане оплавились стрелы.

Скачу за родные пределы
Монголом, обритым на треть,
И падаю – пулей прошит
Французской под Аустерлицем.
На мёртвые русские лица
Туман опуститься спешит.
В каком это было бреду?
Чей сон подсмотрел сокровенный?
В себя прихожу постепенно:
Я – первый в четвёртом ряду.

ВЕЧЕР

Был вечер сумрачен и светел,
Неприснопамятен, смолист,
Обёрткой озера конфетен,
Шероховат, как Ференц Лист
В «Дон Санчо». Шумен, паровозен:
«Чух-чух» – котельная дымит;
Жуком во льду анабиозен,
Ракетоносен от ракии,
Парчов, нахмурист и фаянсов,
Колоден, гжелен, пеньковат,
Лишён вселенского пространства
Ввиду использованных гряд...
Траншеен – кроткими кротоми;
Окопен – складками межи,
Где истончается орнамент
Колосьев вырубленной ржи.
Забыл, что набожен, киотен,
Богоуступен, восковит,
Гравюрен (изб помпезный оттиск
Имеет затрапезный вид).
От злого ветра зуботычин –
Уродлив, стаен (журавлин),
Луною кругл. Космогоничен,
Как свежесдобитый блин!

МОСТ

Протиснись в скрипучую душу зимы!
Возьми у подлеска осины взаймы.
Природным огнём упоенная печь
Трещит, как по крепким редутам карточь.
Мой сон проявляется явью во сне,
Где мама читает Чуковского мне,
Где вечность скрывает увечье реки,
Где камни разбиты, как в кровь кулаки.
Из всей «Илиады» мне нравится конь:
Его хоть корми, хоть пои, хоть супонь,
Седлай на рассвете – в его животе
Ахейцы, как дети, сидят в темноте.
Протиснись в холодную душу мою –
Узнаешь, как страшно стоять на краю,
Фунт лиха почём (красен долг платежом),

О долге – недолго, отдельно, потом.
Зима – рукотворна, молитва – темна...
На фоне закрытого ветром окна –
Под небом в отметицах кровельных звёзд –
Из детства и снег, и колодец, и мост.

Триада

СОМАТИКА

Соматика холма, он сумрачен и снежен,
Соматика сома, который был да сплыл...
Есть берег у реки, у моря – побережье,
Есть огонёк в печи, стремящийся в распыл.
А осень, веселясь, усердно корчит рожи,
Пороша не спешит, в кривые зеркала
Оглубивших луж на каменистом ложе
Глядятся лишь церковей крутые купола.
И звёзды в небесах напоминают клевер,
И в шелесте листвы рождаются стихи,
И трудно отделить зерно луны от плевел
Свинцовых облаков, застрявших у стрехи.
Привратники-стога сошлись у переправы
И, паводка боясь, оскалили шесты...
Я вижу из окна сквозь сдвоенные рамы
Замёрзшие пруды – гигантские следы
Того, о ком прочёл вчера я сказку на ночь.
Неужто здесь бродил ужасный Блендербор?...
Соматика звезды... Звезда упала навзничь
В открытую ладонь и тлеет до сих пор.

СХОЛАСТИКА

Схоластика холма над тихим побережьем,
Схоластика сома, вздымающего ил,
От ласточкиных гнёзд, пока заря не брезжит,
Могильный холодок – навязчив и постыл.
Ещё осенний лес не лезет вон из кожи,
Не будят петухи уснувшего села,
Податлива душа, как не прошедший обжиг
Горшочек (не вари ни подлости, ни зла!).
Блуждают Братья Grimm по гримпенскому небу,
В отличие от них я вижу облака:
Одно – облезлый кот, другое – страус эму,
И сами Братья Grimm, но не наверняка.
Паденьем желудей дырявится погода,
Меланхолический мох, токсичный мухомор –
Они без лишних слов сгорают год от года,
Но множатся весной распространеньем спор.
И у меня есть сын, и дочь моя в Вероне,
Они, меня любя, не помнят обо мне...
И часто перед сном я подхожу к иконе
И что-то бормочу о поле и луне.

СОФИСТИКА

Софистика холма без праздничной одежды,
 Софистика сома, чьей тенью Азраил.
 Я вру вам, что живу, хотя не врал вам прежде,
 А где, зачем и с кем живу – я позабыл.
 Сугорбый мой сосед сойдёт за Квазимодо,
 За Гуинплена – жук, за Клею – стрекоза.
 Вчера как первый снег обрушилась свобода
 И ей наперекор обуглилась слеза.
 С добытого сома сосед сдирает шкуру,
 Построен у холма игрушечный завод.
 Я покидаю мир де-факто и де-юре,
 Как гавань корабли, спешащие в поход.
 Всё, что сходило с рук, повисло тяжким грузом
 На старческих плечах, и (к черту канитель!)
 Я покидаю мир, воспользовавшись шлюзом –
 Ищи меня-свищи за тридевять земель.
 Не зная, что сказать, присяду на дорожку.
 Софистика души и спутник Азраил...
 Мне кажется, что я забыл в тарелке ложку,
 Тетрадку на столе я тоже позабыл.

ОБОРОТЕНЬ

Нет, продолжаться так не может. Но продолжается...
 Трава,
 Намокнув, лезет вон из кожи,
 как лезут мошки в рукава:
 Неузнаваемая местность предстала взору, напоказ
 И пасмурность, и неизвестность. Я заблудился,
 вот те раз!
 Залезть на дерево? Что толку?
 На тот ещё сорвёшься свет.
 Мерещатся за ёлкой волки, которых не было и нет.
 И сказки бабушкины кстати:
 коль заблудился, жди, что волк
 Тебя за шиворот прихватит, как печенег Ярополк.
 Чем больше думаю о волке, тем очевидней наяву
 Клыки – сверхпрочная калёнка¹,
 глаза, как ягоды во рву,
 Кроваво-спелые – да, волчьи. Съесть ягод, что ли?
 Буду выть...
 Преображаясь через корчи,
 теляток махоньких губить.
 Да что телят! Красу-девицу
 к себе в чащобу отнесу!
 А чтоб косой не удавиться,
 ей косу нежно отгрызу...
 – Чего расселся на пенёчке?
 Чай, заблудился, куманёк?
 – Нет, бабы, волк я – одиночка.
 – Ну и сиди, раз одинок.

¹ Закалённое стекло (разг.).

СТАЛИНГРАД

Созревшим эхом виноградин
 стучит над оттепелью град,
 Гудит земля, которой ради я твёрже стал,
 чем Сталинград.
 Душа оплавленной воронкой
 зияет в сумрачности лет:
 Потрёпанная похоронка хранит
 рыданий горьких след,
 Хранят известия о ранах багрово-грязные бинты,
 Но кровь не сыплется, что странно,
 весенним градом с высоты.
 Сорвать бинты, напиться в стельку,
 как будто всё мне нипочём,
 Но боль моя в кремлёвской стенке
 застыла красным кирпичом.
 Скажу, не мудрствуя картаво,
 приехав нищим на село:
 Душа устала от накала, её коробило и жгло
 Холодной судорогой снега...
 Терпенью всякому предел
 Приходит. Что до человека... Он постарел.

ИНКАРНАЦИЯ

Давно не рождалось в России поэта,
 подобного мне.
 Прошедших столетий мессии
 на тёмной молчат стороне.
 Лечу я со скоростью света в своём звездолёте
 один –
 комета обёрткой конфеты, планеты,
 как стая сардин...
 Душа развалилась на части,
 в спасительной капсуле сна
 твержу я святое причастье, предвидя
 мою инкарнацию в новое тело
 на чуждой планете, где я,
 Скандируя: «Слово и дело!»,
 ворвусь к праотцам бытия.
 Зелёные склизкие рожи
 меня затолкают во тьму –
 губами разбитыми «Боже!»
 вскричу я не знамо кому...
 За окнами в свете фонарном, багряном,
 как след от манти,
 Луна. Бродит Пушкин в скафандре.
 Ату его, братцы, ату!

Поэзия

Владимир Хохлев

Владимир Владимирович Хохлев – член Союза писателей России, Международного литературного фонда и Литературного фонда России, Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Главный редактор журнала «Невечерний свет/Infinite» (Санкт-Петербург), главный редактор информационного портала HOHLEV.RU – <http://hohlev.ru>. Автор десятков книг. Лауреат Общероссийской литературной премии им. Б. П. Корнилова (2008), премии «Золотое слово» (Москва, 2013). Член жюри Литературной премии им. Б. П. Корнилова и Литературной премии им. Ю. Инге. Член редколлегии Всероссийского альманаха «День поэзии – XXI век».

Я ВСТРЕТИЛ МАРТ

Зима прошла, закончились метели,
мой Петербург встряхнулся после сна.
И дни – как заводные – полетели...
Всех разбудила звонкая весна.

Я встретил март весёлым и счастливым.
Мы вместе улыбнулись февралю...
Твои глаза шепнули снова: «милый».
А я сказал забытое: «люблю».

Заждался щебета пустой скворечник.
Весна смеётся – ей ли горевать?
Гуляет крышами космическая Вечность
и, кажется, нас пробует понять.

Мечтать, бродить... вдвоём, как раньше в детстве.
Рука в руке, душа в душе... Весна,
не просчитав ни рисков, ни последствий,
связует двух в одно... Любовь сильна!

Нас встретил март, сияющий, счастливый.
Мы вместе улыбнулись февралю...
Твои глаза шепнули снова: «милый».
А я сказал забытое: «люблю».

* * *

Закатный час. Природа на замке.
Над горизонтом – золотистый блик.
Утих прибой, уснули на песке
следы людей. Балтийский ветер сник.

Не держит ноту соловьиный хор,
мир замирает... В сонной тишине,
молчанию небес наперекор,
ты говоришь о чём-то важном мне.

* * *

На этой крыше, как на корабле,
мы уплывём в заветную мечту,
представив отдыхающей земле
невиданного чувства красоту.

Взлетев у горизонта в облака,
мы белой парой в круге над водой
мелькнём – от счастья пьяные слегка –
и растворимся в дымке золотой.

Подъёмной силой крыльев и сердец
преодолев земное притяжение,
мы Вечности услышим, наконец,
призывное, восторженное пение.

И, разогнавшись на космическом пути
до нереальных ста восьмидесяти трёх,
мы к солнцу – не ушедшему – взлетим,
устроив звёздный спор-переполюх.

* * *

Под утро, вместе с первым соловьём
корабль-крышу мы отыщем сразу.

Росу с уставших крыльев отряхнём...
Ты повторишь ту – ключевую – фразу.

Как верноподданные солнечной земли
сойдём с невероятной высоты...

Рассветный час. В сиреновой дали
шумит весна... Ей подпеваешь ты!

БОГАТСТВО

Когда душа поёт, а сердце пляшет...
и чувств не высказать – не подобрать слова,
любовь крылом задумчиво помашет –
закружится от счастья голова.

Когда стираются условностей границы
и правила как будто не нужны,
сияют радостью восторженные лица,
а мелочи становятся важны.

Когда огонь свечи манит зрачками,
два разума одна волнует мысль,
распахнутыми тайными дверями
в пространство жизни входит новый смысл.

Когда под музыку вечернего покоя
меняют тембр влюблённых голоса,
минуты времени, двоих не беспокоя,
текут беззвучно вверх – на небеса.

Когда тела в невероятном вздохе
сливаются в одну живую плоть,
теряют силу «ценности эпохи»...
а сшитое уже не распороть.

Когда от благоденствия не скрыться
и гордостью наполнен каждый миг,
влюблённым больше не к чему стремиться –
они достигли... высоты... без книг.

Они уверены, что время и пространство
для них двоих... Что, вопреки всему,
двоими истинное создано богатство,
неведомое в мире никому.

ВЕЛОСИПЕД

По солнечному берегу мы шли под Розенбаума...
Мужчина пел о женщине... любимой... и тоске.
Тебя держал за талию... Свернули у шлагбаума.
Мы шли вдвоём за великом... Неспешно, налегке.

Донские грызли семечки, невероятно вкусные...
Пинали шишки, камушки... полупрозрачный лёд.
Затем запели песенку... свою... совсем не грустную,
про то, как – всех развеселив – весна летит вперёд.

Легко весенней улицей поднялись к дому белому,
хозяйка добродушная махнула из окна.
Хозяин велик выкатил, представив взгляду смелому...
Ты бойко покатила вниз... И дрогнула струна

моей души доверчивой, в тебя влюблённой пламенно.
Я испугался скорости, рванул вслед за тобой.
А ты смеялась искренно, шарфом маня, как знаменем,
играя с ветром... Соснами летела на приборой.

Тебя догнал на берегу, у волн... на самой кромочке.
Остановил движение, снял с тонкого седла...
Вспорхнув руками-крыльями, подобно смелой бабочке,
ты прядь волос – серьёзно так – за ухо завела.

Залив горел закатными оранжевыми бликами,
катилось солнце медное под горизонта нить.
Кружили птицы белые... и убеждали криками
светить ещё – хотелось им закат остановить.

Мы по следам, по отмели, пошли обратно медленно.
Я руль, держа уверенно... теперь не отпускал.
Ты вновь «лепила блинчики»... Я, усмехаясь, мысленно
водил рукою бережно... Как будто помогал.

* * *

Я не очень богат и – ты знаешь – не очень беден,
не посещаю церковь... не заказываю обеден.
Давненько уже не бывал за колючей границей,
стал забывать своих старых знакомых лица...

Не пью «Мартини», не хожу по ночным клубам,
совсем недавно расстался с очередным зубом.
Не знаю правил и норм дипломатии и этикета,
могу сконфузить кого-нибудь во время банкета.

Было время – бегал трусцой, сейчас не бегаю,
предпочитаю дружить дома с тёплой ногою.
Просиживаю в Интернете с утра до вечера,
словно бы делать уже действительно нечего.

Пишу иногда стихи. Нужны ли они кому-то?
Может, и нужны... в самые отчаянные минуты.
Хожу в магазин за картошкой и молоком,
часто трясусь в электричке со станковым рюкзаком.

В жизни как будто бы всё в полном порядке...
наставляю сына, проверяю его тетрадки,
мою полы, готовлю под шубой селёдку,
могу – под шумок застолья – смешать пиво и водку.

Когда скучно, заслоняюсь от скуки работой,
живу одним днём, озадачен его заботой.
Мечтаю – такое бывает – о дико красивой жизни
в Италии или в Швейцарии – вдалеке от отчизны.

И главное! Без тебя не вижу смысла существования.
Жду твоего взгляда, нежности... твоего внимания.
Теку к тебе мыслью, чувств сердечных рекой...
Садись же в свою лодку, плыви ко мне, беспокой...

Бери меня силой, волей... свивай из меня нити,
будоражь мой просторный ум миражами наитий.
Иди по мне – по живому мосту – к звёздам...
Пока я ещё есть... здесь... И пока не поздно.

О.М.

Когда встречаются Вселенные... И происходит их слияние...
И образуется единое пространство жизни для двоих...
влюблённые не знают времени, их не волнуют расстояния,
которые – по старым правилам – разъединить способны вмиг.

Когда приходит понимание, что прежний мир уже не сложится
и не захватят души прежние совсем не стойкие мечты...
влюблённые живут по-новому, их радость бесконечно множится
и счастье выражают сложные слова простые «я и ты».

Когда никто не знает способа предотвратить соединение
и люди смотрят с восхищением на двух восторженных людей...
весь мир волнуется Вселенными... И радуется за спасение
любви – как будто утерянной – первичной сути всех затей.

Поэзия

Галина Капецкая

Галина Анатольевна Капецкая – прозаик, публицист, Отличник образования Республики Беларусь. Окончила с отличием Гомельский государственный университет. Более 270 публикаций в педагогических периодических изданиях Беларуси и России, автор восьми книг, изданных ИД «Белый Ветер». Публиковалась в журнале «Берега», в периодических изданиях на русском и белорусском языке в жанре лирической миниатюры и короткого рассказа, лауреат областного литературного конкурса имени Кирилла Туровского.

Из цикла «ЗВЕЗДА ИНЫХ МИРОВ»

* * *

Из микрокосмоса души
стремимся мы в миры иные,
где светит нам прекрасная звезда.
Так свет её волшебный привлекает,
Так манит мир иной!
Не понимаем:
весь космос
таится в собственной душе...

ЦВЕТЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ

И вновь иду с мечтою в рост
В созвучиях по грудь.
Завистливая свора звёзд
Указывает путь.
Мария Петровых

ПАЛИТРА

Белый, нежно-голубой,
тревожно-синий.
лилового все переливы,
тёплый оранжевый,
смелый алый –
все краски мира
в палитре вдохновенья.
Пока беру несмело, понемножку,
чтоб описать простое совершенство
души цветов.

ДОБРОТА

Отдавай! Ничего не проси взамен.
Пусть раны мира омоет потоком
ласковый Свет.
Незаметно касайся
невидимых струн.
Пусть согревает души
тепло горячего сердца.
Любовью к людям
поливают цветок Доброты.

ОБАЯНИЕ

Пронзительно-кристальное облако мечты,
изысканно-затейливый рисунок грёз,
грациозный фантазии полёт,
чарующая музыка души
сплетаются в затейливый узор
и создают подвижный, тонкий,
неуловимый образ Обаянья.

НАДЕЖДА

Нет пышных лепестков и ярких красок.
Не восхищает он потоком радости,
не манит тонким ароматом.
Цветочки скромные и мелкие
растут на берегу ручья.
Однако тонкий луч свечения
могучей силой обладает.
Глоток из чистого ручья вселяет веру.
И жизни нет
без скромного цветка Надежды.

СЧАСТЬЕ

В иных мирах парит душа.
Кружится в лёгком танце
весёлых грёз
и сбывшейся мечты.
Водопадом ликующая радость льётся.
Открытым сердцем
весь мир ты обнимаешь, любишь
и хочешь поделиться
радостью со всеми.
Редкий своевольный
Счастья цветок растёт на поле,
созданном трудом души.

ЛЮБОВЬ

Капля из фонтана радости,
облачко из аромата обаянья,
мелодия из гимна счастья,
лепесток доброты,
светлое дыхание нежности,
лёгкий ветерок радости,
глоток надежды,
крепкая основа веры,
все краски Мира,
вся музыка мечты
и все оттенки счастья –
в бесценном цветке Любви!

НЕЖНОСТЬ

Спи, дитя моё, спи,
чуткий сон не тревожа,
лёгким дыханием мысли
касаюсь твоих ресниц.
Самую светлую музыку сердца
соберу у твоей колыбели.
Окружу тебя ласковым светом.
Охранит твои юные грёзы
непобедимая сила
материнского сердца.
Великая стойкость
Нежности хрупкой дана.

СКРОМНОСТЬ

Изящен чистотою линий
изысканный цветок.
Алмазами на нём роса сверкает
и нежный аромат его пленит.
За свою красу не ждёт награды достойный
Скромности цветок.

ВЕРА

Строгие линии лепестков,
крепче стали уверенный стебель.
Филигранно точна
чёткая линия края листа.
Аскетичен в потребностях этот цветок.
Мощным потоком свечение его
омывает душу
и великую силу идущему дарит.

РАДОСТЬ

Фонтан искрящийся,
бьющийся сильно, мощно,
алмазом брызг всё покрывает,
всем своё сиянье дарит.
В душе цветёт непобедимый
Радости цветок.

МЕЧТА

Как описать цветок мечты?
Изменчив он в размерах,
формах, цвете:
то пышный и большой,
то чуть заметный,
то яркий, разноцветный,
то скромный, однотонный,
то вычурный,
то вдруг совсем простой...
Смотри души глазами:
увидишь сердцем
волшебный свет Мечты.

ТВОРЧЕСТВО

Тяжёлый труд души
готовит долго почву.
По каплям собранной росой небесной
её прилежно орошает.
К жилищу музы Творчества
нелёгко путь
по лестнице познания мира.
Назначая встречи,
приходит муза своенравно,
когда захочет.
На краткий миг
своё лицо откроет
Творчества цветок.
Но как прекрасен он!

ВЕНОК

Когда свободны крылья, полёт высок,
взору открыт волшебный сад мечты.
Собрать там можно и сплести венок стихов.
Пусть вечно в нём живут
Цветы иных Миров!

27.06.1999 г.

УРОКИ ЖИЗНИ

Именем своей любви к вам
я напоминаю вам о путях,
ведущих к овладению этими ключами.
Имена их: ЛЮБОВЬ, КРАСОТА и ЗНАНИЕ.
Запомните эти пути,
идите по ним и укажите другим.

Рерих Н. К. Три ключа

ПРОСТИ МЕНЯ

Прости меня, моя душа,
что в суете мирской
я забываю посмотреть на звёзды,
что, под ноги уныло глядя,
не вижу неба высоты,
что легкомысленно порою трачу
бесценные мгновенья жизни на чепуху.
Прости меня, как мать дитя прощает:
вот вырастет дитя и,
вспомнив доброту, что мать ему дарила,
простит ребёнка своего.

МОНОЛОГ МАТЕРИ

Дитя моё! Тебя я отпускаю
в твой самостоятельный полёт
с тревогой и надеждой.
Тебя я принимаю и в радости, и в горе.
Тебе отдам всё, что имею, и даже больше.
Тебе прощу любое прегрешенье.
Но знай, что каждый твой проступок
рубцом на материнском сердце станет.

ИЗ ГЛУБИНЫ СТРАДАНИЯ

Когда тебя не щадят, бросая копьё в душу,
смеясь, не понимают,
как твои раны глубоки,
спасает робкая надежда.
Спасибо Мудрой книге
за утешенье и прощенье.

ПОЙМИ

Порою жизнь тычет носом в ошибки,
а человек упирается,
словно глупый котёнок,
который царапает руку,
несущую благо.

ПО КРУГУ

Говорила мать: «Не ходи той дорогой!»
Нет же, не слушаюсь,
мне обязательно надо,
наступая на грабли,
набить свои шишки.
Говорю дочушке: «Не ходи той дорогой!»
Но бесшабашная юность
не желает учиться
на ошибках чужих:
ей обязательно надо
на те же грабли наступить.

ЦЕЛЬ И СМЫСЛ

В поисках цели и смысла
металась по жизни.
А всё оказалось так просто:
надо открыть в своём сердце любовь
и отдать её людям.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Да, ночь темна.
В тяжёлом сне уставшие души забылись.
Злые твари не спят
и добычу лёгкую ищут.
Но не страшно тому, кто знает:
в чёрном чреве ночи
уже родился лучик утра.

ДОРОГА К ХРАМУ

Мой юный восьмилетний друг
мне подарил наивный свой рисунок:
на фоне неба ясного
и в окруженье сосен –
Храм,
к которому ведёт
прямая чёткая дорога.
Ребёнок видит сердцем:
дорога к Храму
всегда – прямая.

Поэзия

Татьяна Ярышкина

Татьяна Ярышкина – родилась в городе Котласе Архангельской области. Печаталась в литературных альманахах: «Белый бор», «Переключка», «Невский альманах» и «Вятка литературная»; в журналах «Знай наших», «Арт», «Мир Севера», «Ротонда», «Начало века», «Волга – XXI век», «Традиции & Авангард», «Байкал», «Сибирский Парнас» и «Подъём», а также в ряде газет. Подборки стихов были опубликованы на сайте «Российский писатель», а также на сайтах журналов «Невечерний свет», «Русская народная линия», на сайте газеты «День литературы». Является автором двух стихотворных сборников: «Дуэль» (2017) и «Верблюжья мотивы» (2019). Стихи вошли в шорт-лист VI Международного литературного тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2018).

ПЕЧАЛЬ

Подо мною печаль земли.
Надо мною небес печаль.
Времена ещё не дошли
До начала своих начал.

Не замкнули ещё собой
Предначертанного кольца.
Ни под небом, ни над землёй
Не исчерпана до конца

Та печаль – а конца и нет.
Потому ли, что Сам Творец,
Возглашая: «Да будет свет!» –
Дал начало, но не конец?..

Потому ли ещё, что дал
Он движенье внутри кольца
И такую вложил печаль,
Что не видится ей конца?..

ГОРЕ ОТ УМА

Не дай мне Бог сойти с ума!

А.С. Пушкин

«Не дай мне Бог сойти с ума!» –
Как актуально, хоть не ново...
Такой финал страшит весьма,
Но он не мне ли уготован?..

Ум на пределе: сам с собой
В разладе, в бесконечном споре.
И мне неведом с ним покой,
Мне от ума одно лишь горе.

За ум болит уже душа,
Сама помочь ему не в силах.
Могла бы, если не спеша
Его собой бы заменила...

Но мысль здравая в ответ
Акценты расставлять умеет:
Да без ума – и горя нет,
А нужно горя стать сильнее.

Пока ещё она сама
Всю боль способна переспорить,
Пусть будет горе от ума,
Но не безумие от горя.

КНИГА ДОРОЖЕ

Поглощаю книги – день за днём,
Том за томом, не переставая.
Отдаваясь книгам целиком,
О реальной жизни забываю.

А сказать вернее – ничего
До сих пор не знаю в этой жизни;
Книга мне понятнее всего
И дороже всех житейских истин.

Истин тьма, но мне бы знать одно:
Быть или не быть?
Сердечным слухом
Я ловлю ответ уже давно.
И читаю...
К смерти крепну духом...

ТЕЛЕФОН

Он молчит себе пока –
Мой на тумбочке уснувший телефон.
Я не вздрогну от звонка,
Но нарушить не рискую этот сон.

Мне-то нечего сказать,
Мне-то хочется умолкнуть насовсем...
Но в любой момент опять
Будет просто не уйти от «вечных» тем.

Это мама позвонит –
И проснётся, раскритичится телефон.
И проснутся вновь они –
Темы, с давних наболевшие времён.

Целый час придётся всем –
Или четверти по меньшей мере три –
Мучиться от этих тем,
Чтобы только по душам поговорить.

Телефону, маме, мне...
Души – в кровь, а трубка – будто из печи.
Наберись-ка сил во сне,
Телефон мой, и подольше помолчи.

ДО ЧЕРТЫ

Мама и папа со мною – до той черты,
Я за какой неизбежно сорвусь на дно.
Лишь до черты, но не дальше.
Они чисты.
Бог – и за нею останется всё равно.

И, оставаясь, по-прежнему будет ждать,
Душу когда протяну за спасеньем вверх.
С самого дна не поднимут отец и мать:
Слишком чисты, чтобы вытянуть этот грех.

Там, за чертой, не отступится только Бог,
Ждать от меня продолжая лишь одного:
Веры, что Он-то бы поднял, что Он бы мог.
Но искушу ли я Господа своего?..

ЧЁРНО-БЕЛОЕ

Белое-белое небо
В чёрные-чёрные дни
Только напомним, что бел, как и прежде, свет.
Бог никогда там и не был.
Бога в душе бы хранить:
Кроме души-то, нигде Его, может, нет.

Надо очистить бы душу
В чёрные-чёрные дни...
Я и приняться за это не знаю как.
Только и знаю, что нужен
Бог, чтоб меня сохранить.
Только и чувствую: душу снедает мрак.

Бог во мне – Был или не был?
Чёрной души человек,
Всё-таки помню Его и тоскую о Нём.
Крошками белого хлеба
Сыплется-сыплется снег
С белого-белого неба ноябрьским днём.

КАМЕНЬ СЕРДЦА

Сердце есть, а без Бога пусто...
В пустоте – безнадёжный крик.
В этом крике – утраты чувство:
Бог стучался, да не проник.

Он стучался не в дверь, а в камень –
Потому и войти и не смог,
Здесь не встречен, как неприкаян.
Будто сердцу не нужен Бог...

И теперь пустота такая –
Безнадёжно пусто теперь.
Только камень кричит, страдая
Оттого, что камень, не дверь.

* * *

Зачем мои сомнения так сильны
И против слабой, беззащитной веры
Всем скопищем они ополчены?
Ни справедливости, ни чувства меры...

Но ради справедливости ли Бог,
Когда Его всем скопищем казнили,
Остался человеком, если мог
В нечеловеческой открыться силе?

Остаться слабым, скрытым, лишь молясь
Отцу Небесному, – как это много!
В той человечности таилась связь,
Соединившая людей и Бога.

А веру лишь иметь, не становясь
Всеведущим и мудрым, – так ли мало?
Быть может, есть в моих сомнениях связь,
Единству с Богом давшая начало...

Поэтическая Седмица

Александр Логинов

Александр ОРЛОВ:

БОЖЬЕЙ МУЗЫКИ ТОРЖЕСТВО...

Торжество Божьей музыки поэт Александр Логинов слышит по-особенному, он внимает её в окружении суровой и девственной красоты. Он словно передаёт стихотворный привет от таёжных массивов и бескрайней тундры, арктических вод и одиноких островов. Именно поэтому в его стихах чувствуется душевное одиночество, направленное на постижение всего созданного, земного и небесного, явственного и непостижимого. Его поэзия представляет собой редкую оттепель во время пасмурной и ветреной зимы жизни, она согревает, сочувствует, взывает к покаянию.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТРОФЫ

1.

Ровно в полночь, когда над землёю небесный пастух
На прогулку выводит весёлое звёздное стадо
И, томясь ожиданием, восстаёт человеческий дух,
Тёмных сил и страстей прорывая глухую осаду,
Где-то там, в закутке даже самой заблудшей души,
Родилось что-то светлое, лёгкое, как дуновение...
Это семя любви проросло в заповедной тиши,
А навстречу ему пролились волхованье и пенье.
Вышла Дева Мария, дитя прижимая к груди,
И склонились пред ней пастухи и волхвы,

и, подымая

Сына Божьего к небу, она прошептала: «Гляди!»
Так впервые увидел Христос нашу грешную землю.
И на стёклах оконных расцвели ледяные цветы,
И над Млечной дорогой, к нам в души струящейся

плавно,

Разгоралась, сияла Звезда Рождества, с высоты

Освещая наш путь к торжеству света истин

и правды.

2.

Лейся, сеево млечной пыли,
Звёздной музыки торжество!
Он пришёл, чтобы возлюбили
Люди ближнего своего.
Он явился под хор небесный –
В сердце радость, душа чиста.
Это ангелы светлой песней
Восславляют приход Христа.
Снят покров с заповедной тайны,
И плывут с четырёх сторон
Перезвоны цветов хрустальных,

Колокольчиковый перезвон.
Просыпайтесь, лесные чащи!
Эй вы, ёлочки, – в гости ждём!
С опрокинутой звёздной чаши
Льются ноты златым дождём.
Запевают за далью дали
И морозная пыли взвесь.
Главный колокол посылает
Радость миру, благую весть:
– Он уже среди нас! Он с нами!
Славь Христовое Рождество!
Лейся в души, владей сердцами,
Божьей музыки торжество.

3.

...Когда подступит одиночество –
Вечерний Ангел нас отыщет.
Мы вознесём молитву «Отче наш!..»,
Отныне духом мы не нищие.
Спасибо, Господи, за вестников
С рождественского небосвода.
К нам с песнею по лунным лестницам
Вновь ангелы любви нисходят.
Мы стали вновь друг другу близкими,
Сердца – открытые и искренние.
Тьмы истин отступили низкие,
Зато открылись света истины.
Теперь мы видим в каждой матери
Святую Деву-Богородицу,
Цветы любви на снежной скатерти.
Поёт душа небесной горлицей.
Возлюбим и мужей-заступников
За их суровость и за нежность,

И дело ратное и трудное
Поддержим Верой и Надеждой!
Лишь тот, кто и по бездорожию
Пронёс Иисуса лик отеческий,
Не обижая тварей Божиих,
Зовётся сыном человеческим.
В разливе детских глаз сияющих –
Загадочное звёзд мерцание.
И это значит, что не все ещё
Создатель приоткрыл им тайны,
Что ждёт их чудо – откровение
Христовых заповедных слов,
Что жизнь не знает берегов,
Что в этом мире сокровенном
Любовь – рождает лишь Любовь.

4.

Угасают звёзды в вышине.
Утро Рождества плывёт над миром,
В городе на Северной Двине
Освещающая каждую квартиру.
Настигает странников в пути,
Согревает сырых и убогих.
Шепчут губы: «Господи, прости!»
Но теперь ясней к Тебе дорога.
Если есть согласие в сердцах,
Значит будет мир родному дому,
Душами не овладеет страх,
Доброе да не уступит злему!
И когда Господний сонм светил
Застилает тьмою туча злая,
Райский страж Архангел Михаил
Дьявола мечом своим пронзает.
Божие свершилось: «Аз воздам!»
И опять горит неистребимо
В небе Вифлеемская звезда
Радости, согласия над миром.
Нас зовёт к добру и чистоте
Колокола песня зарева.
До тех пор, пока мы во Христе,
В нас струится кровь его живая!..

* * *

Незаметно подкрались, швырнули в глаза
Горсть песка беспощадные годы.
Смотришь в небо – но это не те небеса,
Глянешь в воду – не те уже воды.
Остаётся одно: жить, как Бог повелел,
От истока – неспешно – к исходу,
Не метая друг в друга отравленных стрел,
Сохраняя свой дух и породу.
И строку поднимать, как в атаку полки,

Отрабатывать лет своих ссуду,
Даже если бессонно ночные стрелки
За тобою следят отовсюду.

И когда подойдёшь ты к заветной двери
И замрёшь на мгновенье в смятенье –
Колокольную песню начнут звонари,
Возвестив о твоём возвращенье.
Ты бессмертен, ты сам своих дней звездочёт.
Солнца бег направляя к востоку,
Сквозь тебя покорённое время течёт
От исхода обратно к истоку,

Где в античной глуши младокрытых дубрав,
Слыша тайные гулы и зовы,
Погружаясь в глубины земли, аргонавт
Ищет золоторунное слово,
Где слились воедино восход и закат
И богов колесницы сверкают,
Разъярённые кони храпят и летят
Всё по кругу, по самому краю.

* * *

Закат побагровел от взорванного солнца.
И вздрогнула земля, и кувырк – во мглу.
Былинки ли коснись, громады гор дотронься,
Всё стонет, и дрожит, и плачет: «Не могу!»

Ужели наша жизнь на знаках Зодиака
Мышиная возня, травы полночный бред?
Закроем ли глаза – не вырвемся из мрака,
Откроем – бьёт в лицо неотразимый свет.

Чем нестерпимей он, тем яростней влечение
Войти в него, пройти, не опуская век, –
Паденье пережить, и смерть, и возрождение
Седых материков и утомлённых рек.

Но мчится разум наш по замкнутому кругу,
И тут один исход, он равнодушно крут –
Над бездною замрём в смятенье и испуге,
Но беспощаден гон и хищно хлещет кнут.

И кажется, вот-вот в воронке мироздания
Земная жизнь и смысл исчезнут без следа.
Космический паук прервёт своё вязанье
И потеряет нить. И выпадет звезда.

Как давит тишина! Мир на куски разломан.
И сердца островок закован в жгучий лёд.
И всё трудней сберечь тепло родного дома,
Души орлиный взор, и клёкот, и полёт.

Поэтическая Седмица

Олег Рябов

Александр ОРЛОВ:

АНГЕЛА ВАМ В ДОРОГУ

Стихи Олега Рябова являют чудо обретения мудрости человеком, прошедшим перекрёстки испытаний. Этот период умудрения невозможен без честного отношения к самому себе, что так явственно отображено в его стихах. Стремление к гармонии, нравственному совершенству вызывает у Рябова чувство сопротивления злу, это противостояние словом не оставляет автора ни на минуту, оно пробуждает в нём душевное и духовное беспокойство за всё, что его окружает. Философские вопросы, рождённые жизненным беспокойством, он разрешает при помощи духовного опыта, который передаёт в стихах.

КАЗАНСКАЯ

Что ты так печальна, Богородица?
Складочки на тонкой переносице,
А в глазах – не радость, а мучение.
Знала Ты Его предназначение!

Знала Ты, что сбудутся пророчества:
Крестный путь в безмолвном одиночестве,
Горечь славы и непонимания,
Через страсти – вечное признание.

Все легенды, чудеса, весь поиск истинны,
Сколько будет книжек понаписано,
Сколько Ты подаришь вдохновения!
А сейчас во взгляде – лишь сомнения.

Будут храмы возводиться Твоим именем,
В них – гореть лампы негасимые.
Но печаль в глазах твоих проносится,
И грустишь Ты, Мама-Богородица.

САРОВСКАЯ СТРАНИЧКА

От дальней пустынки пешком
Мы шли назад к автобусу.
А где-то рядом с посошком
Шёл Он, как будто с образа
Спустился и по мере сил,
Тепло и не навязчиво,
Меня о чём-то всё просил.
Но что бы это значило?

Я всё оглядывался в лес,
Надеясь взглядом встретиться,
Но видел шишки на земле
Да веток перекрестия.

А как хотелось разобрать,
Что Он мне шепчет, Батюшка?
Понятно, что желал добра,
Удачи в деле завтрашнем.
От пустынки шёл, как во сне,
Твердя тройное правило,
Когда увидел на сосне
Молоденького ангела.

ЛАЗАРЕВА СУББОТА

Праздник! Батюшка кропит
Вербочки букетик.
Из-под купольных стропил
Солнца лучик светит,

И ползёт по образам,
По колоннам, стенам.
Бьёт игриво по глазам
Яркий луч весенний.

Праздник, в храме суeta.
В брызгах – блики радуг.
В дни Великого поста
Улыбаться надо.

Праздник! Воробьи кричат!
Я ж нашёл заботу –
Надо освятить бельчат
В Лазаря субботу,

Чтобы вербной лозой,
Славя день погожий,
Стучать радостно, не зло
Всех друзей-прохожих.

ВЕРБНОЕ

Я вербочку принёс домой
И со свечой пасхальной
Её поставил на комод
В углу, что в нашей спальне.
Щёку ладонью подперев
И обнаживши руки,
Ты как на пальмовую ветвь
На мой убогий пруттик
Смотрела, видя пред собой...
Но взгляд срывался мимо:
Туда, где, как к себе домой,
К вратам Иерусалима,
Спеша на ослике верхом,
Приветствуя сограждан,
Он возвращался. Нелегко
Давался путь – не каждый
Мог принимать Его триумф,
Но пальмовые ветви
Коврово выстилали путь
Уверенней приветствий.

* * *

Когда переберусь я в мир иной,
То с удивленьем, разочарованьем,
А может, с радостью пойму, что вот оно:
Признание моё и наказание.
Здесь и оценка, здесь и результат,
Итог земных поступков и событий,
Которым там подведена черта,
А здесь плоды: что ваше – то берите!

Я в выборе не волен: сам Господь
Меня сюда направил, я – лишь путник
Без посоха, без торбы, без сапог.
Не сомневаясь в чём-то ни минуты,
Я был обласкан выбором таким,
Который сделал Он, и я доволен.
Я буду здесь творить, писать стихи,
Через страданье исполняя волю.

Господь меня не бросит даже здесь:
Весь путь мой – это грех и испытанье,
И, кланяясь Рождественской Звезде,
Я без лукавства чувствую страданье
Всех, кто не смог, кто просто не дошёл,
Не разглядел. Да, легион – им имя!
Для некоторых глуп я и смешон,
Но раз Господь решил, я буду с ними.

МОЛИТВА

Как легко мне, Господи,
Знать, что ты в ответе
За кого ни попадя
И за всё на свете.

И минутной славою
Я Тебе обязан,
И победой главной,
И судьбой – всё сразу!

Ты не знаешь устали
И не ждёшь совета.
Днём ли, ночью, утром ли,
И зимой, и летом.

Как легко мне, Господи:
Я стою в поклоне,
Голова вся в проседях
Да и жизнь на склоне.

* * *

Я не останусь – нет. Я весь умру –
До капельки, до нитки, до остатка.
До строчки, до конца. Не по нутру
Мне перевоплощаться в дым, в осадки,

В деревья, птиц, животных и потом
Прожить чужую жизнь в другом сознание.
Я не хочу, чтоб был такой фантом,
С набором радостей, сомнений и терзаний,

Который я бездумно накопил
И с радостью в себе несу до края.
И будет так, покуда хватит сил,
А сколько хватит – лишь Всевышний знает.

Я весь умру – до вечности, дотла,
И тень умрёт – и тень моя устанет.
Ни имени, ни храма, ни кола –
Лишь кровь моя останется, как память.

Поэтическая Седмица

Николай Алешков

Александр ОРЛОВ:

ТАЙНОМУ ЗОВУ ВНЕМЛЮ

Поэзия Николая Алешкова направлена на изучение веры в самом себе. Поэт словно учится и этим самым подаёт пример другим с покорностью принимать всё, что содержит его вера. Так, в стихах Алешкова через познание приходит состояние созерцания. Он не пытается разгадать священные тайны, а принимает небесное таинство смиренно и беспрекословно. Для него этот процесс сопряжён великому уроку земного существования, которое является подготовительным периодом к главному экзамену.

* * *

Полюбите живого Христа!

Юрий Кузнецов

Куда б ни привела меня дорога,
К чему бы ни стремился я в тщете,
Я в храме ощутил – нас, русских, много,
Живущих во Христе.

Чертоги мироздания разверсты,
Когда звучит Божественный мотив,
И сладостно молиться, братья, сестры.
Живого Господа душою возлюбив...

В НОЧНОМ

Луга за Камой. Полночь. Блеск зарниц.
И быль, и небыль!
Над всей рекой отсутствие границ
Между землёй и небом.

На крыльях сна в ту ночь хочу вспорхнуть.
Там ангелы летали.
И вспыхивал над миром Млечный Путь –
Не для меня ли?

Я помню, помню – до сих пор, не зря, –
Как небо пело,
Как надо мной волшебная заря
Горела...

* * *

Даль – не окинуть оком.
Родина – Божья милость.
Детство моё в далёком
Августе затаилось.

Тайному зову внимлю.
Сердце живёт мечтами.
Падают звёзды на землю
И прорастают цветами.

* * *

Утренней росой в лугах умыться
И зерном, созревшим в колоске,
К солнышку лучами прицепиться,
Повисеть на тонком волоске.

И, сорвавшись звёздочкой неяркой,
Осветить реку, за ней леса,
И село с оврагом за пожаркой,
И свою тропинку в небеса.

* * *

Между сосен тропинка лесная
В Лукоморье зовёт, на траву.
Ничего о свободе не знаю –
Я по воле небесной живу.

Это облако белое – чудо!
Реки – правда? – впадают в моря?
Мама, мама, я взялся откуда?
Улыбается мама моя...

Мне б увидеть любимого брата!
Брат играет – гармошка поёт.
В смерть не верю. Есть точка возврата.
В детство выбегу я из неё.

* * *

Владимиру Скифу

Однажды приснилось внезапно,
Как будто младенцем я стал.
В потёмках наощупь, на запах
Маманькину титьку искал.

Родным я об этом поведал.
Брат Саша в сердцах произнёс:
– Ты хоть и ровесник Победы,
Но тот ещё молокосос.

Сестра подзадорила, Люба:
– Всем голодно, как ни гляди...
Твои ненасытные губы
На маминой помню груди.

Проделки твои не забыты.
Ты в прятки со всеми играл,
От няньки, от бабы Улиты,
В три года из дома удрал.

Деревня за общую лямку
Тянула на трудном веку...
Последыш нашёл свою мамку
В страду на колхозном току.

И мама недолго томила,
В жару на крылечко присев.
При всех она сына кормила,
И вырос я тоже при всех.

Живу! Моя песня не спета!
Ровесник, узнай по строке,
Как я в то голодное лето
На мамкином рос молоке.

* * *

Дрогнет рябины ветка
Вдруг за моим окном.
Я в середине века
Добрым пророс зерном
Сквозь чернозём с навозом
В послевоенный быт.
В нашей семье колхозом
Не был никто забыт.
В кузнице утром ранним
Батка огонь вздувал.
В правую руку ранен,
Левой рукой ковал.
Засветло мне на конный
Двор – жеребят пасти.
Молится у иконы
Мама: «Господь, спаси!»

В зыбке сестрёнка – помню –
Сладко спала тогда.
Братья в лугах и в поле:
Лето, покос, страда.
Старшей сестре работа –
Веялка на току.
Жарко. И всем охота –
С берега да в реку...

Детство за мной живое
Катится по судьбе.
Слышали вы, как воет
Ветер зимой в трубе?
Десять коленок острых
Рядышком на скамье:
Братья мои и сёстры –
Пятеро нас в семье.
С печи да на полати,
Кубарем утром вниз –
Сёстры мои и братья:
Люба, за ней Борис,
А за Борисом Саша,
Значит, за Сашей я,
Следом Верунька. Наша
Вся на виду семья...

Дрогнет рябины ветка,
И разомкнётся круг.
Видимся, братья, редко,
Видимся, сёстры, вдруг.
Сельское всё, простое
Вижу теперь во сне.
Солнышко золотое
Светит оттуда мне...

* * *

Диане Кан

Течёт река Волга
Под россыпью Млечной.
Я буду жить долго,
Я буду жить вечно.
А Волга впадает
В Каспийское море,
Вдали пропадая
И Млечному вторя.
И катится в вечность
Подобием Волги
Вся звёздная млечность,
А я – в самоволке.
Сижу, будто выпил
Вселенского зноя,
Из вечности выпал
На время земное...

* * *

Вне времени – не летом, не зимой –
На грани чуда пересотворенья,
Лишь после смерти я вернусь домой,
Туда, где жил когда-то до рожденья.

И буду ждать, томиться в том раю,
На той далёкой Млечной переправе,
Куда же в этот раз печаль мою
Рука Отца Небесного направит...

* * *

Боже, прости, что пишу я пока ещё
Эти стихи.
Был искушаемым, был искушающим –
Тяжки грехи.

В дни осиянные, в дни окаянные
Мерю судьбой
Эти листочки – мои покаяния
Перед Тобой.

ПАСХАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Бабушка с молитвы возвратилась,
Внученьке гостинцы принесла.
– Бог подал!
Потом перекрестилась.
Собралась семья вокруг стола.

– Почему пасхальное яичко
Всех других вкуснее в десять раз?
А в стекло оконное синичка
Тенькает. С иконы смотрит Спас.

– Я молилась, а душа-то пела,
Слыша в благодати: «Аз воздам...»
– Бабушка у нас помолодела.
Дед, и ты сходил бы с нею в храм!

День пасхальный праздничен и светел.
Праздничен и светел к Пасхе дом.
И, подумав, внучке дед ответил:
– Мы с тобою вместе в храм пойдём.

* * *

Светлеет лик жены. Лучистых глаз истома
Взволнует вдруг меня, как в памятном году.
А тихий белый снег летит на крышу дома,
На розы у крыльца, на яблони в саду.
И всё, что есть вокруг, взлелеяно руками,
Которые – прости! – мне грех не целовать.
А речка за окном, как дочка, к маме Каме
Бежит, не торопясь так рано зимовать.

Какой пречистый снег! Не будем ждать ненастья.
Калитку отворив, детей и внуков ждём.
Приехали уже! Смеются Лена с Настей.
Их голосам в ответ поскрипывает дом.
Ах, дети, Божий дар и Божье наказание!
Кто ангел, тот и плут, как всяк в своей поре.
И младший сын Сергей уж едет из Казани.
А старший сын Сергей хлопочет на дворе¹.
Рябинка у ворот от ветра не согнётся,
За домом у реки родник студёный жив.
А скоро внук Артём из армии вернётся –
Вся грудь его в значках – по чести отслужив...
Достаток в доме есть, чужого нам не надо.
А если что не так – Господь, не приведи...
Оладушки на стол! Ты счастлива и рада.
На каждого из нас с улыбкой погляди!
Ты молишься за всех коленопреклонённо:
– Господь, спаси семью в наш ненадёжный век!
Жена, бабуля, мать – одна во всей Вселенной,
Твоя душа чиста, как этот тихий снег.
Ты только посмотри – вот он летит над нами,
Над памятью о тех, кого нельзя забыть
На Волге, на Днепре, на Ухре и на Каме.
– Ах, все ли собрались? Ну как вас не любить...

* * *

Виктору Суворову

Вот и мы постарели, мой друг, но не будем о грустном.
Для самих-то себя мы давно ничего не хотим.
Лишь бы вновь увидеть – журавли пролетели
над Русью.
Только где она, Русь? Мы в сердцах её молча храним.

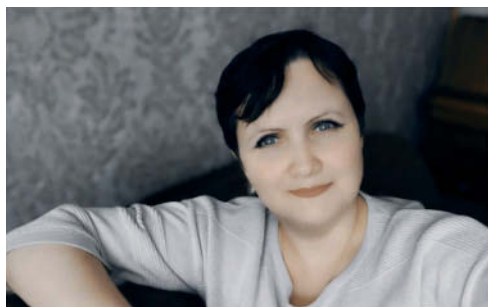
Нам с тобою, наверно, счастливое детство досталось.
После самой свирепой и самой великой войны
Из окопов промёрзших, сквозь боль, и тоску,
и усталость,
Возвратились отцы, чтобы мы появились, сыны...

И когда мы вдвоём держим путь
к православному храму –
Помолиться за них и поставить к распятию свечу
За ушедших любимых и – каждый – конечно, за маму,
Вдруг заплачет душа: «Я от них уходить не хочу!»

Не спеша за столом поминальные чарки наполним.
Впереди и у нас – предназначенный Господом срок.
А рождественский снег всё летит на житейское поле.
Мы идём по нему. Горизонт – как небесный порог...

¹ Так уж вышло – в нашей семье два сына Сергея...

Анастасия Маряч

Анастасия Юрьевна Маряч – аспирант Тамбовского государственного музыкально-педагогического института им. С. В. Рахманинова». Научный руководитель: доктор пед. наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ Л. Г. Сухова, ассистент кафедры «Музыка и методика преподавания музыки факультета «Педагогика, психологии и социальных наук» Педагогического института им. В. Г. Белинского ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

Деятельность Сергея Павловича Дягилева в контексте русской культуры рубежа XIX–XX веков

Рубеж XIX–XX вв. – непростая эпоха в истории России. Это время окончания царствования Александра II, императорства его правопреемника по престолонаследию Александра III – «Царя-Миротворца»; и затем – Николая II, последнего русского императора, «Царя-Мученика»; становления (1917) советской власти.

В этот непростой исторический период России удалось пережить закончившуюся поражением Русско-японскую войну (1904–1905); выстоять в Первую мировую войну (1914–1918). Это время трёх революций: 1905–1907 гг., февральской и октябрьской 1917 г.

Несмотря на столь сложную и неоднозначную эпоху, это период Духовного Возрождения России – «Русского Культурного Ренессанса» (определение, данное П. П. Сувчинским, Н. А. Бердяевым), ознаменовавшего начало необычайно высокого творческого подъёма в культуре, науке, искусстве [2; 6]. Это время формирования фундаментальных концепций неклассической науки и неопозитивизма. Если вспомнить тех, чьи идеи способствовали рождению революционных научных открытий, перевернувших традиционные представления о механистической картине мира, то это, безусловно, отечественные учёные: Константин Циолковский, Александр Чижевский; Владимир Соловьёв, Николай Бердяев и др. Хочется отметить, что идеи мыслителей отражали их глубокую веру в высоконравственные гуманистические идеалы. В качестве примера можно привести следующие высказывания:

«Истинное искусство всегда нравственно», – А. Чижевский;

«Невозможное сегодня станет возможным завтра», – К. Циолковский;

«Внутренними свойствами добра определяется жизненная задача человека, её нравственный смысл состоит в служении добру чистому, всестороннему и всеильному», – В. Соловьёв.

Искусство этого времени отмечено богатым разнообразием стилевых течений. Это и романтизм, на русской почве приобретший черты реализма; и раскрывший «возможности отображения мимолётных впечатлений в живописи» импрессионизм; и разрушивший и перевернувший устоявшиеся академические традиции модернизм, со всеми возможными его стилевыми ответвлениями: символизмом, абстракционизмом, авангардом, кубизмом, сюрреализмом, примитивизмом и др. Данный исторический период ознаменован также началом становления и развития «немного кинематографа» – предшественника звукового кино. Привести имена даже некоторой самой малой части современников Сергея Дягилева невозможно в рамках одной статьи, поэтому, не вдаваясь в подробности, вспомним некоторых из них: Сергей Рахманинов, Игорь Стравинский, Сергей Прокофьев; Фёдор Шаляпин, Леонид Собинов, Антонина Нежданова, Иван Ершов, Генрих Нейгауз, Иосиф Гофман, Константин Игумнов, Анна Есипова, Борис Асафьев; Эдуард Направник, Василий Сафонов, Александр Зилоти, Сергей Кусевицкий; Леопольд Ауэр; Анатолий Брандуков, Александр Вержбилович; Константин Станиславский, Владимир Немирович-Данченко, Всеволод Мейерхольд; Виктор Васнецов, Михаил Врубель, Валентин Серов, Василий Polenov, Николай и Елена Рерих, Микалоюс Чюрлёнис, Василий

Кандинский, Мстислав Добужинский, Александр Бенуа, Леон Бакст, Иван Билибин, Наталья Гончарова и др. Безусловно, само время предполагало и располагало к открытиям и инновациям в культуре, науке, искусстве, творчестве.

Именно в эту непростую историческую эпоху суждено было родиться, жить и творить будущему великому русскому импресарию – Сергею Павловичу Дягилеву. Исполн Русской Культуры, его личность по праву можно считать легендарным символом искусства рубежа XIX–XX вв.: театральный и художественный деятель, редактор журналов «Мир искусства», «Ежегодник Императорских театров»; гений, пусть и не сразу, но признанный уже современниками; непревзойдённый организатор и новатор, показавший миру глубину, широту и красоту русской культуры. Образ Сергея Дягилева со временем стал ассоциироваться у его современников с ницшеанскими представлениями о сверхчеловеке. Тонкий меценат, ценитель искусства, он, что называется, «горел» идеей культурного просветительства в Европе. Безусловно, это был человек действия! И именно благодаря высокой степени желания и творческого горения – «пламенения» своим делом и идеей, не без божественного провидения, он сумел найти и собрать коллег, друзей-единомышленников для дальнейшей реализации и продвижения своих масштабных проектов. Разрушая стереотипы, отдавая дань традициям и способствуя развитию инноваций, Сергей Дягилев открыл миру Новый Взгляд на Искусство.

В своей деятельности С. П. Дягилев сумел синтезировать в единое целое все виды искусства и творчества: концертное исполнительство, театр (опера, балет), изобразительное искусство. Это был человек уникального дарования: гениальный антрепренёр, обладавший тонкой поэтической душой художника – ценителя искусств, могучим талантом организатора и режиссёра. Сергею Дягилеву свойственна была удивительная способность предвидеть и прогнозировать успешность своих будущих проектов. Безусловно, он горячо верил в собственное божественное провидение, в то, что суждено войти и оставить свой след в истории мирового искусства.

А начиналось всё с основания художественного объединения «Мир искусства» (1890–1924), куда вошли многие известные художники того времени, такие как: Исаак Левитан, Валентин Серов, Илья Репин, Александр Бенуа, Леон Бакст, Мстислав Добужинский, Иван Билибин и др., впоследствии ставшие авторами театральных оформлений знаменитых «Русских сезонов» Сергея Дягилева. Заметим, что некоторые из них начинали именно как художники-иллюстраторы детских книг.

Буквально в нескольких словах попробуем соприкоснуться с деятельностью некоторых из них...

Александр Бенуа, идейный соратник С. П. Дягилева по «Миру искусства», историк искусства, один из самых значительных художественных критиков начала XX в. А. Н. Бенуа происходил из потомственной художественной династии. Некоторое время учился в Академии художеств, но не окончил её, считая, что художником можно стать, только непрерывно работая.

Леон Бакст (псевдоним, настоящее имя Лейб-Хаим Розенберг) является автором серии портретов своих современников, в том числе и портрета Сергея Дягилева. Именно работы Леона Бакста, что называется, «опьянили Париж» во время знаменитых «Русских сезонов». По его эскизам разрабатывались дизайны модных тканей.

Иван Билибин своё призвание быть живописцем почувствовал после знакомства с картиной «Богатыри» В. Васнецова на выставке молодых художников. Бросив всё, в том числе и учёбу на юридическом факультете, уехал в деревню, изучать неповторимую самобытность русской старины. «*Иваном – железной рукой*» – именно так называли его коллеги за профессиональную твёрдость и непреклонность. Известен как иллюстратор книг сказок, былин, старинной азбуки, есть у него работы и на религиозную тематику.

Идея прославления русской культуры в Европе принадлежит А. Н. Бенуа. С. П. Дягилев, несомненно, смог гениально воплотить в жизнь совместные творческие проекты.

В 1906 г. было принято решение – устроить на Осенних салонах в Париже выставку «Два века русской живописи и скульптуры». Были представлены работы старых мастеров – Карла Брюллова, Ореста Кипренского, Алексея Венецианова, Дмитрия Левицкого и др.; современников С. Дягилева – Михаила Врубеля, Мстислава Добужинского, Леона Бакста, Николая Рериха, Валентина Серова и др. Специально для парижской публики Александр Бенуа подготовил и опубликовал сопроводительный каталог с иллюстрациями и статьёй о русском изобразительном искусстве.

Успех выставки, что называется, «окрылил» её организаторов и устроителей. С. Дягилев заражается масштабной идеей музыкального просветительства во славу Русской Культуры в Европе, на-

шедшей свою реализацию в организации знаменитых «Русских сезонов». Всего состоялось около 20 сезонов – с 1908 по 1929 г. С. Дягилев работал без устали, не покладая рук, с постоянным творческим горением и рвением до последних дней своей жизни.

Балетную труппу С. Дягилева первоначально (до 1914 г.) составили такие именитые артисты-солисты Мариинского и Большого театров, как: Анна Павлова, Тамара Карсавина, Вацлав Нижинский, Михаил Мордкин и др. Бессменный режиссёр и администратор «Русской труппы» С. П. Дягилев – с 1909 по 1929 г. – Леонид Григорьев. В последние годы жизни – это сотрудничество с Сержем Лифарем. С. Дягилев работал с такими выдающимися хореографами, как: Михаил Фокин, Леонид Мясин, Джордж Баланчин и др. В истории театра оперы и балета остались такие выдающиеся постановки, как: оперы – «Борис Годунов» М. Мусоргского, «Псковитянка» Н. Римского-Корсакова и «Князь Игорь» А. Бородина; балетные спектакли – «Половецкие пляски» А. Бородина, «Шехеразада» Н. Римского-Корсакова, «Карнавал» Р. Шумана, «Жар-птица» И. Стравинского и др. (*балетмейстер М. Фокин*); «Парад» Э. Сати, «Шут» и «Стальной скок» С. Прокофьева и др. (*хореография Л. Мясина*); «Барабо» В. Риетти, «Блудный сын» С. Прокофьева и др. (*в постановке Дж. Баланчина*).

Если первоначально представления проходили на сцене парижских театров: Гранд-опера и Шатле, то постепенно «Русский балет» С. П. Дягилева завоевал столицы многих стран Европы. Символами «Русских сезонов» Сергея Дягилева разных лет по праву считают божественную, хрупкую Анну Павлову – выдающуюся русскую балерину, запечатлённую на знаменитой «голубой» афише Валентином Серовым; а также эскиз костюма «Фокусника» Пабло Пикассо к балету «Парад» на музыку Эрика Сати, – предвестника такого направления в искусстве, как «сюрреализм».

Сезон 1907 г. по-настоящему стал европейской сенсацией: пять «Исторических русских концертов» на сцене парижской Гранд-опера, что называется, *«разведка перед боем»*, как писали впоследствии исследователи, изучающие жизнь и деятельность С. П. Дягилева. Впечатляющие сила и мощь русского искусства, представленного творчеством Михаила Глинки, Николая Римского-Корсакова, Модеста Мусоргского, Александра Бородина, Сергея Рахманинова, Александра Скрябина, покорили европейскую публику. Море оваций и аплодисментов, восторженные крики – именно так провожали после концертов русских артистов. Сопроводительные печатные программки, повествующие факты биографии русских композиторов – несомненно, лишь усилили впечатление от масштабности и грандиозности проекта у парижской публики.

Следующая творческая задумка Великого импресарио – познакомить Европу с оперным искусством. Так открылись знаменитые полномасштабные многолетние «Русские сезоны» в Европе. Дебютом стала постановка в 1908 г. оперы «Борис Годунов» М. П. Мусоргского. Были привлечены лучшие певцы Мариинского театра, хор Московского Большого театра, известный режиссёр Александр Санин, дирижёр Феликс Blumenфельд, театральное оформление обеспечили художники из творческого объединения «Мир искусства». Безусловно, грандиозное впечатление произвёл Фёдор Шаляпин в роли царя Бориса. Значение Сергея Дягилева прежде всего в том, что он по-новому увидел воплощение драматургии театральных постановок оперы и балета, предложил свою концепцию спектаклей.

Затрагивая тему оперного искусства того времени, нельзя не упомянуть личность Фёдора Шаляпина – уникального самобытного оперного баса, покоровшего в своё время самые престижные оперные подмостки мира – Большой и Мариинский театры, Метрополитен-опера. Талант Фёдора Шаляпина ценили Сергей Прокофьев, Чарли Чаплин и многие другие его современники. По словам Максима Горького, Ф. Шаляпин – *«целая эпоха русского искусства»*. «В Москве – три чуда: Царь-колокол, Царь-пушка и Царь-бас», – так говорил о Фёдоре Шаляпине театральный критик Юрий Беляев [1].

Следующий этап – показ европейской публике шедевров балетного искусства. Как писал позже в своих воспоминаниях о С. П. Дягилеве режиссёр его театра, артист балета и балетмейстер Леонид Григорьев: *«Только тот, кто хорошо знает Париж, может оценить силу влияния на него Русского балета Дягилева. Завоевать Париж трудно. Удерживать влияние на протяжении двадцати сезонов – подвиг»* [4].

1910 г. ознаменован сотрудничеством с тогда ещё молодым и никому не известным композитором Игорем Стравинским. Именно по заказу импресарио маэстро пишет балет «Жар-птица». Постановка имела колоссальный успех, после чего композитор стал очень популярным в Европе. И несмотря на то что творчество И. Стравинского – это синтез самых различных стилей искусства, по словам Михаила Казиника, балет «Жар-птица» – *«самый импрессионистический балет в его творчестве»*. Постановка

«Жар-птицы» послужила началом моды на «всё русское». Можно отметить уникальный исторический факт: в 1917 г., во время очередных русских сезонов в Париже, Сергей Дягилев, в знак поддержки идей февральской революции в России, дал указание вывесить в финале балета красный флаг.

1912 г. – начало сотрудничества с Клодом Дебюсси. На музыку его симфонической поэмы «Прелюдия к послеполуденному отдыху фавна» С. П. Дягилев ставит балет. Как говорит в одном из своих интервью Николай Цискаридзе, постановка этого балетного спектакля ознаменовала собой начало нового стиливого течения – «модерна». Произведение написано как своеобразный эпиграф к знаменитой эклоге поэта-символиста Стефана Малларме (1842–1898) «Послеполуденный отдых фавна». Известно, что поэт написал эту пьесу для знаменитого драматического актёра Коклена-старшего.

Сюжет рисует пастораль-идиллию: фавн нежится в лучах солнца около своей пещеры. Появляются нимфы. Одна из них медленно танцует, снимая тонкие воздушные покрывала одно за другим, чем завораживает и приковывает взор божества... Следует пламенная сцена любви в соответствии с лучшими традициями античной литературы и поэзии символистов... Нимфа пугается и убегает, теряя одно из своих воздушных покрывал. Фавн нежно подбирает дорогую сердцу ткань; постепенно удаляется к своей пещере, где вновь погружается в сладостную истому и предаётся воспоминаниям...

Хореографическое воплощение балета взял на себя в то время ещё артист Вацлав Нижинский. Этот спектакль стал его дебютом как балетмейстера. В. Нижинский совершил революцию в классическом балете, предложив новую концепцию движений в танце. Идея родилась как отклик-впечатление от поездки в Грецию в 1910 г., а также на посещение совместно с Леоном Бакстом выставки в Лувре греческой керамики, выполненной в технике краснофигурной вазописи.

Как рассказывал в одном из своих интервью Н. Цискаридзе, партии в балете невероятно сложны: угловатые, статичные движения, символизирующие красоту древнегреческих фриз, отсутствие традиционной для классического балета плавности, прыжков требовало от артистов огромных мышечных напряжений. Вопреки классическим традициям, музыка неквадратной формы, что также добавляет сложности для исполнения. Именно поэтому немногие брались за исполнение партий в этом балетном спектакле.

1914 г. стал началом воплощения новой идеи С. Дягилева «показать миру многообразие новых стиливых течений в искусстве». Именно с этого времени начинается его сотрудничество с супружеской четой художников – ярких представителей модернизма: Натальей Гончаровой, работавшей в авангардной технике письма, и её мужем Михаилом Ларионовым, основоположником такого нового направления живописи, как «лучизм». Театральные костюмы и декор в их исполнении были очень изысканными, стали со временем настоящей визитной карточкой антрепризы.

Первая мировая война (1914–1918) разрушила творческие планы С. Дягилева. После продолжительного перерыва, в 1915 г., Сергей Дягилев вновь везёт в Америку балет «Парад», ставший по-настоящему «презентацией современного искусства» [11]. Музыка Эрика Сати, декорации и костюмы Пабло Пикассо, хореография Леонида Мясина. Это был музыкальный прорыв, ознаменовавший рождение нового веяния в искусстве – «кубизма». Новое всё: от музыки до театрального оформления. В партитуру балета наряду с традиционными инструментами был включён бутылофон, представлявший собой четыре печатные машинки. Нестандартным стало творческое решение композитора: оригинальное музыкальное сплетение традиционных звуков и современного для Парижа той поры уличного шума – звуков сирены, выстрелов пистолета. Однако первая постановка балетного спектакля потерпела фиаско, и лишь спустя несколько лет, во время гастролей в Лондоне, балет имел ошеломляющий успех, главную роль исполнила Тамара Карсавина.

Рассматривая тему русской культуры рубежа XIX–XX вв., стоит обязательно упомянуть Сергея Прокофьева, рассмотреть историю его тесного сотрудничества с антрепризой С. Дягилева. Молодой, талантливый композитор-авангардист безусловно привлёк внимание знаменитого импресарио. Во время встречи в 1914 г. именно С. Дягилев посоветовал Сергею Прокофьеву писать музыку для балета. С. Прокофьев предложением был обескуражен, впечатлён и доволен, о чём и записал позже в своём дневнике: «Итак, я неожиданно сделал в Лондоне очень хорошую карьеру. Действительно, сразу, минуя всякие наши учреждения, выйти на европейскую дорогу, да ещё такую широкую, как дягилевская, – это очень удачно» [12, с. 77]. Так началось многолетнее совместное творчество двух светил отечественной культуры, благодаря которому появились такие шедевры оперного и балетного искусства, как: балеты – «Шут», «Стальной скок», «Блудный сын»; опера «Любовь к трём апельсинам».

нам». Именно С. Дягилев способствовал зарождению любви композитора к балету, что в итоге послужило, уже много позже, после кончины импресарио, созданию лучшего балета по произведению Уильяма Шекспира – «Ромео и Джульетта».

1925 г. отмечен началом творческого сотрудничества с Джорджем Баланчиным (настоящее имя – Георгий Баланчивадзе), балет «Барабо» на музыку Витторио Рieti, послуживший началом европейской тенденции «Новой простоты». Именно работа с С. Дягилевым способствовала творческому росту и становлению Дж. Баланчина как балетмейстера. С течением времени идеи С. Дягилева не были забыты, отдавая дань его памяти, в 1967 г., уже много позже после кончины великого импресарио, Дж. Баланчин ставит наисложнейший по форме и легчайший по виртуозному воплощению балет «Драгоценности». Балет глубоко символичен: образ камней символизирует три культуры, три балетные эпохи, три страны. Кульминация – «Бриллианты», III часть балета, написанная на музыку Петра Чайковского, – триумф русской балетной школы.

Последние годы жизни Сергея Дягилева отмечены новым увлечением – коллекционированием книг. Как глубокий почитатель и ценитель искусства, он, что называется, «горел» идеей организации крупномасштабного книгохранилища в Европе [9]. Однако планам не суждено было сбыться, в 1929 г., на пятьдесят седьмом году жизни, Сергей Дягилев скончался.

Идеи «Русских сезонов» легендарного С. Дягилева спустя столетие, в начале XXI в., были возрождены в рамках специальных проектов:

глобального фестиваля «Русские сезоны», организованного Правительством РФ и Министерством культуры РФ, стартовавшего и ставшего ежегодным с 2017 г.;

уникальных материалов об искусстве и истории, знаменитых людях и художественных выставках на портале «Культура. РФ».

Главная идейная установка масштабных отечественных проектов – «культура как истинный посол мира» и «развитие межнационального диалога» [8]. Символом новых «Русских сезонов» стал образ «Жар-птицы» из балета И. Стравинского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Ты в русском искусстве первый» // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2018/02/12/a_11647369.shtml (дата обращения: 05.01.2022).
2. Аронов А. А. Культурный ренессанс в России на рубеже XIX–XX веков: что возрождалось? // Вестник МГУКИ. 2016. № 6 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-renessans-v-rossii-na-rubezhe-xix-xx-vekov-chto-vozrozhдалos> (дата обращения: 31.01.2022).
3. Бочкарёва О. В. С. П. Дягилев в культурном диалоге «Россия – Запад» на рубеже XIX–XX вв. // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-p-dyagilev-v-kulturnom-dialoge-rossiya-zapad-na-rubezhe-xix-xx-vv> (дата обращения: 21.01.2022).
4. Григорьев С. Л. Балет Дягилева 1909–1929 / предисл. В. В. Чистяковой, пер. с англ. Н. А. Чистяковой. М.: АРТ СТОД РФ, 1993.
5. Деменёва А. А. Образ С. П. Дягилева в мемуарах XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-s-p-dyagileva-v-memuarah-xx-veka> (дата обращения: 21.01.2022).
6. Ермичёв А. А. Суждения Н. А. Бердяева о «русском культурном ренессансе» и настоящее значение этого термина // Альманах «Studia culturae», Studia culturae. Вып. 2, № 2. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 9–24.
7. Коваленко Г. Ф. «Все колёса будут вертеться...» // Вопросы театра. 2012. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vse-kolesa-budut-vertetsya> (дата обращения: 01.02.2022).
8. Международный проект «Русские сезоны» – Википедия (wikipedia.org).
9. РУССКИЕ СЕЗОНЫ. Как покоряли мир отечественные танцовщики, художники и музыканты. URL: <https://www.culture.ru/s/russkie-sezony/> (дата обращения: 05.01.2022).
10. Сати. Балет «Парад». URL: https://www.belcanto.ru/ballet_parade.html (дата обращения: 05.01.2022).
11. Сергей Дягилев: великий импресарио. URL: <https://www.culture.ru/materials/184017/sergei-dyagilev-velikii-impresario> (дата обращения: 05.01.2022).
12. Шестаков В. П. Балеты Сергея Прокофьева для «Русских сезонов» Сергея Дягилева // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 4 (13). С. 75–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/balety-sergeya-prokofieva-dlya-russkih-sezonov-sergeya-dyagileva> (дата обращения: 31.01.2022).

Берега Новороссии

Нина Ищенко

Нина Сергеевна Ищенко – родилась в 1978 году, кандидат философских наук, культуролог, преподаватель Луганского государственного педагогического университета, редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Литературовед, критик, публицист. Автор нескольких книг публицистики, книг литературно-критических статей: «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020). Редактор-составитель пяти сборников Философского монтеневского общества Луганска: «На грани мира и войны» (2015), «Четверть века с философией» (2016), «Донбасс в огне» (2018), «Колышется русское поле... Внемли, Русский мир!» (2019), «Монтень в Луганске» (2020). Редактор сборников стихотворений Е. Заславской «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинёр» (2020), «Опыты пристального чтения» (2020), «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020). Член Союза писателей ЛНР (2018). Член Философского монтеневского общества Луганска. Живёт в Луганске.

«РУССКИЙ ЛАВКРАФТ»: Ледяной поход по зимнему Донбассу

Образ Родины, создаваемый литературными средствами, обращается к культурной памяти. Культурная память включает не только историческую память о событиях, пережитых народом, но и всё пространство мировой культуры. Для выражения образа Родины современный поэт может обращаться к разным темам чужих культур, формируя художественное единство. Рассмотрим, какие культурные топосы использует для создания образа родного Донбасса современный поэт Александр Сигида-сын в стихотворении «Русский Лавкрафт».

Александр Сигида-сын (1986 г. р.) – поэт, переводчик с французского и испанского. Родился в семье шахтёра и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направлений. Любимые авторы – Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилёв, Честертон, Киплинг. В 2014 году, когда Украина напала на Донбасс, Александр ушёл в народное ополчение, в настоящее время (2022 год) является военнослужащим в ДНР.

Стихотворение «Русский Лавкрафт» написано в 2016 году. В произведении даётся совершенно неожиданное прочтение узнаваемого донбасского пейзажа. На то, что перед нами воюющий Донбасс – родина автора, указывают такие детали, как степной горизонт и угольные шахты, среди которых находится часовая:

Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.
...Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?

В этом пейзаже лирический герой последовательно выбирает и отбрасывает следующие жизненные стратегии: читать книги, отгородившись от реальности; оставить окоп и уехать подальше; наблюдать свысока за битвами других.

Первый вариант жизнеустройства открывает стихотворение, которое стоит на выделенном, семантически сильном месте. Это мечта «книжного мальчика, не знавшего битв», по выражению Высоцкого:

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой...
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Второй вариант, всё бросить и уехать, развивает тему отстранения от войны:

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Соней Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.

И наконец, квинтэссенция этого подхода подытоживает все возможные варианты отстранения от жизни, битвы и войны:

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

Все эти стратегии описываются и последовательно отбрасываются автором. Сравнивая лирического героя с Лавкрафтом, автор даёт понять, что его персонаж – тоже писатель, создатель волшебных миров. Он стоит перед выбором, ищет свой путь во тьме. Отброшенные альтернативы заставляют читателя отвернуться от других пространств и взглянуться в простор, который открывается перед писателем, смотрящим вперёд.

В последних строфах стихотворения автор создаёт лавкрафтианский пейзаж, перенося реалии произведений короля ужасов в донбасские степи. Среди угольных шахт и бескрайних степей вырисовываются города Кадат и Р'лайх из «Зова Ктулху», Олатоэ из «Полярной звезды», знаменитых рассказов Лавкрафта. Вместе с лавкрафтианскими топосами в пространстве Донбасса возникает атмосфера ужаса, стылой ледяной пустыни, населённой мверзьями, кошмарными призраками-феями из Страны Снов. В этом ландшафте лирический герой ищет свой правильный путь:

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат,
Снова в поход, Р'лайх – позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт
Время – вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.

В последних строфах стихотворения путь выбран. Русский писатель, русский Лавкрафт, идёт в бой, уходит в ледяной поход. Если в первой строфе появляется «последний решительный бой» из Интернационала, отсылая к красной идее, то последние слова стихотворения, семантически самая сильная позиция всего произведения, указывают нам на мифологему белого движения – ледяной поход, то есть первый поход Добровольческой армии на Кубань в феврале – апреле 1918 года, её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны.

Писатель уходит в ледяной поход, сопровождаемый собратьями-писателями, героями, взрывающими культурные границы и раскалывавшими миры. С поэтом, защищающим родной Донбасс, выступают в ледяной поход Фридрих Вильгельм Ницше, разрушитель европейской культуры, потрясший мир словами «Бог умер», Шарль Бодлер, автор «Цветов зла», сборника стихов, уничтоживших классическую эстетику, и Говард Лавкрафт – создатель мира ужасов, отменяющего и взрывающего сложившуюся эстетику прозы XX века.

Итак, в стихотворении «Русский Лавкрафт» ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне. Лирический герой отбрасывает привлекательные для интеллектуалов варианты – жить в башне из слоновой кости, стоять над схваткой, уехать подальше. Русский Лавкрафт выбирает путь поэтов, философов, писателей, для которых литература больше, чем забава, которые философствуют молотом, идут против системы. В этом отряде отверженных он уходит в последний решительный бой, в поход ледяной, который состоялся в степях Донбасса в 2014 году. Сквозь обобщённый донбасский пейзаж – шахты, степи – проступают силуэты городов Лавкрафта, где клубится тьма, враждебная человеку. И русский поэт Донбасса идёт сражаться против этой тьмы, выступая наследником и красных, и белых, и проклятых поэтов, и всех, кто не боялся творить.

Таким образом, образ Родины, созданный поэтом Александром Сигидой-сыном, включает в себя разнородные элементы, объединённые в единое целое согласно эстетике постмодерна. Родина для поэта – это Донбасс, который стал ареной борьбы добра и зла, света и тьмы. Против тьмы выступают поэты, идущие в бой за человека. В стихотворении Сигиды происходит олицетворение России в виде литературы, создающей пространство смыслов, объединяющей разные миры. Русский Донбасс в стихотворении «Русский Лавкрафт» становится точкой встречи двух миров – России и поэзии, пространством их слияния и творческого взрыва, формирующего новый универсум.

АЛЕКСАНДР СИГИДА-СЫН

РУССКИЙ ЛАВКРАФТ

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой...
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl,
Я переехал бы жить в Конотоп.

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,

Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат
Снова в поход, Р'лайх – позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт
Время – вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.

Берега Новороссии

Елена Заславская

Елена Заславская – поэт, детский писатель, журналист. Автор девяти поэтических сборников и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз», публикаций в интернет-изданиях и периодике России и зарубежных стран, а также книг для детей: «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика» (Детгиз, Санкт-Петербург), «Собаки-забияки», «Сказки Подкроватки» (Нидус, Санкт-Петербург), «Мышка-мальшика и её секрет», «ХармСтихиЯ» (стихи Даниила Хармса, комментарии Елены Заславской, Нидус, Ярославль).

Член Союза писателей России с 2019 года и Союза писателей Луганской Народной Республики с 2015-го.

Песни на стихи Елены Заславской вошли в альбомы московской рок-группы «Зверобой»: «Война за мир» (2016), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021). Также песни на стихи Заславской звучат в полнометражном художественном фильме «Ополченочка» о приключениях

женского танкового экипажа во время войны в Донбассе.

Стихи Елены Заславской переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский, сербский и болгарский языки.

<http://zaslavskaja.com/>

<https://t.me/zaslavskaja>

НОВОРОССИЯ ГРОЗ. НОВОРОССИЯ ГРЁЗ

Скрепно. Ватно. Сакральное

Все герои реальны, все совпадения не случайны, все права беззащитны

13 июня 1905 года явилась Царица Небесная старцу Филиппу и сказала: «...И день сей явления моего граду Луганскому помни, и учи всех чтить его, о граде же сем скажу, что к концу мира наречётся он – Святоград Луганский. И многие люди будут съезжаться сюда в преддверии этих грозных дней, сами не зная зачем».

Житие старца-диакона Филиппа Луганского

Да, у нас строго придерживаются заповеди:
«Будь верен духу любви к родине».

Кобо Абэ. Женищина в песках

Работайте, братья!

Магомед Нурбагандов

ПРОЛОГ

Последний часовой стоит на страже родного града. И над ним проносится чёрная конница – чёртовы дети ада! Он падает наземь, успев понять, что позади пустота – Фата Моргана – нет ни Святограда, ни Новороссии, а только дикое голое поле истории. Он умирает с вопросом: «Кому нужна была эта жертва, Господи?»

1. В огне и под огнём

* * *

Есть человек, за которым я бы поехала на край света, на самый край света, туда, где ветер и холод, безнадёга и безысходность, где небо, как чёрная пропасть, без дна, как жена декабриста, хотя в общем-то и не жена. И мне наградой было бы счастье быть рядом, пусть и не близко. Но ехать не надо. Вот он – край света, край мира, фронтир, где дышит война.

Ночью бреду по пустому городу, по абсолютно пустому городу. Давно комендантский час. И нет ни единого повода думать, что завтра будет. Есть только здесь и сейчас.

Все снайперы спят. И патрульные спят. И спят часовые. Ангел-хранитель за моею спиною расправил крылья, перебитые в трёх местах.

Сначала по пояс в ноябрьском тумане, потом с головой. В левой руке – фонарик. В правой – нож выкидной.

* * *

Вот и дом. В нём проживаем вдвоём: я и старик Петрович. Он кормит брошенных кошек, собак и прочих тварей живых, прибившихся к нашей стае, тех, кто остался в живых, тех, кто остался с нами.

Навстречу мне пёс наш по кличке Сепар, колючком хвост. Он боится обстрелов, а в остальном бесстрашная bestия, тёртый новоросс.

* * *

Окна крест-накрест скотчем. Окна – пустые глазницы. Дом излучает даже не одиночество, а уныние. Холодно. Ветер воет. И всё-таки есть в этом доме что-то такое, что заставляет меня возвращаться сюда снова и снова, затихать в его утробе, живою душою, делающей его существование осмысленным, необходимым, да и моё вместе с ним.

Взвалить бы его на спину и унести, как уносит улитка, со всеми пожитками, со старыми фотографиями и открытками, с детскими локонами и дипломами, книгами, письмами, записками, со всеми важными датами, впечатанными в альбомы, с родительскими портретами, дедушкиными наградами, с рисунками самыми первыми, сохранёнными мамой, с его очагом и памятью, – всем тем, что зовём мы домом, всем тем, что навсегда остаётся с нами...

Как-то в газетах писали укропы, что город наш подобно Содому с Гоморрой должен ответить за грехи его обитателей. Роль Бога они отводили украинской армии...

* * *

Выхожу на балкон, гляжу в сторону Камброда, до рези в глазах. Темно. Светомаскировка. Поэтому курить нельзя. Кружка чёрного чая. Глоток обжигает гортань. Часа через два на линии горизонта – зрелище необычайное. А пока тишина.

И вот трассера разрывают небо, потрошат облака. Тому, кто здесь не был, кто не отличает фейерверк от обстрела, меня не понять.

Мы ли? По нам ли? Свист и гул. Можно было бы спрятаться в подвале, но я туда не бегу, я остаюсь на месте. А город молотят в фарш. Меня защищает нательный крестик и «Отче наш».

* * *

Сердце моё в огне, а голова под огнём. Я лежу на спине. Думаю о нём.

Он пахнет дымом. Чем-то близким и детским. Мы стали родными. Когда мы вместе, война отступает, становится лишь войнушкой, мальчиковой жестокой игрушкой. И только шрамы напоминают, что всё всерьёз, и серьёзнее не бывает. Новороссия гроз. Новороссия грёз. Видно, это судьба такая: сойтись нам под небом звёздным, на перекрёстке истории, продуваемом северным ветром, под огнём перекрёстным смертным.

Пусть нету на гугл-картах, пусть нету на яндекс-картах этой страны и адепты вражеской пропаганды твердят нам, что так и будет, что зря, мол, погибли люди, что всё напрасно, бессмысленный глупый подвиг, нас ждёт нищета и кризис, а он мне сказал: «Это долг мой». И записался в Призрак.

* * *

По Донбассу бродит Призрак
От Счастья до Светличного.
Говорят, комбат мой красный,
Лишь бы не коричневый!

* * *

Я засыпаю и думаю, если дом не накроют из градов, если я не умру во сне, если случайный снаряд не распустится розой во мне, завтра наступит. Наступит... вроде бы. Новый день случится в любимом городе. И я натягиваю на голову одеяло.

Дом вздрогнул. Попадание. Где-то рядом.

2. Кони АТОкалипсиса

* * *

Мирной жизни не существует. Это иллюзия и обман. Кони АТОкалипсиса вытоптали Новосветловку, вытоптали Горловку, вытоптали Сутоган. Пронеслись по Донбассу, без жалости, оставляя кровавый след.

Сосед прятался в погребе, между банок с консервацией, прихватив на обед сухари и воду. Взял и лопату, на случай, если привалит. Арта отработала по городу. Дом цел, казалось, что миновало.

Сосед вышел покурить. Так его и не стало.

* * *

Жизнь конечна. Мы об этом знаем, конечно, но думаем, что пребудем вечно, и, когда приходит к нам в гости Смерть, не успеваем дверь запереть. А она уже смотрит в дверной проём и говорит: «Пойдём». И вдруг добавляет: «Шутка. Друг, я не за тобой». И в сердце ввинчиваются шурупами радость и боль.

Ты ещё молод,
Ты ещё полон сил,
Но наступает опыт,
О котором ты не просил!
Всё меняется.
Меняется мир.
Меняется матрица,
В которой ты жил.
И день считается удачным,
Если он наступил.

* * *

Раздобыть воды, раздобыть еды – вот и все мои на день труды. Нечего есть, и холод собачий. Я вытряхиваю последние деньги из заначки и выхожу на улицу чуть не плача. Я говорю себе, мы победим. Я говорю себе, потерпи. Я говорю себе, день считается удачным, если он наступил.

* * *

Ночью выпал снег: стало белым-бело. Но после артобстрела алые следы на нём. Артериальная кровь заполнила отпечаток человеческого тела и застыла льдом. Красное на белом. В горле ком. Ни выплакать, ни выстонать, ни забыть. И вдруг я понимаю, что привыкла к безжалостному лику войны, внушающему липкий страх и животный ужас. О, как я раньше боялась, но что-то, видно, внутри сломалось... Я мыслям своим улыбнулась. Я больше не буду пушечным мясом, а буду ядром, снарядом, маленьким жгучим адом, ответкой! Меня заждались, поди уж.

* * *

Однажды ты встаёшь на тропу войны, а она оказывается широченным проспектом! Братья и сёстры, дочери и сыны летят на скорости прямо в бессмертие. Жалят осколки, бьют по глазам, липнут бессмертники прямо к берцам, и не выдерживают тормоза. Главное, выдержало бы сердце.

Крепись, моё сердце, оденься в броню, я ни о чём не жалею, и уже ничего не боюсь.

3. Убивашка и лимонка

* * *

Нацбольский отряд имени Хлои Морец, актрисы из фильма «Пипец».

Пьяный Воля, доброволец, записывает видеообращение к укропам: «Ты хочешь славу героя, а получишь полный пипец! Захлёбываясь собственной кровью, где-нибудь под Дебалей подохнешь, мать не узнает, где тебя похоронят, в какой канаве, оно тебе надо, малец?!»

* * *

Располага называлась бункер. В спальниках на полу здесь спали разные люди, перед тем как уйти на войну.

Да здравствуют интербригады! Как при старике Хэме. Во времена, когда Луганск звался Волошиловградом, была такая пивная «У Хемингуэя». Недавно прямым попаданием этот дом раздолбали, что и говорить, но я-то знаю: человека можно уничтожить, но нельзя победить.

* * *

«Тотальная мобилизация», печатный орган Другой России, раньше звалась «Лимонкой» – мы на стол её постелили. Картошка варёная, водка палёная, тушёнка, граната Ф-1. Характерный натюр-морт.

– Наливай. Не томи!

– Я не осилю.

– Пей!

– Ну, за Победу!

Закусили.

– Ещё налей!

И гром обстрелов был не страшен. И в наступившей тишине фиалкокудрая смешная Убивашка подмигивала мне!

* * *

На трофейной машине с нацболами ночью мы мчимся к Одину, везём ему морфин, живот ему разворотило пехотной миной, но он остался жив.

Он просит:

– Док, дай две. Ну, Бога ради.

Тишина и запах крови в палате.

– Хочешь увидеть радугу? Нет. Терпи, друг, – и Док ему протягивает ампулу. Одну.

По пустым коридорам больницы бегом.

– Док, он выживет? Док... Ты почему молчишь?

– Конечно, малыш.

Я не плакала, просто знала, скоро примет его Вальгалла.

* * *

Док меня троллит: «Может, надо было бежать-спасаться? Стать временным переселенцем? Жить, наслаждаться где-нибудь возле моря?»

А я, указывая на сердце, твержу: не отпускает.

И он смеётся.

– Вместе мы – Гималаи! И достанем до Солнца! И нас не догонят, а если б догнали, мы бы им показали не английский фак, а наш русский кукиш.

Наливает стопку.

– Будешь?

– Будешь!

* * *

Мы мчимся всё время на красный, дорога пуста. Док пьян и весел, и я весела. Или, как водится, навеселе. В трофейной тачке, шайтан-арбе, наклейки с голыми бабами и Богородица на лобовом стекле.

Храни же нас, Мать Божия,
Трезвых и в пьяном бреду,
Грешников и безбожников,
Верящих лишь в мечту.
Храни же нас, Благодатная,
Прими нас под свой покров,
Безымянных солдат твоих,
Воюющих за любовь.
Храни же нас, Дева Пречистая,
Ибо обречены,
Маргиналы и экстремисты,
Джедаи вымышленной страны,
Выстраданной Новороссии,
Новороссии гроз и грёз!
Ведёт нас жемчужной поступью
Сын твой в венке из роз.

* * *

Док говорит: между залпом града и ответкой можно сделать четыре затяжки (он любит красный «Бонд»). Четыре затяжки – всё что успеется, перед тем как по тебе долбанёт, перед тем как тебя на четыре стороны с комьями земли. Док помнит, как у ротного зенки из черепной коробки выкатились, незабудками зацвели.

Док говорит, что приехал сюда помирать, да нечаянно выжил. Те, у кого удача пожиже, здесь лежат в новых могилах братских, в наших степях донбасских, укрытые ковылями и разнотравьем Дикого поля, зимою – снегами по пояс.

Все мои сказки об этих героях.

Берега Янтарного края

Валерий Громак

Валерий Иванович Громак – родился в 1952 году на Украине. Срочную службу в Белоруссии в Ракетных войсках стратегического назначения. В Вооруженных силах СССР и России прослужил 38 лет. Из них 14 лет – в Заполярье. Капитан 1 ранга. Победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос, лауреат премии Валентина Пикуля, лауреат премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» и ряда других. Автор книг: «Морская пехота Балтики. Слава и память», «Дороги памяти», «Курс норд-вест», «Ему салютовала Москва». Живёт в Калининграде.

Украина: НАТО и культ палачей

(Из блокнота украинского «иноземца»)

На мой взгляд, термин малая родина не совсем удачный. Для меня украинское село, где я родился, украинская школа, где учился, земля, на которой трудились мама и отец и в ней же ныне покоятся, – и есть самая Большая родина. Её я покинул свыше полвека назад, уйдя служить в Советскую армию. Затем было военное училище во Львове, служба в Военно-морском флоте СССР и России. Каждый год я приезжал в родные края. И после смерти бати и мамы, несмотря ни на что, старался навестить места, где прошли детство и юность, встретиться с близкими, одноклассниками, поклониться родительским могилам. После развала Советского Союза воочию наблюдал, как приходила в упадок некогда процветающая республика, как попытки прогрессивно мыслящих украинцев наталкивались на стену с каждым годом растущего национализма, как страны НАТО, и в первую очередь США, делали из братской России и Белоруссии, славянской страны, полигон для осуществления своих планов. За последние четыре года побывал в Киеве, Мариуполе, Приморске, Донецке, Бердянске, Мелитополе, Запорожье, Львове, Луцке... Как военный моряк, капитан 1 ранга, интересовался строительством ВМС Украины.

Ныне на территории Украины Россия проводит военную операцию по денацификации и демилитаризации. Процесс этот длительный и сложный. В подготовленной рукописи новой книги я попытался ответить на вопрос, почему Россия вынуждена была пойти на проведение военной операции в соседней стране. Отрывок из рукописи предлагаю читателям.

1. Теперь я тоже «иноземец»

«Здравствуйте, дорогие мои! Извините, что так поздно... Просто раньше не мог...» Я стою на кладбище украинского Приморска у могил родителей и разговариваю с самыми дорогими для меня людьми. Трудным был в этом году к ним путь.

Авиасообщение России с Украиной прервано, так что добираться пришлось через Белоруссию. В аэропорту меня встретил Володя Качура, служивший в своё время на Северном флоте. Дождавшись ещё одного нашего товарища – Володю Задворьева из карельской Сегежи, который в столицу Белоруссии добирался через Санкт-Петербург, мы на машине Качуры взяли курс на Киев.

Прифронтовой город

Четыре года назад в День ВМФ в Мариуполе трагически погиб наш товарищ по международным автопробегам Андрей Мирам. И мы, подводники России, Белоруссии и Украины, решили навестить его могилу, встретить День флота в Мариуполе. Но уже при пересечении границы поняли, что наша

идея находится под угрозой срыва. В сторону Украины выстроилась многокилометровая вереница машин с белорусскими номерами. Кто-то ехал на море, а большинство (с пятницы на субботу) в ближайший Чернигов за продуктами. Как рассказали друзья-белорусы, на Украине всё гораздо дешевле, чем у Батьки. Надо отдать должное начальнику украинского пункта пропуска капитану Андрею: узнав нашу цель, он дал «добро» на проезд без очереди.

В Киеве нас встретил Вадим Навроцкий. Вчерашний подводник, а ныне преуспевающий киевский бизнесмен, он дорожит флотской дружбой. И принципиально не смотрит новости. Всё своё свободное время отдаёт восстановлению старых раритетов Львовского автобусного завода, а некоторые из салонов превращает в кофейбусы – в Киеве у него целая сеть таких кофейен. Когда встречаемся, стараемся не говорить о политике. И на этот раз, угостив нас вкуснейшим кофе в одном из своих чудо-заведений, Вадим произнёс: «Грузить вас информацией не буду. Сами смотрите и делайте выводы». И, посадив нас семерых в отреставрированный «Икарус», провёл экскурсию по Киеву. На проспекте Победы как стоял, так и стоит на постаменте памятник советским танкистам в виде прославленного Т-34. Немного удивил нарисованный на башне танка украинский флаг – да бог с ним, ведь украинцы воевали рядом с русскими за общую тогда Родину. А вот белые полосы на танке раздосадовали. Оказалось, одной пьяной парочке не понравился цвет «тридцатьчетвёрки», и они его «перекрасили». Теперь, говорят, супругам грозит до четырёх лет лишения свободы. Хотя всех недовольных не пересажает... Здесь же, на проспекте Победы, по-прежнему возвышается величественный 40-метровый обелиск, увенчанный Золотой Звездой с чеканной бронзовой надписью: «Городу-герою Киеву». Но памятника Ленину на обычном месте нет, остался только постамент, что не лучшим образом вписывается в ландшафт.

Затем у нас была встреча с однофлотчанами в городе Хороле Полтавской области. После чего по вконец убитой дороге к утру добрались до прифронтового Мариуполя.

«Да-да, мои дорогие, страшное слово “война” вновь сегодня в обиходе на родной земле. Но это отнюдь не та война, на которую ты, батя, ушёл из Мелитополя в 16 лет. И не та, в ходе которой тебя, мама, 17-летнюю, фашистские прихвостни, местные националисты, угнали на каторжные работы в Неметчину».

Сегодня наследники этих прихвостней проповедуют фашизм на Украине, восхваляют тех, кто неоднократно пытался убить моего отца, кто убивал его однополчан. Они глумятся над людьми с Георгиевскими лентами, срывают ордена с груди ветеранов...

А я вспоминаю рассказ отца

Во время тяжёлых боёв в Польше в его танк попал снаряд. Весь экипаж погиб, и только отец чудом остался жив... В госпитале в память о своём лучшем друге Косте из Смоленска, сгоревшем в танке, отец стал называться его именем. Невозможно представить, что, выживи тогда Костя, и сам он, и его дети стали бы для моего отца, украинца, «москалями», «сепаратистами». Как и дети тех, с чьими отцами Иван Громак громил фашистов в Крыму.

Впрочем, мы почти в Мариуполе. То, что он на линии соприкосновения, начинаешь понимать километра за три-четыре до въезда в город. Блокпост, ещё один...

«Скажу честно, батя, друзья и знакомые отговаривали нас от поездки в Мариуполь. Тем более в День Военно-морского флота. Ведь два года назад, когда по городу пошли ребята в тельняшках и бескозырках с Андреевским флагом, их атаковали националисты. Завязалась драка. Молодые нацисты избивали мужиков 50–60 лет...»

В последний момент кое-кто из наших товарищей отказался ехать, многих отговорили родственники. И осуждать их не поворачивается язык. Ещё свежи в памяти кадры «кровавого воскресенья» 9 мая 2014 года. Как пламя вырывалось из окон УВД, как падали сражённые пулями люди, как мариупольцы руками останавливали бронетехнику, как по безоружным вели огонь каратели. Бойня, учинённая в Мариуполе 9 мая 2014-го, произошла всего через неделю после «Одесской Хатыни» и стала ещё одним кровавым преступлением нацистов на Украине.

На первый взгляд сегодня ничто не выдаёт, что Мариуполь – город прифронтовой. Красивый драматический театр радуется своей архитектурой, а в местном парке культуры азартные старички «забывают козла», играют в шахматы и шашки. Милые девушки делают селфи. Тем не менее атмосфера какая-то гнетущая. Это начинаешь ощущать, когда видишь большой баннер, который рассказывает, кто и когда освободил Мариуполь от российских «захватчиков». В самый разгар курортного сезона город поражает отсутствием отдыхающих. Местные власти даже просят журналистов не употреблять его названия в военном контексте, используя словосочетания «мариупольское направление» или «около Мариуполя», так как это отпугивает инвесторов и внутренних туристов, которые путешествуют по Украине.

Патроны на продажу

На кладбище у могилы Андрея Мирана мы развернули флаг Военно-морского флота Советского Союза, под которым служил наш друг. С этим же флагом искупались в Азовском море. Что интересно, увидев нашу группу, многие местные жители подходили, поздравляли с праздником. А в ближайшем ресторане несколько раз прозвучала песня для моряков Украины, России и Белоруссии.

Из разговора с местными жителями можно сделать вывод, что всем надоело нынешнее полувоенное положение. Хотят решения вопроса и те, кто приезжает в Мариуполь из Донецка. Едут в основном, простояв несколько часов на блокпостах, за продуктами – здесь они намного дешевле, чем в ДНР.

Прошёл по рынку и убедился: цены по российским меркам невысокие. Так, масло сливочное стоит от 50 до 150 гривен (1 гривна – 2 руб. 33 коп.), литр молока – 10, свинина и говядина – 80–150, сало свежее – 25–65, помидоры – 5–10, арбузы – 2–4 гривны. Но зарплаты и пенсии на Украине гораздо ниже российских. Если учесть, что львиная доля уходит на оплату коммунальных услуг, то большинство горожан могут позволить себе мясо лишь по праздникам. Тем более правительство Украины отменило государственные регулируемые цены на социальные продукты, которые действовали с 1996 года. По сообщению местных СМИ, украинцы в последнее время стали есть меньше. Потребление мяса сократилось на 14 процентов, рыбы – на 8, сахара – на 18, растительного масла – на 19, соков – на 22 процента. Но в реальности эти показатели гораздо хуже.

Многие с тревогой ожидают зиму, молятся, чтобы она была тёплой. Прошлой зимой только за газ на отопление у моего родственника уходила вся его пенсия и часть пенсии жены. У военнослужащих ВСУ я поинтересовался, когда же закончится противостояние на юге Украины. Получил неожиданный ответ: «Вы человек военный, неужели не понимаете, что всё можно решить одним моментом? За три года и мы, и та сторона прекрасно изучили расположение позиций и дислокацию подразделений. Но военный конфликт – это прибыль для определённой группы лиц. И деньги немалые. Мы общаемся по ночам с той стороной, водку вместе пьём. И договариваемся, кто, когда и куда будет стрелять...»

Так ли это, судить не берусь. Но о вооружённом конфликте в Донецке и Луганске у моих земляков нет однозначного мнения. Сослуживец по Северному флоту заправляет джип соляркой, которую ежемесячно из зоны антитеррористической операции (АТО) привозит офицер ВСУ. Как хвастался этот так называемый защитник Украины, за время АТО он уже заработал себе на новый автомобиль и молит Бога, чтобы конфликт... продолжался как можно дольше.

«Вы сможете утешить мать, у которой на непонятной войне погиб сын? Я этого не умею. Материнское горе с одинаковой силой и болью живёт, когда матери говорят о сыновьях и когда о них молчат...» – эти строки я написал в книге «Морская пехота Балтики. Слава и память», вспоминая о 46 гвардейцах из бригады морской пехоты Балтфлота, погибших в Чечне, в той непонятной войне. Сегодня Чечня процветает, Грозный превратился в красивейший город, а матери погибших морпехов перебиваются с копейки на копейку... Повторю: любой вооружённый конфликт выгоден политикам и определённым кругам, которые на этом строят бизнес. А люди на втором плане.

Что бросилось в глаза на улицах Мариуполя – преобладание женского населения. 35-летний таксист, который подвозил меня, объяснил это обстоятельство просто: многие мужики работают вдалеке от родного дома, другие в АТО. И ещё с грустью говорил, что немало его друзей и одноклассников подсел на наркотики. Не секрет, что Украина занимает одно из первых мест в Европе по наркомании среди населения. По официальным данным, на территории страны насчитывается около полумиллиона наркозависимых. Однако реальное число гораздо больше. И самое страшное – оно увеличивает

ся невероятными темпами, причём каждый год возрастной барьер снижается, свыше 10 процентов школьников 14-летнего возраста уже хотя бы раз пробовали наркотик.

«Родные мои, не знаю, когда приеду к вам в очередной раз. И потому объехал сегодня места, где вы родились, где прошло моё детство. Нет уже, батя, той улицы в селе Новоалексеевка и того дома, где ты появился на свет. Памятник Владимиру Ленину превратили в монумент Пилипу Орлику. Нет и ореховой рощи, которую ты сажал с односельчанами в память всех, кто не пришёл с войны. А монумент защищавшим Родину в годы Великой Отечественной стоит. И стал ещё краше. Выбиты там и ваши с дядей Колей, погибшим в Бресте, фамилии. Село Партизаны, где я оканчивал школу, теперь Новопавловка. Кстати, по некоторым прогнозам, только на изготовление новых табличек с названиями городов и улиц, выпуск новых карт и прочие расходы будет потрачено от пяти до 17 миллиардов гривен. И это в условиях, когда у страны нет денег даже на закупку топлива для отопительного сезона. Вам и в страшном сне не могло присниться, что в Мелитополе будет контрольный пограничный пункт... с Россией».

В июле 1941-го в Николаеве начал формироваться полк, получивший название 38-й отдельный добровольческий комсомольский инженерный. В него-то вместе со сверстниками из Приморского и Приазовского районов и записали в Мелитополе 16-летнего Ваню Громака. Многие годы ветераны этого полка, преобразованного впоследствии в 1-ю штурмовую комсомольскую инженерно-сапёрную бригаду, встречались каждый август именно в Мелитополе. С детьми, внуками. Ныне приехать из того же Крыма в Мелитополь с российским паспортом невозможно, ибо, согласно документу, которым руководствуется Государственная пограничная служба Украины, транзитный проезд «іноземців» через эту территорию запрещён. Стало быть, я, здесь родившийся и выросший, окончивший украинскую школу, призванный Приморским РВК в армию и волею судьбы оказавшийся в России, теперь тоже «иноземец».

«Батя, двадцать с лишним лет назад ты спросил, почему мы развалили Советский Союз. И, не получив от меня внятного ответа, горько промолвил: “Жалеть вы об этом будете. Очень жалеть”. Я тогда как-то отмахнулся от твоих слов, будучи уверенным, что если какая-то из республик распавшегося Союза и выживет, то это будет Украина».

К сожалению, уже через десять лет наша родная Украина стала превращаться из индустриально-аграрной в страну натурального хозяйства. Каждое лето, приезжая в Приморск, я видел, как некогда бескрайние поля приходят в упадок. И кого в том винить? Дожди? Засуху? Или опять москалей?

На деньги олигархов

Нет, это самостийные хозяйственники гонят землю на убой, нарушая севооборот и поставляя за бугор подсолнечное масло. Каждый, кто имеет надел земли, из года в год выращивает подсолнухи. Уже через четыре-пять лет земля родить перестает. А украинская коррупция? О ней постоянно пишут местные газеты, рассказывает телевидение. Эту коррупционную систему выстроили не москали, хотя и в России такого «добра» в избытке. Но в украинских учреждениях преступные поборы возведены в норму.

В последние 20 с лишним лет в украинских школах, других учебных заведениях постепенно сводили на нет великие завоевания наших народов. Республиканские СМИ постоянно утверждали и продолжают утверждать, что во всех бедах Украины виновата Россия. И такая пропаганда, увы, принесла горькие плоды: сегодня порой трудно найти общий язык не только со вчерашними одноклассниками, но даже с родственниками. Таков водораздел, созданный «самой достоверной информацией» СМИ, которые подкармливают своими миллионами Коломойский, Порошенко, другие украинские олигархи.

Только ленивый украинец не кричит о том, что русские хотят захватить Донбасс и тот же Мариуполь. И при этом никто не желает понять, что жители и Луганска, и Донецка хотели быть просто услышанными. А их стали жестоко убивать. За что? В чём виноваты моя сестра с мужем, семья её сына, два внука и мой племянник, которые ежедневно рискуют быть заживо похороненными в До-

нецке под обломками во время артиллерийских обстрелов украинских военных? Похоже, пришедшая к власти хунта не желает общаться с людьми. Такое пренебрежение к народу свойственно господам, коих под благопристойными лозунгами мои земляки-украинцы привели во власть. Но быть им там, на мой взгляд, недолго. Господа по уши в крови. Рано или поздно их будут судить.

«Нынешней украинской власти не хватает ни разума, ни смелости навести порядок в стране. Это не так сложно, как кажется небритым «говорящим головам» из столицы, с мимикой ну очень «серьёзных и страшных руководителей». Из ртов этих голов только и слышны угрозы, слова «нэгайно», «терминово», «наказую». А не пробовали прощения попросить, предварительно разоружив молодчиков, которых сами же и вооружили? Не пробовали с людьми на человеческом языке разговаривать? Не пробовали навести порядок у себя под задницей в Киеве? Чтобы не верещали недобитые бандерлоги, как они свой порядок будут на востоке наводить, душить и убивать инакомыслящих, чем с успехом в данный момент и занимаются. Чтобы люди не боялись за жизнь своих детей и свою? Конечно, не пробовали, потому что панически боятся своих недавних союзников и соратников. Понимают: нет у нацистов друзей, есть попутчики», — написал мой однокашник, проживающий во Львове.

Но, думаю, моим родителям знать об этом не надо. Как и о том, во что превратили украинские нацгвардейцы Саур-Могили, где вечным сном спят однополчане отца. И в полемику вступать ни с кем не буду: она бесполезна. Мне просто обидно, что действительно трудолюбивый народ развели как последнего лоха — подобным образом, помню, меня развели цыганки-гадалки на вокзале, когда я ехал в Приморск в свой первый курсантский отпуск. Тогда я лишился трёшки — немалые деньги по тем временам. Сегодня более чем 40 миллионов моих земляков потеряли куда больше, а тысячи из них лишились жизни, родных и близких, крова и родины.

«На кладбище тепло и тихо. Наливаю в стаканы водку, ставлю на могилки родителей. Давай-ка, батя, молча выпьем за ваше поколение...»

На вечный вопрос «Как там, на Украине?» ответить однозначно сложно. Рабочему и честному человеку (как и в России) трудно жить, ибо он решает здесь те же проблемы: отсутствие нормальной работы, спад производства, растущие цены. При этом каждый день печатные СМИ, радио и телевидение обрушивают на жителей страны поток пропаганды. С экранов круглосуточно рассказывают о войне между Россией и Украиной, русских оккупантах, сепаратистах и т.д. В начальной школе занятия начинаются с демонстрации мультиков о том, как российский солдат захватывает украинскую землю.

План рассорить дружественные славянские народы претворяется в жизнь и, похоже, обильно финансируется. Но оптимизм и надежду вселяет тот факт, что на Украине ещё очень много людей, которые братство и дружбу ни на что, в том числе на деньги, не променяют.

Одно могу сказать после этой поездки: новости, касающиеся моей малой родины (как украинские, так, пожалуй, и российские) смотреть больше не буду. Правды там немного. Лучше на досуге почитаю книгу о достопримечательных местах Украины, которую мне подарил в Киеве выпускник ЛВВПУ Саша Теревеерко с такой надписью: «Своему среди чужих. Пускай эта прекрасная книга напоминает тебе красочные уголки родной для тебя Украины, поднимает настроение, служит приятными воспоминаниями о чистых родниках, с которых начинался твой путь к непростой офицерской судьбе». Это мой «вольный» перевод. На украинском, поверьте, звучит намного теплее.

Август 2017 года

2. Россия за шлагбаумом

Четвёртый год в Донбассе продолжается то, что одни называют антитеррористической операцией, другие — гражданской войной, третьи — «русской весной». Каких только взаимоисключающих и противоречивых утверждений не услышишь. В Донецке, где действуют законы военного времени, живут моя родная сестра Светлана, её сын и внуки. Там похоронен брат.

Друзья и знакомые отговаривали от поездки в Донецк на юбилей сестры, телевизор запугивал, но я отправился в путь. Авиасообщение с Украиной прервано, поэтому добираться пришлось через Москву и Ростов-на-Дону. Родственники, хотя и бедствуют, устроили Светлане настоящий праздник.

Гуманитарный коридор

Выпускник нашего училища Гена Алёхин, долгое время служивший в Ростове-на-Дону, а ныне живущий в Белгороде, созвонился со своими друзьями и в аэропорт «Платов» за мной прислали машину. Они же, учитывая капризы февральской погоды и возможную задержку авиарейса, заказали билет на последний автобус, отправляющийся из Ростова в Донецк в 18 часов.

Прилетел я по расписанию, встретивший меня выпускник Военно-транспортного университета Сергея Трофимов предложил ехать сразу на международный пункт пропуска Матвеев Курган – Успенка. На этом участке границы не действуют правила въезда для территории Украины. У ДНР отсутствует какая-либо визовая политика, впускают всех, кого выпустит погранслужба России. Наши граждане могут въезжать на территорию ДНР по внутренним паспортам.

Кстати, здесь существуют два населённых пункта с похожими названиями. Село Успенка (территория ДНР) находится примерно в трёх километрах от пограничного перехода. Также существует село Авило-Успенка, которое при развале СССР было поделено между Украиной и Россией. России досталась его самая населённая часть со школой, магазином и железнодорожной станцией Успенская. Украине – 13 домов, образовавших посёлок с грустным именем Выселки.

Я был не против предложения Сергея. Но как потом в темноте по территории ДНР добираться до Донецка? Ведь почти 100 километров. Решил позвонить опять же друзьям, чтобы встретили на той стороне границы. Но не тут-то было. Как-то упустил из виду, что ДНР уже несколько недель живёт без МТС. Оператор вернётся в ДНР не раньше, чем будут выполнены Минские соглашения.

После нескольких попыток удалось связаться через Инет: на территории непризнанной республики меня ожидала машина. От шлагбаума пешком дошёл до пункта пропуска Матвеев Курган. Тут, по утверждению местного жителя, мне повезло: людей на паспортном контроле оказалось мало. Пока очередь двигалась, местные жители рассказали, как они, ополченцы, летом 2014-го гоняли здесь украинских военных, «их от нас прятали российские пограничники». В августе того года 438 солдат и офицеров Незалежной перешли границу в Ростовской области и обратились с просьбой предоставить им убежище. Российская погранслужба открыла гуманитарный коридор. Среди перешедших нашу границу – 164 пограничника, остальные – военнослужащие 72-й механизированной бригады ВСУ. И это не единственный случай, когда украинским силовикам пришлось спасаться в России, чтобы сохранить свои жизни. На пункт пропуска «Гуково» пришли 12 бойцов с белыми флагами. В конце июля группа из 41 украинского военнослужащего прибыла на пункт пропуска «Изварино»...

Не мог не поинтересоваться у местных, куда это они направляются через границу на ночь глядя. Оказывается, зимой в Авилово-Успенке работы нет. И местные занимаются челночным бизнесом: затовариваются в магазине беспошлинной торговли сигаретами и спиртным, затем реализуют это в России. Хоть какой, но заработок. А ещё рассказали, что этот пункт пропуска облагородили после боевых действий, восстановили асфальтное покрытие.

Ответив на дежурные вопросы российского пограничника, пошагал в сторону ДНР. Полистав мой паспорт, человек в погонах вернул его мне: «Проходите». Пропустив у шлагбаума рейсовый автобус Донецк – Ставрополь, уже через минуту я обнимался с племянником. Сразу на заправке в ДНР неприятно удивила цена на бензин и дизтопливо – до 50 рублей за литр. На въезде в город остановил местный гаишник, поинтересовался, откуда едем. И только тут обратил внимание, что у водителя два текталона: украинский и ДНР. Оказывается, и два комплекта номерных знаков.

Город контрастов

Донецк приятно поразил расчищенными от снега улицами и тротуарами, невзирая на поздний час, по городу курсировали пескорозбрасывающие машины. КП ДСРУ (коммунальное предприятие «Дорожно-строительное ремонтное управление»), хорошо известное дончанам по прежней жизни, и сейчас активно приводит дороги в порядок. И не только в центре, который стараются держать в привлекательном состоянии любой ценой. Даже в прифронтовой Путиловке видел работу таких машин.

Оставшихся на месте жителей особо повреждённых посёлков (Путиловка, Октябрьский, 15-й участок, Трудовской) убеждают, что главная война для них закончилась, надо возвращаться к мирной жизни. Их обходят работники ЖЭКов, предлагая записываться на бесплатное восстановление жи-

лиц. Во многих как частных, так и многоэтажных домах наряду с заделанными фанерой и досками окнами появляются свежие стеклопакеты. С каждым днём их всё больше. Кто главный спонсор, не вполне понятно. Говорят, средства на восстановительные цели направляют москвичи. Как работает эта схема, так и не понял. Но это не главное. Важнее, что есть реальная польза.

Едучи в Донецк, мысленно готовил себя к пустым улицам. На самом деле транспорта достаточно. Но если вспоминать довоенный Донецк – разница существенная, и улицы кажутся полупустыми, особенно в субботу, когда на работу ехать не надо. Исправно ходят старенькие трамваи, троллейбусы. Проезд в общественном транспорте – три рубля, для пенсионеров – бесплатный. Светофорное хозяйство в отменном порядке (даже на Путиловке, недалеко от линии фронта). «Но светофорами народ пользуется очень избирательно», – объясняет таксист Николай, подвозивший меня в магазин «Цветы». Кстати, о цветах. Неожиданностью стало то, что в Донецке можно по Инету заказать букет с доставкой, что и сделал мой сын из другого города, приятно удивив свою тётю в день её рождения.

Открылись заново многие кафе, работают супермаркеты электроники, сетевые продуктовые супермаркеты, многое другое. Аптеки, театры, кино... До поездки представлял Донецк эдаким постапокалиптическим городом со стайками людей, которые перебежками двигаются вдоль стен. А тут мамы гуляют с детьми... Работают вузы, бары-рестораны. В ДНР впервые прошёл фестиваль молодёжи Донбасса, собравший более тысячи студентов. При этом 97 участников приехали с подконтрольной Украине территории. На малой сцене Донецкого государственного академического музыкального драматического театра им. Бровуна состоялась премьера спектакля «Олеся» по одноимённой повести Куприна. В Государственном академическом театре оперы и балета им. Соловьяненко шла оперетта Легара «Весёлая вдова». Донецкий республиканский художественный музей приглашал на выставку «Вышел в степь донецкую...» гончарных и витражных работ местных мастеров. В Театре кукол – спектакль «Али-Баба и разбойники». Накануне моего приезда здесь подвели итоги первого республиканского конкурса «Человек года». В 17 номинациях!

Привыкшие к смерти

Из прекрасного Донецкого аэропорта я последний раз улетал осенью 2013-го. Из сообщений СМИ знал, что он разрушен, там шли жуткие бои. Всё это казалось нереальным, невозможным в XXI веке. Однако своими глазами увидел руины. А рядом с аэропортом изрешечённые осколками заборы и остановки общественного транспорта. Пятиэтажки, зияющие проломами от танковых снарядов... По словам выпускника нашего военного училища Саши Теревеерко, живущего в Киеве, схожая картина по ту сторону линии фронта в Авдеевке.

В 1996 году в районе чеченского села Галашки мы с оператором Олегом Вердиевым снимали телерепортаж. Двигаясь по окопам, вырытым в полный рост, разговаривал с бойцами. И вдруг Олег, совершенно гражданский человек, выскочил на бруствер, чтобы сверху снять хорошую «картинку» окопов. Сопровождавший нас подполковник только успел схватить его за ноги и затащить в окоп, как тут же с противоположной стороны раздалась пулемётная очередь. Вспомнил я это на прифронтовой окраине Донецка, производящей впечатление полумёртвой. Чтобы сделать снимок разбитого аэропорта, полез в пролом в заборе, но меня остановил крик племянника: «Там мины!» Назад пришлось возвращаться по собственным следам.

Человеку, далёкому от войны, трудно осознать эту реальность. Но в ней живут люди, за четыре года привыкшие к смерти. Родственница Яна водила меня по своему огороду, показывала дыры в заборе от снарядов, изрешечённые пулями стены, а в сарае – оперение от «Града». Пожилая женщина спокойно рассказывала, как отличить на слух танковый снаряд от мины, определить направление его полёта и как в таких случаях поступать. Показала дома, куда попали снаряды. А ещё поделилась довольно интересным наблюдением о повадках военных и не нюхавших порошу собак...

Мужа её мы не застали, он поехал на Украину за пенсией. Средняя пенсия в ДНР – 2600 рублей. Деньги смешные, уходят целиком на коммуналку. Многие из донецких пенсионеров вынуждены, чтобы выжить, регистрироваться у родственников в Незалежной, получать свою довоенную пенсию в гривнах. Украинские паспорта никто в ДНР не забирает, так как у всех есть родственники по ту сторону и к ним иначе не проехать. «Это правильно, – говорил мне местный житель Григорий. – Не фиг было увозить все деньги из Донбасса. Ограбили нашу долю и умничают. А старики заработали эту пенсию».

Глава Донецкой Народной Республики, председатель Совета министров, Верховный главнокомандующий ВС ДНР Александр Захарченко многим нравится. В учреждениях размещены его портреты. По городу – плакаты-растяжки со словами «Родина у нас одна – Россия». И всё же сложилось впечатление, что в Донецке мало кто хочет говорить о политике. Не потому, что опасаются, просто надоело. Яна, живущая в районе разбитого Донецкого аэропорта, ничего не ждёт и от предстоящих выборов президента России. Женщина больше надеется на выборы следующего года в Незалежной. Но вместе с тем заявляет: «Пока Украина не развалится, она от нас не отстанет». Противостояние в душах и сердцах людей зашло уже очень далеко, мало кто верит в мирный исход.

За «скорой» – на трамвае

Пятый год жители Донецка, по крайней мере большинство – за чертой бедности. Под постоянной угрозой даже в центре угодить под обстрел «Градов». Захожу в первый попавшийся магазин и замираю от ценников: белорусская водка – 78 рублей, сигареты – 20–30. Но свинина – 250–300 рублей за килограмм, говядина – 300–350, куры – от 90 до 140. При этом шахтёры получают 12–14 тысяч в месяц, об остальных и говорить не хочется. Цены на крупы, фрукты и овощи почти такие же, как в России, хотя на окраине можно найти и подешевле. Горожане объясняют так: «Мы были промышленным регионом, а еда всегда шла с Украины».

Но продолжают открываться заведения, где (за приличные деньги, разумеется) можно хорошо отдохнуть. Юбилей сестры мы отмечали в ресторане на берегу Кальмиуса. Была пятница, но свободных столиков не оказалось. Работает несколько пивоварен с вполне сносным продуктом, и не только в центре. За юзовским пивом даже очереди выстраиваются.

Ночные клубы при комендантском часе работать не могут. Но они, если есть желающие, запираются изнутри до утра, и клиент может отдыхать по полной программе, пока рассвет не позолотит верхушки деревьев. Комендантский час в Донецке официально с 22 часов вечера до 5 утра. В это время на улицах города появляться нельзя. В принципе, жизнь в городе замирает ещё раньше – около 20 часов. Но островки активности остаются, как и подсветка всех главных зданий города. У некоторых таксистов – специальные разрешения на работу во время комендантского часа. За скромные деньги (500 рублей) таксист сделал три рейса, отвозя нас из ресторана домой. Самое удивительное, что они не отказываются свозить и на передовую, рискуя при этом жизнью...

Республика несколько недель живёт без МТС. В первую очередь под ударом оказались многострадальные пенсионеры, у которых одна сим-карта с довоенного времени и примитивные «трубки». За стартовым пакетом оператора «Феникс», который можно приобрести только на главпочте, огромные очереди. Стартовый пакет – 120 рублей плюс 50 на пополнение для многих пенсионеров сумма запредельная. Да ещё надо купить смартфон и научиться пользоваться вайбером... Самое ужасное, что трудно дозвониться в экстренные службы. Пример из реальной жизни: ребёнок потерял сознание, мама безуспешно набирает 103 и, поняв, что дозвониться не удастся, бежит на улицу ловить такси...

«Кто из вас когда-нибудь ездил вызывать “скорую” на трамвае? – спрашивает соседка Анна. – Я на днях сподобилась. Дозвона нет, хоть тресни, а у меня на глазах мужчина 62 лет умирает. Давление зашкаливает, онемение сначала рук, потом ног. Я на остановку – там связь лучше. Машин в обеденное время почти нет. Смотрю, трамвай едет. Я в него заскочила и, пока две остановки ехала до пункта “скорой помощи”, пыталась дозвониться. Так и добралась на трамвае...»

Другая моя собеседница – Марина вспоминает: «На днях похоронили 50-летнюю женщину. Она четыре дня находилась одна дома в состоянии тяжёлой интоксикации. Не могла связаться даже с друзьями. МТС у неё отключён, а “Феникса” нет. Подруга застала женщину ещё живой. Увезли на “скорой”, но спасти не успели».

Бросилось в глаза, что местные жители почти не улыбаются и одеваются тускло. Объяснили мне это прежде всего естественным нежеланием веселиться в городе, где до сих пор идут боевые действия. Однако дончане называют и другую причину: они не видят просвета, утратили надежду на спасение и не понимают, как долго они смогут протянуть в таких обстоятельствах. Безработица более чем серьёзная. Но официальные цифры никто не даёт. Какую-нибудь подработку найти, конечно, можно. Трудно по специальности. Мой друг Гриша занимал до войны солидный пост. Ныне вынуж-

ден на своём «бусике» развозить рабочих. И оплата его работы так, на прожить. Но после обстрелов, жизни в подвалах это кажется несущественным.

Мне показалось, что жители Донецка стали более желчными, в чём-то даже циничными, однако это скорее способ самозащиты. Разуверившись в том, что жизнь изменится, они научились выпускать шипы при появлении малейшего раздражителя. Иногда эти шипы ранят их самих. Многие осторожны в общении. Но это техника безопасности – как при обращении с газовой колонкой: «Украину здесь не полюбили, но и к идеям ДНР уже относятся без особого фанатизма». И это говорит о скепсисе, даже разочаровании в тех переменах, которые вначале были восприняты с великим энтузиазмом и воодушевлением.

Кофе в Иловайске

В обратный путь до границы меня доставил на машине племянник. В подарок увозил из города продукцию местной кондитерской фабрики, которой довольно много в магазинах. Но видел на прилавках Донбасса и конфеты порошковского «Рошена», изготовленные в Виннице – вотчине премьера Гройсмана. Бизнес, похоже, для стоящих у власти на Украине превыше всего. Хотя и на «вражьих москальских» просторах продукции «Рошен» завались.

В Иловайске зашёл в придорожное кафе. Пока пил кофе, выслушал рассказ хозяйки о боях, о жизни. Прощаясь, гарна дивчина вдруг задала мне вопрос, что называется, в лоб: «Что у вас народ про нас думает? Почему России всё равно, когда Украина расстреливала наши города, била специально по школам?» Ответа на этот колючий вопрос у меня нет.

Таможню миновал быстро – короткая очередь, люди с полными сумками сигарет и алкоголя. Пока под проливным дождём едем в Ростов-на-Дону, снова прокручиваю в голове события и картины моего недолгого путешествия.

Донбасс – край полной неопределённости. Сколько это ещё будет продолжаться? Понятно, что проблемы простых людей чиновников в тёплых кабинетах мало волнуют. Но жизнь скоротечна. И каждому придётся отчитываться перед Всевышним...

Март 2018 года

3. Академия беспамятства

В стенах Львовского высшего военно-политического училища теперь готовят офицеров для карательных операций в Донбассе. Об истории города и вуза курсантам не рассказывают.

Львов – город спящих львов. Он стоит на семи холмах, как Рим. Львов – маленький Париж. Или, может, Париж – это большой Львов... Мы, курсанты ЛВВПУ, были влюблены в этот город, основанный князем Даниилом Галицким в 1256 году. Львов притягивал к себе загадочностью, стариной и теплотой. Огромное удовольствие доставляло бродить по его улочкам. Свидания с девушками и встречи с друзьями чаще всего назначались у монумента Славы, который располагался рядом с нашей альма-матер. Но времена с тех пор, как известно, круто изменились.

Открыли мемориал в мае 1970-го. Он выполнен в граните и бронзе. Состоит из 30-метрового пилона, бронзовой центральной группы и гранитной стелы с барельефами из кованой меди. На вертикальном пилоне – горельефы, олицетворяющие основные виды войск: пехотинец, танкист, артиллерист, лётчик, матрос. В центре мемориала – фигуры воина и Родины-матери. Родина-мать принимает присягу верности воина-освободителя и благословляет его меч. Историю советских Вооружённых сил иллюстрируют шесть многофигурных горельефов по сторонам стелы: «Рождение Красной армии», «Гражданская война», «Освобождение Западной Украины», «Год 1941-й», «Великая Отечественная война» и «Победа». Ансамбль расположен на месте старого кладбища, где погребены солдаты русской армии, умершие от болезней и голода при переброске императорских войск в Венгрию в 1849 году.

За мемориалом ухаживали курсанты нашего училища. В 1976-м у монумента Славы мне вручили офицерские погоны и кортик. Здесь мы, лейтенанты, 42 года назад сфотографировались со своими наставниками. Отсюда новоиспечённые офицеры-журналисты и культпросветработники в послед-

ний раз прошли в училище строем с песней: «Родное училище моё... Пусть годы пролетят, я встрече с тобой буду рад...»

Увы, нет сегодня нашего славного ЛВВПУ, есть лишь стены, где мы познавали науки. Нет и Гвардейской улицы. Её переименовали в честь непонятных героев майдана. В стенах ЛВВПУ, о котором мы когда-то пели, теперь располагается Академия сухопутных войск имени Петра Сагайдачного ВСУ. К сожалению, побывать на территории, которая четыре курсантских года была родной, не удалось.

Просьбу, с которой я обратился заранее, начальник академии генерал-лейтенант Пётр Ткачук проигнорировал. Выпускник ЛВВПУ Слава Воронков, живущий в Одессе, объяснил это тем, что я, видите ли, иностранец и в отношении таких во всех странах существуют правила допуска в военные училища. Я, родившийся и выросший на Украине, чьи родные и близкие восстанавливали «нэньку» и сегодня покоятся в её земле, теперь иностранец. А Слава Воронков, по распределению оказавшийся в Одессе, теперь «щирый» хохол. Понимаю его попытку выгородить руководство академии, но выглядит это довольно коряво.

Во время поездки в американский Аннаполис захотелось побывать в самом престижном учебном заведении США – Военно-морской академии. На КПП предъявил российский паспорт дежурному офицеру, который после его просмотра сделал запись в журнале и, пропустив через сканер мою сумку с фотоаппаратом, улыбнулся: «Вэлкам!»

Но я особо не переживаю, что не попал на территорию бывшего ЛВВПУ. Может, и к лучшему: пусть училище остаётся в памяти таким, из ворот какого я отправился 42 года назад в офицерскую жизнь.

Через забор увидел только, что нет на плацу памятника Ленину. Как рассказали друзья, его в начале 90-х вырвали за ноги из асфальта трактором. А на месте мемориала погибшим в годы войны курсантам ЛВВПУ теперь стоит безликая боевая машина.

В том, что правильно сделал, оставив попытку пройти на территорию бывшего ЛВВПУ, ещё раз убедился, пролистав книгу «Светлая память героям павшим. Честь и слава героям живым», изданную в академии в прошлом году. Чего стоит предисловие её начальника: «Триває російська агресія на Сході нашої держави... Так, завдяки мужності та героїзму наших військовиків, патріотизму українців, нам вдалося зупинити російську навалу. (Продолжается российская агрессия на Востоке нашего государства. Но, благодаря мужеству и героизму наших воинов, патриотизму украинцев, нам удалось остановить российский натиск)». Не буду дальше цитировать антироссийский бред украинского генерала. Могу лишь сделать вывод: плохо кавалер ордена «За службу Родине в ВС СССР» усвоил понятия «агрессия» и «война».

Книга о павших и живых выпускниках академии страшная. Восемь офицеров удостоены за бои в Донецке и Луганске звания Героя Украины (трое посмертно). В 2014–2016 годах погибли 53 выпускника академии. За что? А скорбный список пополняется. Будут ли этих одурманенных пацанов помнить лет через десять – двадцать? Как помним мы выпускника ЛВВПУ, кавалера двух орденов Красной Звезды Валеру Глезденёва, погибшего в Афганистане. Война тогда шла на чужой территории. А тут убивают своих ради лучшей жизни олигархов и покровителей из «вашингтонского обкома».

Правильно говорят: каков поп – такая и молитва. И всем нам, выпускникам ЛВВПУ, пора свыкнуться с тем, что нет нашего славного училища. В его стенах теперь учебное заведение, на базе которого Минобороны Украины готовит войсковых офицеров для карательных операций в Донбассе. Как уяснил из разговора с курсантами, об истории Львова им не рассказывают. Не говорят даже того, что здание академии было построено для австрийских офицеров связи. А до ЛВВПУ в этих стенах располагался польский кадетский корпус имени Юзефа Пилсудского.

Не знают нынешние курсанты (в основном выходцы из западных областей Украины) и о том, что было раньше на Стрыйской улице, к которой примыкает большая часть территории академии. До «оккупации» советской властью на этой промышленной окраине соседствовали два завода и кладбище. В исторический центр Львова, где жили бок о бок поляки, евреи и армяне, украинцев не пускали. Жителей с окраины называли здесь даже не украинцами, а рогулями. И все отлично помнят, почему закрепилось название, на которое они до сих пор с обидой отзываются. В польском Львове при въезде в город были организованы заставы, на которых стояли вооруженные часовые.

Им было запрещено пускать в город бедных украинских крестьян, чтобы те не смущали своим видом европейских граждан. Часовой держал под прицелом столбы (рогули), на которые опускался полосатый шлагбаум. Его поднимали только под утро, чтобы украинцы могли поднести к дверям господ свежий творог, молоко, мясо. Следующей ночью они забирали деньги и приносили новый товар.

Курсантам академии, как я понял, некогда читать книжки. Большую часть учёбы будущие украинские офицеры проводят на Яворовском полигоне, где их муштруют инструкторы НАТО («Коктейль Молотова американского розлива»). Именно у преподавателей академии из стран Запада, прибывших сюда по разнарядке альянса, мемориал Славы «вызывает много вопросов». Он бельмо на глазу и для местных националистов.

Конфликт из-за монумента Славы длится далеко не первый год. Попытки снести его предпринимались ещё в середине нулевых, когда отношения Украины с Россией были почти безоблачными. В последующие годы монумент многократно хотели развалить националисты, но местные власти не давали. Администрация опасалась столкновений между сторонниками и противниками памятника. Дело в том, что в 800-тысячном Львове живут почти 100 тысяч русскоязычных, в их семьях свято чтят память о Великой Отечественной. К тому же монумент не подпадает под действие пресловутого Закона о декоммунизации.

Но в последнее время атаки вандалов на Советского солдата и Родину усилились – их обливали краской, разрисовывали оскорбительными надписями. Неонацисты из «Правого сектора» (запрещённой в России организации) топорами и кувалдами сбили надпись «Победителям над нацизмом», раскурочили гранитные плиты. Но защитники монумента – члены Организации ветеранов Украины, Антифашистского комитета, многие львовяне – памятник восстановили.

Однако ряды ветеранов с каждым годом редуют, а сами они теряют силы. Зато группировку националистов во Львове пополняют всё больше одурманенных нацистской пропагандой юношей. К тому же националисты понимают: именно сейчас в государстве идеальная ситуация для сноса мемориала, ведь после выборов в 2019 году к власти на Украине могут прийти более вменяемые, лояльные к советскому прошлому силы и процесс сноса может быть свёрнут.

Власти Львова объявили тендер на демонтаж монумента Славы. Стоимость работ оценивается в 300 тысяч гривен. Но, как я убедился, не все львовяне предали историческую память. Масса людей остаются верными чести предков, освободивших Украину от нацистского нашествия ценой невероятной самоотверженности и жертв. Львовянка Инна Иванночко, местный руководитель гуманитарной группы движения «Украинский выбор – право народа», подала иск против решения львовского горсовета. После одного из заседаний суда защитницу монумента Славы облили зелёнкой. Иванночко и её товарищам всё же удалось добиться решения о проведении технической экспертизы монумента. Эксперты из администрации Галицкого района, где расположен памятник, пришли к выводу, что «гранитные плиты весом до 160 килограммов могут упасть в любой момент и кого-нибудь придавить, а ведь вокруг гуляют дети». «Аварийную» часть монумента оградил мерзким коричневым забором. На нём сразу появились надписи: «Смерть коммунякам!», «Слава УПА» (ОУН-УПА запрещена в России).

Фигуры солдата и Родины-матери выглядят, свидетельствую, нормально сохранившимися. Правда, слева от них стоит белый камень, при ближайшем рассмотрении оказавшийся «монументом» памяти «павших воинов АТО». Местные националисты не скрывают: после сноса мемориала советским воинам они хотят увековечить карателей, воевавших в Донбассе.

В дни моего пребывания во Львове на одном из украинских каналов бывший министр транспорта и связи Украины Евгений Червоненко заявил, что его страну ждут страшные проблемы из-за культивируемого в ней фашизма. Политик отметил, что правоохранительные органы сквозь пальцы смотрят на преступления, связанные с разжиганием межнациональной розни. По его мнению, лозунг «Украина для украинцев» абсолютно недопустим, поскольку в истории человечества все разговоры о титульной нации заканчивались концлагерями. Экс-министр подчеркнул, что власть разжигает эти настроения, так как нет экономических достижений. Это хорошо видно и на практике воспитания нынешних курсантов во Львове, и на примере войны с монументом Славы.

Декабрь 2018 года. Львов

4. Украина не в НАТО, зато НАТО уже в Украине

Дональд Трамп задолго до окончательного подведения итогов голосования второго тура президентских выборов на Украине одним из первых поздравил Владимира Зеленского с победой и заверил, что Вашингтон готов оказывать ему поддержку.

Вице-президент США Майкл Пенс с нетерпением ждёт первой встречи с Зеленским. О его поддержке в борьбе с «неослабевающей российской агрессией» заявил Госдепартамент США. Глава НАТО Йенс Столтенберг пообещал Киеву содействие и пригласил новоизбранного побывать в штаб-квартире альянса. Генсек написал в Твиттере: «НАТО будет и впредь оказывать сильную политическую и практическую поддержку Украине». В переводе с дипломатического примерно так: ничего не меняйте, делайте, что скажут.

Владимир Зеленский в ходе предвыборной кампании повторял: «Я за НАТО. Но чтобы вступить в НАТО, мы должны людям объяснить, что это не какой-то аллигатор, который хочет проглотить нас, Украину, что это действительно безопасность страны. И вступление в НАТО обязательно должно проходить через референдум». Похоже, это был предвыборный трюк. После победы член команды Зеленского, окончивший Киевское ВОКУ и Военную академию им. Фрунзе, Иван Апаршин, которого прочат в министры обороны, заявил: «Украина будет развивать сотрудничество с НАТО, в том числе по вопросу достижения взаимной совместимости во время проведения возможных совместных операций. Силы безопасности и обороны продолжают интенсивное сотрудничество с альянсом и соответствующими структурами Европейского союза. Мы чётко будем поддерживать выполнение тех мероприятий, которые заложены в ежегодную национальную программу “Украина – НАТО”».

Её в дополнение к уже имеющимся планам присутствия войск альянса на территории страны 10 апреля утвердил своим указом Пётр Порошенко. Но, как считают военные аналитики, НАТО лишь декларирует намерение в будущем видеть Украину в своих рядах, а на деле рассматривает её как хороший полигон, где можно испытывать и осваивать приёмы ведения боевых действий, знакомиться с тактикой ополчения, заниматься разведкой. А также участвовать непосредственно в боевых действиях. Недавно на Яворовском полигоне во Львовской области «за выполнение задач на территории Украины» сержанту 1-го класса Брайану Форду была вручена медаль «За заслуги». Согласно статусу этой американской награды, её удостоиваются солдаты, сержанты и офицеры исключительно за участие в боевых действиях.

Чтобы опробовать новые разработки в реальных условиях, альянс поставляет подразделениям ВСУ в Донбассе вполне современные контрбатарейные комплексы, прицелы и приборы ночного видения. Что же касается остального вооружения, то тут янки сбывают украинцам всякое старьё. С огромной помпой ВСУ были переданы ПТРК «Джавелин», но применять их не разрешили. Пообещали Киеву принятые ещё 40 лет назад на вооружение ВМС США противокорабельные ракеты «Гарпун», но вопрос пока не решён. Недавно в Одессе выгрузили партию из 20 боевых и 15 санитарных бронированных «Хаммеров». Санитарные оказались без брони. А броневики М-1114, широко разрекламированные украинскими СМИ как новые, выпускались ещё в прошлом веке и получили массу нареканий от воюющих подразделений США. С учётом и другого утиля, которым НАТО снабжает Киев, «оружейное присутствие» для альянса на территории, граничащей с Россией, вовсе не главное.

На основании решений парламента, СНБОУ, президента и Министерства обороны на территории Украины проводятся десятки учений с участием специалистов или военнослужащих всех родов войск альянса. Представители НАТО на постоянной основе находятся на полигонах и в центрах подготовки. Только в апреле 2019 года Харьковский институт танковых войск посетила делегация во главе с подполковником Робертом Вагстаффом, в военной академии в Одессе побывали польские коллеги, в Яворовском центре проходили маневры артиллеристов, танкистов, мотострелков и разведчиков 72-й омбр, в Румынии в учениях Platinum Eagle – 2019 принимал участие батальон морпехов Украины. Под Житомиром по плану операции Orbital (Operation Orbital) прошли тренировки 95-й одшбр под руководством американцев и литовцев. В совместных с датчанами учениях «Северный сокол» принял участие экипаж транспортной авиации ВВС Украины. Он отрабатывал доставку топлива с базы ВВС США «Туле» на полярную станцию «Норд». В это же время в Одессе проходил семинар с представителями 6-го флота США по вопросам комплектования и рекрутинговой системы, а в Чёрном море украинский ракетный катер «Прилуки» проводил учения по тактическому маневрированию

и стрельбам с фрегатом королевских ВМС Канады «Торонто», фрегатом ВМС Испании «Санта-Мария» и тральщиком ВМС Франции «Каприкон». На последнем проходили практику курсанты Одесской морской академии. С 5 по 13 апреля в Чёрном море состоялись многонациональные учения NATO Sea Shield – 2019, в которых были задействованы 2200 военнослужащих.

В прошлом году Объединённой многонациональной группой на Украине по стандартам НАТО подготовлены 13 батальонных тактических групп вместе со штабами. Президент Порошенко и Верховная рада дали добро на одновременное пребывание в стране восьми тысяч солдат из стран НАТО. И теперь тысячи военнослужащих альянса, не считая сотен советников, инструкторов по проведению секретных операций и ведению информационных войн, постоянно находятся на территории Украины на законной основе. А так называемый Яворовский международный центр миротворчества и безопасности можно смело назвать базой НАТО. На днях сюда прибывают 150 военнослужащих 2-й боевой группы «Страйкер» 101-й воздушно-десантной дивизии армии США («Клокачущие орлы») во главе с Джозефом Эскандоном. Они заменят военнослужащих 278-го бронекавалерийского полка. Ротацию проконтролирует делегация конгресса во главе с Дэвидом Прайсом, генерал-адъютантом нацгвардии штата Теннесси Джефом Холмсом и бывшим командиром 278-го полка генералом Джимми Коулом. Одновременно центр покидают подразделения 5-й мехбригады армии Канады (командир – подполковник Пьер Леру), их меняет сборная группа подполковника Фредерика Коте. На Яворовском полигоне в июле и октябре пройдут учения Rapid Trident – 2019, в которых примут участие свыше двух тысяч военнослужащих НАТО на своей бронетехнике и самолётах.

До конца этого года альянс запланировал ещё несколько масштабных совместных с ВСУ учений на территории Украины. В Одесской и Николаевской областях, в Очакове, на острове Змеиный пройдут Sea Breeze – 2019. В них примут участие около 4750 военнослужащих, в том числе две тысячи солдат НАТО. С августа по октябрь на военных аэродромах и полигонах Николаевской области планируются украинско-британские учения Warrior Watcher. С июля до декабря в Житомирской области будут проходить КШУ Maple Arch – 2019, в которых примут участие военнослужащие США, Канады, Черногории, Грузии, а также литовско-польско-украинская бригада им. Константина Острожского. Летом с привлечением войск и кораблей на Дунае и в акватории Чёрного моря пройдут украинско-румынские учения Riverine-2019.

Пока избранный Владимир Зеленский планирует проводить референдум о вступлении в НАТО, альянс уже полностью хозяйничает на его территории.

5. На Украине культ палачей

Бандеровские активисты в Одессе снесли последний памятный знак Маршалу Победы Георгию Жукову, который был установлен на одном из общежитий местного университета.

Накануне этой варварской акции в другом украинском городе – Ивано-Франковске – прошла церемония торжественных похорон последнего эсэсовца из дивизии «Галичина» Михаила Мулыка. Незалежная окончательно скатывается на путь, по которому шла Германия 30-х годов.

Официальные представители городской власти на все лады расхваливали умершего гитлеровца. Секретарь Ивано-Франковского горсовета Виктор Силишин сказал: «Его неутомимая борьба за судьбу родного государства всегда будет служить ярким примером патриотизма и любви к родине». Мэр города Руслан Марцинкив добавил: «Сегодня мы хороним целую эпоху национально-освободительной борьбы. Даю обещание, что со временем в нашем городе появится улица имени Михаила Мулыка – почётного гражданина и последнего дивизионника Ивано-Франковска».

Депутат Верховной рады Украины Оксана Савчук также откликнулась на смерть эсэсовца, заявив, что его дело «достойно уважения». Ранее она зарегистрировала законопроект, в котором предложила считать бандеровский красно-чёрный флаг знаменем национально-освободительной борьбы украинского народа. И вывешивать его наряду с государственным, а за надругательство предусмотреть уголовное наказание до трёх лет лишения свободы.

Украинские телеканалы рассказали и показали жителям Незалежной, как хоронили фашиста переодетые в немецкую форму современные бандеровцы, а попы из свежеспечённой ПЦУ/СЦУ вместе с униатами провели «панихиду». Это несмотря на принятый Верховной Радой закон, запрещающий пропаганду нацизма. Люди в нацистской форме свободно участвуют в мероприятиях в присутствии

полиции и государственных чиновников в других регионах Украины. А за Георгиевскую ленту или Красное знамя можно угодить в тюрьму.

Коллаборанты на Украине почитаются повсеместно. На Ивано-Франковщине открыли очередную мемориальную доску в честь гауптштурмфюрера дивизии СС «Галичина» и переводчика Гимmlера Дмитрия Палиива. А во Львове в год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне презентовали юбилейную марку в честь 100-летия коменданта украинской вспомогательной полиции Дубно, организатора погромов, палача и убийцы пяти тысяч дубенских и ровенских евреев и тысяч поляков, военного преступника Василя Левковича. На Нюрнбергском процессе о расстреле евреев в Дубно немецкий инженер Герман Граббе дал такие показания: «Без плача и крика эти люди раздевались, стоя семьями, целовали друг друга и прощались. Я видел семью из восьми человек, мужчину и женщину, обоим около 50 лет, с детьми приблизительно одного, восьми и десяти лет и двумя взрослыми дочерьми примерно 20 и 24 лет. Пожилая седая женщина держала на руках годовалого ребёнка и пела ему».

А Верховная Рада, где большинство депутатов из партии нынешнего президента, приняла постановление о праздновании юбилея Левковича и ещё десятка пособников Гитлера. В школах в их честь должны проводиться торжественные мероприятия. Украинских детей теперь воспитывают не на примерах героев, которые спасли мир от «коричневой чумы», а на деяниях палачей своего же народа.

Была надежда, что, став президентом, Владимир Зеленский, внук гвардии старшего лейтенанта Семёна Зеленского, прошагавшего фронтовыми дорогами Великой Отечественной, награждённого боевыми орденами, защитит память фронтовиков, выступит против фальсификации истории и тех, кто разрушает памятники. Но президент Зеленский сейчас сам на стороне тех, против кого воевал его дед. Это предательство, как и запрет на использование символа Великой Победы, говорит о том, что на Украине последовательно проводится фашизация общества.

Февраль 2020 года

Берега Янтарного края

Сергей Рослин

Сергей Анатольевич Рослин – родился в Калининграде в 1951 году. Окончил среднюю школу № 39 в 1968 году. Поступил в Калининградское высшее инженерное морское училище Министерства рыбного хозяйства на судомеханический факультет. С 1973 года работал в Калининградской базе тралового флота на рыболовных судах в должности рефрижераторного механика, с 1999 по 2011 год – на судах иностранного флота в должности рефрижераторного инженера. Ветеран флота рыбной промышленности. После окончания своей морской деятельности, работал по специальности на береговых пищевых предприятиях. Увлекается историей и культурой Янтарного края, член Областного клуба краеведов. В настоящее время работает в музее на форте № 11 «Дёнхофф», проводит экскурсии.

БАЛТРАЙОН – МИР МОЕГО ДЕТСТВА

Небольшое предисловие к моему повествованию. Мысль о том, чтобы сохранить свои воспоминания о детстве, юности, о дорогих мне людях, о той безвозвратно ушедшей жизни, часто посещала меня. В монотонные будни моего морского бытия часто возвращался к этим далёким дням, проигрывал и восстанавливал в памяти мельчайшие события той жизни, которые бесконечно дороги моему сердцу.

В последнее время я размышлял о том, что вот уйдём мы из жизни: я, моя сестра, моя тётка Аня, – и не будет свидетелей нашего прошлого, никто не узнает, как мы жили тогда, чему радовались, какими мы были, какими были наши родители. Я почувствовал в себе какую-то внутреннюю потребность, чувство долга перед своими родителями, горячо любимой бабушкой и просто перед теми людьми, которые окружали нас тогда, жили с нами и которых уже давно нет в этом мире. Есть моя память и желание изложить всё это на бумаге, и поэтому я взял на себя этот труд – сохранить для кого-то эти воспоминания. Удалось ли мне это, нужно ли это кому-то – судить уже им.

Родился я в роддоме на улице Большая Кольцевая, так эта улица называлась в то время. Это уже позже её переименовали, назвали в честь известного пионера Павлика Морозова. Какое он имел хоть маломальское отношение к этой улице, при немцах носившей название Барбара Штрассе, трудно объяснить. Родители мои были очень молоды тогда: отцу был 21 год, а маме 24. Они работали на судостроительном заводе, который имел только номер: он так и назывался – 820-й, там строили военные корабли. Работали они в одном цехе, отец слесарем, а мать крановщицей. Познакомились они в общегити заводе на улице Суворова, где жили в то время. Как только я родился, в Калининград приехала моя бабушка, мамина мать. Продала свою хату с садом на Украине в Винницкой области и навсегда приехала сюда, чтобы помогать молодой семье и воспитывать меня.

Жили мы в старом немецком доме, хорошо сохранившемся после войны. О нашем доме и квартире стоит сказать особо. Дом наш был многоподъездный и очень длинный. Где-то примерно в середине своей длины он, повторяя очертания улицы, плавно изгибался. Дом был трёхэтажный, по две квартиры на этаже, то есть в одном подъезде жило шесть семей. Крыша была со скатами и была покрыта традиционной немецкой черепицей. Наверху был огромный чердак на всю длину дома, а внизу были довольно-таки вместительные подвалы. Через подвальное помещение был сквозной проход с улицы во двор. Квартиры в доме были очень маленькие, совершенно одинаковые, с весьма примитивными бытовыми условиями. Во двор смотрели две комнаты: одна побольше, где была спальня родителей и где находился до определённого возраста я, другая поменьше – в ней жила бабушка. Зато кухня была огромной, с большой печкой, расположенной в углу. Видимо, немцы готовили на ней еду, заодно и обогревали кухню. Комнаты отапливались печкой. Печка была красивая, облицована каким-то

гладким кафелем песочного цвета. Большая её часть находилась в комнате родителей, и небольшая часть выступала из стены в бабушкиной комнате. Сначала вход в бабушкину комнату был в спальне родителей. Потом этот вход заложили кирпичом и сделали другой – со стороны кухни.

Конечно, это было более удобно. Узкий коридорчик соединял комнату родителей с кухней. В конце коридорчика находился крохотный туалет с окошечком, где поместиться мог только один человек. На кухне был небольшой умывальник с холодной водой. Вот и все удобства. Самое первое впечатление, сохранившееся в моей памяти, – это была поездка к отцу в воинскую часть, где он проходил службу. Отца призвали в армию осенью 1952 года. Служил он сначала где-то под Мурманском. А уже позже его как человека семейного и молодого папашу перевели в Калининград, поближе к дому. И вот, в один из выходных мы всем семейством поехали его навестить. Воинская часть располагалась на улице Портовой, где потом открыли магазин радиотоваров «Мелодия». Территория воинской части была небольшой, кстати, к ней примыкало здание бывшей янтарной мануфактуры в довоенном Кёнигсберге. Был воскресный день, и все солдаты, свободные от службы, смотрели фильм. Я помню, как я, радостный, вбежал в солдатский клуб, где шёл фильм «Фанфан-Тюльпан» с Жераром Филипом (это я уже потом, конечно, узнал). Я нашёл своего отца, скорее всего, он меня увидел, так как мне, маленькому мальчишке, среди множества молодых людей в одинаковой форме трудно было признать своего отца. Это, пожалуй, моё первое яркое впечатление о детстве, сохранившееся в памяти. Отец был демобилизован в октябре 1955 года. Воспитывался я бабушкой. Бабушка Женя была необыкновенно добрым человеком, со щедрой душой и очень трудолюбивой. Родители вставали рано и уходили на работу. Я общался с ними в основном по выходным. А с бабушкой я проводил основное время. Каждый день мы ходили с ней на базар на улицу Киевскую за продуктами. Бабушка Женя необыкновенно вкусно готовила. Как она мне рассказывала, у себя на родине, в колхозе, она работала на полевом стане поварихой. Готовила обеды для трактористов. На обратном пути с рынка я непременно подбегал к воротам воинской части, которая располагалась на нашем пути, приставал к кому-нибудь из военных и задавал множество всяких вопросов. Очень мне нравились военные люди тогда, чем-то притягивала меня их форма, оружие, которое они имели при себе. Мы возвращались домой, и бабушка готовила обед, а также ужин для родителей, которые уставшие возвращались вечером с работы. Какие это были обеды! Всё было аппетитно и вкусно, особенно наваристые украинские борщи со сметаной.

Жизнь моя, как и у всех детей, была радостная и беззаботная. Жили мы не очень богато, я бы даже сказал бедновато, но голодными никогда не были. Как у многих в те годы, у нас было подсобное хозяйство. За нашим двором был целый городок разномастных сараев, настоящий «Шанхай». Жильцы нашего дома держали там различную живность: кто свинью, кто козу, кто кур. У нас была свинья, и каждый день приходилось ходить в сарай, кормить это ненасытное животное, убирать за ней. Зато мы всегда были с мясом. Когда резали очередного поросёнка, в доме был настоящий пир. Чего только ни делала бабушка из нашего Борьки – и кровяную колбасу, и сальтисон, и домашнюю колбасу. Мясо жареное, вареное. О холодильниках тогда и не мечтали. Чтобы сохранить свиное мясо, бабушка готовила из него тушёнку и закатывала её в стеклянные банки.

А ещё у нас был огород, но до него нужно было идти минут сорок. Он находился в поле, уже за городской окраиной. В выходные дни выходили всем семейством и работали на этом огороде все сообща целый день.

Мне тоже находилась работа, в основном, нужно было полоть грядки. Мне это не очень-то нравилось, но деваться было некуда. Растили картошку, зелень, огурцы.

Время было трудное, изобилия не было, да и денег у нас лишних не водилось. Новый год у меня всегда ассоциировался с запахом апельсина и мандаринов, которые по великому благу приносила нам наша знакомая, работавшая на овощной базе. Когда я уже подрос, в мои обязанности входило ходить в подвал за углём и щепой и топить нашу печь. Дело это было мне вполне по душе. Это был целый ритуал. Я любил подносить спичку к аккуратно сложенной горке щепок и наблюдать, как они ярко вспыхивают в топке. Печка потихоньку оживала, через несколько минут уже весело гудела. Затем нужно было только вовремя накидать совком угля, пока не прогорели дрова. Комната постепенно наполнялась теплом, было радостно и уютно на душе в эти морозные зимние дни. Вообще мне очень нравился огонь. Из-за этой моей страсти со мной случались мелкие неприятности, за которые я сурово наказывался. Помню, как-то я играл со спичками у окна в комнате родителей. И вдруг нечаянно загорелась тюлевая занавеска, закрывающая окно. Она вспыхнула как порох, и я отчаянно пытался

затушить огонь. С огнём я кое-как справился, но от занавески остались лишь жалкие клочки. С обречённостью и страхом я ждал вечера, когда вернутся с работы родители. Это ожидание наказания было страшнее самого наказания. Происходило это следующим образом. Родители возвращались домой, уставшие, голодные. Бабушка торжественно докладывала о случившемся. Далее бабушка с мамой начинали подогревать ситуацию, говоря о том, какой я нехороший, какой я вредитель, что так можно спалить весь дом. Голодный отец медленно накалялся от этой словесной прелюдии, и в какой-то момент происходил взрыв. Он брал ремень, заваливал меня на пол и нещадно бил меня по заднему месту до тех пор, пока гнев его не угасал. Своими воплями я оглашал весь подъезд, уведомляя всех соседей об очередном своём проступке. После порки бабушка и мама жалели меня, растирали мои синяки какими-то мазями.

Однажды произошёл такой случай. Отец вернулся с работы, положил зарплату на стол и прилёг отдохнуть. Я увидел эти денежки, стал брать по одной бумажке и пытался приклеивать их на нашу замечательную кафельную печку. Видимо я хотел создать какую-то композицию из отцовских денег. У меня это плохо получалось, бумажки отлетали от гладкого кафеля. Я снова и снова пытался их приклеивать, слегка поплёвывая на эти купюры. Отец проснулся и увидел, чем я занимаюсь. Я получил сполна за это художество. Хорошо, что я не догадался бросать деньги в печку, глядя, как они весело сгорают. Если бы это случилось, дом наполнился бы такими звуками, которые наши соседи ещё не слышали. Они бы подумали, что в этот раз я совершил что-то из ряда вон выходящее. Эти экзекуции с ремнём за мои детские грехи продолжались до тех пор, пока я при очередной порке проявил мужество и не проронил ни звука. С тех пор отец перестал хлестать меня ремнём, очевидно почувствовав, что я повзрослел.

Моя тяга к огню толкала меня на различные эксперименты, опасность которых я тогда вовсе не сознавал. Я мог бросить в печку несколько патронов, которых в то время у послевоенных мальчишек вполне хватало, и с интересом наблюдать, как они взрываются в топке, разметаая там горящие угли, а также видеть испуганное бабушкино лицо, которая не могла понять, что происходит с печкой. Как уцелела наша печка, одному только Богу известно. Видимо, была сделана на совесть, с немецким качеством. В подвале у нас хранился уголь, а также калийная селитра как удобрение для огорода. Я где-то вычитал, что из этих компонентов можно сделать порох. Мои химические опыты в подвале подтвердили пригодность этих веществ для изготовления пороха, и с тех пор запасы селитры стали катастрофически уменьшаться, а угля в подвале было предостаточно. Как я не спалил наш дом – это тоже загадка. Никто из соседей и не подозревал, какой опасности подвергалось их имущество. Так что, по большому счёту, били меня не зря.

Хоть мы были уже послевоенные дети, война часто напоминала о себе. Игрушек у нас было мало, только довольно-таки состоятельные родители могли купить своему чаду, например, велосипед, возжеленную мечту каждого пацана. Мы бегали по сараям и подвалам с ржавыми немецкими автоматами и пистолетами, играли в войну, и это заменяло нам самые дорогие игрушки. В то время за городом или на окраинах у фортов можно было найти много различных боеприпасов, которые ещё не вывезли и не ликвидировали. Мы запускали пороховые ракеты, жгли термитные бочонки размером с грецкий орех, которые горели даже в воде, жгли в костре тротил, который пылал ярким пламенем, бросали в костёр гильзы от патронов. Но, слава богу, из нашего двора никто не пострадал от этих диких забав. Но почти каждое лето на нашей улице звучала траурная музыка: ещё один несчастный мальчишка погиб из-за глупого любопытства и этих опасных игрушек, таящих в себе и после войны смерть и разрушение. Помню, как подорвались братья Халецкие, – несчастные родители лишились одного сына, а второй навсегда остался калекой. Кто-то из ребят из нашей округи надыбал в старом форту склад пороховой материи. Хранилась она в алюминиевых бочонках, похожих на те, в которых раньше перевозили фильмы. Материя была очень красивая, ярко-розового цвета, очень похожая на шёлк. Появилась новая забава в нашей жизни. Материю эту просто жгли, сворачивали трубочкой, обёртывали её алюминиевой фольгой и запускали эти мини-ракеты. Даже делали папиросы-сюрпризы, где была половина табака, половина пороха.

Всё это продолжалось до тех пор, пока не случилось несчастье. Кто-то из парней на нашей улице додумался обмотаться этой материей, таким способом он хранил её – всегда под рукой и под одеждой не видно. Закурил папироску, и искра случайно попала за рубашку. Парень сильно обгорел. После

этого начались повальные рейды милиции с конфискацией всех запасов этой пороховой материи. Днём и ночью во дворе милиции Балтийского района полыхали костры, уничтожая с таким трудом добытые запасы материи.

В нашем дворе была игровая площадка с качелями и деревянной горкой со ступеньками. Так эта горка редко доживала до следующего сезона. В лучшем случае по весне проводился мелкий ремонт, и её обгоревшие бока покрывались свежей масляной краской. В худшем случае – на обгоревших руинах возводилась новая горка.

Вся наша мальчишеская жизнь проходила во дворе. Кстати, тогда наш двор был более привлекательным и содержался в порядке – не то что в нынешние времена.

На наших экранах прошёл французский фильм «Три мушкетёра». На наших дворовых мальчишек фильм произвёл сильнейшее впечатление. Мы раздобыли где-то деревянные рейки и сделали из них мушкетёрские шпаги. В нашем дворе начались битвы мушкетёров с гвардейцами кардинала, с криками, синяками и царапинами. Все хотели быть мушкетёрами, но мы договаривались, что после очередной стычки будем меняться ролями. Кое-кто нашёл дома шляпы, похожие на мушкетёрские, и для большего сходства вставляли туда гусиные перья.

Летом мы ватагой ходили купаться на озеро. В основном на озеро Камское, как мы его называли. Озеро было большое, глубокое, с чистой, прозрачной водой. Оно располагалось на окраине Балтийского района, довольно-таки далеко от нашего дома. Полчаса нам нужно было шлёпать по шпалам по железной дороге, ведущей на Мамоново. Но это нас несколько не смущало. За разговорами и шутками время пролетало незаметно. Не смущала нас также близость озера от местного кладбища, где тогда хоронили жителей нашего района. Помню даже одну забавную лаконичную надпись на одном из надгробий: «Покойник водочку любил». Какая же это жена могла придумать такую эпитафию своему благоверному. Видимо, уж очень он ей досадил при жизни. На этом озере я впервые самостоятельно начал плавать. Учителями были такие же мальчишки, чуть постарше меня.

Вода в озере была такая чистая, а зимы такие морозные, что из этого озера заготавливали лёд бензопилами, который до самого лета лежал огромной горой, покрытый опилками.

Недалеко от нашего дома, за сараями и картофельным полем, находился огромный фруктовый сад, большая часть которого принадлежала школе № 3. Туда мы регулярно совершали набеги, перелезая через забор с колючей проволокой, испытывая при этом восторг от опасности быть застигнутыми сторожем или хозяевами участка. Но как было радостно сидеть потом в укромном месте, грызть неспелые яблоки или кислый крыжовник и обсуждать подробности этой очередной вылазки.

Тёплыми летними вечерами до самой темноты мы играли во дворе в различные игры: гоняли мяч по площадке, играли в «штандер», в лапту или резались в «ножички». Играют ли теперь в эти игры, я даже и не знаю. Добровольно домой никто не возвращался, за играми не чувствовалось голода и усталости. Только грозный окрик родителей из окна заставлял нас с большой неохотой возвращаться домой.

Одним из доступных тогда развлечений было кино. Ходили мы в два места. Первое было поближе: по грунтовой дороге между садов мы за десять минут добирались до «железки» – так мы называли тогдашний клуб железнодорожников. Кстати, потом я узнал, что в этом здании в довоенном Кёнигсберге находилась церковь. Второе место было подальше – кинотеатр «Родина». Для полного счастья нужно было всего 20 копеек: 10 копеек на кино, 10 – на мороженое. Зимой были свои развлечения. Помню, мой отец протянул шланг из подвала и залил каток у нас во дворе. Мы гоняли по этому ледяному полю на своих «канадках» с утра до ночи.

Поскольку в доме был только умывальник с холодной водой, по выходным дням мы всем семейством ходили в баню. Это была уже годами сложившаяся традиция. К нашему семейству присоединялись друзья моих родителей – одна семейная пара, которая жила через подъезд в нашем доме. Это были Яков Палыч и тётя Муся, весьма интеллигентные люди. Яков Палыч был постарше тёти Муси, он был в довольно уже зрелом возрасте. Жили они вдвоём, детей не было, была у них только собачка Мирта. Вот этой компанией мы и ходили в баню. Женщины почему-то брали меня с собой в женское отделение: то ли я был ещё слишком мал, то ли они не доверяли мужчинам моё хрупкое мальчишечье тельце.

После одного из таких посещений бани, распаренные и довольные, мы по традиции зашли в соседний магазин на улице Беговой, чтобы купить лимонад и другие напитки. И вдруг я при полном сте-

чении народа под впечатлением от бани неожиданно выдал в адрес тёти Муси фразу, которая привела её в полное замешательство. Все онемели от неожиданности, тётя Муся стала вмиг ярко-пунцовой, и вся наша компания быстро ретировалась из магазина. Лидером была всё такая же пунцовая тётя Муся. Видимо, я в этот раз в бане заметил у тёти Муси нечто такое, чего раньше не замечал. После этого случая меня уже не брали в женское отделение, и я, как особь мужского пола, навсегда завоевал право ходить в мужское отделение бани.

Я рос весьма любознательным мальчишкой, с какой-то жилкой экспериментатора. О моих первых экспериментах поведала мне мама и бабушка уже потом, когда я стал взрослее. Лично сам я этого не помню. Первый эксперимент я проделал с отцом. У нас под печкой в нише хранился маленький 50-граммовый молоточек.

Я его случайно обнаружил, достал, подошёл к безмятежно спящему отцу и с размаху стукнул его по голове. Что двигало мною в тот момент, трудно предположить. То ли я хотел познать свойства молоточка, то ли мне было досадно, что отец спит в дневное время и не уделяет мне никакого внимания. Говорят, я получил сполна за эти свои первые попытки познания окружающего мира. Первый эксперимент не удовлетворил меня, и я его повторил в такой же ситуации, но только с бабушкой. Потом у меня пропал интерес к этому делу, а может, наказание возымело действие, но больше я таких посягательств на жизнь своих близких не предпринимал. У нас на кухне у окна стояла небольшая кушетка. Мне очень нравилось взбираться на неё и прыгать, прыгать до умопомрачения.

Как-то однажды бабушка приготовила мне моё любимое блюдо: жареную картошку с яйцом и колбасой. Было жарко, окно на улицу было открыто, и бабушка поставила тарелку с едой на подоконник, чтобы побыстрее остудить её. Я в восторге, прыгая на кушетке, нечаянно рукой задел за тарелку, и она полетела вниз. И вся эта вкуснятина грохнулась на асфальт перед самым носом опешившего прохожего. Было небольшое разбирательство, но всё закончилось благополучно, только бабушке пришлось повторить блюдо, дабы не оставить любимого внука голодным.

В те годы, мне кажется, люди были более общительными, более дружными. Конечно, мы знали всех своих соседей по подъезду, да практически всех, кто жил в нашем доме до поворота. Дальше уже был другой двор. Напротив нас жила еврейская семья по фамилии Дановы. У них был сын Сергей, на три года старше меня, парень спокойный, рассудительный. По праздникам тётя Тамара пекла очень вкусные пирожные и торты и всегда угощала нас. Таких нельзя было купить ни в одной кондитерской. Это были и изумительные корзиночки с какими-то необыкновенными цветами, сделанными из разноцветного крема, и «гату» – какая-то национальная выпечка, и торт «Наполеон». Я всегда с нетерпением ждал этих праздников, чтобы вкушать эти кулинарные творения искусных рук тёти Тамары.

Наверху, на третьем этаже, жила ещё одна еврейская пара, оба были парикмахеры. У них был сын Жаник, тоже старше меня на три года. В парикмахерскую меня почти никогда не водили, я пользовался услугами моих любезных соседей. Жили они побогаче нас, у Жаника был очень хороший велосипед. Напротив них жила семья Пармоновых. Это была простая рабочая семья. Помню, что глава семейства прилично выпивал.

На первом этаже, под нами, жил дядя Коля Столяров с женой. Дядя Коля был художник. Он работал оформителем в кинотеатре «Родина», писал афиши для кино и многое другое. Для себя же он писал различные картины, которые в огромных деревянных рамах висели у них в комнате. Дядя Коля всегда помогал мне делать праздничные газеты уже позже, когда я учился в школе. Газеты получались очень яркие, броские, особенно новогодние. С ними ещё жил дядин Колин отец, который очень дружил с Бахусом. Помню, как он поднимался к нам наверх и просил взаймы денег у бабушки на очередное возлияние. И когда бабушка отказывала ему, он страшно и скверно ругался, спускаясь вниз по лестнице.

Напротив них жил ещё один мой дворовый приятель – Вовка Ревякин. Он со старшей сестрой рос без отца. Тётя Катя, их мать, как и мои родители, работала на 820-м заводе в какой-то лаборатории. Она неплохо зарабатывала.

У Вовки всегда были дорогие игрушки, которые я видел только в магазине, а также спортивный велосипед с переключением передач.

Я, конечно, помню всех ребяташек нашего двора. Предводителем и нашим кумиром был Серёга Михайлов. Он был постарше нас, парень очень эрудированный и начитанный. Вечерами мы иногда собирались вокруг него кружком и, затаив дыхание, слушали его пересказы интересных историй,

необыкновенных приключений, которые он узнал из прочитанных книг. Мне почему-то запомнилась история про советского разведчика, работавшего на территории оккупированной Франции. Потом я сам прочёл эту книгу, называется она «Вдали от Родины».

Улица наша была очень зелёная. Между булыжной мостовой и пешеходной дорожкой, проходившей рядом с домом, была широкая липовая аллея. Липы были уже немолодые, ещё немецкие. Как они чудно пахли летом во время цветения! Где-то перед школой меня определили в детский сад, который находился на улице Коммунистической. Бабушка торжественно отвела меня в этот детский сад и спокойно пошла домой. Каково же было её изумление, когда через пару часов она увидела перед собой своего любимого внука. Видимо, что-то мне там не понравилось и я, не афишируя, по-английски покинул пределы детсада. Бабушка крепко взяла меня за руку и с суровым, непреклонным видом повела меня назад. Навстречу нам попала встревоженная, запыхавшаяся воспитательница. Я смирился со своей участью и больше уже не убегал из детсада.

Помню, как-то мы ковырялись у мусорного ящика, который стоял возле кирпичной стены, отделявшей садик от какого-то общежития, где жили военные. И вдруг увидели кобру, лежавшую среди разного мусора. Открыв её, мы обнаружили в ней завернутый в промасленную газету настоящий револьвер. Как он попал в мусорный ящик – трудно сказать. С диким криком восторга я помчался с этим револьвером по садику. Но радость моя была недолгой, воспитательница тут же изъяла его у меня и передала милиционеру.

В 1958 году я пошёл в школу. Получилось так, что меня определили в школу № 39, которая ещё только строилась на улице Берёзовой, а учились мы в старом, ещё немецком здании школы № 3. Мы оказались в одном классе с Серёжкой Моториным, который жил в крайнем подъезде нашего дома. Учёба мне понравилась, я с удовольствием ходил в школу. Родители мои были людьми простыми, пролетарского происхождения, и моим образованием особо не занимались. Я рос как полевой цветок, в весьма неприхотливых условиях, но всегда ощущал бабушкину любовь и заботу.

Конечно, многое дала мне школа, но настоящими учителями и воспитателями для меня были книги. Как только я научился читать, для меня открылся неведомый мне ранее мир приключений, благородных рыцарей, путешественников и исследователей. Книги стали моими лучшими друзьями. Читал я запоем. Регулярно ходил в нашу старенькую районную библиотеку на улице Киевской. Каждый раз брал две-три книги в абонементе, а то, что не было там, читал в небольшом читальном зале.

Больше всего я тогда любил фантастику. Меня завораживали далёкие загадочные миры, космические корабли, какие-то внеземные цивилизации.

Помню, с каким восторгом я читал в читальном зале фантастическую повесть в двух книгах: «Каллисто» и «Каллистане». Я читал так много, что родители начали меня ограничивать в этом. Но моя страсть к книгам была настолько велика, что я уже поздно вечером читал украдкой под одеялом с фонариком. Наверно, книги и сформировали мой характер, развили меня как личность, сформировали мою душу.

Наконец, достроили нашу школу, и в 1962 году мы впервые вошли в это новое светлое здание, где ещё не выветрился запах краски.

Так и ходили мы туда с Серёжкой Моториным все эти годы учёбы. Полтора километра туда и полтора обратно.

В соседнем подъезде жила семья Фузеевых, они поселились в нашем доме позже, и мы очень подружились с ними. Отец у них был военный, морской офицер. Тётя Тоня была очень весёлой и жизнерадостной женщиной. Она всегда задорно и заразительно смеялась, очень любила пошутить. У них рос сын Вовка, наверное, на год меня младше, и его сестра Ирина. Они имели телевизор, большую в то время редкость, и мы часто ходили к ним в гости смотреть фигурное катание. Почему-то тогда все любили смотреть фигурное катание, не пропускали ни одного чемпионата, а тем более Олимпийские игры. Как мне сейчас помнится, что главное в этом был вовсе не телевизор, а простое человеческое общение.

Ну а теперь я хотел бы рассказать об одной поездке, которая осталась в моей памяти самым ярким, незабываемым событием моего детства. Родственники тёти Тони и её мужа жили в Тамбовской области, настоящей русской глубинке. И вот как-то на каникулах после окончания 5-го класса тётя Тоня предложила моим родителям взять меня с собой в поездку в эти далёкие края, чтобы мы с Вовкой

провели лето в деревне. И вот мы втроём отправились в дальний путь на поезде сначала в Москву, потом пересели на другой поезд, который доставил нас до места, до станции Мучкап. На станции нас встретил какой-то родственник тёти Тони, и мы с узлами и сумками на телеге поехали в деревню Чащино. Началась наша деревенская жизнь.

Деревня Чащино располагалась на холме, прорезанном оврагами, которые назывались здесь «буераками». Пологий спуск вёл к подножию холма, где протекала речка Ворона. Через реку был перекинут мост, довольно основательный, по нему ходили даже грузовики. Конечно, мы быстро познакомились со всеми местными мальчишками и принимали участие во всех их летних делах.

Большую часть времени мы проводили у реки, купались до изнеможения, соорудили небольшой трамплин, с которого с разбега прыгали в воду. Ходили в лес, который был расположен на другом берегу реки. В этом лесу был небольшой пруд, где мы очень оригинальным способом ловили рыбу. Мальчишки выстраивались в шеренгу и начинали перемещаться по пруду до тех пор, пока вода не становилась совсем мутной. Тут и начиналась рыбалка. Ловили майками, голыми руками ошалевших карасей, которые от мути ничего уже не могли видеть в воде. Деревенские мальчишки били палками гадюк, совсем не боялись их, и эти боевые трофеи сохли на откосе под палящими лучами солнца у чащинского моста.

Тётя Тоня оставила нас с Вовкой на попечение бабушки и сестры мужа, а сама поехала домой, чтобы забрать нас потом. Жили мы с Вовкой в доме его бабушки, матери его отца. Там же жила Вовкина тётя, учительница, женщина строгая, неприветливая. Зато бабушка была очень добрая.

Навсегда у меня остались в памяти деревенские запахи. Запах керосина, запах горящих в печи кизяков. Кизяки – это самодельное топливо для печей, которое деревенские жители изготавливали испокон веков по специальной технологии. Смешивали коровий помёт с соломой, закладывали его в специальные формы и высушивали на солнце. Получались такие кирпичики, которые потом весело горели в деревенской печи. Когда мы просыпались, печь уже была растоплена бабушкой, и аппетитный аромат свежеспечённых блинчиков и запечённых яиц звал нас к утреннему столу. Плотно позавтракав, мы убежали на весь день из дома, чтобы искать себе новые приключения. Сначала мне было непривычно и довольно-таки неприятно ступать босыми ногами по колючей траве и лазать по буеракам.

Но через неделю кожа на моих ногах так задубела, что я уже ничего не чувствовал и бежал босиком, как и все деревенские мальчишки.

Дома было много интересных книг. Иногда, когда на улице стояла нестерпимая жара, я располагался на прохладном полу в комнате и с упоением читал эти книги. Из прочитанного мне запомнились две книги: «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле и «Легенда о Тиле Уленшпигеле» Шарля де Костера. У многих деревенских ребят были велосипеды с моторчиками, они давали нам с Вовкой покататься на них. Какое это было радостное чувство – мчаться по деревенской улице под стрекот мотора, повернув до упора рукоятку газа, и распускать всю деревенскую живность. Только собаки с яростным лаем мчались вдогонку за нами.

С бабушкой мы очень сдружились, особенно когда Вовка уехал в деревню Андриановку к своим другим бабушке с дедушкой, к родителям тёти Тони. Вовкина бабушка часто говорила мне: «Вот уедешь ты к себе домой и забудешь меня, когда умру, и на могилку не придёшь». Я с детской непосредственностью заверял её, что это не так, что я ещё приеду к ней и никогда не забуду. Забыть-то не забыл, а вот приехать уже не пришлось. Лежит она где-то на деревенском кладбище в Чащино далеко-далеко от тех мест, где мой дом, но где-то в глубине души моей теплится надежда, что когда-нибудь я всё-таки приеду туда, пройду по тропинкам моего детства, посмотрю с высокого холма на речку Ворону, схожу на деревенское кладбище.

А уехал Вовка в Андриановку, когда мы с ним рассорились. Рассорились мы из-за пустяка, из-за земляники, которую собирали в поле. Кто-то из нас сорвал не предназначенную для него ягоду. Поругались мы насмерть и не виделись до тех пор, пока не вернулась тётя Тоня с Ирккой. Тётя Тоня приехала в Чащино, узнала, что Вовка в Андриановке, а я живу тут без него. Мы срочно засобирались в Андриановку. Помню, как мы ехали на телеге по бескрайним полям Тамбовщины, останавливаясь на отдых в каких-то деревушках. В памяти осталась какая-то изба с образами в углу и горящей лампадкой. Мне, мальчишке, родившемуся в послевоенной Пруссии, было непривычно видеть эти деревенские избы с иконами, православные церкви с золочёными куполами.

В деревне Андриановка было не менее интересно, чем в Чашино. Дом наш стоял на высоком берегу той же самой реки Вороны. В Андриановке не было даже электричества. Ночевали мы в огромном амбаре, стелили нам на свежем, ароматно пахнущем сене.

Горела керосинка, и в полумраке нашего временного пристанища звучали разные страшные истории. Глаза потихоньку закрывались, и мы, утомлённые дневными приключениями, погружались в глубокий сон.

Ещё мне запомнилось, как мы воровали арбузы с колхозной бахчи. Арбузы были необычные, размером с небольшой детский мячик, но очень сладкие и сочные. Мы набрали этих арбузов, у каждого уже была полная пазуха, как вдруг неожиданно появился сторож. Наша стайка дала стрекача, но сторож попался достаточно резвый, и дистанция между нами стала сокращаться. Нам очень мешали арбузы, но бросать свою добычу было жалко. И вдруг кто-то догадался кинуть арбузы в рядом протекавшую Ворону. Освободившись от груза, мы увеличили скорость и вскоре оторвались от сторожа. Пробежав ещё какое-то расстояние вдоль реки, мы остановились, поджидая наши арбузы, которые в целости и сохранности неспешно плыли по течению Вороны.

Последнее, что мне запомнилось в этой поездке, – это ожидание поезда на станции Мучкап, когда мы возвращались домой. Было уже темно, горели фонари, поезд был ночной. На скамейке сидела парочка – какой-то матросик прощался с девушкой, видимо, приезжал на побывку домой.

Прошло уже много лет с тех давних пор, целая жизнь позади, но сладкая тоска наполняет сердце, когда вспоминаешь эти безвозвратно ушедшие дни моего детства.

До пятого класса я рос хилым, болезненным ребёнком. Переболел почти всеми детскими болезнями, перебивал почти во всех детских городских и районных больницах. После окончания пятого класса мама раздобыла для меня путёвку в оздоровительный лагерь, который находился в лесу в Правдинском районе. Лагерь был организован на территории так называемой «Лесной школы». Здесь дети со слабым здоровьем учились и жили круглый год.

Место было просто замечательное. Посреди густого леса находился целый городок из небольших двухэтажных с мансардами домиков, расположенных в определённом порядке. Домики и строения были в типичном восточнопрусском стиле – из красного кирпича, покрытые красной черепицей. Здесь были и учебный корпус, и столовая, и спальные корпуса, дирекция, баня, гаражи и отдельные коттеджи, где жили учителя и обслуживающий персонал из местных жителей. Как я потом узнал, раньше здесь находилась разведшкола «АБВЕР».

Лес был очень густой, загадочный. По лесу проходила вымощенная булыжником узкая дорога, которая доходила до самого посёлка Домново. В лесу под толстым слоем дёрна были упрятаны военные склады, сохранившиеся ещё с времён Первой мировой войны. Жить нам там было привольно и радостно.

В центре была небольшая площадка, где проводились линейки, по периметру её опоясывали вымощенные булыжником дорожки.

Мы бегали по лесу, играли в военные игры, на ходу обрывая малину, которой тут было видимо-невидимо. Наш тренер по физкультуре разыскал в лесу небольшой водоём у одного из разрушенных блиндажей-складов, скорее всего, это была огромная воронка, оставшаяся после войны. Вода была чистая, и мы, как лягушата, барахтались в этом лесном озере.

Вечерами мы уже играли в более серьёзные игры. Одна из них называлась «ручеек». Мальчики и девочки вставали парами, получалась такая своеобразная арка, а кто-то свободный шёл под этой аркой и выбирал свою пассию, чтобы встать со своей избранницей впереди колонны. Это было первое проявление нашей сексуальности. Мне нравилась одна девочка, её звали Галя Швиббе и жила она в Центральном районе в Калининграде. Насколько избирательна человеческая память, помнишь, что было 40 лет назад, даже детали, и забываешь совсем недавние события.

Я подружился с одним мальчишкой, он был старожил и хорошо всё знал в округе. Во время тихого часа, когда вся ребятня пряталась в прохладных спальнях корпусах от полуденного зноя, мы с ним потихоньку выбирались за пределы «Лесной школы», обходили кордон лесника, дабы не обнаружить себя, и шли в лес в заветное место, которое мне показал мой приятель. Там отрывали в земле хорошо сохранившиеся «эрликоны». Это были боеприпасы для небольшой авиационной пушки. «Эрликоны» были очень красивые: бронзовая гильза, сверху головка с различной маркировкой из цветных полос. Тут были и трассирующие, и зажигательные, и бронебойные головки. Мы отделяли

от гильзы верхнюю часть и добирались до пороха, которым была заполнена гильза. Гильзу ставили вертикально, подносили спичку к пороху и стремительно летели в соседнюю канаву. Рёв сгораемого пороха и последующий щелчок взрывающегося капсюля наполнял восторгом наши детские души. Эти вылазки во время тихого часа так и остались никем не замеченными. К концу моего пребывания в «Лесной школе» у меня уже образовался небольшой склад боеприпасов, которые я прятал в лесу.

В последнее посещение лагеря моими родителями я заверил их, что я уже не маленький, дорогу знаю и доберусь до дома самостоятельно. Остановка автобуса, следующего в Калининград, была недалеко от «Лесной школы». Перед отъездом я перенёс своё сокровище поближе к территории лагеря, а когда мне выдали мой чемодан с вещами, я, попрощавшись со всеми, ринулся к своему тайнику. Максимально загрузив «эрликонами» чемодан, я потащился на остановку автобуса. Как я донёс этот неподъёмный чемодан с моим арсеналом, я даже и не помню. Видимо, я действительно неплохо поправил здоровье и набрался сил во время отдыха в «Лесной школе». Благополучно добравшись до дома, я бросил свой чемодан в комнате и тут же побежал во двор к пацанам узнать новости, поделиться впечатлениями. Это была моя роковая ошибка. Пообщавшись с друзьями, я вернулся домой и подлетел к моему заветному чемоданчику. Когда я открыл его, моему изумлению не было предела, – он был абсолютно пуст. Одежда моя пошла в стирку, а мой арсенал куда-то исчез. Я обшарил все укромные уголки нашей квартиры, но никаких следов исчезнувших «эрликонов» не обнаружил. Мало того, пропал и мой ржавый «Вальтер», который мне дал на хранение Серёжка Моторин. Горю моему не было предела. Со слезами на глазах я выпрашивал у матери, куда она дела моё богатство. Мать упрямо повторяла одну фразу: «Всё выбросила на помойку». Я несколько раз перепотрошил наш дворовый мусорный ящик и, конечно же, ничего не нашёл. Видимо, мамочка хорошо всё перепрятала, а потом куда-то выбросила моё сокровище. Это была непоправимая утрата. Со временем боль потери поутихла, но коварный поступок мамочки я запомнил навсегда. Хотя могу представить выражение её лица, когда она открыла чемоданчик своего чада, вернувшегося из пионерского лагеря.

Мне уже было 13 лет, когда я в последний раз поехал отдыхать в свой любимый пионерский лагерь им. Гайдара. Лагерь принадлежал судостроительному заводу № 820, где работали мои родители. Место было замечательное: сосновый лес, рядом море – спуск на пляж был прямо с территории лагеря. Дети жили в деревянных корпусах, у каждого отряда был свой корпус. Рядом на улице умывальники, чуть поодаль туалеты простой конструкции. В центре лагеря была площадка с флагштоком, где проходили утренние и вечерние линейки всех отрядов. Недалеко от этого места был клуб с библиотекой и крытой площадкой для разных мероприятий. Я уже был в самом старшем отряде. Жизнь в лагере была привольная. Спортивные занятия, чтение книг, в хорошую погоду – пляж и море. Набегаешься на свежем воздухе, потом с аппетитом уплетаешь нехитрую еду, приготовленную нашими поварами. Вожатыми в младших отрядах были молодые девчонки. Одна из этих девчонок произвела на меня впечатление. Я стал ей оказывать знаки внимания, при встрече вели беседы, рассказывали друг другу об учёбе, увлечениях. И вот наступил волнительный момент, когда я пригласил её на свидание, первое в моей жизни. Договорились встретиться после отбоя, на скамеечке у спуска к морю. Я с волнением ждал назначенного часа. Когда все утомонились в корпусе, я незаметно выскользнул из отряда и узкой тропинкой пробирался среди сосен к заветному месту. По дороге я сорвал несколько цветков с ближайшей клумбы, я ведь знал из книг, что на свидание с женщиной нужно приходить с цветами. Сел на скамейку и с нетерпением и волнением стал ждать встречи. Наконец девчонка пришла! Я преподнёс ей свой букетик, и мы стали вести беседу. Всё было романтично и невинно. Незаметно пролетело два часа, время было позднее и нужно было возвращаться по своим отрядам. Наше отсутствие никто не заметил.

Впереди была суббота. В этот день на площадке в клубе устраивали танцы для старших отрядов. Мой приятель, который здесь всё знал, предложил мне перед танцами выпить вина. Я поддался на его уговоры. Но нужно было где-то купить этот напиток. Мой опытный напарник знал один небольшой магазинчик на улице Балтийской, где были расположены пионерские лагеря. Дождавшись тихого часа, мы незаметно покинули нашу территорию и пошли в магазин. Не знаю, как продавщица продала нам бутылку портвейна: то ли мы выглядели достаточно взрослыми, то ли правила продажи тогда были проще. С этой бутылкой и парой пирожков с мясом мы вернулись в лагерь. Вечер танцев начинался. Мы с моим приятелем выпили по стакану портвейна в укромном местечке в лесу, закусили пирожками и смело выдвинулись на танцы в клуб. Здесь уже была моя дама сердца. Я постоянно приглашал её на

танец. Вино уже сделало своё дело, я был не в меру весел и возбуждён. Моё поведение не осталось незамеченным руководством лагеря. Вечер закончился, и мы разошлись по своим корпусам. Впереди было воскресенье, родительский день. В этот день в лагерь приехала моя любимая бабушка с пакетиком гостинцев для любимого внука. Её тут же вызвали к директору лагеря, чтобы известить о моём поступке, возмутительном для пионера. Мне грозило позорное выдворение из лагеря с клеймом «пьяный пионер». В этот день должна была проводиться эстафета – соревнование между лагерями Светлогорска на городском стадионе. Я был парень спортивный и, конечно, был участником нашей лагерной команды. Во время разговора директора с моей бабушкой в кабинет вошла наша физрук Маргарита Константиновна и стала просить директора оставить меня в команде, иначе наша победа оказалась бы под угрозой. «Ну а дальше поступайте, как хотите», – сказала она. Это был весомый довод, и я остался в команде.

Никогда я так не бегал, бежал как угорелый на своём этапе. Наша команда заняла первое место среди пионерских лагерей города Светлогорска. Я вернулся в лагерь, ожидая своей участи. Не знаю, что там говорила моя бабушка директору, слёзно просила за своего любимого внука, но, видимо, моя победа и уговоры возымели действие, и меня оставили в лагере. Моя лагерная жизнь плавно потекла дальше. Когда я встречал свою пассию, она тут же шарахалась в сторону от меня, видимо, получив хороший нагоняй от руководства. Встретились мы только на прощальном костре. Поговорили немного, обменялись адресами. Так закончился мой лагерный роман.

Я решил серьёзно заняться спортом. Мой сосед Вовка Ревякин из второй квартиры ездил в бассейн ДКБФ, который находился далеко от Балтрайона, в самом центре города у колхозного рынка. В очередной раз при поездке на тренировку он взял меня с собой. Приехали мы к красивому зданию, которое принадлежало тогда спортивному клубу Балтийского флота, а до войны здесь занимались спортом студенты кёнигсбергского университета, и здание называлось «Палестра Альбертина». Вовка представил меня тренеру, молодой женщине. И вот я уже в плавках выхожу в огромное помещение бассейна, запах хлорки щекочет нос. Тренер указала мне дорожку, по которой я должен был плавать, и начались мои тренировки. Я стал регулярно ездить в бассейн со своей улицы Большая Кольцевая до улицы Черняховского. Путь на трамвае «двойка» был бы достаточно долгим. Трамвай медленно тащился по улице Киевской до Южного вокзала, потом по Ленинскому проспекту, где на месте развалин стали расти первые «хрущёвки». Далее он проезжал по бывшему Зелёному мосту, потом по Лавочному, затем руины Кёнигсбергского замка, который все называли Королевским. Трамвай медленно поднимался в гору, справа возвышалась ещё крепкая западная стена замка с контрфорсами и башнями.

В этот момент кондуктор переходила в конец салона трамвая и становилась у большого колеса ручного тормоза. Подъём в гору был довольно крутой, нужно было быть начеку, чтобы трамвай не покатился назад. Наконец я добирался до площади Победы, весело выскакивал из трамвая и шёл пешком по улице Черняховского до здания бассейна. Тренировки в бассейне укрепили меня, я научился неплохо плавать разными стилями. Это очень помогло мне в моей жизни. Потом плавание надоело мне, да и дорога занимала много времени, и я решил заняться другим видом спорта. Попробовал ходить на тренировки по боксу в Дом офицеров, но этот вид спорта мне что-то не понравился, может, кто-то хорошо двинул мне по носу.

Настоящим увлечением для меня стал баскетбол. Тренировались мы в нашей школе, в собственном спортивном зале, под руководством нашего учителя физкультуры Николая Николаевича. Ник. Ник. был настоящим педагогом и настоящим спортсменом. Мы ему многим обязаны за то, что он сделал для нас, воспитал волю к победе, формировал характер. Баскетбол был на первом месте в нашей школе, и наша сборная часто занимала в городе первые места. Мы тогда бредили баскетболом, знали всех лучших баскетболистов мира, всех наших советских игроков из сборной. Пределом мечтаний тогда было приобрести китайские кеды, которые купить можно было только в Москве. Тренировки у нас были раза три в неделю. Мне этого было мало, и я стал ходить ещё в спортзал «Шторм», который находился в здании бывшей немецкой кирхи на улице Киевской. Два раза в неделю по два часа мы гоняли мяч по площадке, отрабатывали технику ведения и броска в корзину. Нередко я оставался ещё в зале на следующую тренировку по лёгкой атлетике, так как там тоже играли в баскетбол. Я так себя выматывал тогда, что без задних ног падал на кровать, когда добирался до дома. Сейчас в этом бывшем спортзале снова церковь, только православная. Как странно, там, где раньше слышался топот молодых ног и восторженные крики болельщиков, теперь тишина и покой. В этом зале звучат

только проповеди пастыря и тихие молитвы верующих. Иногда на меня накатывает ностальгия по тому времени, когда я был молод, полон сил и энергии. Я вспоминаю ту атмосферу зала, когда шла отчаянная схватка с противником, разгорячённые от бега тела, запах пота, восторженные или досадные крики зрителей, то состояние эйфории, когда мяч, посланный твоей рукой, точно попадал в корзину и девчонки восхищённо смотрели на тебя.

Как-то Серёжка Моторин пригласил меня на тренировку в секцию бадминтона, которая также действовала в нашей школе. Тогда это был довольно-таки экзотический вид спорта, и у нас в городе только начал развиваться. На первой же тренировке я сломал ракетку, но бадминтон мне понравился, я считал, что он мне пригодится для баскетбола. Здесь развивалась гибкость кисти, необходимая для броска мяча в корзину, а также реакция и подвижность тела. Позже я увлёкся этим видом спорта, ездил на тренировки в спортзал «Труд», который находился на улице Вагнера, недалеко от больницы водников. Там уже тренировались более опытные спортсмены. Помню, как меня за три гейма игры одна девчонка так загоняла, что я потом долго не мог отдышаться. В этом виде я добрался до 3-го взрослого разряда. Но основной моей страстью остался баскетбол.

Летом 1965 года родители получили от завода трёхкомнатную квартиру на улице Багратиона в пятиэтажной «хрущёвке» рядом со строящимся зданием «Рембыттехники». Это было новое место для меня. Тогда ещё улица Багратиона не была такой широкой. Она сохранила очертания бывшей Унтерхаберберг. Мне помнится одна интересная деталь: когда трамвай шёл по улице Багратиона к моему дому, чуть не доезжая его, он огибал старое немецкое здание из красного немецкого кирпича, сохранившееся после бомбёжек. Оно стояло теперь прямо посреди дороги, и в нём ещё жили люди. Потом его снесли, уж очень этот дом мешал движению. Рядом текла Преголя, куда мы потом с приятелями бегали купаться у разрушенных опор Высокого моста. Из окна нашей квартиры на четвёртом этаже была видна бывшая католическая церковь Святого Семейства. Она тогда использовалась в качестве какого-то склада. На новом месте у меня появились приятели, которые учились в местной школе № 12. С ними мы играли в баскетбол в спортзале школы или в футбол в районе «матросского парка», так назывался тогда парк Южный.

Я познакомился с девчонкой, которая жила в соседнем доме на улице Песочной. Звали её Зоя. Жила она на втором этаже, и окна её комнаты выходили в наш двор. Я часто залезал на огромную липу, которая росла напротив её окна, и вызывал её для наших вечерних разговоров. В очередной раз я залез на липу и уже приготовился вызывать свою подружку, как услышал голос снизу: «Что ты там делаешь?» – «Да вот сижу, девчонку жду». – «А можно я к тебе?» – «Ну, давай!» Так мы познакомились с Лёшкой Мариничевым, который жил в соседнем подъезде. И он стал моим другом на всю жизнь. У Лёшки был друг-одноклассник, который жил недалеко от нас на перекрёстке Ленинского проспекта и Багратиона, как раз над «Военной книгой», был такой магазин в этом доме. Звали его Юрка Носов. Вскоре мы стали большими друзьями. Ребята были старше меня на три года и уже окончили школу. А мне ещё предстояло учиться в 8-м классе, и я решил не менять свою любимую школу и ездил туда на улицу Киевскую на трамвае «двойка». Мы часто собирались вечером у Юрки в его маленькой комнатке. Юрка был натурой художественной, мечтал стать архитектором, много знал о художниках, всегда очень элегантно одевался, ходил в белой рубашке с галстуком, был чисто выбрит, ботинки всегда начищены. Он любил рассказывать о знаменитых художниках мира, употребляя какие-то незнакомые для нас термины. У Юрки всегда был растворимый кофе, большой дефицит в то время, и мы его готовили особым способом: в порошок добавляли несколько капель воды, сахар и долго взбивали ложкой эту смесь. А когда наливали в чашку кипятка, то появлялась густая пена на поверхности чашки. К Юрке часто приходил его приятель Сергей Кочетков. Он был очень модный парень. Он носил широкие брюки-клёш с пристроченной снизу молнией, «битловку», очень модную в то время. Сергей приносил катушки с магнитофонной лентой, на которых были записаны самые последние песни «Битлз» и «Роллинг Стоунз». В то время такие записи было очень трудно найти, но Сергей где-то доставал их. Наша компания не любила ходить на «танцульки», предпочитая собираться дома. Ближайшие танцы были в «Бочке» и «Клоповнике», «Бочка» – это Дом культуры бондарно-тарного завода, а «Клоповник» – танцзал в матросском парке. Мы предпочитали ходить в кафе «Театральное», расположенное на улице с таким же названием. Это кафе считалось очень престижным. Туда приходили студенты КТИ и университета. В кафе играл ансамбль с электрогитарами, который исполнял музыку «Битлз».

Я помню даже соло-гитариста – Сашку Синицина. «Битлз» были нашими кумирами. И эта музыка осталась со мной на всю жизнь.

Юркина мать работала в Управлении Западного речного пароходства и после окончания школы устроила его матросом на небольшой буксирчик. Буксирчик ходил по Преголе и таскал за собой баржи с разными грузами. Юрке нравилась эта работа на свежем воздухе. У него была настоящая тельняшка, и он очень гордился своей должностью. Его задачи были несложные: отдать концы на пирсе, при этом быстро заскочить на борт буксира, а потом, наоборот, при швартовке быстро соскочить на берег со швартовым концом и ловко закрепить его на кнехте. Также нужно было поддерживать порядок на борту, мыть палубу, что-то подкрасить, аккуратно укладывать швартовые концы. Когда Юрка немного набрался опыта, капитан давал ему возможность немного порулить на прямом участке реки. Юрка потом достал где-то форменную морскую фуражку с кокардой, и в этой фуражке и тельняшке выглядел настоящим морским волком. Днём буксир трудился, таская баржи по Преголе, а вечером становился на прикол у пирса на улице Эпроновской. Это то место, где сейчас находится ресторанчик ВО-ВО. Юрка оставался на буксире на ночь. Нужно было нести вахту. Я стал приходить к нему, благо это было рядом с моим домом. Мы болтали с Юркой о разном, он рассказывал мне о менинах Веласкеса, читал наизусть стихи Рембо, мне было с ним интересно, я узнавал от него о неведомых мне вещах. Мне очень хотелось услышать звук работающего двигателя буксира, и как-то предложил Юрке завести его. Он уже знал, как это делается, и поддался на мои уговоры. Включаем тумблер питания, нажимаем кнопку пуска – и в недрах буксира раздаётся размеренный рокот дизеля. Полный восторг в душе! На том наши эксперименты не закончились. Дальше – больше. Теперь при работающем двигателе перемещаем рычаг реверса в заднее положение, буксир плавно отходит от пирса, конечно, заранее был отдан швартовый конец. Отойдя на середину реки, переводим рычаг в переднее положение – и буксир, замедляя движение, останавливается и начинает двигаться вперёд. Так мы проделывали это несколько раз, пока при очередной швартовке не рассчитали скорость и довольно-таки сильно врезались в пирс. Хорошо, что на стенке пирса были закреплены огромные резиновые колёса, которые как демпфер смягчили удар. Мы отделались лёгким испугом, но после этого уже не проводили такие опасные эксперименты с собственностью речного флота. Юрка мог бы лишиться и тельняшки, и фуражки с кокардой.

На улице Багратиона была в то время одна примечательная особа. Звали её «Гавана». Она всегда была подшофе, шла по улице, слегка покачиваясь, напевая песню, которая начиналась словами: «Гавана – мой город родной...» Приближаясь к Юрке, она всегда замедляла свой шаг, осматривала его с ног до головы и томно произносила: «Печёрин ты мой».

В конце 8-го класса к нам на тренировку приехал известный в городе тренер из ДЮСШ № 4 Голковский, чтобы забрать кого-нибудь из нас в свою группу, если ему кто-то приглянется. Он посмотрел на нашу игру и выбрал троих: меня, Сашку Колесова и Жорку Калабухова, моего одноклассника и хорошего приятеля. Сашка учился в параллельном классе и тоже был моим другом. С тех пор мы стали членами ДЮСШ-4 и тренировались под руководством Голковского. Тренировки стали более серьёзными и напряжёнными и проходили в спортзале школы № 3, там зал был больше размерами.

Так закончился этот учебный год. Наступили летние каникулы. Тут Голковский на последней тренировке объявляет, что мы присоединяемся к сборной ДЮСШ-4 и почти на все каникулы едем в спортивный лагерь в Отрадное. Сашка, Жорка и я были безмерно счастливы, когда узнали эту новость.

Дни, проведённые в Отрадном, никогда не сотрутся в моей памяти.

Спортлагерь располагался на выезде из посёлка Отрадное, слева от дороги. Там было одно капитальное строение, где находилась столовая и клуб, два деревянных корпуса, где жили девчонки. Наша команда баскетболистов ночевала в армейских палатках, вмещавших человек по шесть-семь. В лагере нас было несколько команд из различных спортивных школ: были гимнасты – девчонки и парни, команды волейболисток, мы – баскетболисты и несколько человек-индивидуалов из других видов спорта.

Жизнь наша в спортлагере протекала очень динамично. Утром подъём, – и вся команда бегом вниз по оврагу к морю. Там на песке проводилась утренняя зарядка-разминка. После этого кто хотел, прыгал в ещё холодную балтийскую воду. Потом наверх, в лагерь – на завтрак. Немного свободного времени, и потом начиналась основная тренировка. Выстраивались колонной и совершали марш-

бросок из Отрадного до городского стадиона в Светлогорске, это составляло где-то километра три. На стадионе была баскетбольная площадка, где мы и тренировались два часа. После тренировки уже спокойно возвращались по песочку вдоль пляжа к нашему посёлку. А тут уже и обед. С аппетитом сметали всё со стола и шли на часок-другой в нашу палатку вздремнуть после обеда. После обеда было свободное время. Ходили на море, если была хорошая погода, или играли в какие-нибудь спортивные игры в лагере. Можно было понаблюдать за тренировкой девчонок-гимнасток. Их спортивные снаряды были тут же в лагере на площадке. Был даже батут, на котором я впервые увидел теперешнюю знаменитость Олега Газманова. Кстати, мы потом вместе учились в одной группе в КВИМУ. Среди девчонок-гимнасток была моя знакомая из нашей школы Лида Воевода, к которой я был весьма неравнодушен. Но она не проявляла ко мне особого интереса. Вечером после ужина в нашем клубе-столовой устраивались танцы под проигрыватель с пластинками с мощным усилителем ТУ-100, который использовался на железнодорожных вокзалах. Я поражаюсь сейчас, откуда силы брались после такого напряжённого спортивного дня ещё дрыгать ногами под популярную тогда мелодию «Я пушистый маленький котёнок...». Мало того, после танцев нас ещё было не загнать по своим палаткам, мы крутились под окнами спальных корпусов и заигрывали с девчонками.

Мой друг Вовка Гринберг учился на ихтиологическом факультете технического института. В конце лета 1967 года одна семейная пара – однокурсники Володи – попросили его на время их практики присмотреть за аквариумными рыбками в их комнате в общежитии института в Малом переулке. Прошло несколько дней, и Вовка получил заманчивое предложение поработать по своей специальности на Виштынецком озере. Он переложил заботу о рыбах на нашу компанию и отдал нам ключи от комнаты. Так у нас появилась штаб-квартира. У хозяев были кое-какие припасы: кофе, сгущённое молоко, сушки. Мы стали собираться в этой комнате, слушали музыку «Битлз», пили кофе, а иногда что-то и покрепче. На кухне общежития мы познакомились с двумя студентками третьего курса экономического факультета и пригласили их в свою компанию. Юрка представил нас студентами «Строгановского училища» из Москвы. Меня он определил на факультет технического дизайна. Он без тени смущения красноречиво и увлечённо рассказывал о прелестях столичной жизни, об учёбе в престижном заведении. У него уже был опыт работы после школы в институте «Калининградгражданпроект», который тогда находился в немецком здании на проспекте Мира. Мне оставалось только поддакивать и делать умное лицо. У студенток от волнения заблестели глаза, и они уже строили некие планы на будущее. Так у нас завязались тёплые отношения с девушками. Лето закончилось, и у меня начался новый учебный год. Однажды подружек назначили дежурными по общежитию, и они решили навестить меня, поскольку мой дом находился как раз напротив здания института. А свой адрес я опрометчиво сообщил им ещё раньше. И вот звонок в дверь, на пороге моя бабушка. Девушки спросили: «Можно увидеть Серёжу?» – «А он в школе», – простодушно ответила бабушка. Каково же было изумление моих приятельниц, когда они услышали такой ответ. Вечером я встретился со своей пассией. Она укоризненно смотрела на меня и, как назло, заметила чернильные пятна на моих руках. «Значит, ты столичный студент?» – ехидно произнесла она. Я мямлил что-то невнятное, и интерес у студентки ко мне угасал прямо на глазах. Так закончился мой летний роман.

Осенью мы провожали Лёшку и Юрку в армию. Сохранилась памятная фотография, когда мы стоим на перроне Южного вокзала дружной компанией вместе с родителями. Когда я смотрю на эту фотографию, грусть и ностальгия заполняют моё сердце. Уже давно нет на свете моих друзей. В моей душе навсегда остались тёплые воспоминания об этих беззаботных днях нашей юности.

Я успешно окончил школу, решил стать моряком и поступил в Калининградское высшее инженерное морское училище. Но это уже другая история...

Екатерина Фёдорова

Екатерина Сергеевна Фёдорова – доктор культурологии, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук, научный куратор ГОУДМШ имени С. И. Танеева. Выпускница филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Создала и более десятилетия ведёт два научных проекта МГУ: «Идеи века в истории рода», «Возвращение культурного наследия эмиграции в Россию» (в частности, семьи Альбрехт). Е. С. Фёдорова – подготовка рукописи, предисловие, послесловие, комментарии (совместно с Л. Н. Путинцевой): княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская «О российской трагедии. До и после 1917-го. Воспоминания матери». В 2 т. М.: Минувшее, 2018. Е. С. Фёдорова – автор книги «Школа перевода в Древней Руси на рубеже XV–XVI вв. Nicolaus de Lira и Дмитрий Герасимов». М.: Издательский дом «ЯСК», 2021. А также составитель книги: «Н. А. Фёдоров. Исследования. Переводы». М.: Издательский дом «ЯСК», 2022.

ПОТОМОК МОСКОВСКИХ ВЫРУБОВЫХ – КНЯЗЬ НИКИТА ДМИТРИЕВИЧ ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Старинный боярский род Вырубовых упоминается с конца XV века. **Общий предок, Иван Михайлович Вырубов (1685–1745)**, при Петре Великом служил бригадным генералом – что соответствовало светскому чину действительного статского советника. Участвовал в Северной войне. Женился на **Екатерине Михайловне Аксаковой**.

Младший их сын, **Пётр Иванович Вырубов (1729–1801)**, капитан-поручик Измайловского полка, попав в водоворот дворцовых переворотов, содействовал восшествию на престол Екатерины Великой. В благодарность был вознесён в званиях – был пожалован императрицей придворной должностью камер-юнкера. Затем стал крупным государственным деятелем, камергером, действительным тайным советником – что соответствовало чину генерала по Табелю о рангах. И сенатором. Отсылаю к книге его прямого потомка – героя французского Освобождения **Николая Васильевича Вырубова (1915–2009)**¹.

Из потомков Петра Ивановича, основателя «московской ветви» Вырубовых, назовём видного философа-позитивиста, профессора и главу кафедры истории науки в Коллеж де Франс **Григория Николаевича Вырубова (1843–1913)**, друга И. С. Тургенева, редактора и издателя первого собрания сочинений А. И. Герцена.

Пётр Иванович Вырубов

К этой ветви восходит и **Александр Васильевич Вырубов (1880–1919)**, морской офицер и муж «той самой фрейлины» Анны Александровны Вырубовой, ур. Танеевой.

Основатель «владимирской ветви» – старший сын **Николай Иванович Вырубов (1723–1775)**. Больших чинов он не достиг. Будучи коллежским асессором – что соответствовало чину майора в Табели о рангах, покинул Москву, удалился во Владимирскую губернию, не принимая участия в событиях, в которых энергично участвовал его младший брат, и обосновался в Ковровском уезде, занимаясь имением и сельским хозяйством. Его потомки рождались в старинном родовом имении Горьково. Женились на отпрысках родовитейших владимирских дворянских фамилий – Замыцких, Извольских...

¹ Герой Французского Освобождения, русский дворянин Николай Васильевич Вырубов. Источники и исследования: Коллективная монография / составит. Н. Д. Лобанов-Ростовский, М. А. Трубникова-Муре, Е. С. Фёдорова. М.: Издательский дом «ЯСК», 2021.

Григорий Николаевич Вырубов

Александр Васильевич Вырубов

Николай Алексеевич
Вырубов-старший,
генерал разведки

Среди потомков «владимирских» Вырубовых – **Вырубов Николай Алексеевич (1844–1917)** – генерал-майор, возглавлявший внешнюю разведку Закавказья. Кавалер орденов Святого Станислава 3-й и 2-й ст., Святой Анны 3-й ст., сербского ордена Такова. За заслуги перед Отечеством император Николай II «высочайше пожаловал» ему золотую брошь, осыпанную бриллиантами и сапфирами. Вспомним и племянника его и полного тезку Вырубова Николая Алексеевича (1869–1918/19/20?), который оставил след в российской истории как выдающийся врач-психиатр, невролог, один из первых психоаналитиков в России. В соответствии с традициями семьи Николай Алексеевич несколько лет отдал работе Земству – в качестве земского врача. Рецензентом его докторской диссертации стал академик В. М. Бехтерев. В частности, он писал: «...я не могу не отметить и хорошо мне известных личностных нравственных качеств Д-ра Н. А. Вырубова, пользующегося общей любовью товарищей на месте его прежней и нынешней службы».

Николай Алексеевич
Вырубов-младший, психиатр

Всеобщее неизбежное разобщение членов дворянских семей в XX веке...

Переворот 1917 года рассеял и навсегда оторвал друг от друга потомков многих старинных дворянских родов России. И сегодня многие – ничего не знают друг о друге.

К счастью, это не случилось окончательно в семье Вырубовых. Мать известного общественного деятеля, коллекционера и мецената Н. Д. Лобанова-Ростовского – княгиня Ирина Васильевна Лобанова-Ростовская, ур. Вырубова – принадлежала к потомкам «московской ветви» Вырубовых. Автор данной статьи – к «владимирской». «Московская ветвь» нашла «владимирскую».

Вокруг легендарной личности Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского (г.р. 1935) ныне сложился целый корпус литературы: искусствоведческие исследования, включающие и жизнеописания¹, несколько документальных романов², повесть-диалог³, даже приключенческий

¹ Bowlf John E., Lobanov-Rostovsky Nikita D. Encyclopedia of Russian Stage Design. 1880–1930. New York: Antique Collectors Club, 2013. V. 1–24; Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство 1870–1930. М.: ГЦТМ имени А. А. Бахрушина, 2015. Ч. 1–2; Банников А. П. Судьба на фоне коллекции. Собрание театральной живописи князя Н. Д. Лобанова-Ростовского / Банников А. П. О собирателях и собирательстве. Краснодар, 2015.

² Гарбовский А. А. Рюрикович. Детство Никиты. М., 2004; Гурвич Э. Дерзкие параллели. Жизнь и судьба эмигранта. М.: ЛитагентСпорт, 2012; Филипов Н. Разведчик ли вы, князь Никита Лобанов-Ростовский? София: Университетское изд-во Св. Климента Охридского, 2020.

³ Маруденко А. Диалоги... с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским. М.: Aurora nobilis, 2021.

*Ирина Васильевна Вырубова,
в замужестве Лобанова-
Ростовская, мама Никиты.
София. 1942 г.*

*Николай Васильевич Вырубов,
дядя Никиты Дмитриевича Лобанова-
Ростовского*

*Василий Васильевич Вырубов,
дед Никиты Дмитриевича
Лобанова-Ростовского*

триллер¹. И бесчисленное количество статей и интервью, поток которых и не собирается ослабевать. Сам герой систематизирует их в оригинально задуманной им серии «Рюрикович», три тома уже увидело свет². Лобанов-Ростовский написал свои воспоминания, изданные Академией наук³. А затем расширил их, создав монументальную монографию о предках, своей судьбе и коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских – лучшей в мире частной коллекции театрально-декорационной живописи Серебряного века⁴...

Начиная с 1980-х я искала родственников-Вырубовых как умела. Не подарив знакомства с Николаем Васильевичем Вырубовым, бывавшего в Москве в те времена, судьба подарила мне встречу с его племянником – Никитой Дмитриевичем – сыном Ирины Васильевны Вырубовой, в зам. Лобановой-Ростовской (1911–1957). Ирина Васильевна – дочь общественного деятеля, видного представителя Земства, зам. министра в Первом Временном правительстве Василия Васильевича Вырубова (1879–1963).

Первое впечатление, которые ощущают на себе доброжелатели и от которого не могли бы отделаться недруги, – Лобанов-Ростовский крупная личность. Огромная планетарная система, живущая по своим законам. Высокий интеллектуализм – в постоянном процессе самоусовершенствования. Не похож ни на кого, только на самого себя. Ну и, конечно, генетическая аристократическая стать его предков – князей Лобановых, Лопухиных, Кропоткиных, Львовых, Куракиных, маркизов Траверсе, графов Кушелевых, дворян Вырубовых, Кожиных, Галаховых, Шеншиных – высказалась в этом потомке Рюриковичей со всей возможной полнотой. Монументальность породы и изящество пластики в нём врождённые. Пленительность в том, что в поведении князя нет ничего наносного. Природная естественность этого раритетного создания Божия, как бы возникающего из хтонических⁵ глубин российской истории, порода которого за столетие была уничтожена почти под корень, невольно заставляет любоваться подлинником. Подлинность не означает отсутствия артистизма – напротив, это тоже природная черта Лобанова-Ростовского, помогавшая ему в разных его профессиях и направлениях деятельности.

Сильная его личность и сильные фамильные корни не всегда находятся у него в гармоническом равновесии. Оригинальность иногда принимает формы экстравагантности. Сдержанность превращается

¹ Рюрикович в эмиграции. М.: Полиграф-плюс, 2015; Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017; Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2021.

² Галани С. Удавшийся побег. София, 2021.

³ Лобанов-Ростовский Н. Д. Воспоминания. Записки коллекционера // Ежегодник РАН. Памятники культуры. Новые открытия. М., 2003.

⁴ Лобанов-Ростовский Н. Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М.: Русский путь, 2010.

⁵ Хтонический в мифологии – олицетворяющий дикую мощь земли или подземного царства, от древнегреческого χθών – земля, почва.

временами в панцирь. Сложный человек со сложной судьбой. Разумеется, общаться с ним непросто. Энергия творчества находится в нём в такой концентрации, что успевать за его вечным движением вперёд в проектах и планах – тоже не у всех получается. Легко ли нести груз самого себя Никите Дмитриевичу? Однозначно – нелегко. На заре жизни судьба его не миловала, как бы заставляя суровостью испытаний выявлять все ресурсы его незаурядной натуры. В этой игре с судьбой – в главном – он победил. Издержки неизбежны. Фантастические приключения, превратности, удачи, падения и взлёты в жизни Лобанова-Ростовского сами просятся принять формы литературы, оттого так разнообразна библиография сочинений, ему посвящённых. Жёсткая воля, строгость к себе и другим, прямолинейность высказываний – в адрес любого – это то, что он отвоевал у жизни для себя.

Никита гимназист. 1942 г.

Но моё первое впечатление, – а оно, как известно, самое верное, – было, скорее, противоположным его обычной суровой замкнутости, которую я ещё не успела узнать. Итак, лето 2015 года, выставка в Доме русского зарубежья, посвящённая его дядюшке Николаю Васильевичу Вырубову. Мягкое и какое-то тающее и даже смиренное выражение лица Лобанова-Ростовского я первым делом выхватила из толпы присутствующих. Потом-то я поняла, что оно появляется крайне редко, как редко мелькает детская сияющая улыбка, – как будто из детских его фотографий. В тот момент Никита Дмитриевич был блаженно доволен состоявшейся выставкой дяди, которого почитал и любил. А преданность Лобанова близким и друзьям – одна из главных черт личности. Наверное, так угодно было Паркам, прядущим нити жизни, чтобы знакомство началось с этого. С сущности. Редко посещающее, как выяснилось, выражение лица Никиты Дмитриевича через несколько мгновений скрылось за облаком его сумеречности, однако оставив во мне навсегда непоколебимое ощущение – тщательно скрываемой чувствительности и доброты. И с тех пор мне с ним легко... А облик его уже принял привычное выражение – линия губ самоуверенно опущена вниз, придавая вес и без того массивному квадратному подбородку, взгляд строгий и не подпускающий к себе, удлинённые бледные кисти аристократических рук сомкнуты, длинные аистьиные ноги переплетены. – «Я закрыт, хотя общителен и любезен». Что сформировало контрастные черты?

Бегство. «Начало длительной казни нашего отечества...»

Для семьи князей Лобановых-Ростовских началось в 1917 году. Семейство было близким Двору, особенно к Великой княгине Елизавете Фёдоровне. Сначала дед Иван Николаевич и бабушка Вера Дмитриевна с домочадцами покинули любимое и ухоженное имение Лобаново в Ефремовском уезде, затем уехали из города Ефремова. Князя Ивана арестовывали несколько раз. В 1918 году узнали о «убиении Государя. Многие сошлись на тайную, полубезымянную панихиду. Это убийство было не только убийством Царя и его семьи, оно было началом длительной казни нашего отечества»¹.

Угроза жизни членам семьи нарастала. – Бежали в Одессу, попали прямо в пекло красного террора, в дом, где чекисты по ночам расстреливали людей. «Я ходила две недели по человеческой крови, мои подошвы и каблуки были окрашены в красный цвет»². Время 1918–1921 – пик разобщения членов семьи Лобановых – вообще всех семей России. Одна из дочерей, Анна, служившая в Красном кресте на фронтах Гражданской войны, так и не смогла воссоединиться с семьёй... Не только условия жизни, но и самая жизнь стала для Лобановых почти невозможной. Так её характеризовала бабушка Никиты Дмитриевича, княгиня Вера: «Направо огонь, налево вода, впереди стена, а сзади пропасть»³.

Но и оттуда по водам Днестра и Каспийского моря Лобановы бегут от Советов, попадают в Румынию, чудом освобождаются из тюрьмы и местом эмигрантской жизни выбирают Болгарию, где

¹ Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская. О российской трагедии XX века. До и после 1918 года. Воспоминания матери: в 2 т. М.: Минувшее, 2020. Гл. 12.

² Там же. Гл. 25.

³ Там же. Гл. 24.

царствует царь Борис III. С 1923 года для семьи Лобановых-Ростовских на два десятка лет наступила некоторая «передышка». Сын Дмитрий Иванович получил хорошее образование, встретил в Париже Ирину Васильевну Вырубову.

В 1935 году рождается внук Никита – лучезарный мальчик, обладающий с детства колоссальной энергией. В 1939 году, познакомившись с ребёнком, архиепископ Христофор – глава Церкви Албании – написал Ирине Васильевне, что «видит Божий отпечаток на этом ребёнке, что у него необыкновенный свет в глазах... столько живости, столько радости и такая энергия могут быть только даны Богом человеку, которого он отметил, чтобы делать великие дела впоследствии». ...Бабушка, Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская, учила Никиту русскому языку, а дедушка, Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, водил в русскую церковь – и через них с младенчества Никита познавал русскую культуру.

Неудачный побег и мытарства

Спокойная жизнь оборвалась в 1946-м. Да и вообще жизнь оборвалась для семьи Дмитрия, Ирины и Никиты Лобановых-Ростовских, а наступили мытарства. В Болгарию вошли карательные части НКВД, и тут же возник вопрос о неблагонадёжности семьи Лобановых. Князь Дмитрий Иванович с женой и Никитой решились бежать через греческую границу – побег был неудачен, их схватили на греческой территории, вернули в Болгарию. Лобановы оказались в тюрьме. Никита попал в камеру 11-летним ребёнком, просидел год. Вышел ослабленным, нездоровым. Взять его согласилась лишь горячо любящая его няня Елена Ивановна Иванюк. Позже отпустили отца и мать. Но в 1948 году Дмитрий Иванович «исчез», – а на самом деле был расстрелян. От страданий и лишений мать заболела раком... Нищее отрочество Никиты, полное голода, холода, осознания своего отщепенства. Но и участие в болгарской пионерии и комсомоле, увлечение геологией, преодоление болезней упорными спортивными занятиями.

Вновь побег – удавшийся

С помощью дядюшки Николая Вырубова, как уже говорилось, героя французского Освобождения и друга генерала де Голля, вместе с его приятелем – героем-лётчиком, писателем и дипломатом Роменом Гари, – мать и сына удалось «выкупить за два паровоза», которые Болгарией были приобретены у Франции. 23 августа 1953 года мать и сын тронулись в путь на поезде... Вскоре Ирина Васильевна утасала в Париже. И ушла в мир иной в 1957 году. Ей было 46 лет. Никита осиротел, когда ему минул 21 год.

Преодоление судьбы

Конечно, отпечаток старинной культуры, видный в каждой черте Никиты Дмитриевича, и воспитание помогали его удачам и придали блеска его личности. Но сделал он себя исключительно сам и себе самому обязан удачной карьерой. И всю жизнь, оставшись в столь юном возрасте, в сущности, в одиночестве, – воевал он и с самим собой и переламявал линию судьбы.

Кратко сообщим его Curriculum vitae.

Он оканчивает Оксфордский университет по специальности геолога, а в Колумбийском университете получает степень магистра экономической геологии и несколько лет работает преподавателем на кафедре минералогии, участвуя в геологических экспедициях.

Вторая специальность – он вновь учится – в Высшей школе бизнеса при Нью-Йоркском университете, совмещая новое образование с практической работой в банке.

Никита Лобанов прошёл все ступени банковского работника. И в возрасте 32 лет – 1967 год – он помощник вице-президента компании «Пруденшиал», а в 1970 году – уже вице-президент и заведующий отделением по Европе, Африке и Ближнему Востоку в «Уэллс Фарго банк». С 1987 года работает в алмазной компании «Де Бирс»...

Лобанов-Ростовский постоянно содействовал устойчивому положению СССР, помогая получать займы у тех банков, где занимал руководящие должности.

Коллекция

С 1954 года у Никиты Дмитриевича возникло хобби, которое стало увлечением жизни, в конце концов сделалось профессией, ибо его искусствоведческий опыт уже не назвать любительским. В России он избран почётным членом Российской академии художеств. За рубежом на мировых аукционах и в музеях Лобанов-Ростовский известен как видный пропагандист русского искусства, в частности, является пожизненным членом Метрополитен-музея. Никита Дмитриевич, вместе с первой супругой Ниной, собрал коллекцию русской театрально-декорационной живописи Серебряного века, сохранив для культуры 150 имён русских художников-эмигрантов. Как известно, Собрание Нины и Никиты Лобановых-Ростовских считается лучшей частной коллекцией театрально-декорационной живописи в мире. В России проходят выставки из его коллекции: в 1988 году – первая выставка в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина; последние значительные выставки в 2015–2016 годах – «Прорыв» в Театральном музее имени А. А. Бахрушина, Москва; в 2019 году – «К 110-летию Театрального музея Петербурга».

*Никита Дмитриевич
Лобанов-Ростовский. 2010 г.*

Дары России

Как только в 1970 году Лобанов-Ростовский впервые ступил на московскую землю, с тех пор начинаются его постоянные дарения своему Отечеству – художественных и исторических ценностей.

Дары Н. Д. Лобанова-Ростовского – в ГМИИ имени Пушкина, РГАЛИ, Доме русского зарубежья, Музее Цветаевой, Музее личных коллекций, Театральном музее Бахрушина в Москве, Театральном музее в Петербурге, Резиденции российского посла в Париже, Резиденции Посольства РФ в Лондоне, Музее-заповеднике «Ростовский кремль» и пр.

Его полёты

В течение шестидесяти лет Никита Дмитриевич беспрестанно летал в разные точки мира. Но и сама линия его судьбы – постоянно набирающий высоту взлёт. Не только в карьерных ступенях. Я бы сказала и о полёте мысли, о способности к широким обобщениям и всестороннему анализу, что побуждало его к интересным проектам.

Среди реализованных государственных инициатив Н. Д. Лобанова-Ростовского: Памятник героям Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе и Памятник Народного единства в Севастополе. Сегодня он борется за Музей Лобановых-Ростовских в Ростове Великом и за создание Национальной портретной галереи. Его идея – дать россиянам визуальное представление о выдающихся исторических личностях своей страны, наглядно-визуально показать связь времён и поколений.

И нужно ещё сказать о его общественно-политическом поприще. С 2003 года Лобанов-Ростовский – сооснователь Международного совета российских соотечественников, организации, объединяющей русскоязычные диаспоры в 49 странах мира, долгие годы – первый заместитель председателя совета, ныне действительный член совета.

Бодр, обаятелен и... разнолик

Что можно сказать о нём ныне? Он бодр, целеустремлён, постоянно занят личными литературными и общественными проектами, обаятелен, противоречив и... разнолик, что неизбежно, на мой взгляд, для глубокой и оригинальной личности. Пережитые трагедии семьи навсегда остались горькой тенью в его сердце...

*Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский
и Румен Петков. Болгария 2016 г.*

Общение с Никитой Дмитриевичем – подарок судьбы и совместная работа с ним необыкновенно увлекательное и интересное занятие, столь он разнообразен. И предсказуем и неожидан, отважен, но и осмотрителен. Иногда может быть глубоко сердечным – а порой беспощаден. Никита Дмитриевич, случается, расчётлив до мелких деталей, а вдруг жертвует своими финансовыми и личными интересами ради других. Он требователен к себе, к окружению, случается – капризен, а то авантюрен, но при этом – бесконечно честен. Подчас он – рискованно вольный на языке, но глубоко чопорный и благовоспитанный в душе. Бывает временами суров до одервенения, неумолим, а иногда – трогательный ребёнок. Гневлив, но отходчив.

Рассердившись всерьёз, если имеет на то основания, застёгивается на все пуговицы и становится старомодно вежлив – не пронять – «огонь во льду»! Но умеет и прощать... Этот ряд каждый из знающих Н. Д. Лобанова-Ростовского мог бы продолжить на свой лад. Вызывает самые разнообразные эмоции, кроме одной – скуки.

Увидев эту характеристику, друг болгарского детства Никиты Дмитриевича Платон Васильевич Чумаченко с юмором написал мне: «точнее, чем в полицейском участке».

«Прочитать» Никиту Лобанова до конца – дело неблагодарное. Его многокрасочная психологическая палитра позволяет искать и вновь выявлять тени и полутени, обнаруживать неясные оттенки или высвечивать чёткие графические штрихи. Недаром художники пишут его портреты, скульпторы лепят, а кино- и тележурналисты так любят запечатлевать на видео его темпераментные рассказы, внезапные оригинальные ответы, резкие и прямолинейные суждения.

С Никитой Дмитриевичем ооочень интересно. И слушать его, и работать с ним. Так я и стала участником его литературных проектов...

Что ещё добавить о «Человеке больших полётов»? Глубокая культура, которая досталась ему по праву рождения, ещё и – плод его постоянного саморазвития и энергичного интереса к жизни и людям. Его вкус и мнения о художественных процессах и мире выставок полезны для всех, интересующихся искусством.

Государственный муж

А что главное для него самого? Он человек дела и действия. А также подлинно государственный муж – и по уровню мышления, и по целям, которые он перед собой ставит, – подобно его предкам, министру юстиции Дмитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому (1758–1838) или министру иностранных дел Алексею Борисовичу Лобанову-Ростовскому (1824–1896). Не умея освободиться от травм и печалей по поводу трагической судьбы самых близких ему людей – отца, матери, дедушки, он научился отделять это личное от своей общественной деятельности, не побоимся сказать, на благо Отечества. Разумеется, такого рода систематическая работа выработала в нём умение оценивать экономические и политические процессы современного общества. Отсюда – достоверность его прогнозов.

Берега истории

Григорий Некрашевич

От автора:

Древний род прозвища Поклад показан в летописаниях Бельского на листе 375, Грабницкого – на листе 256 и Окольского 2-й части – на листе 269. Польский король Болеслав Кривоустый жаловал за военные заслуги гербом Нечуя Покладов. В начале XV века одна из ветвей рода Поклад (1410 г., Грюнвальдская битва) образовала двойную фамилию Некрашевич-Поклад. Звучала она Нечуя (герб) – Некрашевич (фамилия) – Поклад (род). Подробное описание происхождения фамилии Некрашевич-Поклад показано в книге автора, Григория Некрашевича, «От благородного рыцаря до почётного хлебороба».

Во все века, как подобает дворянину, многие из этого рода состояли на воинской службе государю. В ходе исследований о роде Некрашевич-Поклад многочисленные ветви в Мстиславском воеводстве XVIII века представляли свою родовую фамилию как Поклад. Только немногим ветвям рода довелось сохранить до первой половины XX века древность двойной фамилии Некрашевич-Поклад. Об одном из потомков рода, генерал-майоре Некрашевиче-Покладе Иосифе Григорьевиче будет показана история, где Иосифу Григорьевичу довелось окунуться в горнило многих войн.

Однако, с течением времени, под воздействием новых событий, изменений в политической, экономической, социальной и культурной сферах общества некоторые исторические события забываются, и вместе с тем стираются в памяти имена людей, причастных к этим событиям. Но, надеюсь, что Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад останется навеки в памяти его потомков и Российского государства.

ПОТОМОК СТАРИННОГО ШЛЯХЕТСКОГО РОДА

Служа царю и Отечеству

Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад родился 4 марта 1852 года, сын благородных родителей – Григория Викентьевича и его законно венчанной супруги Марии из Ильиничей. В многодетной семье было пять братьев: Иван, Игнатий, Филипп, Семён, Фёдор; и четыре сестры: Татьяна, Александра, Пелагея и Мария, потомственных дворян. Семья жила в имении села Доброго, принадлежащего предкам Иосифа Григорьевича в Могилёвской губернии Чериковского уезда. Дед, Викентий Иосифович Некрашевич-Поклад, с 20 января 1792 года состоял на должности ротмистра Браславского уезда. Ветвь семьи Викентия Иосифовича между своими родными считали себя графского титула, где передавали из поколения в поколение своим потомкам, что их род являлся графским. И в настоящее время один из потомков в беседе с автором утверждает, что их род графский. Автору довелось исследовать в архиве РГИА дело о дворянстве Некрашевичей-Покладов Могилёвской губернии. Слушано 29 января 1862 года.

Некрашевичи-Поклады происходили из древнего дворянского сословия. Изучив внимательно дело, автору стало понятным, по какой причине ветвь данного рода считала себя графским. Оказывается, жена деда Иосифа Григорьевича,

Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад,
4 марта 1852 года –
23 декабря 1925 года (5 января 1926 г.)

Уршуля, происходила из рода Ходкевичей. Мама Иосифа Григорьевича, Мария – из рода Ильиничей. Род Ходкевич и Ильинич получали графский титул на Шклове, Быхове и Новой Мыши. Таким образом, семьи считали себя графского титула.

Иосиф Григорьевич в семье был младшим ребёнком. Родителям приходилось изыскивать средства на воспитание сына. Во второй половине XIX века традиционный институт нянек и «дядек» уходил в прошлое. Как правило, кормилицы, няни и «дядьки» избирались из числа крепостных (в основном у помещного дворянства), иногда нанимались специально обученные люди или даже дальние родственники. В воспитании младшего брата не оставались в стороне и старшие братья Иосифа. Основным способом воспитания Иосифа оставался пример образа жизни родителей и стиль их поведения. Как правило, детей учили здороваться и прощаться, благодарить за обед, целовать руки родителям, держаться почтительно и никогда не сметь говорить «ты» ни отцу ни матери. В то время любви к детям не пересаливали.

Незаметно прошло детство, Иосифу исполнилось 12 лет, надо было выбирать, куда направить сына для дальнейшего обучения. Выбор пал на дворянское реальное училище в городе Мстиславле Могилёвской губернии.

Обучение Иосифу давалось легко. По выходным отец, забирая сына домой, чтобы он смог побыть в кругу семьи. По окончании полного курса училища Иосиф вернулся в отчий дом и стал помогать отцу вести домашние дела. Младший сын по тем временам должен был остаться при родителях. Но Иосифа не покидала мысль вступить в военную службу, так как военная служба казалась ему престижней, чем гражданская.

В 19 лет, получив благословение родителей, Иосиф Григорьевич 28 февраля 1871 года добровольно вступил в службу унтер-офицером в 61-й пехотный Владимирский полк, который дислоцировался в Могилёвской губернии. Дворяне поступали на службу в войска сразу унтер-офицерами (первые три месяца они должны были служить рядовыми, но в унтер-офицерском мундире). Командиром 61-го пехотного Владимирского полка на то время был полковник Турбин Николай Матвеевич. Николай Матвеевич, служа в Могилёвской губернии, увлекался археологией. В Могилёвской губернии проводил раскопки. Предполагаю, что неспроста отец Иосифа выбрал для сына именно 61-й Владимирский полк. Скорее всего, семья Григория Викентьевича Некрашевича-Поклада была лично знакома с командиром 61-го пехотного Владимирского полка.

Иосиф Григорьевич, служа в полку, оказался способным младшим командиром. Видя способности молодого человека в военном деле, Николай Матвеевич Турбин 20 августа 1871 года командировал Иосифа Григорьевича в Рижское пехотное юнкерское училище для прохождения курса наук.

Прежде чем убыть в военное училище, Иосифу Григорьевичу представлен был краткосрочный отпуск, и он приехал домой. Семья была рада прибытию сына, собрались родственники, давали напутствия учиться в военном училище, как подобает дворянину, чтобы не опорочить традиции дворянского сословия.

8 сентября 1871 года Иосиф Григорьевич прибыл в Ригу и был зачислен в училище в младший класс. Срок обучения составлял два года. Курсанты юнкерских училищ продолжали числиться в своих частях. Все полагающиеся отказы довольствия производились из своих полков. Кроме того, на улучшение пищи юнкерам отпускалось ещё по 5 копеек в сутки на человека.

Иосифу Григорьевичу военная наука была не в тягость, дисциплину он не нарушал. Окончивший курс по второму разряду и имевший не менее 7 баллов, Иосиф Григорьевич был выпущен по второму разряду. 18 июня 1873 года он был переименован в портупей-юнкера, звание, которым удостаивались лучшие из юнкеров специальных и военных училищ за отличное исполнение служебных обязанностей при хорошей нравственности и успехах в науках.

28 июня 1873 года он прибыл обратно в полк. Производство в офицеры происходило по представлению непосредственного начальника. Через шесть месяцев, по открытию вакансии, Некрашевич-Поклад Иосиф Григорьевич 19 декабря 1873 года Высочайшим приказом был произведён в прапорщики. Около года Иосиф Григорьевич состоял на должности младшего офицера 61-го Владимирского пехотного полка на разных поручениях. За этот период времени молодой офицер показал себя дисциплинированным, грамотным, все поручения командира выполнял в срок. По требованию высочайшего приказа в 44-й пехотный полк необходим был младший офицер, зарекомендовавший себя, на вакантную должность – заведующий полковым оружием. Переводы офицеров

из одной части в другую в целом не приветствовались. Командир полка для пользы службы сделал выбор на Некрашевиче-Покладе Иосифе Григорьевиче, исходя из уважения к способности офицера.

В 1874 году Иосиф Григорьевич прибыл к новому месту службы и 1 сентября был назначен заведующим полковым оружием. К обязанностям заведующего оружием относятся приём, хранение и раздача оружия и огнестрельных припасов, заведование стрельбищем и оружейной мастерской, а также ведение отчётности по артиллерийскому довольствию.

Иосиф Григорьевич показал себя грамотным офицером. 11 июня 1876 года Высочайшим приказом он был произведён в подпоручики. С 8 августа по 8 октября 1876 года временно исполнял обязанности командира 2-й роты из-за отсутствия офицера, занимавшего данную должность. Командир 2-го батальона вышел с просьбой перед командиром полка назначить Некрашевича-Поклада Иосифа Григорьевича адъютантом 2-го батальона, и 2 ноября 1876 года Иосиф Григорьевич занял должность батальонного адъютанта. Обер-офицер заведовал делопроизводством по строевой и регистрационной части, выполнял ряд обязанностей по проведению построений, а также по организации внутренней и караульной службы, наблюдал за хранением установленных учётных документов на военнотружущих батальона (формулярных или послужных списков, алфавитный список нижних чинов). Показав свои способности в занимаемой должности, Некрашевич-Поклад Иосиф Григорьевич за отличие по службе Высочайшим приказом от 25 марта 1877 года был произведён в поручики.

Таким образом, Иосиф Григорьевич менее чем за год произведён из подпоручиков в поручики.

Для того чтобы получить очередной чин, нужно было прослужить:

- подпоручиком до присвоения чина поручик – 4 года;
- поручиком до присвоения чина штабс-капитан – 4 года;
- штабс-капитаном до присвоения чина капитан – 4 года;
- капитаном до присвоения чина подполковник – 4 года;
- подполковником до чина полковника – не регламентировалось;
- полковником до чина генерал-майора – не регламентировалось;
- генералы в более высокие чины – по усмотрению императора.

Однако в деле присвоения чинов существовали и исключения, т.е. очередной чин мог быть присвоен вне зависимости от правил, приведённых выше. Таким образом, Иосиф Григорьевич был жалован чином поручик за отличие по службе. Чином поручика и штабс-капитана, в общем-то, получали все офицеры, выслужившие вышеуказанные сроки, поскольку все офицеры роты, кроме командира роты, занимали должность, именовавшуюся «Младший офицер роты», т.е. все они являлись помощниками командира роты.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была вызвана нежеланием Турции принять меры к улучшению положения подвластных ей христианских княжеств, обусловленному парижским трактатом 1856 года, и стремлением России укрепить своё влияние на Балканах. Способствовала освобождению народов Балканского полуострова от османского владычества.

Россия объявила войну Турции 12 апреля 1877 года. В составе русской армии, действовавшей на Балканах во время Русско-турецкой войны 44-й пехотный Камчатский полк состоял в 11-м армейском корпусе 11-й пехотной дивизии. Более подробные события тех времён отражены в «Сборнике материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове». Журнал № 91. Автор покажет те события, в которых принимал участие Иосиф Григорьевич, из послужного списка.

В походах и делах против неприятеля в войну с Турцией в 1877 и 1878 гг., где он находился и принимал участие в боевых действиях.

1-й период:

- 12.04–25.05.1877 – в составе войск Нижне-Дунайского отряда;
- 12–14 и 18.04.1877 – в переходах границы Румынии и Болгарии;
- 22.04.1877 – в бомбардировании г. Рени турецким монитором и артиллерийской переправы с ним;
- 20.04–25.05.1877 – на биваке у г. Галаца;
- 25.05–06.06.1877 – в походном движении из г. Галаца до г. Ольтеницы;
- 06.06–15.06.1877 – в составе войск Журжево Ольтеницкого отряда;
- 03.06–13.06.1877 – участвовал в перестрелке Ольтеницкого отряда с турками;
- 14.06.1877 – в демонстрации переправы отряда у г. Туртукая с перестрелкой.

2-й период:

15.06–25.06.1877 – в составе войск Журжево Ольтеницкого отряда;
18.06.1877 – находился при усиленной бомбардировке турками г. Ольтеницы;
25.06–02.07.1877 – в походном движении из г. Ольтеницы в Зимницу;
03.07.1877 – переправился с полком через р. Дунай у г. Зимницы;
12.07.1877 – участвовал в конвоировании императорской Главной квартиры и в походе до с. Чаиркюй;
12.07–23.11.1877 – в составе войск Осман-Базарского отряда;
12.07–21.07.1877 – на биваке у д. Чаиркюй;
21.07–23.08.1877 – на биваке у с. Джулима;
27.07.1877 – в рекогносцировке и стычке у д. Демиркюй;
04.08–21.09.1877 – с полком на передовой позиции Осман-Базарского отряда у с. Кезрова исполнял охранительную службу, рекогносцировки и перестрелки с неприятелем;
10.08.1877 – в перестрелке под начальством майора Щеглова и капитана Ласточкина у д. Демиркюй;
31.08.1877 – в перестрелке у д. Куруджерена и Кавлаклар; у д. Демиркюй;
15.10–05.11.1877 – с полком на передовой позиции Осман-Базарского отряда у с. Курова, где исполнял охранительную службу с постоянными перестрелками с турками;
23.11–19.12.1877 – в составе войск Еленинского отряда;
3–4.12.1877 – участвовал в преследовании турок от г. Елены.

3-й период:

19.12–03.01.1878 – в составе войск отряда генерал-лейтенанта Радецкого на Позиции на Ханийнском перевале;
03.01–13.01.1878 – в составе войск отряда генерал-лейтенанта Барона Фашкраузена;
13.01–19.02.1878 – в составе войск Рушукского Восточного, потом Северного Его Императорского Высочества Государя наследника Цесаревича отряда;
15.01.1878 – участвовал при занятии г. Осман-Базара;
15.01–19.02.1878 – г. Осман-Базар.

4-й период:

19.02–21.03.1878 – находился в Болгарии в г. Осман-Базар;
21.03–04.04.1878 – в обратном движении из Болгарии в Румынию;
04.04–06.07.1878 – в составе войск в тылу действующей армии, под начальством генерал-адъютанта Дрентельна.

Поручик Некрашевич-Поклад, как видно из послужного списка, бывал в разных событиях той войны и показал свою офицерскую доблесть.

За участие в Русско-турецкой войне Некрашевич-Поклад Иосиф Григорьевич награждён светло-бронзовой медалью в память войны с Турцией в 1877–1878 гг.

В 1879 году полк возвращён в г. Ковель (Киевский ВО).

25 июня 1878 года командованием полка было принято решение отчислить от должности батальонного адъютанта поручика Некрашевича-Поклада и назначить его заведующим полковою учебной командой, так как офицер имел боевой опыт и показал себя грамотным, храбрым и дисциплинированным офицером.

В каждом полку для подготовки унтер-офицерского состава существовали особые Учебные команды. На должность начальника учебной команды назначался командиром полка по его выбору один из старших или младших офицеров. Начальнику команды предоставлялось право избирать себе помощников. Начальник команды непосредственно подчинялся штаб-офицеру, «наблюдающему за командой».

12 декабря 1878 г. приказом по дивизии № 130 утверждён в этой должности поручик Некрашевич-Поклад.

В послужном списке поручика Некрашевича-Поклада показано, где офицер в разные периоды времени занимал различные должности. Автор опишет предназначения должностей, так как читателю могут быть неизвестны должности тех времён.

28.05–10.07.1879 – временно командиром 1-й роты;

17.08–01.09.1879 – временно командиром 4-й роты;

18.02.1881 – назначен и. д. полкового адъютанта приказом по дивизии за № 10, утвержден в должности полкового адъютанта;

02.05.1881 – Высочайшим приказом произведён в штабс-капитаны;

06.06.1884 – Приказом по 11-й пехотной дивизии за № 52–1884 г. разрешено носить очки по слабости зрения.

В 1886 году Иосифу Григорьевичу было уже 34 года. В связи с военными событиями он не смог обзавестись семьёй, да и никто ему ещё не приглянулся. Женитьба офицера в русской императорской армии всегда была «под прицелом» его товарищей, бдительно следивших за «пристойностью» брака. Существовал целый ряд ограничений. Согласно «Закону об офицерских браках», запрещалось жениться до 23 лет, а в возрасте 23–28 лет – лишь при наличии имущественного обеспечения, приносящего не менее 250 рублей годового дохода. Разрешение на брак испрашивалось рапортом на имя полкового командира, также требовалось согласие офицерского общества полка. Если офицер вступал в брак без разрешения начальства, то он подвергался дисциплинарному взысканию или увольнялся со службы.

Иосифу Григорьевичу приглянулась Евгения Александровна Соколова – дочь командира 44-го Камчатского полка полковника Александра Александровича Соколова. Иосиф Григорьевич исполнял должность полкового адъютанта. Полковник Соколов командовал полком с 09 марта 1886 года по 20 февраля 1891 года.

Иосиф Григорьевич всерьёз задумался о женитьбе, он был уверен, что Евгения Александровна – та спутница жизни, которая сможет разделить с ним все тяготы военной службы.

Командиру полка приглянулся честный, добросовестный офицер, он решил, что этому человеку можно доверить свою дочь. Получив разрешение от командира полка и родительское благословение, а также согласие офицерского общества полка, в конце 1886 года была справлена свадьба.

30.11.1887 – сдал должность полкового адъютанта и принял 1-ю роту;

24.04.1888 – за отличие в службе Высочайшим приказом произведён в капитаны.

Почему Иосифу Григорьевичу пришлось переходить сроки присвоения очередного чина? Для получения чина капитана офицер должен быть сначала назначен на должность командира роты или помощника командира батальона. И до этого в чине штабс-капитана он должен был прослужить четыре года.

18.06.1888 – Приказом по 11-й пехотной дивизии за № 106 И. Г. Некрашевич-Поклад утверждён ротным командиром.

Кроме основной службы, Иосифу Григорьевичу приходилось состоять выборным членом офицерского полкового собрания, членом суда общества офицеров, членом распорядительного комитета офицерского собрания суда общества офицеров и заёмного капитала, членом распорядительского комитета и членом суда общества офицеров, членом полкового суда, членом суда общества офицеров и комиссий заёмного капитала, председателем распорядительного комитета бригадного собрания и членом суда общества офицеров и заёмного капитала, председателем поверочной комиссии офицерского заёмного капитала, наблюдающим за общим ходом и направлением операций по солдатской лавке и буфету, членом комиссий офицерским заёмным капиталом, председателем полкового суда и наблюдающим за операциями солдатской лавки и буфета.

В виде приложения к ст. 130 Дисциплинарного Устава 1888 года установлены для военного ведомства «Правила о разбирательстве ссор, случившихся в офицерской среде».

Как правило, дополнительная нагрузка на офицера не освобождала от выполнения своих служебных обязанностей по занимаемой должности.

1 января 1889 года в семье Иосифа Григорьевича и Евгении Некрашевичей-Поклад родился первенец-наследник. Родители нарекли его в честь отца жены Александром.

14 марта 1890 года рождается дочь, которую нарекли именем Татьяна.

22.12.1890 – Приказом по 11-й пехотной дивизии за № 219 капитан Некрашевич-Поклад прикомандирован к 42-му пехотному Якутскому полку.

С чем было связано прикомандирование офицера? К концу XIX века популярность военной службы существенно снизилась. На вышестоящие должности назначались не те офицеры, которые лучше подходили по своим служебным качествам, а те, кто дольше прослужил. Так был утрачен стимул старательной службы. Командование дивизий вынуждено было делать перестановку офицерского

состава на образовавшиеся вакантные должности для несения службы, пока не будет подобран кандидат на данную должность.

24.12.1890 – по случаю прикомандирования сдал 1-ю роту;

26.12.1890 – отправился по месту прикомандирования;

28.12.1890 – назначен командующим 9-й ротой 42-го пехотного Якутского полка.

Если должность вакантна и обязанности по ней исполняет офицер, ещё не назначенный приказом на эту должность, то он именуется «командующий».

24.02.1891 – Приказом по 11-й пехотной дивизии № 35 откомандирован обратно в свой полк;

28.02.1891 – сдал 9-ю роту пехотного Якутского полка назначенному офицеру;

01.03.1891 – по откомандированию из 42-го пехотного Якутского полка прибыл и вступил в командование 1-ю ротой.

Иосифу Григорьевичу часто приходилось временно исполнять обязанности командира батальона, ввиду отсутствия штатного командира полка (очередной отпуск, отпуск по болезни, командировка).

7 мая 1892 года в семье Некрашевичей-Поклад рождается сын, он наречён именем Владимир.

18.12.1893–09.01.1894 – временно командовал 1-м батальоном;

01.04–20.04.1895 – временно командовал 1-м батальоном;

23.04.1895 – награждён орденом Св. Станислава 2-й степени;

24.07–01.08.1895 – временно командовал 1-м батальоном;

24.09–14.10.1895 – командовал ротой запасных, призванных на учебные сборы.

Согласно Временным правилам для учебных сборов запасных нижних чинов армии (1887–1914), учебные сборы запасных нижних чинов должны были проводиться ежегодно для обучения приобретенных на действительной службе познаний по строевому образованию, стрельбе, для поддержания воинской дисциплины, а также привычки к военной службе.

30.03–14.04.1896 – временно командовал 1-м батальоном;

21.07–31.07.1896 – временно командовал 1-м батальоном;

04.04.1897 – награждён серебряною медалью в память царствования Императора Александра III;

10.04–28.04. 1897 – временно командовал 1-м батальоном;

21.01–26.01, 04.02–04.03.1898 – временно командовал 1-м батальоном;

26.02.1898 – за отличие в службе Высочайшим приказом произведён в подполковники.

Иосифу Григорьевичу, за неимением вышестоящей должности, довелось переходить в очередном чине два с половиной срока. Как выше было указано, командование части дорожило каждым офицером. Офицер длительное время мог находиться на должности, которая не позволяла получить высший чин. Из послужного списка видно, что Иосиф Григорьевич за весь период службы не подвергался дисциплинарным взысканиям, характеризовался только с положительной стороны.

02.06–12.06.1898 – временно командовал 1-м батальоном;

07.07.1898 – выполнил условие на получение обыкновенного офицерского приза.

Обыкновенные призы записывались в формуляры офицеров только в том случае, если состязание в какой-либо части армейских войск было произведено в высочайшем присутствии. За обыкновенный приз для стрелковых батальонов (с нарезкой) – семьдесят девять рублей.

11.07.1898 – назначен командующим 4-м батальоном;

09.03.1899 – Приказом по войскам 11-го Армейского корпуса за № 16 утверждён командующим 4-м батальоном;

26.09.1899 – назначен командующим за учебной командой.

В каждом полку для подготовки унтер-офицерского состава существовали особые Учебные Команды. Они состояли из постоянных и переменных кадров. К «постоянному» кадру принадлежали начальник команды и его помощники (младшие офицеры), а также фельдфебель и два взводных (сверхсрочнослужащие). По выбору командира полка на данную должность был назначен подполковник Некрашевич-Поклад.

22.09.1900 – награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантами;

30.09.1900 – отчислен от должности командующего полковой учебной командой;

07.02.1901 – назначен наблюдающим за общим ходом направлений всех операций по солдатской лавке и буфету;

12.03–22.03.1901 – временно и. д. заведующего хозяйством в полку.

Заведующий хозяйством есть ответственный исполнитель распоряжений полкового командира по хозяйственной части и ближайший начальник прочих должностных чинов этой части. Следит за правильностью ведения всех хозяйственных операций и хозяйственной отчётности в полку.

Иосифу Григорьевичу вновь поручено командование полком, исполнение обязанностей временно отсутствующего штатного офицера.

23.03–28.03.1901 – временно исполняющий должность Луцкого уездного Воинского начальника и начальника Луцкого местного лазарета;

02.05–22.05.1901 – временно исполняющий должность Луцкого уездного и воинского начальника.

В мирное время на воинского начальника возлагались обязанности: приём, распределение и отправление в войска новобранцев; учёт запасных офицеров, чиновников, врачей и нижних чинов, ратников ополчения; учёт нижних чинов, находящихся в отпусках по болезни; призыв в учебные сборы прапорщиков запаса, нижних чинов запаса и ратников ополчения; призыв запасных на поверочные сборы; пересылка нижних чинов и арестантов; принятие мер к призрению нижних чинов и их семейств; определение запасных сверхсрочно служивших нижних чинов на места по вольному найму; соби́рание военно-статистических сведений; хранение в исправности воинского имущества.

31.10–10.11.1903 – временно командовал полком;

05.01.1904 – Высочайшим указом подполковник Некрашевич-Поклад переведён на службу в 25-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, который входил в состав 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской дивизии (командующий генерал-лейтенант Роман Исидорович Кондратенко). Командиру 44-го пехотного Камчатского полка жаль было расставаться с Иосифом Григорьевичем, который во всех делах отличался предельной добросовестностью, но, во благо службы, он одобрил кандидатуру.

25.01.1904 – исключён из списков полка с оставлением прикомандирований к полку впредь до сдачи должности и отправлений по переводу.

Прежде чем убыть по месту назначения, Иосиф Григорьевич сопровождал семью в город Киев и оставил её там до тех пор, пока не определится с местом постоянной дислокации полка.

13.02.1904 – зачислен в списки 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка; 10.02.1904 полк переформирован в 3-батальонный состав;

22.02.1904 – прибыл в полк;

26.02.1904 – назначен командиром 3-го батальона;

27.02.1904 – принял 3-й батальон.

Ознакомившись с л/с батальона и укрепрайоном, Иосифу Григорьевичу довелось встретиться со своими бывшими сослуживцами – командирами 44-го Камчатского полка Стесселем Анатолием Михайловичем и Горбатовским Владимиром Николаевичем, они были уже в генеральских чинах. Автор очерка предполагает, что не без их участия Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад попал в Южно-Маньчжурскую армию в Порт-Артурскую крепость как добросовестный, исполнительный офицер.

Иосифу Григорьевичу сразу же довелось принять участие в делах против японцев – с 24 февраля 1904 года в составе Южно-Маньчжурской армии при обороне крепости Порт-Артур.

Русско-японская война началась 27 января (по н. ст. 9 февраля) 1904 года. На первом месте во всей русской политике первой половины царствования императора Николая II стояли вопросы Дальнего Востока – «большая азиатская программа». Во время своей встречи в Ревеле с императором Вильгельмом II русский самодержец прямо сказал, что рассматривает укрепление и усиление влияния России в Восточной Азии как задачу именно своего правления.

26.02–23.12.1904 – подполковник Некрашевич-Поклад находился под огнём неприятеля при осаде и бомбардировке крепости Порт-Артур.

25-й Восточно-Сибирский стрелковый полк входил в состав 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской дивизии под командованием генерал-лейтенанта Романа Исидоровича Кондратенко.

Дислокация русских войск перед первым штурмом была следующая: Восточный фронт от бухты Тахэ и батареи № 22 до форта № 2 и укрепления № 3 включительно обороняли роты 15, 16 и 25-го стрелковых полков; всего 16 рот, одна охотничья команда и три роты Квантунского флотского экипажа под общим временным командованием командира 25-го полка подполковника Некрашевича-Поклада. В частном резерве была одна рота. Видя способности Иосифа Григорьевича в тактике ведения боевых действий, командир 7-й Восточно-Сибирской дивизии 27 августа 1904 года назначает подполковника Некрашевича-Поклада командующим полком на законном основании.

22.10.1904 – Высочайшим приказом за отличие в делах против японцев, подполковник Некрашевич-Поклад произведён в чин полковника;

07.12.1904 – Высочайшим приказом назначен командующим 25-м Восточно-Сибирским стрелковым полком.

Во время осады крепости полковнику И. Г. Некрашевичу-Покладу довелось держать оборонительную линию на отдельном участке в составе двух батальонов с половинным составом, от берега моря до первого форта включительно.

Против порт-артурского гарнизона действовала численно превосходящая армия генерала Марэсуке Ноги, располагавшая двумя сотнями тяжёлых осадных орудий и имевшая широкие возможности для пополнения сил. Но японские войска несли тяжёлые потери, а осаждённый Порт-Артур продолжал огрызаться залпами орудий и винтовок, сокрушительными атаками. Командир 25-го стрелкового полка своим бесстрашием призывал идти до конца, выполняя данную царю и Отечеству присягу.

Офицеры и солдаты полка уважали командира за его бесстрашие, заботу и уважение к солдату. Командованием крепости Порт-Артур неоднократно объявлялись благодарности отличившимся боевым офицерам 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. 7-я Восточно-Сибирская дивизия отличилась при обороне крепости Порт-Артур. За проявленный героизм 1-й полк дивизии получил наименование «25-й Сибирский стрелковый полк имени генерал-лейтенанта Кондратенко».

15 декабря был взят 3-й форт. С потерей фортов явилась и невероятная поспешность в постановке на очередь вопроса о сдаче крепости. Совет по приказанию генерала Стесселя собрался в 6 часов вечера 16 декабря. Генерал предложил каждому из членов совета высказать совершенно откровенно своё мнение о положении крепости, объявив, что в конце заседания ознакомит членов с запиской, которую держит в руках. Но он её так и не прочёл.

Присутствовал 21 военачальник, в том числе генерал Стессель. Некоторые, в том числе Стессель, высказались за сдачу крепости, но встретили противодействие со стороны генерал-лейтенанта К. Н. Смирнова и других военачальников.

Полковник Некрашевич-Поклад высказался в том смысле, что, пока 1-я линия обороны в наших руках, мы держаться можем, но о 2-й и думать нечего, там нет ни блиндажей, ни укреплений. Что касается 3-й линии обороны, то она ничего серьёзного собою не представляет. Гарнизон слаб физически и духовно, однако держаться необходимо.

Иосиф Григорьевич рассказал, что видел плачущего солдата, и спросил его: – Что с тобой? Тяжело, устал?

– Нет, на душе тяжело...

Собираясь на военный совет, полковник Некрашевич-Поклад спросил своих офицеров, можно ли, по их мнению, драться? И все они сказали, что драться можно.

Полковники Савицкий и Грязнов также высказались за высокий дух своих полков. Но генерал-адъютант Стессель посчитал, что полковники Некрашевич-Поклад, Савицкий и Грязнов ответили неопределённо. Выслушав мнение военного совета, Стессель пришёл к мнению о необходимости сдать крепость.

19 декабря 1904 года генерал-лейтенант А. М. Стессель тайно обратился к японскому командованию с предложением о капитуляции, что стало для японцев полной неожиданностью. 20 декабря (2 января 1905 года) Стессель подписал приказ № 984 по Артур-Цзиньжоускому укрепрайону. Крепость была сдана вопреки мнению военного совета.

23 декабря 1904 года (5 января 1905 года) генерал-адъютант А. М. Стессель подписал капитуляцию.

Переговоры по капитуляции крепости велись тремя офицерами Генерального штаба, а именно: полковником Рейсом и подполковниками Дмитриевским и Хвостовым. Единственная льгота, которую удалось выговорить у японцев, была возможность отъезда в Россию всем офицерам, давшим соответствующую подписку.

Государь император Николай II своей телеграммой разрешил желающим господам офицерам вернуться в Россию, а остальным предложил «разделить тяжёлую участь своих солдат в японском плену». Среди офицеров начались колебания. Многие утверждали, что в императорской телеграмме конкретно указано, что старшим начальникам необходимо вернуться в Россию для доклада о Порт-Артуре.

После долгого обсуждения в Россию решили ехать 441 офицера, командиры бригад и полков, а также весь штаб генерал-адъютанта Стесселя во главе с полковником Рейсом.

Перед командиром 25-го полка полковником Некрашевичем-Покладом стояла сложнейшая задача, как поступить, остаться со своим полком в японском плену, чтобы быть до конца верным своим солдатам и офицерам, или исполнить Высочайший указ государя императора. Иосиф Григорьевич получил наказ от своих офицеров убыть со всеми военачальниками, дабы рассказать, как славно дрался его полк.

Иосиф Григорьевич исполнил указ Высшего руководства и наказ своих офицеров и убыл на Родину. Решение это для него, русского офицера, было мучительным и трудным.

Так началась, продолжалась и закончилась славная, героическая защита крепости Порт-Артур. Эта защита составляет славную страницу в истории Русско-японской войны энергией, отвагой, стойкостью и храбростью русских воинов. Они снискали достойную похвалу даже со стороны противника, выразившуюся в словах: «Только русский солдат мог так долго и упорно защищать крепость».

По окончании Русско-японской войны 7-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия прибыла в г. Иркутск.

Генералов и командиров частей прикомандировывали к штабам и корпусам, их судьбы решало военное министерство: кого оставлять на службе, кого увольнять в зависимости от результатов проведенного по ним расследования.

18.02.1905 – Приказом войскам Одесского военного округа полковник Некрашевич-Поклад И. Г. прикомандирован к штабу округа для исполнения различных должностей как штаб-офицер, так как 25-й Восточно-Сибирский полк остался в японском плену;

18.02.1905 – за отличие в делах против японцев полковник Некрашевич-Поклад И. Г. награжден орденом Св. Анны с мечами;

17.10.1905 – Приказом № 2273 главнокомандующего вооруженными силами, действовавшими против Японии, полк назначен к восстановлению, вместе с 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией, формирование полка произведено в г. Харбине (Маньчжурия).

За время пребывания в штабе Одесского военного округа, Иосифу Григорьевичу доводилось встречаться со своей семьей, проживавшей в городе Киеве. Жена Иосифа Григорьевича, уставшая от разлуки с мужем, уговаривала его уйти в отставку, ведь на её воспитании находилось трое детей, но Иосиф Григорьевич уговаривал жену потерпеть.

По окончании расследования, 28.11.1905 года, Приказом по войскам Одесского военного округа принято решение откомандировать полковника Некрашевича-Поклада в свою часть.

Иосиф Григорьевич перед отъездом приехал домой и объяснил жене, что ради офицерской чести должен принять свой полк. После этого он обдумает решение об отставке.

19.02.1906 – прибыл в полк;

01.03.1906 – согласно Приказу по 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, полковник Некрашевич-Поклад И. Г. вступил в командование полком.

Но Иосифа Григорьевича не покидали мысли о просьбе жены, и он принял решение подать прошение об отставке.

Но, по-видимому, не только настойчивая просьба жены побудила боевого офицера подать этот рапорт. Позорная сдача крепости Порт-Артур и то, что он оставил свой полк в японском плену, также сыграли в этом решении немаловажную роль.

*Всепресветлейший, Державный,
Великий Государь Император
Николай Александрович,
Самодержавец Всероссийский, Государь Всемиловитый
Просит Полковник 25 Восточно-Сибирского полка
Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад о нижеследующем:*

Расстроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать службу Вашего Императорского Величества, и потому всеподданнейше прошу: к сему

Дабы повелено было уволить меня от службы с награждением следующим чином, и мундиром, и полным пенсионом.

Город Иркутск 8 мая 1906 года.

К подаанию подлежит по команде все прошение со слов просителя писал Штаб 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии старший писарь старшего разряда Григорий Никитич Данилович.

Прошение 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник Иосиф Некрашевич-Поклад руку приложил.

Со времени подачи прошения об увольнении от службы Некрашевич-Поклад И. Г. уволен в отпуск впредь до отставки. И убыл по месту проживания своей семьи в г. Киев.

ДОКЛАД
по ГЛАВНОМУ ШТАБУ

Управление дежурного генерала.
Отделение 17.
6 июля 1906 года

Отдел второй,
Стол 1.
№ 236

Начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии ходатайствует об увольнении от службы, по домашним обстоятельствам, командира 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Некрашевича-Поклада, с награждением чином генерал-майора, мундиром и пенсией.

Выписка узаконений о наградах, при отставке, при сем представляется.

Справка. Названный штаб-офицер 54-х лет от роду; происходит из дворян Могилёвской губернии. Вероисповедания православного.

На действительной службе состоит 35 лет 2 месяца 10 дней, с прибавлением же времени за походы и сражения, а равно за службу в Порт-Артуре во время его осады и за службу в отдельной местности 43 года 9 месяцев 25 дней, с прибавлением Порт-Артурского гарнизона, общей выслуги составит 9 лет 3 месяца 13 дней.

В походах и делах был в 1877–1878 гг. против турок и в 1904–1905 гг. против японцев.

Ранен не был.

Штрафам не подвергался.

Заключение. К увольнению от службы полковника Некрашевича-Поклада препятствий, по закону, не встречается и в случае Высочайшего Императорского Величества соизволения на таковое увольнение названный штаб-офицер, согласно приведённых в представляемой выписке ст. ст. 170, 178, и 186 кн. 8 Св. Воен. Пост. 1869 г. изд. 2-е и приказов по военному ведомству 1905 г. за № 351 и сего года за № 280, будет иметь право на награждение, при отставке следующим чином генерал-майора, мундиром и пенсией из государственного казначейства в размере полного оклада. По чину полковника, по / 575 рублей 2/ из эмеритальной кассы по 755 руб. и 3/ из сумм предельного бюджета Военного Министерства добавочная пенсия по 1790 рублей всего по 3120 рублей в год, что составит 80 % получаемого им содержания.

ИСПРАШИВАЕТСЯ:

Благоугодно ли будет ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВЫСОЧАЙШЕ составить на увольнение полковника Некрашевича-Поклада от службы, по домашним обстоятельствам, с награждением чином генерал-майора, мундиром и пенсией.

Генерал-лейтенант (подпись).

В штаб 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии прибыл пакет с Высочайшим соизволением за № 2180.

*Собственную Его Величества рукою написано «Согласен»
7 июля 1906 года*

Генерал-лейтенант (подпись)

Испрашивается Высочайшее соизволение на увольнение от службы командира 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, полковника Некрашевича-Поклада, с награждением чином генерал-майора, мундиром и пенсией.

На действительной службе названный штаб-офицер состоит 35 лет 2 месяца 10 дней, с прибавлением же времени за походы и сражения, а равно за службу в Порт-Артур во время его осады и за службу в отдельной местности – 43 года 9 месяцев 6 дней.

В настоящий чин 1 год 7 месяцев 25 дней. С прибавлением же времени за бытность в составе Порт-Артурского гарнизона, общей выслуги составит 9 лет 3 месяца 13 дней.

К испрашиваемому увольнению от службы препятствий, по закону, не встречается.

Все расчёты по службе, увольнению в отставку с пенсией были соблюдены. Назначенная пенсия подлежит ассигнованию из Государственного Казначейства, по Киевской Казной Палаты.

Высочайшим приказом № 821 от 8 июля 1906 года полковнику Некрашевичу-Покладу Иосифу Григорьевичу был присвоен воинский чин генерал-майора.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Полковника 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка

Иосифа Григорьевича Некрашевича-Поклада

Составлен 15 мая 1906 года

Семейное положение на 15 мая 1906 года:

Женат на дочери полковника Соколова, девице Евгении Александровне Соколовой.

Дети: Александр, родился 1 января 1889 года; Татьяна, родилась 14 марта 1890 года; Владимир, родился 7 мая 1892 года. Жена и дети православные.

Ордена и знаки отличия на 15 мая 1906 г.

Кавалер орденов: Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени с лентами, Св. Владимира 4-й степени с бантом, светло-бронзовая медаль в память войны с Турцией в 1877–1878 гг., серебряная медаль в память Царствования Императора Александра III.

Началась мирная жизнь. Иосиф Григорьевич в городе Киеве получил паспорт гражданина за № 2770 от 1908 года. Отдыхая от ужасов войны, Иосиф Григорьевич на своё пенсионное жалование решил поехать в санаторий, чтобы поправить здоровье. В июле 1914 года Иосифа Григорьевича застала война на территории Германии, где он находился на лечении. Он подвергся интернированию, превратившись после объявления войны в военнопленного. В 1915 году, несмотря на лишения и трудности, Иосифу Григорьевичу удалось освободиться из плена и вернуться по месту проживания семьи в город Киев.

Шла тяжёлая война. У Российской Императорской армии была необходимость в формировании ополченских частей. С 1914 года сроки об устройстве Государственного ополчения были увеличены, генералов призывали до 65 лет. В архивах был обнаружен документ.

Секретно.

ПРИКАЗ

Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего

19 ноября 1915 года

№ 264

Сформировать распоряжениями Штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта управление 114-й бригады Государственного ополчения и пешие дружины №№ 748–753, которые включить в состав означенной бригады (Штаты №№ 1 и 2, Высочайшие утв. 2-го марта 1913 года).

Подписал:

Начальник Штаба

Генерал от Инфантерии Алексеев.

Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад был призван из отставки на службу в ополчение Киева по воинской повинности 22 августа 1915 года по призывному листу № 11739 с назначением 1 декабря 1915 года командиром 752-й пешей Саратовской дружины 114-й бригады Государственного ополчения в составе 8-й армии Юго-Восточного фронта.

752-я дружина принимала участие в боевых походах в составе 40-го армейского корпуса с 20 марта по 14 мая 1916 года.

С 14 мая 1916 года (в течение одного дня) в составе 8-го армейского корпуса 8-й действующей армии.

752-я дружина принимала участие в составе 8-й действующей армии под командованием А. А. Брусилова на Луцком направлении. После месячной подготовки 5 июня 1916 года русская армия пошла на штурм. Австрийцы были выбиты с занятых позиций, и уже через два дня Луцк был взят.

С 16 июня по 17 июня 1916 года 752-я дружина находится в составе 23-го армейского корпуса.

С 17 июня по 4 октября 1916 года – в составе 8-го армейского корпуса.

11 ноября 1916 года 752-я дружина в составе 40-го армейского корпуса перешла границу Румынии, войдя в состав 9-й армии Румынского фронта.

20 декабря 1916 года командир 752-й дружины генерал-майор И. Г. Некрашевич-Поклад подписывает штатную численность офицерского состава своей дружины: полковников – 2, подполковников – 1, капитанов – 4, штабс-капитанов, поручиков, подпоручиков, прапорщиков – 14, врачей и классных чиновников – 4.

Согласно штатной численности 9-й армии, на 1 января 1917 года 752-я пешая Саратовская дружина не значится. Командир 114-й пешей бригады в составе 8-й действующей армии подписал штатную численность офицерского состава.

В расписании частей Государственного ополчения Юго-Западного фронта на 1 января 1917 года 114-я пешая бригада и 752-я пешая дружина не значатся.

Постепенный отказ от привлечения частей государственного ополчения для активного использования в боевой линии вернул их к более «традиционной» службе на фронтах: с 1916 года основное место ополченческих частей в тылу (фронтовом или «глубоком»), с выполнением вспомогательных задач небоевого характера.

Дальнейшие поиски в военно-исторических архивах о судьбе Некрашевича-Поклада Иосифа Григорьевича результатов не принесли. Части ополчения, как и все кадровые части, были расформированы в период с января по апрель 1918 года.

С 1918 года отчётность велась плохо, кроме того, значительная часть документов архивов ополченческих частей погибла во время революционных событий в армии. Сохранившиеся подлинные документы, касающиеся расформирования дружин (ополченческих бригад, корпусов), – большая редкость. Дальнейшая судьба Иосифа Григорьевича в период с начала 1917 года до конца октября 1920 года осталась пробелом для потомков.

11 ноября (по новому стилю) 1920 года по приказу главкома русской армии генерала барона П. Н. Врангеля началась Крымская эвакуация. Из Крыма на 126 боевых кораблях, судах и транспортных средствах было вывезено 145 693 человека (войска плюс беженцы). Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) в числе первых согласилось принять российских беженцев на своей территории.

В архиве ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) найдены опросные листы эмигранта генерал-майора Иосифа Григорьевича Некрашевича-Поклада, где он указывает, что 30 октября (по ст. ст.) 1920 года эмигрировал в составе отдельного офицерского батальона из порта города Феодосия.

В Феодосии находилось Кубанское правительство, а при нём – резервный офицерский батальон. Этот батальон Кубанское правительство держало для представительства. Вероятно, Иосиф Григорьевич был прикреплен к этому резервному батальону. Автором данного очерка производились поиски в архивах о поимённых списках Кубанского правительства, но, к сожалению, ничего обнаружить не удалось.

Исходя из опроса Иосифа Григорьевича, можно логически выстроить по дате, на каком именно пароходе он мог покинуть порт города Феодосия. К вечеру 30 октября 1920 года (по ст. ст.) были погружены люди на довольно большой пароход Добровольного флота «Корнилов». Он отошёл от пристани и вышел на рейд. Утром 31 октября (по ст. ст.) тронулись дальше, взяв курс на Константинополь. Вечером 1 ноября (по ст. ст.) 1920 года отправились в Константинополь пароходы «Пётр Регир» и «Аскольд». Можно предположить, что Иосиф Григорьевич был на пароходе «Корнилов».

По прибытии в Константинополь Иосиф Григорьевич был расквартирован в городе, в гостинице. Исходя из большого потока беженцев в Турцию, французские власти забеспокоились и начали осуществлять перевозку беженцев в Королевство СХС. Перевозка беженцев во внутренние районы началась 13 декабря. Иосиф Григорьевич указал, что 17 декабря 1920 года прибыл в Боко-Которскую.

В этот день французский грузовой пароход «Austuia» зашёл в Боко-Которскую, на борту находилось 3963 беженца (700 женщин, 400 детей, из которых 100 малышей в возрасте до одного года и 120 инвалидов). Можно предположить, что Иосиф Григорьевич находился именно на этом пароходе в числе инвалидов. Во время поездки на корабле были зарегистрированы случаи тифа. В заливе были оборудованы девять кабинетов и изоляторов для инфицированных.

По прибытии Иосиф Григорьевич был зачислен в Королевство Боки-Которской. С 13 января 1921 года он был принят в приют для инвалидов в колонии Рисано: «Инвалидность – преклонный возраст; инвалид 2-й категории, удостоверение № 2110 от 20 апреля 1921 г. Утраченной трудоспособности 100 %. Паспорт № 2773 от 1908 года».

В групповых списках на получение пособия беженцам, утратившим 100 % трудоспособности, также указан генерал-майор Некрашевич-Поклад Иосиф Григорьевич, который, согласно ведомости о выдаче ссуд и пособий на 1921 год, получал 240 динар. С января 1922 года по апрель 1925 года получал по 100 динар. С мая 1925 года по декабрь 1925 года – по 50 динар. Также Иосиф Григорьевич получал ежемесячно 100 динар карманных денег.

В архиве также обнаружен документ, где указано, что 02.05.1922 года Государственная комиссия постановила: выслать Иосифу Григорьевичу Некрашевичу-Покладу по почте 100 динар, удержанных по списку № 2985 за май (колония «Вирје», Хорватия) с Константина Ивановича Некрашевича-Поклада. Надо полагать, что связь с племянником, который также был в это время в эмиграции, у Иосифа Григорьевича была.

Русским офицерам выпала в эмиграции тяжёлая доля. Черногорская община русских эмигрантов начала XX века была не самой многочисленной в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, но качественный состав общины был очень высоким. Только на одном из кораблей в бухту Каттаро в конце 1920 года прибыло 30 генералов, профессоров, докторов наук из разных областей, научных деятелей, высших чиновников, священников. Это были высокообразованные, культурные люди.

Жизнь русских эмигрантов в Черногории была не сладкой, требовалось каким-то путём зарабатывать на пропитание. Генералы, офицеры, научные деятели брались за любую работу, чтобы прокормить себя и свою семью.

В конце 1925 года Иосиф Григорьевич тяжело заболел и был помещён в военный госпиталь в г. Каттаро (КСХС; ныне г. Котор, Черногория). Источник журнала «Русский вестник – Черногория» указал, что генерал-майор Некрашевич-Поклад Иосиф Григорьевич 23 декабря 1925 года умер в военном госпитале и похоронен на православном кладбище в селе Шкаляри (ныне район г. Котор). Хотя из сведений инвалидного дома Рисано известно, что Иосиф Григорьевич умер 5 января 1926 года и выбыл из списка 6 января 1926 года.

Военное кладбище в Которе, где были похоронены русские военные, постигла горькая участь. После землетрясения 1979 года при строительстве туннеля Врмац власти снесли захоронения военных в Шкаляри, где прошла автомобильная трасса. Протоиерей Момо, пытавшийся защитить захоронения от беспредела власти, собрал посмертные останки из-под ножей бульдозеров и захоронил их в двух гробницах на православном кладбище.

Таким образом, могила русского генерала Иосифа Григорьевича Некрашевича-Поклада не сохранилась.

В городе Киеве осталась проживать его семья: жена – Евгения Александровна, дети: Александр (родился 1 января 1889 года), дочь Татьяна (родилась 14 марта 1890 года), сын Владимир (родился 7 мая 1892 года). Ещё одна дочь (к сожалению, имя её не установлено) родилась в 1905 году.

Осталось загадкой, по каким причинам Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад эмигрировал без семьи.

Со слов соседа одного из сыновей Иосифа Григорьевича, Чирикаленко Бориса Николаевича, известно, что старший сын Александр в 1918 году окончил юридический факультет университета Св. Владимира города Киева, работал юристом на предприятиях Киева. Второй сын, Владимир, в ноябре 1916 года – юнкер Елисаветградского кавалерийского училища, ускоренный курс которого он

окончил в 1917 году. Но Владимиру не довелось служить в армии. Работал клерком на предприятиях города Киева.

Автор очерка обратился в архив РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив), пытаясь найти информацию о Владимире. Но, к большому сожалению, из ответа архива стало ясно, что документы по личному составу юнкеров за 1916–1917 гг. отсутствуют (на хранение в РГВИА не поступали).

Известно, что в 70-х годах XX века сыновья Иосифа Григорьевича, Александр и Владимир, умерли и похоронены на городском кладбище города Киева.

О судьбе дочерей Иосифа Григорьевича никакой информации обнаружить не удалось.

По древнему народному поверью, когда герой уходит в мир иной, падает с неба звезда и гаснет. Но не пропадают бесследно дела его, – они бессмертны, ибо в них живёт дух народный, его история. По-прежнему ярко горит негасимая звезда славы героя этого очерка.

Вечная память Иосифу Григорьевичу Некрашевичу-Покладу – русскому офицеру, достойному гражданину России. Мир праху его!

Источники

РГИА. Ф.1343 оп.27 д.4304. Ф.1343 оп. 26 д. 1073. РГВИА. Ф. 409 оп. 2 д. 25928 (пс. 317-905). Русско-японская война 1904-1905 гг. ГАРФ Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 306. Л. 87. Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 308. ЛЛ. 159 об. Ф. Р-5942. Оп. 2. Д. 2. Л. 67об. Ф. 6792. Оп. 1. ЛЛ. 587-590. Сборник документов. Хрестоматия по русской военной истории Л. Г. Бескровный. Журнал «Русский вестник –Черногория». Русская эмиграция XX века в Черногории.

Словарь исторической лексики

1. *Офицерские заёмные капиталы (ссудо-сберегательное товарищество), из которых офицеры и классные чиновники военного ведомства могли получать на необременительных условиях денежные ссуды.*

2. *Условие на получение обыкновенного офицерского приза – обыкновенные призы записываются в формуляры офицеров в таком только случае, если бы состязание в какой-либо части армейских войск было произведено в высочайшем присутствии. За обыкновенный приз для стрелковых батальонов (с нарезкой) семьдесят девять рублей.*

3. *Наблюдающий за ходом и направлением операций по солдатской лавке и буфету – для наблюдения за общим ходом и направлением всех операций в лавке и буфете, согласно указаниям, получаемым от командира части, избирается в полках штаб-офицер (в отдельном батальоне – капитан). Он назначается не менее как на годичный срок.*

4. *Бивáк (бивуак, нем. biwak, фр. bivouac) – походный военный лагерь, походное расположение войск на отдых или ночлег под открытым небом вне населённых пунктов. Бивуак представлял то удобство, что во время формирования войска того или иного государства в самое короткое время могли расположиться на ночлег или отдых или сняться с них.*

5. *Генерал-адъютант А. М. Стессель во время Русско-японской войны «временно» занимал пост начальника Артур-Цзиньчжоуского (Квантунского) укрепрайона с подчинением ему коменданта крепости.*

6. *Генерал-лейтенант К. Н. Смирнов – комендант крепости.*

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор выражает признательность за практическую помощь писателю Юрию Александровичу Покладу за поддержку в исследовании предков, служивших в Императорской армии в разных чинах.

Берега истории

Виктор Ширяев

Виктор Иванович Ширяев – окончил Каспийское ВВМУ в 1948 году, служил в 33-й Краснознамённой бригаде подводных лодок Северного флота, на Краснознамённой гвардейской лодке С-56 командиром БЧ 2-3, артиллерийско-минно-боевой части, на подводной лодке В-8 серии Ю, флагманским минёром Бригады подводных лодок, общий стаж службы на Северном флоте 33 года.

Моряк и воин

*Автобиографические записки
из жизни капитана 1 ранга в отставке*

ПРОЛОГ

Однажды задумался я над вопросом – кто же были мои предки? Оказалось, что я о них ничего не знаю. Даже о своих родителях мало знаю. Дед по линии отца – Семён Ефграфович Ширяев – был уважаемым человеком в деревне Малое Доскино. Имел дом под железной крышей, а это было показателем благополучия. Однако дед не занимался крестьянским ремеслом, а работал на Сормовском судостроительном заводе медником-жестянщиком. Но раз Ефграфович, значит прадед Ефграф Ширяев. Вот всё, что мне известно. О бабке: занималась хозяйством, домашними делами (корова, свиньи, овцы, куры и огород). Про деда по материнской линии познания, можно сказать, нулевые. Знаю, что звали Александром, по фамилии Евлампиев, учительствовал в Вятских Полянах, пел в церковном хоре. Бабка Надежда, сколько я помню, жила сначала с нами, а потом с Ольгой (второй дочерью). Ни одного деда я и не видел, т.к. умерли они раньше, чем я родился.

О собственных родителях познания тоже не так уж велики. Пока мать была жива, всё собирались записать её повествования, да так и прособирались, а теперь уже поздно. Отец – Ширяев Иван Семёнович, родился в 1898 году и, как появилась возможность, из деревни тоже ушёл в город, работал писарем у Нобеля (был такой нефтепромышленник).

В Первую мировую служил вольноопределяющимся, затем – в ЧК, в милиции, председателем исполкома на Бору (это на левом берегу Волги, можно сказать, пригород Нижнего). Наверное, пошёл бы высоко, но водка подвела. Из партии исключили, с работы сняли, и стал рядовым служащим – начальником планового отдела в конторе. Дядя Лёня (мамин брат) по этому поводу говорил, что, мол, иногда всё, что ни делается, – всё к лучшему, если бы не случилось этого, то в 37-м году наверняка бы забрали без права переписки. Участвовал в Отечественной войне. Умер в 1957 году, не дожив до пенсии. А вот мать, Вера Александровна, – у нас долгожитель. Она дожила ровно до 95 лет. Умерла 30 июля 1998 года, в день рождения, прожив нелёгкую жизнь, взять хотя бы отцовскую драму.

Мои родители. Детство

Я родился в 1926 году, декабря 26 дня, в городе Нижний Новгород (а не в Горьком, как он стал называться с 1932 года), в роддоме на ул. Фигнер (не помню, как она называлась раньше), где ровно через 24 года и 363 дня родился Саша.

Мама всегда возмущалась, почему переименовали город, ведь А. М. Горький там даже и не родился. А вот переименован он в связи с 40-летием литературной деятельности, т.е. в 1932 году. В то время такое переименование шло повально, как, впрочем, и после развала СССР.

Жили родители мои на ул. Мистровской. Когда мне было два года (как сейчас помню, если помню), переехали на Гражданскую улицу (так раньше называлась ул. Белинского). Дом был поповский. Дом так себе. Дом как дом, все удовольствия во дворе, вода в колонке, а вот сад при нём был шикарный, с большим набором фруктовых деревьев и кустарников.

Жизнь протекала, как у всех мальчишек того времени, в уличных играх и забавах. Были в наше время такие игры, как чиж, попагоняла, прятки, лапта, городки, козлы и другие живые игры, так что по подъездам нам было некогда сидеть, да в старых домах их и не было.

В малолетстве пытались меня подключить к детскому саду, но не прижился я там, и забрали меня обратно. Вскоре приехала бабка Надежда (мамина мать) с двумя козами – у матери болели лёгкие, и ей нужно было козье молоко.

На лето нас списывали в деревню – на отцовскую родину. Это в 20 км от города. Начиналось всё с путешествия на пароходике – другого пути не было. Перед этим отец заходил в пропахший колбасой магазин, покупал колбасу, ну и, наверное, бутылку. В деревне ведь жил его младший брат.

Летняя жизнь запомнилась осваиванием деревенской премудрости. С утра шли на колхозный двор, где главное было – попасть к делу с лошадьми. Доверяли нам, мальчишкам, возить песок с Оки, а дядька Лёня иногда давал поработать на конной косилке или граблях. До сих пор помню, как запрягать лошадей, и всю их утварь.

Ещё до школы дядя Федя (это муж маминой сестры Ольги, погиб в войну под Ленинградом) приучил к настоящим, а не дворовым лыжам. Вот с тех пор это пристрастие и сохранилось, несмотря на пять лет, проведённых в Баку. Да и в Полярном за десять лет сходил всего несколько раз. Зато в Североморске я это компенсировал, где приучил и Сашку, а вот Алексея не удалось.

В школьные годы появились и товарищи: Юрка Сорокин и Генка Созонтов. Генка, правда, был больше домашний, а вот с Юркой было интересней. С ним на лыжах мы облазили все овраги и леса вблизи города. Однажды, не заметив как, забрели на стрельбище и поняли только тогда, когда зашвистели пули. Теперь этих мест не узнать – застроены микрорайонами. У Юрки всегда возникали идеи, как то: морские бои с самодельными кораблями зимой дома, а летом на пруду в оврагах. Там мы весной катались на льдинах и, естественно, проваливались, а затем обсыхали у костра. И кто знал, что это увлечение растянется на долгие сорок лет службы в Военно-морском флоте. Вначале мать спрашивала, а не лучше ли было быть инженером, но что я мог ответить, когда другой жизни не знал.

Летом частенько пропадали на Волге на песках и плотках. Там тоже всякое бывало. В овощной, если можно так сказать, сезон паслись на пристанях, куда приводили баржи с Нижней Волги с арбузами, огурцами и прочими овощами. Кое-что перепало и нам. Нет, не потому, что было голодно, а просто интересно, так же как, например, угадывать по гудкам названия пароходов. А ещё из области хулиганства – это стащить вилок капусты у тётки, идущей на базар. Это делалось так: мы сидим на заборе с заточкой, тётка на коромысле тащит две корзины, одна, естественно, сзади, и мы этой заточкой накалываем вилок и вынимаем, а тётка идёт дальше и даже не представляет, что ей стало легче. В общем, была относительная свобода, ведь родители были на работе, а у Нины (сестры) были свои интересы. Короче – настоящее счастливое детство, и бывает оно однажды. В чём его смысл – не знаю. Наверное, в отсутствии житейских забот.

Наступил 1941 год, год окончания 7-го класса, и естественно, мы втроем подались в военноморскую спецшколу. Мать вроде возражала – ей больше инженеры нравились, а отец сказал, что раз хочет, пусть идёт. Однако получилось всё не так радужно – 22 июня началась война.

Война

Сообщение это по радио прозвучало днём 22 июня – выступил тогдашний министр иностранных дел В. М. Молотов. Как сейчас помню, мы в это время сажали помидоры. В начале все думали, что это не надолго, каких-нибудь несколько месяцев – ведь «Красная Армия всех сильнее» и, как обещал Клим Ворошилов – нарком обороны, врага будем бить на его территории. Война в Польше и с финнами (о ней, правда, мало кто знал истину в то время) вроде бы это подтвердила.

Но это были иллюзии, как продукт пропаганды по средствам информации и кинофильмам «Три танкиста», «Парень из нашего города».

Миф этот рассеялся после выступления Сталина по радио 3 июля 1941 года с обращением к советскому народу и падением Минска и Смоленска. Вместо нескольких месяцев война длилась 1410 дней.

Отец прошёл почти всю войну (с января 1942-го) до Вены, а мамин брат Лёня, Польскую, Финскую и Отечественную, и все вернулись.

К началу учебного года здание (в нём после войны разместился университет) заняли под госпиталь, а нам отдали здание одной школы в районе автозавода. Приходилось ездить тремя трамваями с пересадкой. Транспорт ходил плохо. Однажды, не дождавшись трамвая (9-й номер) и уже не успевая в школу, мы с Юркой (Генка от нас откололся – медицина забраковала) решили вернуться домой. Вышли на площадь Горького, и тут над крышами вынырнул «юнкерс» и пошёл поливать из пулемётов. К счастью, всё обошлось.

Однажды ночью проснулись, мягко сказано, от сильного взрыва и звона вылетающих стёкол, это прошёлся над нами «юнкерс». И так как ему не удалось сбросить бомбы на цель, то он решил просто освободиться от груза. Бомбы, а их было несколько, упали буквально в нескольких сотнях метров от нашего дома. Мать (отец к этому времени был мобилизован) увела нас в щель (это такое якобы бомбоубежище, вырытое жильцами в саду), но самолёт уже улетел. С рассветом пошли смотреть. Страшная картина – на деревьях повисла домашняя утварь, дома нет и только обгорелые трупы. Подобные картины приходилось видеть и ещё, но первое впечатление – ужасное. Когда показывают в фильмах ужасы бомбёжек, это действительно так.

При очередной бомбёжке на заводе, что на Мызе, погиб двоюродный брат Николай. После этого, не помню как, но я перестал ездить в школу, да и прикрыли её на какой-то период, так что судьба могла сложиться и иначе. Всё-таки школа выжила и была переведена на Гребешок (район города) в здание военно-воздушной спецшколы. Время было уже зимнее. Сидели в шинелях, чернила замёрзшие, учились через день по девять уроков.

Но вот наступило лето, и отправились мы в лагеря на Волге. Жили в полуземлянках, т.е. половина в земле, а сверху крыша, которая от дождя не очень спасала. Занимались там общевоинской подготовкой и морпрактикой. Всё ничего, но считай все прихватили малярию, не проскочил и я.

Время было тяжёлое – описать его трудно. Чтобы понять – нужно пережить, хотя, не дай бог, как говорится. Мать ездила по деревням (понятие это не современное), как и многие другие, меняла вещи на картошку, муку и другое съестное. Я ездил на велосипеде за картошкой на Бор. Нужно было переправиться на пароме через Волгу, а там ещё пять километров до поля, накопать мешок картошки и обратно, но если туда было под гору, то обратно, естественно, в гору, а мне в ту пору было всего пятнадцать лет.

Чтобы не думать о еде, мы ходили в оперный театр. Он же был рядом. Билет на галёрку стоил три рубля, а буханка хлеба под сто. Мы брали билеты за три рубля, а сами в ложу, за кресла. Зимой же раздевались у приятеля (он жил совсем рядом, хотя и мы тоже близко) и как бы выходили покурить. Потом спокойно заходили вовнутрь – и в ложу. Надо сказать, что билеты на транспорт, кино, театр не повышались. За это время я прослушал весь репертуар по несколько раз, и не только опер, но и оперетт.

Был у меня уличный приятель – Игорь Веденский, и однажды на очередном просветительском мероприятии мы познакомились с девушками. Это были Наталья Шпажникова, ныне Касаткина – заслуженный педагог РСФСР, и Нина Разумовская. Впоследствии эта компания разрослась, и мы вместе проводили время.

Была с Игорем у нас ещё одна страсть – велосипед. Однажды мы втроем решили прокатиться – один в седле, второй на багажнике, а третий на руле, но на булыжной мостовой наш «Боливар» не выдержал и развалился.

Так мы и жили, а в 1943 году, долго гадая, что с нами, спецшкольниками, делать, всё же решили сдать в подготовку при каком-либо училище либо, что и сделали, – организовать самостоятельное училище. Проходили медкомиссию, и вот тут малярия дала себя знать. Прошли не все, а мне повезло – проскочил. Училище решили создать в Баку.

В июле, числа не помню, на п/х «Спартак» поплыли мы вниз по Матушке по Волге. Под Сталинградом (Волгоград ныне) налетели на минное поле – капитан шёл первый раз и обстановки не знал, но всё кончилось хорошо. Бои в Сталинграде завершились в феврале, а мы были в июле, но казалось, что бои кончились только вчера: мины, снаряды, гранаты, холодное оружие, мундиры, ордена, днев-

ники и письма, фотографии – всё, что осталось от немцев, а в подвалах даже трупы. Нам же было всё интересно, ну и набрали всякой всячины, особенно гранат. Пересадили нас в Сталинграде на т/х «Академик Карпинский», и, когда поплыли дальше, началось гранатометание (рыбы, наверное, поглотили изрядно). Так мы дошли до Астрахани, где примерно неделю ждали, на чём нам идти до Баку. Из всей этой части путешествия по Волге запомнились города Сталинград, Камышин и Астрахань своей дешёвой копчёной рыбой и знаменитой в ту пору селёдкой – «залом».

Настал день, и мы погрузились на танкер «Баксовет». Кто примерно знает, что такое танкер, может представить, как на нём идти – помещения только для команды, мы на верхней палубе под палящим солнцем. С продуктами было плохо, и кормили нас хлебом и селёдкой, после которой, все, очевидно, знают, хочется пить, но на танкере запасы пресной воды ограничены и не рассчитаны на пассажиров. Вот потому мы устроили так называемый «селёдочный бунт», который, правда, разрешился мирным путём.

Мы впервые в настоящем, хоть и закрытом, море. Странное началось с самого начала плавания. Вроде уже и берегов не видно, а в нескольких сотнях метров рыбаки ходят всего по колено в воде. Слышал я раньше из уроков географии, что есть такой 12-футовый рейд, где перегружают нефть с танкеров на нефтеналивные баржи, но не представлял, что это может выглядеть таким образом. Наш танкер шёл в балласте (т.е. без груза), поэтому мы могли пройти каналом от Астрахани до рейда. На всём переходе стояла отличная погода и гладкое море даже в районе штормового Дербента.

Вторая странность – закончилась моя малярия, т.е. прихватил приступ, и я забрался в спасательную шлюпку, отлежался, и всё, больше я с ней не встречался, хотя вроде бы юг наиболее подвержен этой заразе.

Через трое суток ошвартовались у 16-го причала Баку. Начался очередной этап жизни. Получилось так, что на воинскую службу мы попали, минуя военкомат и призывной пункт.

Курсант

Первое, что запомнилось в Баку, это баня. Выдали такое подобие мыла, что оно осталось всё в волосах и пришлось его извлекать механическим путём. Затем нас завели в какой-то двор и сказали, что это и есть конец нашего маршрута. Оказалось, что мы были не первыми. Здесь находились уже одесситы, прибывшие из Средней Азии, где они были в эвакуации, потом появились москвичи из Ачинска. Кворум, как говорится, собрался. Началось создание Бакинского военно-морского подготовительного училища (БВМПУ).

На очередной проверке, то ли по медицине, то ли по проверке типа экзаменов, пролетел Юрка и ещё десять человек. Их отправили домой, и для них в Горьком открыли 10-й класс. А я остался, и началась, как в книжках описывали, – бурса. Для начала у меня стащили посылку, которую я должен был передать в Баку, а затем и часы, которые мне специально купила и подарила мать.

Здание было большое, но не приспособлено для занятий, поэтому мы что-то ломали, что-то делали – приспособляли. Казарма была в другом месте, и её тоже надо было оборудовать, т.е. обустраивать кровати. Поскольку на голом месте организовать полноценный учебный процесс непросто и это требует определённого времени, нас, чтобы не мешались, направили на практику. Сформировали взводы – они же и классы, и разослали кого куда.

Первоначально наш класс попал на парусную шхуну ПШ-1, таких было три. Командиром у нас и всей этой троицы был младший лейтенант Коваленко. Стояли мы на рейде Зыха. Это там, где находилось Каспийское высшее военно-морское училище, в котором придётся пробыть четыре года. Пробыли мы на ПШ недолго, главное, чем занимались, это драили медяшку, палубу кирпичиком с песочком, а планширь стёклышком. На дежурной шлюпке ходили за водой. Вот тут и пригодились уроки лагерей в спецшколе. Оказалось, что, как ходить под парусом, никто, кроме меня, не знал (москвичи были). Единожды всей «эскадрой», обозначив поход, прошли по рейду.

Впоследствии как-то раз пришлось быть на парусно-моторной 2-мачтовой шхуне «Бейдевинд» (финской постройки), и запомнилась она мне тем, что, когда нужно было поворачивать, командир (а он не умел управлять парусами) командовал: «Охапкин, заводи мотор, поворачивать будем». Охапкин запускал балиндер, и шхуна поворачивала, а паруса полоскались сами по себе. Вот фамилию командира не помню, а моториста – врезалась.

После пребывания на ПШ отправили нас в лагерь. Это было чистилище. Почти пустыня, а в пустыне бараки (говорили, что это были лагеря заключённых). В целом бараке был штаб. В бараках нет окон, т.е. без стёкол рамы. Никаких коек, матрац на полу и одеяло, в которое заворачивались, иначе за ночь занесёт песком. Подъём в пять часов и под звёздами в море – купанье и умывание – всё вместе, и целый день строевые занятия. Солнце жарит и палит, а в кювете сидит ротный и смотрит, как высоко поднимают ногу, ориентир – проволока, натянутая на высоте 30 сантиметров. Перед обедом опять море, перед отбоем 45-минутная строевая прогулка с песнями, а ночью 3–4 тревоги. Не успели за пять минут встать в строй, через полчаса, только глаз закрыл, повтор. В одну из таких тревог в строю прошёл хохот. Оказалось, в спешке Азарий Абарбарчук надел брюки задом наперёд. Вот как торопился, чтобы не подвести взвод и не получить очередной тревоги. Иногда в промежутки между тревогами умудрялись делать набег на соседние виноградники. И так целый месяц. Не все выдержали такой нагрузки и ушли – присягой ещё не были связаны.

После лагерей снова в море на учебный корабль «Шаумян» – это как рай. То было торговое судно, мобилизовано, как многие другие. Однотипный «Шаумян» корабль «Правда». Капитану присвоили воинское звание – и вперёд. На «Шаумяне» в этот раз и позже, будучи уже в высшем училище, пришлось пройти много миль и провести немало времени. В этот раз мы пошли в Иран (как говаривали: курица не птица, Иран не заграница). Потом было несколько походов в Иран за грузами, поступающими по ленд-лизу от американцев. Этот транзит давал и нам многое из продуктов и даже из обмундирования. На втором курсе КВВМУ нам пошли суконки и брюки из английского сукна. Товар был добротный до такой степени, что при выпуске из Каспийки, как мы называли высшее училище, шмотки забрали ребята с младших курсов, которым такая лафа уже не светила. Офицерское обмундирование тоже шили в ателье из английского материала. Хотя я уже выше говорил, что курица не птица, но все же первый раз в загранике.

Самый большой порт и город – это Пехливи (по имени шахской династии). Всё было как не у нас: магазины открыты, продавцов нет, крикнешь, появится. Многие знали русский, выходцев из Азербайджана много было. Сошли с корабля. По дороге в город стоит табачная лавка, пачка сигарет один туман, обратно идём – уже полтора. Ещё перед выходом знатоки говорили, что нужно брать олово – выгодное дело. Килограмм олова – часы из американского золота (так в то время назывался анодированный металл.) Но у нас не было ни олова, ни иранских денег, а три реала, что нам дали, – это ничто. Кадровая команда покупала рис. У них был отлаженный конвейер купли-продажи.

Но вот закончилась наша предстартовая подготовка, и началась самая обычная учёба с некоторым разнообразием в виде разных воинских представлений, которые сохранились и до сей поры (по телевизору иногда показывают, когда про армию что-то хотят сказать).

1 января 1944 года приняли военную присягу. С этого момента вся деятельность подчинялась воинским законам со всеми вытекающими последствиями, но по расплойству писаря всем, кто учился в КВВМУ, службу числят с 30 июля, т.е. с момента зачисления в Высшее училище. Выходит, мы семь месяцев ходили в дезертирах. Правда, это сейчас уже не имеет значения, если только ради справедливости.

Самое большое мероприятие вне классной учёбы было строительство бассейна в училищном парке. Чтобы строительство велось, невзирая на классные занятия, за малейшее нарушение щедро раздавались наряды на работу. Так или иначе, но бассейн был сделан. Руководил всем этим мичман Дикой – феномен, проплывал 25 метров, т.е. бассейн, со связанными руками.

В первом же увольнении с Генкой Устиновым (земляк) налетели на патруль за не отдавание чести, результат – месяц без увольнения, правда, мы с ним нашли одну лазейку в парке, где можно было в самоволку сбегать.

Так прошёл год, наступила пора экзаменов. На календаре июль, температура тридцать с лишним, мозги плавятся. Было два варианта укрыться от этого пекла: забраться в пустующий класс и раздеться до трусов или периодически падать в бассейн.

Но вот экзамены сданы, построение и объявлен приказ об окончании подготовительного отделения и зачислении в высшие училища, кого во Фрунзе, кого в Дзержинку (инженерное училище), а кого в Каспийку. По какому принципу делили, не ясно, вот только в Дзержинку спрашивали желание. Приказ зачитали, и в тот же день и в тот же час пешим переходом, а это где-то километров пятнадцать, прибыли в Каспийское высшее военно-морское училище (КВВМУ), в обиходе – Каспийка. Прибыли мы ночью, а поутру построили на плацу для встречи с начальником училища. Было это 31 июля

1944-го. Начальником тогда был контр-адмирал Сухиашвили. Баку, как известно, город ветров, так вот, этот ветер и сорвал несколько бескозырок, Сухи (как его для краткости называли) взял бескозырки этих неудачников, растянул их на коленке и нахлобучил их до ушей, сказав: «Вот так надо носить».

Прошёл год, как мы оставили родные места и родных. Хотелось домой, а отпуск был не положен. Надо было искать выход, и он нашёлся – телеграмма – и о чём? – о том, что мать больна. Начальство знало, что это липа, но они же тоже люди. Добраться до Горького, да ещё в войну, – это была проблема. Приходилось ехать в тамбурах и даже на сцеплениях, о билетах ведь и говорить нечего. И всё это из-за нескольких дней.

Первые два курса, с точки зрения учёбы, как и везде, были скучными, т.е. в основном общеобразовательные предметы, а вот третий и четвёртый – спецпредметы и марксизм-ленинизм. Говорили, что это главный предмет, без которого не выйти в торпедную атаку. Это означало, что я в отличниках не состоял. Это не дань современной моде – всё, что было, ругать и строить из себя демократа. Нет, я действительно не мог много понять, поэтому не любил эту науку во всех её проявлениях.

День за днём сменялись, как в хорошо отлаженном механизме: подъём, физзарядка (форма одежды: трусы, ботинки в любую погоду, зимой и летом), приём пищи – 125 человек за одним столом (сесть по сигналу, встать по сигналу, успел не успел, доедать не дадут. До сих пор сохранилась привычка быстро есть), классные занятия, самоподготовка, отбой. На последних курсах, с момента закрепления в сборной училища по бегу, моя физзарядка состояла в пятикилометровой пробежке. В субботу и в воскресенье увольнение. На Зыхе (так называлось место расположения училища) делать было нечего, т.к. это был военный городок из жилых домов обслуживающего персонала и преподавателей, поэтому ехали в Баку, в город. До города было примерно 15 километров. Естественно, этот путь пешим ходом преодолевался только в экстремальных условиях. Так было 23 февраля (год не помню), когда прошёл мокрый снег и затем всё обледенело, а для южных городов это бедствие, ну, транспорт и встал на прикол.

Так вот, чтобы попасть в город, нужно было перехватить машину (бортовую, естественно). Делалось это так: по обе стороны дороги выстраивались товарищи курсанты и в районе поворота, когда машина сбавляла скорость, вся эта шайка бросалась на неё – один толчок, и ты в кузове «Студебекера». Высший пилотаж – это посадка с колеса. Спроси сейчас, как это можно было сделать, сказал бы, что это невозможно. Главная забота при этом – не потерять палаш, который мог вылететь из ножен, и тогда надо было начинать всё сначала. Правда, к концу 3-го курса, когда мы уже несколько пообнаглели, палаши после построения и получения увольнительной ставили обратно в пирамиду. Однажды начальник курса зашёл в роту, а там только дежурная служба, и спрашивает: «Сколько курсантов в увольнении?» Дежурный бодро отвечает: «Так что все, кроме службы». – «Не похоже», – сказал, поглядев на пирамиду, и молча ушёл.

При возвращении из города было проще. Мы делали баррикаду из подручного материала, и ни одна машина не могла проехать, пока не набьётся полный кузов. На поворотах, чтобы случайно кто не выпал, подавалась команда: «Крен на правую» или «Крен на левую». Шофера про нас все знали и даже не сопротивлялись.

Одно время в училище были организованы курсы по подготовке командиров малых кораблей из старшин и мичманов, прошедших войну. Это были отчаянные ребята. При очередном возвращении из увольнения они захватили трамвай (сам в нём ехал). Вожатый вышел из вагона, так как не хотел ехать в сторону Зыха. Был брошен клич: «Кто может вести трамвай?» Такой умелец нашёлся, и, не переводя дугу (путь был одноколейный), трамвай, под фейерверк искр, двинулся в путь. За ним, размахивая руками, бежал водитель трамвая. На следующий день привезли водителя на опознание злоумышленников, но, конечно же, он их не обнаружил – или побоялся опознать, или в униформе все одинаковы. Была среди этих курсантов легендарная личность – мичман Сосна, действительно, могучий как сосна, и звали его меж собой – «мичман-сосна, голова-дубина». Так вот, он на выпускных экзаменах по прокладке (это предмет навигации) стёр с карты остров, так как он ему «помешал».

Желанию пойти в увольнение не мешали ни марш-броски на 30 километров, ни переходы в Баку на парады по случаю. Парады – это красиво всегда, и особенно когда шли курсанты квадратом 10 × 10 с винтовками наперевес и примкнутыми штыками, как капелевская психическая атака в к/ф «Чапаев». Правда, мало кто знал, как эти парады нам доставались. За месяц до парада каждый день после занятий по часу строевая подготовка. За неделю – ночью генеральная репетиция в Баку. В день парада подъём в четыре утра, переход в город (это 15 км) по ефрейторскому варианту, т.е. каждый начальник

берёт себе временной запас, а, как результат, приходили минимум за час-полтора до начала парада, 10 минут показа и обратно на Зых. Таких пародов на моём счету минимум девять. Однако энергии и сил хватало, чтобы после этого идти в увольнение. Но вот в планомерный ритм жизни довольно часто вклинивалось такое мероприятие, как карантин, а это значило – запрет увольнению во благо здоровья курсантов. В это время начиналось брожение умов. Кто на пари бегал вокруг плаца, а это 400 метров, в экзотическом наряде типа набедренной повязки из полотенца, а легендарная личность Азарий Абарбарчук за килограмм печенья простоял 40 минут под холодным душем.

По стечению обстоятельств, карантины по времени совпадали со спортивными мероприятиями в городском масштабе, и нам поэтому удавалось всё же бывать в городе на так называемых прикидках по трассе соревнований (знакомились со своим этапом). Мои этапы почему-то всегда были с подъёмами, а посему была кличка – горный егерь.

В 1948 году мы выиграли городскую эстафету «30 лет Советской Армии», и, что характерно, опять был карантин. После вручения кубка, поскольку мы были бегуны, мы и разбежались, несмотря на призыв физрука возвращаться в училище. И вообще, курсанты – народ не хлипкий. В Баку держали первенство по боксу, штанге, борьбе, фехтованию и бегу. Мой вид спорта был бег. Каждое утро в любую погоду во время зарядки пробегал 4–5 километров. Бегал как на училищных соревнованиях, так и городских – эстафете «За нефть и хлопок» и кроссе имени Багирова 3000, – завоевав место не призовое, но четвёртое.

С окончанием классных занятий и извечных экзаменов наступал период летней практики (июнь – июль), затем отпуск. Правда, после первого курса отпуск не полагался, и нас отправили на отдых, на Северный Апшерон. Жили в помещении школы. Рядом море. На Каспии (без нефти) вода приятного, в отличие от Чёрного моря, лазурного цвета, особенно вдали от берегов, когда под килем сотни метров. После первого курса проходили штурманскую практику на Каспии на учебном корабле «Шаумян». Утром снимались с якоря, день ходили и снова на якорь в устье Куры, где оставляли шлюпку для ловли сомов. А однажды попался осётр. Он был таких размеров, что пришлось тащить на буксире, т.к. не могли поднять в шлюпку. На палубу корабля его поднимали трап-балкой. Старпом похвастался своим искусством по разделке рыбы, но после удара хвостом по ногам покатился по мокрой палубе и больше желания по разделке не изъявлял.

Суть составляющих штурманского дела – это навигация и астрономия. Кафедра астрономии – кафедра чудаков (Тархов, Морозов и Толкачёв), влюблённых в свой предмет, иначе как можно объяснить, когда, рассказывая о суточном движении Солнца, преподаватель в чине капитана 3 ранга прятался под стол, затем, медленно выползая из-под стола и описав головой дугу, вновь скрывался за столом. А если учесть, что он был ещё и с лысиной, то эффект был потрясающий. Или, начертив круг на доске, отходил к дальней стене класса, бросал мелом в этот круг без промаха и говорил: «А вот это, товарищи курсанты, есть сфера небесная». После таких примеров невозможно забыть суть астрономии. Занудная часть астрономии того времени – это определение своего места в Мировом океане по светилам. Для этого нужно было знать звёздное небо, т.е. названия созвездий и звёзд первой величины. При помощи секстанта взять (определить) высоту светила, а это дело тонкое, чуть неточно определил, и ты как бы оказался не там, где ты есть. После этого нужно произвести массу арифметических расчётов на два листа, и называлась вся эта арифметика «жучки», потому как из 10 расчётов 8 неверных, а калькуляторов в то время не было. Курсанты – народ не только умный, но ещё и ленивый. Поэтому, не выходя на верхнюю палубу и не пытаясь, как мы говорили, поймать мартышку, т.е. взять высоту, не вставая с места, производили все расчёты «задним» ходом, но при этом сама высота была уже не нужна, а поэтому этот столбик и забывали заполнить. В таких случаях получали резолюцию типа: очень хорошо соображаешь – двойка.

Из афоризмов этой троицы это определение приборки. Для ясности – ежедневно на кораблях проводится три приборки – утром, перед обедом и вечером перед ужином – по 30 минут каждая. В субботу проводится так называемая большая приборка с утра и до обеда. Так вот, по определению Морозова, большая приборка отличается от малой более интенсивным размазыванием грязи. На крейсере «Красный Кавказ» (Черноморского флота) по правому шкафуту на палубе отходила одна доска, и во время мокрой приборки под неё затекала вода, и выбрать эту воду под сухую было невозможно. Зная это, помощник, капитан-лейтенант в ту пору, Юдин обязательно наступал на эту доску и, естественно, из-под неё вылетали брызги, чему он был очень рад, так как можно было устроить разнос прибор-

щикам, т.е. курсантам, поскольку мы были в роли матросов. Для чего это нужно было курсантам, без пяти минут офицерам? А вот что пишет Л. Соболев в книге «Капитальный ремонт»: «Швабра – это великая вещь. На ней да на чистоте весь флот стоит! Неужели ты думаешь (это обращение старшего брата к младшему), что тебя всерьёз три года учат медяшку драить? Подумаешь, какие интегралы! Не в том тут сила: тебя с отроческих лет приучают делать вещи, весь смысл коих заключается в их бессмысленности» и далее: «...ведь бессмысленно драить медяшку, когда висит туча и через полчаса пойдёт дождь». Но мы прошли эту школу, и, думаю, не напрасно. После 2-го и 3-го курсов практику проходили на Черноморском флоте на крейсерах «Красный Кавказ», «Красный Крым», «Молотов». После этих монстров, где лейтенантов что матросов, служба на них меня не прельщала, что, возможно, и предопределило моё желание пойти в подводный флот.

Путь до Севастополя был не близок, но интересен. Впервые выезжая из Баку на Тбилиси, кто-то сказал, что в Тбилиси дорогая соль, а в Баладжарах под Баку дешёвка, по факту оказалось липа, – бизнес прогорел. Запомнился Тбилиси своим базаром и гостеприимством. Так, шли по главной улице Шота Руставели, вдруг из подвального вылетает грузин, затаскивает нас в погребок и угощает Кахетинским. Это было 3 августа 1946 года, а 4-го по пути в Батуми на Сурамском перевале между селениями Цыпа и Молита при выходе из туннеля пять вагонов, в том числе и наш, завалились. Так железнодорожники отметили свой профессиональный праздник. Завалились мы удачно, потому как с другой стороны была пропасть, а внизу шумела горная речка. Так как была тёмная южная ночь (4 часа), то мы спали, и это, видно, было наше счастье, так как никто не метался и не пытался спастись. Я с третьей полки свалился вниз без всяких последствий. Потом кто как приспособился, и так доспали до утра. Дождь прошёл, взошло солнце – и всё прекрасно. Перешли в другие вагоны – и в Батуми, а Батуми – это субтропики: пальмы, бамбук, море и медузы. Через три дня на т/х «Украина» (по тем временам отличный лайнер) отправились по пути Сухуми – Новороссийск – Ялта – Севастополь. После «Украины» крейсер не показался. Севастополь, как у Жванецкого: «Израиль – это песок, пальмы и сплошные евреи», так и Севастополь – это море, белый камень и сплошные моряки, в том числе и в бронзе.

Второй заход на Чёрное море был более прозаичен. Вместо спального вагона – теплушка, вместо Батуми – лагерь в горах Потти, вместо лайнера – учебный корабль «Волга» с испанскими тараканами. Почему испанскими? Да потому, что это было испанское судно, оказавшееся в наших водах и интернированное в период гражданской войны в Испании. Практика на Чёрном море приходилась на праздник Дня Военно-Морского Флота, а посему устраивались разного рода мероприятия, как то: массовый заплыв с кораблей на Графскую пристань. Возглавлял эту плывущую толпу огромный портрет Сталина. После одного из таких представлений пошли на крейсерские шлюпочные гонки. Это многочасовая гонка на 30 миль. Дистанцию можно было проходить в любом варианте, т.е. можно на вёслах, можно под парусом или в комбинации: весла, паруса. Всё ничего, но мы в спешке забыли на стенке анкерок с пресной водой. По программе практики нужно было провести подрывные работы, и мы отправились в Стрелецкую бухту, долго искали объект «диверсии», и попала нам оставшаяся со времён войны (год был 46-й) артиллерийская позиция с солидным количеством снарядов. Вот мы их складывали горкой, подкладывали шашку в 200 грамм тротила, бикфордов шнур – и взрыв. Часть снарядов взрывалась, часть разлеталась, и так до последнего снаряда. Нам это в интерес, а руководителя наказали за неоправданный риск.

Так прошли четыре года, госэкзамены и выпуск. Было это 1 июля 1948 года. Приказ главкома ВМС о присвоении звания «лейтенант», вручение диплома и кортика – атрибута флотского офицера. Второй приказ о распределении по флотам, в основном с учётом пожелания. Я записывался на Северный флот на подводные лодки. Почему? Право, не знаю. Очевидно, потому что на подводных лодках никогда не был, да и негативные воспоминания о крейсерах, а Север – это просто загадочно. Вот с этой загадочностью и прослужил на нём 33 года до самого увольнения. Поскольку в училище о подводном флоте не преподавали, то вначале предписано было прибыть (после отпуска) в Ленинград, в учебный отряд подводного плавания.

И вот я впервые в Ленинграде: привокзальная площадь, Невский проспект и вдали Адмиралтейский шпиль. За два месяца нас теоретически приобщили к тому, что такое есть подводная лодка. Единжды сводили на подводную лодку типа «Правда», и с этим «багажом» нас и направили по флотам.

Окончание в следующем номере

Берега прочтения

Зоя Колесникова

Зоя Колесникова (Зоя Константиновна Покорная) – родилась в с. Елизаветино Воронежской области. Окончила исторический факультет Воронежского педагогического университета. Поэт. Член Союза писателей России с 2001 года. Автор девяти стихотворных сборников. Стихи публиковались в журналах: «Подъём», «Наши современники», «Берега», «Новая литературная Немига», «Молодая гвардия»; в альманахах: «Академия поэзии», «День поэзии – XXI век» и других литературно-художественных изданиях. Лауреат премий: «Кольцовский край» (Воронеж), Святой Татианы (Санкт-Петербург), премии Николая Гумилёва (Коктебель) за книгу «Выбирала цветы по цвету...». С 2010 года – руководитель литературной студии «Современник» при Воронежской писательской организации. Живёт в Воронеже.

Сила русской мысли

На пути к читателю новая значимая работа известного российского писателя Лидии Владимировны Довыденко, принадлежит к серии ярких духовных произведений нынешнего непростого времени на подобную тематику. «Русская мысль и человечество» – так назвала Лидия Владимировна свою новую книгу, вышедшую в 2021 году в Калининграде.

Неспроста книге предпослано масштабное аналитическое предисловие «Духовное преображение мира» одного из самых значительных современных литературных критиков, члена Союза писателей Беларуси Людмилы Воробьёвой: «...неизбывные чувства веры наполняют душу, когда читаешь новую книгу Лидии Владимировны Довыденко “Русская мысль и человечество”, читаешь и не перестаёшь удивляться не только её выразительному литературно-художественному и философскому наполнению, восхищаться разнообразием всевозможных источников, чёткой композицией образов, но и – авторским рядом представленных в ней имён... В этой проникновенно-правдивой книге собраны под одной обложкой разноголосые и многоликие творческие миры – целое созвездие наших современников: С. Пылёв, В. Курбатов, Л. Яцкевич, В. Коростелёва, Н. Коняев, С. Вермишева, А. Аврутин, Н. Лобанов-Ростовский, Ю. Лужков, Н. Бурляев. Книга Л. Довыденко – лучший пример благородного духовного творчества, преодоления препятствий к намеченным высотам и целям. Автор талантливо вовлекает нас в ауру добра и духовного просветления, в таинственную ауру русского мира».

На первый взгляд это сборник литературных рецензий, эссе и интервью. Однако при чтении понимаешь, что перед тобой цельное произведение с единым определяющим стержнем. Это позволяет говорить о выстраивании автором нового прозаического жанра, соединяющего литературоведческие, философские и сюжетные пространства. В нём жива тревожная апокалипсическая идея, присущая многим произведениям Лидии Довыденко, исходящая из вселенской любви к людям. «В пустыню атеизма приходит живая вода православной веры», – подчёркивает Лидия Владимировна в своей новой книге главную спасительную мысль для человечества.

Неспроста её новая книга открывается очерком «Судьба землян» о повести Сергея Пылёва из книги «А за окном – человечество...» (Воронеж, 2019): «Книга получила название по одноимённой повести в сборнике, состоящем из шести повестей, многие из которых уже были опубликованы в литературных журналах России. Сергей Пылёв взваливает на себя такое бремя, как выявление основных черт современного человечества. Литература, становясь средством влияния на дух человека, инструментом его внутреннего преображения, одновременно превратилась в священный центр всей русской культуры. Поэт, писатель – это человек, стоящий между двумя мирами видимого и невидимого, познанного и непознанного, тонко чувствует границу, разделяющую материальное и духовное. В любую минуту художник слова готов отодвинуть завесу и открыть для всех окно в иной мир – мир

Божественный, мир, в котором живут идеи, мечты и архетипы, потому что писатели – проводники всего чистого, светлого, вечного».

«Кто возьмёт человечество на ладони любви?» – мудро вопрошает Лидия Довыденко. Таким образом, Лидия Владимировна подводит читателя к мысли философа И. Ильина о том, что «духовная рана современной культуры – утрата священного».

Противостоять таким спровоцированным западной идеологией процессам помогает ставшая жителю родником русских художественных традиций работа доктора филологических наук, профессора Людмилы Яцкевич «Православное слово в творчестве вологодских писателей». Член Союза писателей России, автор более двухсот публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе подготовила и издала словарь «Народное слово в произведениях В. И. Белова» (2004). Людмила Яцкевич участвовала также в составлении «Словаря вологодских говоров», школьных словарей «Вологодское словечко» и «Золотые россыпи», «Поэтического словаря Николая Ключева». «Духовный опыт, – пишет Людмила Яцкевич в одной из своих книг, – связан с умением созерцать, то есть видеть мир в органическом единстве, в центре которого Бог... “Россия, Русь! Храни себя, храни!” – завещал нам вологодский поэт мировой величины Николай Рубцов».

«Словосочетания “Святая Русь” почти не встретишь у вологодских поэтов, вместе с тем они относятся к Отечеству как к святыне», – отмечает Людмила Яцкевич.

В свою очередь Лидия Владимировна уверена, что ныне, как никогда, русская литература, обращаясь к Богу, на главном своём направлении выявляет живые связи языка, воскрешает основы народного мышления, раскрывает душу народа, его сердечные думы и чаяния. «Постигать Божью правду – тяжелейший духовный труд», – утверждает Людмила Григорьевна Яцкевич.

Такого же мнения об этом придерживается один из самых известных мастеров современной прозы, член редакционного совета журнала «Берега» – Валентин Курбатов, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства: «Влечёт несказанно старинный русский слог, тепло и радостно ложится на душу, согревает православным светом любви и добра, своей вселенской бесконечностью».

На страницах новой книги Лидии Довыденко читатель соприкасается с глубокими мыслями самобытного могучего поэта-сибиряка Геннадия Кольцова, великого писателя Василия Белова, которому принадлежат незабываемые слова: «Меня... волнуют... проблемы общего характера, волнует судьба человека, нации, планеты».

Когорта знаковых участников книги Довыденко, мысли и образы коих нетленны, под пером Лидии Владимировны открываются в главном для читателей. Скажем, Эяна Суодене – доктор гуманитарных наук, автор 16 поэтических сборников, а также ежегодных христианских календарей, соорганизатор уникального фестиваля духовной поэзии «Покрова» в Каунасе. Или Геннадий Сазонов – автор книги «Сияние Слова Василия Белова», «печальника земли русской, сгоревшего, – как пишет о нём Владимир Крупин, – на костре любви к России». Кстати, Лидия Владимировна уверенно протестует вместе с Сазоновым против того, чтобы Белова называли «деревенщиком». «Термин литературоведов не может вместить море мыслей в творчестве Белова, – пишет она. – Его книги, как течение могучей реки». Уникальны «Привычное дело», трилогия «Час шестый», «Дорога на Валаам» и так далее.

В череде известнейших авторских имён есть и глава «Стародубская пророчица» о поэте Владимире Подлужском. В своём поэтическом монументальном произведении «Русская труба» он с глубокой болью размышляет о судьбах народов бывшего СССР и нынешней России.

Важное место в книге Лидии Довыденко занимает очерк «Заветы человечеству», посвящённый знаменитому азербайджанскому писателю, драматургу и поэту Амиру Пахлевану. В его сборнике – осуждение направленных против Бога людей, погрязших в потребительстве и стяжательстве, посягнувших на уничтожение природы, разрушающих семейные традиции. Краеугольным камнем человечества является, по его мнению, доброта, человечность, благородство, величие, но их нужно защищать и отстаивать.

Не обошла Лидия Довыденко своим особым видением и двухтомник Валентина Баюканского, которому предпосланы, определяющие суть его творчества, слова Далай-Ламы о том, что планета «отчаянно нуждается в миротворцах, целителях, реставраторах, рассказчиках всех видов. Она нуждается в людях, рядом с которыми хорошо жить. Планета нуждается в людях с моралью, которые готовы включиться в борьбу, чтобы сделать мир живым и гуманным».

На новой платформе книги «Поэт о поэтах» речь идёт о книге Валентины Коростелёвой «Строки и судьбы» – повествовании о творчестве 28 русских поэтов России второй половины XX – начала XXI века. Книга «Строки и судьбы» укрепляет дух и душу читателя. Она для тех, кто любит Россию, и для тех, кому ещё предстоит постичь это великое чувство. Но оно невозможно без постижения Божьего откровения.

Идя дальше торными дорогами книги Лидии Довыденко, мы встречаем страницы, посвящённые советскому писателю-маринисту Валентину Пикуль, автору 26 известнейших книг. Но и среди этого мощнейшего багажа жизненных историй вдруг ярко встаёт одна историческая миниатюра – «Аввакум в пещи огненной». Рассказ об уникальном священномученике-протопопе, без которого невозможно представить русскую духовную историю и литературу. Пикуль мечтал о том, что будет найден подлинник «Жития протопопа Аввакума». И он был найден!

Своё достойное место в разговоре о духовных истоках нашёл и очерк «К 50-летию благотворительного служения культуре России», рассказывающий о князе Н. Д. Лобанове-Ростовском, российском меценате, чья благотворительная деятельность на благо культуры Родины не имеет себе равных в истории меценатства. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (род. 6 января 1935, Болгария, София) – геолог, банкир и выдающийся коллекционер, собиратель театрально-декорационного русского искусства первой трети XX века (в частности, эскизов к «Русским сезонам»). Надо признаться, что без Божьего наития подобная деятельность невозможна.

«Огромное число людей в мире отдают ему должное и почитают как успешного и в то же время благородного и великодушного человека, – пишет Лидия Владимировна. – Его любят и восхищаются его проектами, готовы биться за них, поддерживать, возражать, спорить, лишь бы всё сложилось по справедливости, потому что у них одна цель – бережное отношение к каждому прекрасному проявлению многовековой культуры России». И это благородное служение Православной России не ослабевает в деятельности князя Лобанова-Ростовского.

«В мою жизнь пришло что-то прекрасное!» – пишет Лидия Владимировна о знаменитых Евгении и Галине Киндиновых, о том, как Галина Максимовна рассказывала о недавней поездке в православный Пюхтицкий Свято-Успенский монастырь, который сегодня находится на территории Эстонии. Пюхтица – святое место, расположено на Богородицкой горе, недалеко от Чудского озера. В утешение измученным в борьбе с тевтонскими рыцарями жителям явилась когда-то Божия Матерь, где и возник монастырь.

Обратите внимание на эти слова Лидии Владимировны: «Галина Максимовна и Евгений Арсеньевич там с радостью бывают, наслаждаются скромной красотой и деятельной жизнью в монастыре, верны нашей православной вере, вере наших предков, и нас это ещё сильнее сближает».

Разве вы не ощущаете в себе от этих строк нарастания доброй и светлой духовной энергии?

В унисон этой великой теме звучит и очерк Лидии Владимировны о книге Николая Коняева «Купола над Друтью», историческом исследовании в двух томах. Это подробный рассказ о Свято-Покровском монастыре в Толочине в контексте культурно-исторических событий в течение тысячелетия на территории нынешней Витебской области.

«Уникальны страницы книги, где Николай Коняев описывает историю одной из самых любимых в Белоруссии икон – Божьей Матери Бельничской», – отмечает Довыденко. И что скажет вам, читатель, на этом пресветлом фоне найденный Николаем Коняевым в Российском государственном архиве древних актов в фонде «Общества любителей духовного просвещения» Жебровский иезуитский проект «Об уничтожении греко-российского вероисповедания»? Кажется, на Западе кто-то до сих пор мечтает о реализации изложенных в нём планов: «...Поставить себе в обязанность, чтобы греческое вероисповедание, латинскому противное, всячески выводить то презрением, то преследованием, то притеснением тех, которые держатся оно...», «И дела без помех пойдут своим порядком, чем с большею для нас пользой, тем значительнейшим для России вредом», «Чуждаться русского, не заводить с ним дружбы, зажиточных русских довести до нищеты и невежества, чтоб им выставляемы были на вид их суеверия». Актуально и ныне, не правда ли?

Очерк «Вселенная Сэды Вермишевой» (1932–2020) вдохновенно и с высоким почтением рассказывает об известном поэте, публицисте, общественном деятеле, отмеченном многими государственными наградами как России, так и Армении и Нагорного Карабаха. Стихи Сэды Вермишевой переведены на армянский, польский, словацкий, болгарский, французский, английский и другие языки. При всём при

том её творчество принадлежит и русской литературе, и Союзу писателей России, и Русскому миру, и культуре Армении. «Я называю её поэтом Вселенского масштаба», – пишет Лидия Довыденко. Как главный редактор литературно-художественного журнала «Берега», она с благодарностью отмечает, что последние пять лет активной творческой деятельности Вермишевой тесно связаны с этим широко известным изданием.

Продолжая интернациональную тему, как не отметить очерк «Как ни крути», посвящённый сербскому поэту Любомиру Поповичу-Цоша и сборнику его стихов «Как ни крути». Автор считал себя и русским тоже: за этим стоит не только 11 лет жизни в Рязани, но и православная вера, и противостояние нынешней всемирной духовной пустыне, которую он предвидел.

Беседа Лидии Владимировны с Юрием Михайловичем Лужковым не может не вдохновить читателя на решительность в добрых и полезных для Родины делах. Итак, «Русские корни китайского чуда». Из беседы с Юрием Лужковым 21 сентября 2016 года. Тогда Юрию Михайловичу Лужкову исполнилось 80 лет. Редакция журнала «Берега» поздравила политика, реформатора, общественного деятеля, учёного-изобретателя, созидателя и просто ярчайшую личность, умнейшего человека нашего времени с юбилеем. К сожалению, сегодня мы говорим: «Светлая память рабу Божьему Юрию...»

Гавриил Попов в своё время пригласил Лужкова поделиться со студенческой молодёжью успешным опытом лидерства, что вылилось в книгу. «Гордись, Россия, – пишет Лидия Владимировна, – на твоих просторах вырос теоретик, на трудах которого за семь лет в Поднебесной вышли из ужасающей нищеты». Казалось бы, перед нами в очерке сугубо политический и экономический в своей основе диалог. И вдруг по воле Лужкова в нём под конец происходит знакомое нам по всем материалам книги Лидии Владимировны восхождение на вершину духа. И Лужков, после рассуждений о повышении урожайности, вдруг вдохновенно поднимает планку, объявляя: «Сегодня много говорят о сбережении народа. Лихачёв беспокоился, что наше общество теряет самобытность, идентичность. Это так. Самобытность, внутренняя культура держалась на деревне, на тех, кто работает на земле. Позволяя разваливаться деревням, – когда человек отрывается от земли, – мы теряем в духовных ценностях... А это удар по традициям и религии».

Так же и в творчестве военного журналиста Юрия Шевченко, главными героями которого являются наши современники, скреплённые мужеством и боевым братством, невозможно увидеть истину без православного настроя. Ко всему Юрий обрёл известность ещё и как поэт-лирик, писатель-фантаст. С героями его повестей случаются таинственные истории, которые видятся Юрию Шевченко как откровение свыше, как дар Божий.

В сборнике рассказов известного российского молодого писателя Евгения Журавли «Знаки» очевидна тема опасности нарастающей технократичности человечества, которая постепенно вымывает сложившиеся в течение веков нравственные и духовные основы народов. Но автору видится неизбежность будущего соединения земного государства с отблеском Царства Небесного. А рассказ Евгения «Начало» и вовсе отсылает читателя к евангельскому первоначальному Слову...

Ни на одной странице Лидия Владимировна не снижает планку своей духовной ориентированности, не скрывая серьёзной озабоченности тем, что человечество остановилось у края моральной и духовной пропасти.

Об этом набатно свидетельствуют такие главы, как «Наречия русского воина» Алексея Захаровича Дмитровского (1927–2018), члена Союза писателей России и Союза журналистов России, лауреата премии «Патриот Земли российской» им. Александра Невского, профессора кафедры зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания БФУ имени И. Канта, Почётного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного работника культуры РФ, награждённого медалью Пушкина за заслуги перед государством, многолетний добросовестный труд и большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами. Он – автор восьми сборников статей литературоведческого и культурологического содержания и 11 сборников стихов. Первый номер «Берегов» в 2013 году открывала знаковая статья Алексея Захаровича «Русский мир: заметки к определению», как бы заложившая основы особой духовной миссии этого журнала.

«Первую книгу, которую я получила в подарок от Алексея Захаровича, – “Славянские записки” с подписью “Лидии Довыденко, русской славянке”», – вспоминает Лидия Владимировна.

«Я не только внимательно её прочла, но и позже лично познакомилась с героями очерков Алексея Захаровича, неоднократно встречалась с представителями польского славянского движения: доктором

философских наук, профессором Ягеллонского университета Барбарой Кригер, с Болеславом Тейковским, Председателем Польского славянского комитета, – пишет Лидия Владимировна. – Они тоже стали авторами журнала “Берега” с современными статьями, в которых звучит любовь к России и противостояние пошлой буржуазности западных либеральных сил. Подлинным служителем идеи единения славянских народов был А. З. Дмитровский. Идея славянского единства и взаимности является на сегодняшний день одной из самых актуальных, и в текущем году мне довелось побывать на научной конференции в Праге. В чешской столице неоднократно поднимались вопросы славянства и “славянской утопии”. Они недостаточно освещаются в прессе, в угоду определённым силам, о которых ещё немецкий философ Иоганн Гердер написал: “Германские народы очень сильно провинились перед славянскими”, и по сей день эти слова остаются актуальными».

В когорте подобных по духу произведений и «Архипелаг писательской судьбы» Анатолия Лунина, почётного гражданина города Черняховска Калининградской области. Род Луниных славен в России. Лунин – и декабрист, и изобретатель витаминов. В своём творчестве Анатолий Лунин ставит перед собой масштабные задачи – противостоять нивелировке национального сознания, мобилизовать духовные силы России.

Военной славой России и высоким патриотизмом, основанным на вере православной, веет от страниц книги, посвящённых знаменитому поэту и защитнику Отечества Константину Батюшкову. Так, 2 января 1814 года с отрядом генерала Н. Н. Раевского Батюшков близ крепости Гюнинга перешёл через Рейн: *И час судьбы настал! / Мы здесь, сыны снегов, / Под знаменем Москвы, с свободой и с громами!..*

А 26 февраля 1814 года Батюшков посетивший замок Сирей, где ознакомился с библиотекой Вольтера, написал: «В Вольтеровой галерее... столовая наша была украшена русскими знамёнами... С некоторою гордостью, простительною воинам, в тех покоях, где Вольтер написал лучшие свои стихи, мы читали с восхищением оды певца Фелицы и бессмертного Ломоносова, в которых вдохновенные лирики славят чудесное величие России, любовь к отечеству, сынов её и славу меча русского».

«Чудесное величие!» Сколько высокого духовного смысла в этих словах поэта!

Лидия Довыденко не обошла своим духовным видением такое историческое знаковое событие, как открытие в Луганске Русского центра, ставшего 31-м на планете ресурсным просветительским центром популяризации русского языка и культуры как важнейших элементов русской цивилизации. Он привлёк представителей научного сообщества, преподавателей, студентов и школьников, творческую интеллигенцию, СМИ и общественные организации.

Когда знакомые и друзья Довыденко узнавали, что она едет на Донбасс, то искренне просили: «Передай людям, живущим там, что мы всем сердцем с ними, что они дороги нам, как братья, хотя мы и незнакомы лично! И ещё передай жителям, что человечество навсегда будет им благодарно за то, что слова “Русский мир” обрели у них сакральный смысл, и внутренняя духовная связь наша священна... Пусть в двух республиках знают о том, что мы понимаем: в то время как в России ищут “территорию смыслов”, на Донбассе их защищают, рискуя жизнью, зная священный смысл бытия».

«Последние пять лет, – пишет Лидия Владимировна, – подтвердили правильность выбора Донбасса, устоявшего огромной ценой перед натиском нацизма – гибелью более 3,5 тысячи человек. Право на слово на Донбассе использовали и реализовали... Правительство Украины, выстрелившее в свой народ, показало, что люди Донбасса – не его народ».

На конференцию «Право на слово...» прибыли: С. В. Шурыгин, заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» (Москва); доктор исторических наук, профессор А. А. Непомнящий, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. Вернадского; А. А. Раздорский, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки; А. В. Малов, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; А. В. Марчуков, сотрудник Института российской истории РАН.

Здесь Лидия Владимировна познакомилась с С. А. Кочетовой, доктором филологических наук, профессором, ректором Горловского института иностранных языков, авторами журнала «Берега» – поэтом, прозаиком, публицистом Сергеем Прасоловым, в настоящее время возглавляющим Русский центр ГУК ЛНР «Луганская республиканская универсальная научная библиотека имени М. Горького», и Виталием Даренским.

«Доклад Сергея Прасолова “Мир постправды: технологии разрушения разума” обращён к осознанному бытию человека и близок мне по мироощущению, – пишет Лидия Владимировна. – Мир постправды опасен для людей, манипуляция общественным сознанием заглушает голос самой действительности. “Истина на деле” постоянно подвергается моральной бомбардировке со стороны “истины скептиков”. “Постправда” – это технология оболванивания. Трагедия современного человечества в том, что “мир так стремится к свободе личной мысли, что готов лишиться себя сознания”».

В свою очередь Виталий Юрьевич Даренский, доктор философских наук, член Союза писателей России (работает в Луганском национальном университете имени Т. Шевченко), близок Лидии Владимировне по научным предпочтениям. Им был сделан блестящий доклад на конференции – «Духовный смысл русской истории и русское Возрождение Донбасса». Виталий Юрьевич обратился в нём к мощной, стремительной и основополагающей роли России в мировой истории. Русичи, которых на Западе с удовольствием всегда именовали «варварами», создали великое государство, взяли из слабеющих рук Византии «скипетр мировой хранилищницы истинного христианства – Православия». Опираясь на Русскую мечту, народы Донбасса показали, что эта мечта сильнее страха, блокады, снарядов и бомб, информационной войны.

Неспроста Луганск является городом Покрова Богородицы, которая, явившись здесь старцу Филиппу, нарекла тот святоградом и царьградом Луганским. Старец Филипп предрекал, что будет написана новая икона Богородицы Луганской в воспоминание о событии явления Пресвятой Богородицы над Луганском, – она будет прославлена тем, что спасёт Луганск, что чужеземцы поклонятся ей, а жители города будут петь и радоваться. И вот в 1992 году по благословению Архиепископа Луганского и Старобельского Ионникия, по просьбам верующих монахом-иконописцем Псково-Печерского монастыря в византийской иконописной традиции была написана новая икона Божией Матери Луганской. Святой образ защитницы и покровительницы не имеет аналогов в Православном мире. Она находится в соборе Святых Петра и Павла в Луганске, а день её почитания – 13, 14 и 15 июня, – как было сказано старцем Филиппом, Богородица велела чтить эти дни как Пасху.

«Не могу не согласиться с писателем Владимиром Подлужским, – пишет Лидия Владимировна, – который заметил: не в том ли все беды Новороссии, что в своё время эти благодатные земли вместе со здешними “каменными бабами” были бездумно отрезаны Украине? Хотя по всем духовным и этническим законам принадлежали России»...

Не обойдена Лидией Довыденко и святая для всех нас тема Краснодона, молодогвардейцев. Все герои её очерка о них, как отмечает Лидия Владимировна, это подлинные представители народа Донбасса, выразители его боли, побед, выявленных сакральных смыслов, что даёт уверенность в грядущем светлом дне окончательной Победы Донбасса.

В книге «Донбасский код» Андрея Чернова, литературоведа, критика, публициста, секретаря Союза писателей ЛНР, заместителя главного редактора литературного альманаха «Крылья», отмеченного многими российскими литературными наградами, медалями ЛНР, который живёт и работает в Луганске, сосредоточено особое внимание на том, что относится к родовому, православному, русскому, соборному и развеивает мифы проплаченных авторов о якобы «социальном гетто» и «криминализированном населении» на территории ЛНР и ДНР.

Лидия Владимировна не могла обойти своим видением основополагающие смыслы высокого творчества Николая Арсеньева (1888–1977), русского религиозного философа, культуролога, писателя и поэта. Одни заголовки его книг и статей образованному человеку открывают широкие горизонты духовного поиска человечества, обращённые к древнейшим источникам различных культур, свидетельствующих о глубинной божественности сути исключительного существования человека на этой планете: «Драма мира и внутреннее оформление человечества...», «Жажда подлинного бытия», «Единый поток жизни» и так далее. «Высший цвет человечества» Арсеньев обоснованно находит в святых, которые есть в каждом народе. Мы же все – свидетели или участники битвы человека с постчеловеком. А если участники, то на какой стороне? С исчезновением культурной и духовной традиции исчезает человек, он умирает после объявленной «смерти» Бога... Лидия Владимировна особо отмечает, что Арсеньев более всего ценит в писателе постижение роли традиционных духовных ценностей, их благотворного влияния на людей. Но она же не может не сказать о том, что человечество сегодня всё больше поражает яд «цивилизационной исключительности и превосходства» западного либерализма. И невольно приводит к серьёзным геополитическим выводам: представители ряда

других цивилизаций вынуждены искать способы сохранения своей культурной идентичности, что демонстрирует, например, исламская цивилизация, проявляя устойчивость к внешнему культурному и ценностному воздействию со стороны Запада. Всплеск исламского фундаментализма – это реакция на экспансию и навязывание западных ценностей, чуждых ей.

Лидия Довыденко не могла не обратить внимания и на высокую деятельность Томислава Шолу, хорватского учёного, который в России известен своей книгой «Вечность здесь больше не живёт. Толковый словарь музейных грехов».

«О том, что услышала и подумала я, хочу коротко сказать, – пишет Лидия Владимировна. – Да, мир совсем не такой, каким бы хотели его видеть культурные, интеллектуальные, ответственные, нравственные люди. Что им делать, когда идёт война против культуры и окружающей среды?.. В тайных лабораториях идут разработки по созданию искусственного интеллекта, роботов, готовящихся к вытеснению человека, руки которого не нужны, робот всё сделает бездушно, но точнее точного. Спорт, массовая культура стали на платформу индустрии с единственной целью – прибыль... Огромное количество СМИ занимается поиском жареных фактов... Происходит заражение пространства вирусом негатива... Земной шар становится парком развлечений, планетой караоке. Думающие люди страдают морально и профессионально, когда повсюду встречаются с принципом: всё сойдёт.

Так что, мир обречён? Интервью Лидии Владимировны с председателем Союза писателей России Николаем Ивановым определённо встаёт духовной оборонительной крепостью на пути множащихся бед нынешнего пораженного язвами души человечества.

Николай Фёдорович Иванов – драматург, автор 20 книг прозы. Лауреат литературных премий «Сталинград», им. Н. Островского, М. Булгакова, ФСБ России, «Прохоровское поле» имени Юлиана Семёнова в области экстремальной журналистики, конкурса журналистского мастерства «Слава России». С 1977 года он – в военной журналистике, начинал с корреспондента солдатской газеты в Воздушно-десантных войсках, а в итоге стал в своё время главным редактором журнала «Советский воин». Воювал в Афганистане, награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III ст., медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Имеет более 60 парашютных прыжков. Полковник. Как военный корреспондент, Николай Иванов побывал во многих «горячих точках». Довольно часто Иванов сам выходил на операции вместе с героями своих репортажей и книг. Одним из самых горьких и ярких впечатлений за период военных командировок стал его плен у чеченских боевиков, из которого он был освобождён через четыре долгих смертельно-опасных месяца в результате спецоперации.

Николай Фёдорович не только в книге Довыденко, но и по жизни олицетворяет героическое, правдивое и совестливое начало жизни.

«Сидя на диване, можно насочинять намного больше книжек, но... – отмечает Николай Фёдорович. – Оставим это диванным войскам... Люблю героя ставить в безвыходную ситуацию. И выбираю из неё вместе с ним, порой не зная концовки... Люблю молодёжь на своих курсах по экстремальной журналистике, потому что эти ребята готовы пробовать себя в горячих точках, экстремальных ситуациях (наводнения, землетрясения, пожары и проч.), а не крутиться в сальных скандалах шоу-бизнеса и светских тусовок... К сожалению, войну в книгах издателя, гоняясь за короткими, быстрыми деньгами, поставили на поток.

Офицерские принципы и поступки Николая Фёдоровича достойно объявляют о том, что жив и будет жив сильный, мужественный человек с государственным мышлением: «Не позволяй себе, чтобы на тебя смотрели с сочувствием и жалостью».

В унисон интервью с Николаем Ивановым звучит интервью с Николаем Бурляевым, президентом Международного форума «Золотой Витязь», членом правления Союза кинематографистов РФ, лауреатом Государственной премии Югославии, академиком Международной славянской академии, президентом Фонда культуры казаков России, членом Патриаршего совета по культуре, членом Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации, членом Союза писателей России.

«Я проехал Шотландию, Италию, Францию. Я там бывал и прежде, но на этот раз увидел, что кризис у них, а не в России, – убедился Николай Бурляев. – Это кризис духовный, выражающийся в дехристианизации, демонизации... сейчас я стал оптимистом, после того как президент услышал нас, и в частности – меня... Международный форум “Золотой Витязь” объединяет известных представителей кинематографа и многих видов искусств под девизом “За нравственные идеалы, за возвышение души человека”. За 25 лет существования “Золотой Витязь” провёл более шестидесяти форумов,

включая кинематографический, театральный, литературный, музыкальный, живописи, экологический и форум русских боевых искусств. “Золотой Витязь” ставит своей главной задачей – вовлечение в единое движение всех, кто не желает растворяться в безнравственном, бездуховном потоке глобальной массовой “культуры”, кто хочет сохранить свою личную самобытность и самобытность своего народа, хочет передать своим детям традиции культуры предков и высокие нравственные идеалы».

В разделе «Безразлична к излишества, дорожу необходимым» Лидия Довыденко возвращается к беседе с поэтом и публицистом Сэдой Вермишевой о переосмыслении и неизменном взгляде на вселенское, российское, советское. Из этого разговора естественно вытекает обращение к высоким мыслям о монолитности общества, его устойчивости к националистическим и шовинистическим соблазнам, неизбежно ведущим к распаду многонационального государства, к его гибели. Ресурсная база Земли убывает, численность населения растёт. Эта диспропорция и определяет будущее человечества, его перспективы, не исключая катаклизмов планетарного масштаба». И далее следует удивительный по глубине социальный вывод Сэды Вермишевой: «Государственная собственность на средства и орудия производства, как в советское время, так и в нынешнее, рыночное, для меня предпочтительна. В основе моего отношения лежит этическое чувство, но и с точки зрения практической я считаю, что будущее за государственной, а не за частной собственностью».

Творческими крепями подтверждаются духовные позиции Лидии Владимировны в её интервью со знаменитым и широко известным в России белорусским поэтом Анатолием Аврутиным – главным редактором литературно-художественного журнала «Новая литературная Немига». Во время их встречи Лидия Владимировна не могла не задать Анатолию Юрьевичу вопрос, важный и интересный для многих: как рождаются стихи? И ответ был ошеломителен своим векторным указанием на созвучность реального земного творчества и надмирного пространства: «Лично на меня стихи как бы снисходят, чаще всего в самое неподходящее для этого время. Например, ночью. Успеешь подхватиться, заставить себя встать и записать – повезло. Если нет, пиши пропало – стихи уйдут безвозвратно... Поэты – люди ранимые. И говорить им слова признательности нужно при жизни, чтобы они их услышали.

Итоговой встречей в новой книге Лидии Довыденко становится очерк «10 ОТВЕТОВ Валентина Курбатова на вызовы современности».

Именно в разговоре с Валентином Яковлевичем, недавно, к глубокому сожалению, ушедшим из этой жизни, естественно и продуктивно сходятся воедино главные духовные смыслы понимания бесконечной Вселенной и конечной человеческой личности.

«Почвенники, славянофилы и либералы, западники... – вдумчиво определил Курбатов основные болевые точки российской интеллигенции. – Это разделение – проклятие русской литературы, русского общества или движущая сила? Или что-то ещё? Червячок-то с первой оглядки Петра Великого, с его “окошка в Европу” завёлся, за что староверы “ласково” звали его Антихристом. Да и матушка Екатерина одной рукой собирала Россию, прибавляя к ней Крым, а другой немножко оставалась дома, в Германии, кокетничая с Вольтером. Да и у самого Александра Сергеевича – почитайте-ка: “Пока Наполеон был далеко, молодые люди говорили обо всём русском с презрением и равнодушием”, а как оказался на пороге, так “гостиные наполнились патриотами: кто высыпал французский табак и стал нюхать русский... кто отказался от лафита и принялся за кислые щи”. И сейчас, в пору шатания родного слова и выветривания смыслов на базарном языке эпохи, тем и держишься, что небесный корень слова помнишь, адамову райскую простоту наших глаголов... Один монах, расстрелянный в 37-м году, удивительно сказал в свой самый трудный час, что “Бог любит не всех одинаково, а каждого – больше!” И ты это однажды так ярко осознаешь, словно тебя разбудят, и уже сам будешь знать, что чем далее, тем жизнь ненагляднее. Это в тебе прорастает вечность, которая не ТАМ, а и вот ТУТ, в каждом дне... мы живём в вечности, где конца нет, а есть только переход. Как в старину говорили про умершего – “преставился”, переставился на другую ступеньку. Когда ж тут печалиться?..

...А что Запад? Есть ли там тема святого католицизма, ощущения Божьего начала? Трепет религиозный? Нет. Там Жёлтый Дьявол. Женятся на собаках, сожительствуют мужики. И нас тянут туда. НАПЛЫВ западных жутких слов – нас ими как ядом травят... И результат налицо...»

Налицо и результат книги Лидии Владимировны, который звучит как провозвестие жизнеспособности и величия одухотворённых под её пером живительных начал человеческого бытия, нашей выстраданной ответственности перед будущими веками, спасительно осиянной Верой Православной.

Берега прочтения

Эдуард Анашкин

Эдуард Константинович Анашкин – родился в 1946 году в городе Хилок Читинской области. Автор книг прозы и литературной публицистики: «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплёт», «Под крылом Пегаса», книг воспоминаний о Валентине Распутине, вышедших в Самаре и Москве. Печатался в журналах: «Наш современник», «Воин России», «Роман-журнал – XXI век», «Сибирь», «Сура», «Подъём», «Дон», «Родная Ладога», «Новый Енисейский литератор», «Русское эхо» и др. Лауреат областных литературных премий имени Н. Гарина-Михайловского, имени В. М. Шукшина, всероссийских литературных премий «Имперская культура» и «Традиция». Награждён Почётной грамотой Министерства культуры России (2012). Член Союза писателей России. Живёт в старинном селе Майское Пестравского района Самарской области.

«Посылка из Америки» Василия Килякова

Её я получил незадолго до начала спецоперации, как сегодня принято называть военные действия России, защищающейся от Америки на территории Украины. Весомая такая посылка! Не спешите меня осуждать, что в такое непростое время посылки от «санкционеров» получаю! Ведь посылка эта пришла из Москвы от русского писателя вятского происхождения Василия Васильевича Килякова, назвавшего «Посылкой из Америки» свою новую книгу. Книга вышла до того, как нынешняя многолетняя холодная война перешла в горячую фазу, словно предвидел автор неизбежность такого перехода. И название всей книги, куда входит много рассказов и повесть, дал по одному рассказу, название и содержание которого сегодня вдруг из разряда художественности перешло в разряд злободневности. Впрочем, злободневность пройдёт, а актуальность рассказа «Посылка из Америки» останется надолго. Просто в разные эпохи будут высвечиваться разные художественные грани этого рассказа, ставшего концептуальным для всей книги.

В лихие девяностые годы, про которые сегодня мы вспоминаем частенько, была в моде такая песня, которую пела красивая русская певица: «Я отдала тебе, // Америка-разлучница, // Того, кого люблю, // Храни его, храни!» В непростые годы после крушения советской власти многие русские парни предпочли искать лучшей доли за пределами России, кое-кто и в США, стране, которую тогда мы считали самой передовой и заботливой к своим гражданам. Однако рассказ Василия Килякова вовсе не о лихих девяностых, когда Америка стала разлучницей. Рассказ о том, что Америка для русского человека стала разлучницей гораздо раньше. Для бабки Марфы и деда Мити разлучницей поначалу стала Великая Отечественная война, но эта разлучница временная, ведь войны когда-то заканчиваются. А самой что ни на есть закнутой разлучницей молодых тогда Марфы и Мити стала задолго до лихих девяностых именно Америка, куда после войны попал муж Марфы, к тому времени уже четырежды отец их совместных детей. Вроде и не забыл он русскую жену и деток за океаном, прислал как-то им из Америки посылку с подарками. Это наделало много шума в сельсовете. В те послевоенные времена связи советских людей с границей, мягко говоря, не приветствовались. Но баба Марфа оказалась не пугливого десятка, хоть увещевали её вернуть посылку, она сохранила подарки и даже упаковку от посылки вместе с письмами от мужа из далёкой разлучницы-Америки.

И вот уже герой повествования, которого привела к бабке Марфе непогода, сидит у неё в избе и не может отказать гостеприимной хозяйке в её просьбе почитать ей письма мужа, сама бабка видит плохо... Последнее из пожелтевших от времени писем очень грустное и, по всей вероятности, предсмертное, пронизанное такой тоской по России, что поневоле задумаешься вместе с автором:

«... Что в них, в этих берёзах? Отчего так живуча в сердце эта тоска по родине, да такая, что на чужбине человек заболевает ностальгией, даже гибнет. Страдает, не видя эти горизонты. Есть такая особенная торжественная грусть в этой срединной Руси, тоска обречённого, влекомого промыслом русского по своему голгофскому пути... Эта общая и одновременно частная дорога для каждого и для всех вместе – это именно голгофа России. И песни такие же: долгие, грустные, чаще – острожные. И пытался я вспомнить весёлые песни – никак не мог. Все народные песни или песни, принятые как народные, грустны необычайно...»

Не зря говорится в народе русском, что «мила сторона, где пуп резан»... И не дай бог русскому человеку познать всю глубину и неизбежность тоски по родине, ведь она неизлечима и крепнет по мере взросления человека...

...В книге, наряду со многими другими, есть рассказ «Письмо Сталину» – одно из известных произведений Килякова, навевающее классические ассоциации. Это ассоциации с Чеховым. Но у Антона Павловича Чехова мальчик Ванька Жуков писал письмо на деревню дедушке Константину Макаровичу. А у Василия Васильевича Килякова юный колхозник Колька, мечтающий об учёбе в суворовском училище, вознамерился написать письмо вождю народов. Принимая во внимание неуклонно возрастающий интерес к эпохе и личности Сталина, логично предположить, что этот рассказ читатель прочтёт едва ли не в первую очередь. И не прогадает!

Василий Киляков обладает нечастым сегодня талантом объёмного, одного замеса с народным языком и мышления, из которого проистекает также нечастое ныне качество. Имя ему – народная художественность. А возникает она из обрётённого с младых лет не просто знания, но чувствования русского языка. Знания-то пополняемы книжным путём, словарей диалектных слов хватает, да вот только книжное знание народного наречия не даст писателю того ощущения подлинности, про которое говорят, что не язык – рабочий инструмент писателя, а писатель становится инструментом того яркого, самобытного народного наречия. Его не спутаешь ни с каким другим, и на него сразу и безошибочно отзывается душа русского человека.

Хочу отметить, что лично я с Киляковым не знаком, пока не знаком... И это, вроде бы, входит в противоречие моему принципу работы над литературными портретами писателей-современников. Но если раздуматься – сколь часто личное поневоле оттесняет собственно творческое. Ведь порой личность писателя не менее интересна, чем его произведения. Так вот и порой забывается главное: каждый писатель наиболее полной жизнью живёт в своём творчестве. Прочитав того же Пушкина, мы можем понять его не меньше, если не больше, чем понимали знавшие его лично современники!

Василий Киляков – признанный мастер рассказа. И снова вспомню Чехова, сказавшего про краткость – сестру таланта. Но не будем забывать, что рассказ происходит и вытекает из умения автора рассказывать. Испокон веков на Руси умелых рассказчиков уважали и любили, ведь до времени всеобщей грамотности молодое поколение именно через устную традицию общения со старшим поколением набиралось опыта жизни, проходило то нравственно-эстетическое воспитание, которое теперь в идеале призвана давать школа... Призвана-то она призвана, да когда все силы педагогов направлены на то, чтобы ученик сдал единый госэкзамен, набор маловразумительных тестов, то на общение учителя и учеников практически и времени-то в рамках школьной программы не остаётся.

И почему бы не рекомендовать включить хотя бы во внеклассное чтение рассказы того же Василия Килякова? В качестве хотя бы частичной компенсации недостаточности воспитания в детях через литературу, часы которой уменьшаются постоянно, именно русских людей. Помнится, в советское время на лето учитель русского языка и литературы давал довольно длинный список произведений внешкольной программы, которые следовало прочесть. Вряд ли такой список существует сегодня, уточнил бы я у своей жены, заслуженного учителя России, преподавателя математики, да жена давно на пенсии... Такой список книг для чтения надо вернуть! И почаще включать в него произведения современных русских писателей. Чем в этом смысле хороши рассказы Килякова? Они компактны по форме, но объёмны по содержанию и воздействию на читателя. Они рассказывают о прошлом, которое актуально и сегодня.

В том же «Письме Сталину» вживе представлен клубок всевозможных противоречий, которые делают жизнь и отношения людей столь непростыми. К примеру – противоречие поколений отцов и детей. В русской литературе о нём в своё время особенно явственно сказал Тургенев. Но существовало оно в мире с тех пор, как существует мир: на стенах древнего Вавилона во время раскопок нашли надпись, мол, не та пошла сегодня молодёжь. Написавший письмо Сталину с просьбой определить

его в суворовское училище Колька, школьник послевоенной поры, живущий в разорённой войной сельской глубинке, поневоле становится не раз свидетелем спора родителей. Разговоры отца и матери частенько носят, скажем так, идеологический характер и небезопасны во времена могущества НКВД, пресекающего всякое инакомыслие. Время от времени Колькин отец, во время войны тяжело раненным попавший в немецкий плен, вызывается, что говорится, «на ковёр» к уполномоченному в соответствующие органы, которые призваны лучше «перебдеть, чем недобдеть». Можно сколько угодно, с общечеловеческого гуманизма, ругать НКВД. Но как только оглянешься вокруг да увидишь, как и на телевидении, и на ключевых постах власти сидят форменные враги народа – так и желание осуждать НКВД как-то пропадёт. Потому любую эпоху надо судить по её законам.

Вот и на этот раз спящий под тёплым лоскутным одеялом Колька услышал разговор родителей – сердитый полушёпот матери и голос оправдывающегося отца, которого опять вызвали в райцентр для очередного допроса, как не раз вызывали до этого. Отец постеснялся попросить у председателя колхоза лошадь, и в холодную распутицу предпочёл отправиться в райцентр пешком, чем и вызвал нескрываемый гнев жены, матери Кольки:

«Ты ведь молчун, – приставала мать, беспрестанно работая возле печи, временами вытирая лицо подолом фартука. – Ты не выпросишь, не насмелишься. А у них надо не просить, а вырывать. Из горла вытаскивать...»

Сама абсурдность ситуации, что человека, попавшего в плен тяжело раненным, время от времени вызывают в «органы» с проверкой, похожа на ту, когда обезноженных на войне инвалидов после войны долгое время периодически вызывали для подтверждения инвалидности в медучреждения, словно за год или два у них могла отрасти новая нога взамен потерянной на войне. Осекая разгневанную жену, отец Кольки боится не только за то, что вдруг кто услышит гневные выпады жены против Сталина и донесёт. Отец боится и за Кольку, чтобы не услышал и не взял в голову то, что советскому школьнику брать не следует.

«Колька, высвободив голову из-под одеяла, плохо соображал, о чём спорят родители. Всякий раз, когда отца “таскали” к уполномоченному, споры шли часами. Мать нехорошо говорила о Берии, материла Сталина. Как-то осердилась так, что проткнула ухватом портрет вождя. Колька даже хотел пожаловаться на неё в сельсовет, но удержался: он любил мать...»

Когда-то в России при войне белых с красными Павлик Морозов рассказал про поведение «белых» родственников красным командирам, за что был убит родственниками. Но то было ДО Великой Отечественной войны, которая кровавыми шттыками фашистов объяснила, что родное не отвергает родное, что недостаток любви к ближнему чреват смертельными последствиями, как и вышло с Павликом Морозовым. Его официальная советская пропаганда прославляла как героя, убитого врагами за то, что его вера в революцию побудила поставить родное после общественного. А вот Колька любил мать, и это чувство любви удержало его от соблазна пожаловаться на неё за её крамольные слова. Тем не менее в случае с Колькой, который порой подумывал пожаловаться на мать, ясно видим противоречие отцов и детей, в котором нет виноватых, потому что противоречие старого и нового является двигателем жизни.

И вот грамотный (письменный, по выражению матери, гордящейся грамотностью сына) Колька не удержался и написал всё-таки Сталину. Но не про мать, которая ругает вождя народов. А письмо с просьбой устроить его в желанное суворовское училище. С адресом на конверте, правда, как и у чеховского Ваньки Жукова, у Кольки тоже вышли проблемы. Ванька написал «на деревню дедушке Константину Макарычу», сделав на века фразу крылатой. С «письменным» Колькой получилось примерно то же самое:

«...Высунув язык от усердия и слизывая набегавшие, как назло, сопли, яростно шмыгая носом, написал: “Москва. Кремль. Вождю всех времён и народов И. В. Сталину”. И подумав, добавил: “Любимому и дорогому”. Потом подул на перо, опять пошмыгал носом и вывел в уголке, в самом низу конверта: “Лично в руки. Жду ответа, как соловей лета!”»

Письмо, конечно же, дальше сельсовета никуда не ушло и его вернули родителям Кольки, за что отец так осерчал на него, что чуть не избил. И избил бы, если бы не мать, гордящаяся грамотностью сына (письменный, далеко пойдёт). А ведь наверняка так и будет, учитывая, что в советское время, когда не было терминов «социальный лифт», такие лифты вовсю действовали в обществе. И дети из простых семей становились учёными, писателями, руководителями. Ведь они были «письменные», грамотные благодаря «кровососу» Сталину и советской власти. И это ещё одно противоречие русской жизни, из которого растёт художественно осмысленная русская литература.

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член СП Союзного государства, автор 26 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, прозаик, публицист, критик, краевед, общественный деятель. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук, Почётный гражданин Балтийского городского округа, почётный член Философского делового клуба, заместитель президента Всемирной Информэнциклопедии-Калининград, член редакционного совета журнала «День и ночь» – Красноярск, член жюри литературного конкурса «Новая Библиотека» – премии имени святых благоверных Петра и Февронии. Лауреат литературных премий: Гумилёвской, Корниловской, Союзного государства, «Щит и меч Отечества», «Слава России», «Патриот России», «Золотое перо Руси».

«ОПЯТЬ ВЕТРА ЗАВОДЯТ ПЕРЕБРАНКУ...»

О книге стихов Андрея Шацкого «Сказы Куликова поля» (Москва, 2022)

«Чтобы память попирала смерть», – таков смысл книги стихов, обращение к теме вечных полей русской славы: Куликовому, Бородинскому, Буйническому, Прохоровскому, полям битв на Курской дуге.

Куликовец Андрей Шацков, рукой которого действительно руководило высокое вдохновение, во вступительной части своей поэтической книги «Опять над Полем Куликовым» обращается к пророческим словам Александра Блока, назвавшего битву «символическим событием русской истории, которым суждено возвращаться...», потому что силам зла нестерпим свет России, над которой простирает свой покров Богородица, приснившаяся Блоку: «Ты сошла в одежде, свет струящей, не спугнув коня», пришедшая во сне поэту Шацкову, благословив на стихи о Куликовом поле. Она стояла в свой день Святого Рождества над Куликовым полем, её образ появился в небе перед началом штурма Кёнигсберга и взятия его Красной армией 9 апреля 1945 года.

Мои далёкие предки принимали участие в Куликовской битве в составе Ярославского полка. В памяти проносятся святые имена Дмитрия Донского и Сергея Радонежского, богатырей духа: Пересвета и Осляби, Микулы Вельяминовича, Дмитрия Боброва-Волынского, Дмитрия Ростовского, сражавшегося в полку Правой руки, и многих, многих других.

Энергии Куликова поля протекают через века, через победу в войне 1812 года, в Великой Отечественной войне, в водружении флага России над зданием Белого Дома в Чечне, которое совершил морской пехотинец гвардии майор Александр Николаевич Плющаков в 1995 году, через грядущие и настоящие победы, приближаемые такими людьми, как герой Донбасса и всей России, командир отдельного разведывательного батальона «Спарта» Владимир Жога...

«Будет Русь от поганых чиста»

В главе «На поле Куликовом» Андрей Шацков в монологе Ивана Красного, отца Дмитрия Донского, передаёт отцовский завет сыну. В русской литературе было много отцовских заветов сыновьям: пушкинский – «береги честь смолоду», бунинский – «остерегайся уныния»; Дмитрия Донского отец наставляет: не остудить души, «не опогань её пустышным страхом», помни о «тяжести Мономахова убора», о «княжеской крови».

И вот август 1380 года, когда закричали вороны за Доном, замутили воду сомы под обрывом, «заполыхал горизонт кумачово».

*...Всё ближе гремит путевой бубенец.
Весь в пыли и в дорожной невисокой грязи,
С волчьих бродов несётся усталый гонец
Упредить о нашествии Дмитрия-князя.*

Августовские звёзды застучали, «словно дождь по крыльцу», увиделись «тропы от дома до Дона», «узорчатые стяги», «в серебряных росах легли ковыли под размашистым конного воинства шагом», потому что нет большей благодати для Руси, чем «вольное синее небо», и мудрец Сергей Радонежский предстаёт в молитве с князем перед Святой Троицей... Возвещают святые уста:

*— Разорвутся ордынские верви!
Будет Русь от поганых чиста!
...Задумчив стоит Пересвет
В преддверии славы великой.*

Святая, нетленная дата – 8 сентября. Поэт ежегодно в первые семь дней сентября и сам чувствует энергии Куликовской битвы, видит себя во снах на поле боя, слышит ханский бубен, видит наёмников из Феодосии, одетых во всё чёрное, чувствует холод свинцовой воды Непрядвы,

*Но Богородица простёрла
Незримый оку омофор
И... чёрной птицей мимо горла
Стрела промчалась на простор.*

Он помнит о страшных ценах за Победу, за свободу, «когда считать мы стали раны, товарищей считать»...

*Каким мне ключом запретить
Границу от края до края?
Россия – вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая.
Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом.
И сын поднимает глаза
И смотрит внимательным взглядом.
И дланью обнял рукоять.
Расслышав отцовское слово:
«Рождённым в России – опять
Средь поля стоять Куликова!»*

Художественное видение Андрея Шацкого отзывается в сердце православного человека. «Мы все стали очевидцами и непосредственными участниками мировой битвы добра со злом, – пишет поэт и прозаик из Донецка Валерий Герланец о наших днях. – Многие годы зло скрывалось под человеческой личиной, поучая остальных демократическим принципам, правам человека, показному миролюбию. Но потом оно явило миру своё подлинное лицо, лютую русофобию и звериную агрессивность.

Но силам зла, даже вселенским, никогда не одолеть сил добра – ни в сказках, ни в реальности. Ситуация сложная, такой не было ещё на Земле никогда, но завершится она полной победой русской цивилизации и православия, потому что Правда и Бог на нашей стороне. В это надо верить, за это – молиться».

«И синь дождя стекала павшим в очи»

Вторая глава «Сказов о Куликовом поле» написана «во славу русского оружия и памяти старшего сына Дмитрия», выдающегося тренера ЦСКА, умершего от сердечного приступа на 37-м году жизни.

*Сентябрь пригож, и так прекрасна Русь
Сим, наступившим впору бабьим летом,
Что я никак с тобой не соберусь
В дорогу, сын, за нашей славой следом.*

Лирический герой «Сказов...» сливается мысленно с отцами сыновей, оставшихся на ратных полях русской славы. У православных отношение к смерти не как к концу, а к началу вечной жизни. Если Бог есть, то смерти нет. Образные ассоциации ведут к современности, к жизни и смерти Владимира Жоги, отцу которого Артёму Владимировичу президент России вручил Звезду Героя России 9 Мая. Прадед Владимира Жоги был участником Великой Отечественной войны, брал Кёнигсберг, был артиллерийским разведчиком. Владимир стал полковым разведчиком, командиром батальона.

*Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим подобьем –
Смертным грехом отца.
...а над Русью в стае облаков
Вспыхнет омофора позолота.
Зазвонит печаль колоколов
Димитровской родительской субботы.*

Судьбы народа и судьбы отдельных людей сплетены в единую цепь «За други своя» там, где Дух Святой дышит, в простых сердцах Бог почивает. С этой верой живут на Донбассе. Вот что пишет поэт Людмила Гонтарева из Краснодона: «Слова поддержки – это действительно нужно сегодня всем нам, живущим на Донбассе. К сожалению, нам кажется, что Победа не будет быстрой. А насколько она кровопролитна, мы уже убедились. Я живу в тылу – в Краснодоне, но в нескольких десятках километров не смолкают залпы орудий. К нам в школы завезли беженцев из наших же городов Луганщины, где сейчас жить невозможно... Ещё в феврале были мобилизованы практически все мужчины 18–55. В моём небольшом педколлективе уже две вдовы... Сегодня действительно яркий праздник – День ЛНР, и не хочется говорить о войне, но вот как-то само собой написалось. Мы ведь живём в состоянии войны, а хочется надеяться на хорошее – правильное – её завершение. Мы верим в нашу Победу. Без этой веры нельзя жить».

«И реют хоругви шелковые...»

В третьей части книги Андрей Шацков обращается к Рузскому полю, к своей родной земле:

*«Воскреснет Господь, и его расточатся враги...
И встретит со славой вернувшихся впору посад...»
На Рузское поле ложатся былого шаги,
И реют хоругви шелковые воинства над!*

Поэт вспоминает Захария Тютчева, которого, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», князь Великий Дмитрий Иванович послал к «нечестивому царю Мамаю», Боброка Волынского, увидевшего, как «свет над Русью горит неведомый, а над ворогом – темнота».

Горит в сентябре на земле бескрайней Руси Богородицкая трава – душистый чабрец, «Куликово заветное в поросли из чабреца». Язык Шацкова загадочен и непредсказуем. Живое и живущее в его «Сказах» не привязано к быстро текущему времени, оно возвышается над вечной Русью, Россией, а её небесный дух, её красота, где-то наивность и доверчивость – под покровительством Богородицы.

Давно не ощущала такой высоты, какая в книге Андрея Шацкова, как близко душе его поэтическое видение и созерцание, как тепло от родственности с его творчеством, и безбрежная благодарность – за духовное стояние на ратных полях России.

Берега прочтения

Валерий Скрипко

Валерий Иванович Скрипко – член Союза писателей России. Печата-
л статьи в журналах: «Наши современники», «Москва», «Сибирь» (Ир-
кутск), «День и ночь» (Красноярск), «Берега», «Бийский вестник», «При-
рода и человек. XXI век»; в «Литературной газете», в газетах: «День
литературы», «Российский писатель». Лауреат международной пре-
мии «Русский позитив» Российского фонда мира и журнала «Москва».
Лауреат литературной премии издания «День литературы».

МЫТАРСТВА ТВОРЧЕСКОЙ ДУШИ

Читательские раздумья о романе Анатолия Байбородина «Боже мой» (Вече, 2021)

На большом самолёте из моего города до забайкальских степей, места, где происходит действие романа «Боже мой», можно долететь за один час. В семидесятые годы прошлого века, в которых живут и страдают его литературные герои, можно попасть за несколько часов чтения книги. Первое впечатление – отрадное! Отношение писателя Байбородина к русскому языку удивительно трепетное. Как и в сознании главного героя Василия Ознобихина, его *«вдохновенные видения обретали затейливую словесную плоть»*. Эта «плоть» живая, она дышит, сверкает, удивляет. Она насыщена словами, вроде бы известными, но звучащими по-новому в другом контексте. Например, у одиноко живущей матери Василия изба выглядит летом словно *«утаённая в черёмушнике, а зимой, утопающая в умётах»*. Только здесь вы найдёте *«под дождём съёженное село»*, услышите *«нервно потрескивающий разговор»* двух супругов. Это особый мир, где двери то *«голосят петлями на разные лады»*, то *«гневно вскрикивают»*, где бабушки, обрядившись в сарафаны и кокошники, на клубной сцене тянут *«старину с подхватом, протягом и приохами»*, и вы понимаете, что именно такими словами надо описывать манеру исполнения русской народной песни на старинный лад!

От образного использования богатейших возможностей русского языка всякий материальный фрагмент в романе кажется одушевлённым, и из описания событий становится самой жизнью – красочно-яркой и пульсирующей, как одно большое сердце!

«Боже мой» не просто название романа. Это своего рода морально-нравственный код или ключ к пониманию истинного смысла жизни героев книги. Эти два слова употребил в одной из своих статей в районной газете Василий Ознобихин. В контексте всех дальнейших событий в его судьбе восклицание «Боже мой!» стало звучать как сигнал тревоги за наше духовное настоящее и будущее. Его чувствует главный редактор районной газеты, где работает сотрудником Василий. Начальник блюдёт генеральную линию компартии на искоренение религии из жизни нашего народа и требует убрать из текста статьи опасные слова. А они действительно обладают мистическими свойствами, как призыв к Богу о спасении. Главный редактор даже опасается, что, произнесённые пожилой учительницей в школе, они подвигнут читателей на посещение церкви. Вообще эти слова можно ставить рефреном почти к каждому эпизоду романа. И обязательно с восклицательным знаком. Например, вот так: *Боже мой!* Как чудно между собой говорят бабушки! Это же какое-то новое забайкальское Лукоморье, где живут *«балагуристые мужики»* и у нерадивых хозяев *«печка сквозь сажу глядит»*. Где безалаберность героя, раздвоение между словом и делом можно описать одним метким словом: *«испохабился!»* Редкие слова и выражения автор романа подбирает вовсе не от желания выглядеть самобытным по форме, народным по стилю. Просто он любит родной язык, любит его им! А главное, творческая интуиция подсказывает ему, что в его богатых россыпях он найдёт и подарит читателю красоту и глубину духовного мира русского народа. И найти её можно именно там. На протяжении веков слова возникали, их формы шлифовались словно грани алмаза, в самых разных жизненных

ситуациях. И вот они снова возвращаются на страницы книг, и любое повествование от соединения прошлого и настоящего становится новым литературным явлением.

«*Боже мой!*» До чего мы дошли в своём беспамятстве? Из текста романа читатель узнаёт, что на лекциях по древнерусскому фольклору студенты филологического факультета университета советских времён отсыпаются после ночных гулянок. Многие из филологов – будущие преподаватели, но сказки и былины они не воспринимают как драгоценное учебное пособие для правильного воспитания молодого поколения.

Василий учится в университете заочно. Его отношение к предметам, изучающим лучшие образцы русской национальной культуры, – самое серьёзное. Сокурсники воспринимают эту серьёзность как чудачество творческой личности: мало ли кто чем увлечён. По молодости лет многие из нас так наивно и думали. На самом деле любое увлечение возникает на определённом философском основании, которое сформировалось в сознании каждого из нас в результате долгой и сложной работы всех факторов – врождённых качеств личности, воспитания в семье и жизненной практики. Узнав эти мировоззренческие основания, можно спрогнозировать все будущие увлечения человека, безошибочно угадать, как будет оценивать события и мнения эгоцентрист или, например, верующий православный человек! Все эти «игры» в свободу личности, все ложные умозаключения о том, что «я так вижу» и о «вкусах не спорят», – они от лукавого! Если ты неисправимый эгоист, то, как говорилось в культовом фильме «Жмурки», – за версту видно, что ты людоедом был и останешься им! Будь ты семь пядей во лбу, но ты всегда будешь защищать то, что тебе дорого, вопреки всему! У эгоиста – в героях всегда сильные личности, у философа с больной головой по фамилии Ницше на первом месте – свобода личности, даже когда эта личность нашпигована бесами как гадаринский бесноватый, которого освободил сам Иисус Христос.

Коллега Василия, выпускница филфака Полина, и слышать не хочет о русских традициях и русском фольклоре. Её уже «переформатировали» в *новую историческую общность – советский народ!* И ничего за душой не осталось, только горькая семейная жизнь с чередой ссор с непутёвым мужем да выпуск дежурных статей в районной газете.

Полина Ивановна – образ женщины переходного периода. Она «советская» по своим взглядам на общественную жизнь, но в семейных делах такая же жертва своей гордыни, как и её муж. Время настоящих «стерв» придёт в Россию позднее, вместе с диким российским капитализмом. Роман посвящён советским временам, и в нём ещё встречаются добрые, работающие, преданные семье женщины, такие как Лидия, жена Василия. В романе приводится цитата известного писателя о том, что, «*если бы в войну жили женщины, а не бабы, страна бы войну проиграла*».

Разницу в этих двух понятиях легко представить по фильму С. Говорухина «Ищите женщину», где актриса Светлана Ходченкова играет жену боевого офицера, всей душой преданную семье и своей родине. В фильме создан прекрасный образ полной, добродушной, любящей «бабы». Такие обеспечивали семейные «тылы» нашим воинам-победителям, могли работать за семерых, каждый день у них превращался в подвиг!

В нынешних телесериалах мы видим уже иных героинь, строгой диетой доведённых до сиротской худобы дамочек в роли бизнес-леди или любовниц олигарха. Выражение лица – вечно злое, на губах презрительные реплики в адрес мужчин. В каждой серии героиня что-то с кем-то делит, с кем-то конфликтует! Невольно думаешь: стоило ли затевать весь этот «рынок», чтобы лишиться чудного существа, не имеющего аналогов в мире, – русской бабы, как ласково по-домашнему называли её простые люди?! Стоило ли мужской половине российского населения молотить друг друга, захватывать рынки и собственность с многочисленными жертвами, чтобы иметь у себя в постели свирепое, алчущее всё новых и новых благ существо? Вопрос не праздный!

Василий Ознобихин возле Полины и Савелия смотрится наивно-старомодным романтиком девятнадцатого века, мужское благородство которого выпестовала русская литературная классика. Он пытается вырваться из плена скучных будней, обыденности существования, которая угнетает его: «*Василий гордился великими деяниями советского народа, любил социализм, верил в коммунизм...*», да вот писать о нашей буче – боевой, кипучей – не умел, выходило «*нудно и скудно, бедно и бледно*».

А потому и не пишется, что идеологические штампы, вроде «трудовой вахты», «идя навстречу знаменательной дате», и сотни других лозунгов, которые когда-то действительно рождали в СССР энтузиазм трудового народа, к началу семидесятых годов прошлого века постепенно «стирались» и тускнели. Они

уже не соответствовали новому содержанию отношений между людьми в быту и на производстве. Азарт приобретательства материальных благ медленно, но верно вытеснял из сознания значительного числа наших сограждан духовно-благородные высокие цели. Почётная грамота, фото на Доске почёта, похвала в местной газете уже мало кого вдохновляли, особенно на фоне заметного роста благосостояния начальства и торговых работников. Скучающую душу рядового сельского жителя змей-искуситель легко заполнил хроническим безразличием к социальным вопросам, пристрастием к пьянству.

Главный герой всё это глубоко чувствовал и страдал. Прототип Василия Ознобихина мне хорошо известен. По крайней мере, некоторые характерные черты и общий «рисунок судьбы» напоминают мне одного университетского товарища, соседа по студенческому общежитию.

Вообще в романе выведено несколько типов творческой российской интеллигенции. (*Слово «типы», а также их характеристики – это не строгие научные термины, а условное обозначение, придуманное мною, автором настоящей статьи, чтобы различать векторы творчества, исходя из особенностей мировоззрения самих художников и литераторов.*)

Первый, самый обнадеживающий тип с точки зрения творческих результатов, – это *традиционалист*, который представлен в романе Василием Ознобихиным. В нём счастливо сохранилась историческая и культурная память своего народа. Когда им овладевали муки творчества, его не волновал вопрос: «какое, милые, у вас тысячелетие на дворе?» – по выражению поэта Пастернака. Текущие события могли совсем не касаться его внутренней духовной работы над собой. И люди подобного склада много в чём преуспели.

Вселял уверенность в своём творческом будущем и другой «традиционалист» – один из персонажей романа, журналист и писатель Егор Исаевич Андриевский. По слухам, он писал толстую книгу про обычаи, обряды и поверья семейских староверов Забайкалья, откуда был сам родом. Прочная родовая связь со своим народом помогала ему обрести себя, свой стиль, найти свою тему.

Долго искал себя Василий Ознобихин. Сравниваю его с реальным прототипом из моего студенческого окружения, и хочется написать киносценарий, в котором изобразить, как мой сокурсник до поступления в университет пробует писать заметки в районную газету и как его беспощадно критикуют коллеги и главный редактор. А потом – долгие горькие раздумья в деревенском уединении, мычание коров за окном, тоска по прекрасному, манящая даль заката.

Далее в фильме я бы изобразил поникший вид героя, рассказы не печатают, газетная поденка обрыдла, коллеги, да и сельские насмеются: дескать, ишь, со свиным рылом да в калашный ряд.

А потом в моём воображаемой фильме была бы вставка с титрами *«прошло двадцать лет»*, а после неё – кадры вручения престижной всероссийской премии известному писателю Ознобихину. Столичные знаменитости поздравляют и тепло пожимают руку лауреату. Да, да! В реальной действительности прототип главного героя, мой товарищ по университету, прошёл все скорби для начинающих литераторов, его так же, как и его литературного двойника, не понимали, не принимали, не печатали... а потом наступил его звёздный час! Он стал известным писателем, продолжающим традиции больших мастеров российской прозы.

В воображаемом мною киносценарии я бы поведал, сколько сотоварищей главного героя фильма в одно время с ним подавали большие надежды; сколько умниц, красивых и высоких парней и девушек-сокурсниц восхищали нас первыми пробами пера... но куда-то растворились... исчезли, выпали в осадок... а мой сокурсник, подобно настойчивым первопроходцам, что освоили Сибирь, медленно, по шажку, по зёрнышку, по рассказу, по повести... шёл вперёд и вперёд! Таких беда не берёт!

Из сотен «подававших надежды» молодых студентов нашего университета начала семидесятых годов членами Союза писателей стали три человека. Но и среди этих трёх писателей только мой сокурсник, ставший прототипом главного героя романа «Боже мой», был удостоен самых престижных литературных премий общероссийского масштаба.

(*В общем, о таких людях надо снимать фильм и смело надеяться на получение «Оскара». Вселяет надежду на высшую награду американских киноакадемиков и то обстоятельство, что главный герой романа «Боже мой» очень критически относился хотя и не к советской власти, а к безбожной, компартии с её дубовой пропагандой безродства.*)

Когда Василий Ознобихин отправляется в командировку в степные сёла, по описаниям в романе его наблюдений можно сделать вывод, что сельскую жизнь он знает глубоко, как это и свойственно талантливому, наблюдательному человеку. Начинающий литератор может найти в ней грустное и смеш-

ное, прекрасное и безобразное. Но сам живёт как бы «сбоку», наблюдая, почти не участвуя во всём происходящем. Василий, как и всякий художественный талант, эгоцентричен. Чтобы не растерять в себе нечто высокодуховное, он вынужден замкнуться в себе, сосредоточиться на своих переживаниях. От отцов и дедов Василию досталась и потаённая религиозность, православный взгляд на нашу сумбурную, бесчеловечную жизнь.

(Великий психолог Карл Густав Юнг предупреждал, что в нас прошлое не только здравствует и хранится, но периодически требует выхода в новую жизнь потомков, воплощаясь в иных образах и формах, и деяниях!)

Талант дан потомкам, чтобы всё это накопленное богатство вновь ощутить и использовать в творчестве. Толчки памяти, как родовые схватки, напоминают о себе, мучают болями. Поэтому творческий человек в этом плане не принадлежит самому себе. И это – спасение для его души, потому что тогда он в своих мыслях и поступках не так сильно зависит от своей греховной природы.

В предисловии ещё к первому изданию романа «Боже мой» писатель Валентин Распутин писал: *«Человек тех лет и представляет как раз самую большую и таинственную загадку: чем же он был, какую носил в себе бациллу перерождения, если за годы затем превратился в полную свою противоположность?»* По этому поводу выскажу своё мнение: а, может, наш человек, как и любой другой потомок Адама, и не перерождался вовсе, а К СЕБЕ, ПРЕЖНЕМУ, то есть повреждённому перво-родным грехом, вернулся? Коллективизм как основное, драгоценное качество нашего менталитета помог в своё время и целину распахать, и вторую в мире промышленность создать, и объединённые силы Западной Европы победить! За что в 1945 году вождь страны И. В. Сталин поблагодарил русский народ. Потом правящая элита о нём опять забыла. *(Такое уже случалось в российской истории во времена нашествия армий Наполеона. Царь назначал патристически мыслящих министров и полководцев. А после блестящих побед отправлял их в отставку.)*

Так уж сложилось на Святой Руси, что для сохранения власти политическим деятелям в мирной жизни невыгодно пробуждение национального самосознания, а тем паче национальной гордости, поскольку чревато последствиями. Народ, социально активный, ещё потребует от управляющей элиты законного права участия во всех государственных и культурных делах, права самому решать, что ему нужно для духовного развития.

Для советской власти главной целью было любой ценой соблюсти внешнее формальное единство наций и народностей СССР. А имеет ли оно под собой прочную духовную основу или нет, для политиков было несущественно. Но со своими интернациональными идеями они так «заигрались», что забыли одну истину: русские *«Иваны, не помнящие родства»* – плохие объединители наций и народностей.

(Когда наступят лихие «девяностые годы», большинство нашего населения, образно говоря, разбредётся кто куда: одни – в буржуи, другие – в нищерброды, третьи – в массу потребителей без идеологии и веры! А что им было защищать? Интернационализм? В межнациональных отношениях, кроме русских, им мало кто руководствовался.)

В романе «Боже мой» показан и другой тип творческой интеллигенции – это неисправимые индивидуалисты. Корреспондента районной газеты Савелия Дарданеллу можно смело назвать предвестником будущей «перестройки», а точнее, исторического реванша индивидуалистов в борьбе со сторонниками коллективизма.

Наблюдая за коллегой, Василий интуитивно чувствует великую нравственную и психологическую ущербность людей такого рода. Они не хотели и не пытались себя ассоциировать с русской культурой, с народным искусством. Они вели себя так, словно пришли жить на безлюдную равнину, где до них никто не занимался культурной деятельностью, не писал летописей и книг, икон и картин. В их воспалённом мозгу историческая Россия виделась толпой тёмных мужиков, которые «из-под палки» под руководством иностранных архитекторов строили православные храмы и церкви!

Все великие дела русского народа какой-то неземной лукавый искусник стёр из их памяти. Остались на нашей земле только те, кто *«водку пил, баб лупил и на печи лежал»*. Психологически, такой недостойной «игрой» на понижение эта самолюбивая прослойка интеллектуалов часто пыталась поднять свой авторитет в глазах неискушённой публики! Вот как описывает автор романа особенности своего героя: *«Полинин муж, хотя и впадал в загулы, кидался во все тяжкие, но форса не терял, что, смекнул Василий, обороняло его от жалостливых и осуждающих взглядов, держало на плаву»*

и придавало некую утончённую исключительность. Словом, шерсть ещё не вылезла, ещё лоснилась, и возле деревенского пьянчуги выглядел Дарданелла барином, в котором чудом уживались трезвая скупость и пьяная щедрость, еврейская расчётливость и русская душевность, утончённый, изощрённый книжный ум и подзаборная похабщина, романсовая нежность и грубая похоть».

Очень важно подчеркнуть, что индивидуалисты, как правило, являлись поклонниками Западных ценностей и окружающий их русский мир не принимали даже эстетически, то есть не видели в нём внутренней духовной красоты, а только внешние грубость и убожество. Тот же Савелий Дарданелла характеризует местное сельское население как «сопящее, жующее, спящее быдло». Ему, как и любому другому природному эгоисту, важно позиционировать себя от «толпы», от любой общины, живущей по другим нравственным правилам и ценящей коллективизм, а для этого ему надо представить обязательно в карикатурном виде её вкусы, взгляды и обычаи. (Такой же «сопящий и жующий», пьяный и мерзкий на вид англичанин в пивной никакого отторжения у нашего российского эгоцентриста не вызовет, потому что иностранец для него «свой», он живёт только для себя, любимого. А быдло потому и быдло, что живёт по общинным правилам и чтит православную соборность.) Да и свой русский «кулак», хоть так же неопрятен, с крошками хлеба в густой бороде, но будет любому творцу-«индивидуалисту» роднее бедняка-колхозника, потому что своё дело знает, живёт обособленно, «добро наживает»!

В начале 90-х годов такие, как Дарданелла, кандидаты в будущее всемирное общество потребителей, постараются перебраться в какой-нибудь приличный город, чтобы побольше зарабатывать и развлекаться по полной программе, начертанной в их воображении ещё в советские времена. Присоединившись к таким же любителям сладкой жизни в мегаполисах, они «замутят головы» большинству российского населения разрушением всех прежних идеалов и неустанной пропагандой «рыночных» отношений.

К новому типу полуинтеллигенции можно отнести главного редактора районной газеты, которая стала местом действия романа. Бывший ветфельдшер и бывший бригадир Семён Евдокимович Балдаев, кажется, и не интеллигент вовсе в его привычном смысле, то есть как представитель творческих профессий с большим культурным кругозором. Большевики призвали ветфельдшера Балдаева служить на идеологическом фронте, вооружили его знанием основных положений марксизма-ленинизма, и он исправно служит, сегодня – советскому вождю Сталину, завтра – Хрущёву. Осуждая культ личности, носит китель, чёрное галифе и фасонистые хромовые сапоги, «словно тоскуя по твёрдой сталинской руке».

В своё время такие старательные деятели из простого народа с пользой послужили своему отечеству в период организации коллективного производства и создания новых социальных структур. Всё же от звериного мира капитализма ненадолго отлучили. Но их интеллектуальный потенциал был слишком ограничен. К тому же в вопросах духовных, в идеологической работе выходцы из народа во власти пользовались только атеистическими средствами, а это одно и то же, что безуспешно пытаться оперировать душу человека хирургическим скальпелем.

Классовый подход к оценке всего невообразимо сложного процесса создания нового государства привёл к тому, что «рабоче-крестьянская» интеллигенция быстро забыла наше общее русское прошлое. Автор романа А. Байбородин очень убедительно показал беспросветную слепоту мнимого «интернационализма», когда гражданин печётся о других народах, **не жалея и не любя своего народа**. Преданный порученному делу главный редактор Балдаев готов опровергнуть мнение самого Фёдора Михайловича Достоевского о том, что *хозяин земли русской – это русский* (русский по своему менталитету, добавили бы мы сейчас).

Балдаев так же резко возражает против изложенного в статье своего сотрудника мнения Льва Николаевича Толстого о том, что *«русского мужика должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и трепетом»*.

Какая любовь? Какой трепет? Велено партией укреплять дружбу народов, лоб расшибём, но укрепим! Ум и сердце в этой работе не участвуют. Позже, при распаде СССР и позорных гонениях на русских, мы поймём, куда сами себя загнали, проводя в жизнь бредовые теории мнимых радостей за счастье «всех братских народов»! Такие полуинтеллигенты при власти, как Балдаев, не способны были «переубедить» образованных и уверенных в себе индивидуалистов быть в общей идеологической команде в деле построения социализма. Они больше давили на упрямцев авторитетом этой самой власти и страхом отлучения от должностей или публикаций.

Но духовное противостояние подспудно только возрастало. В романе мы уже видим таких героинь, как Лиза Беркович, которая «умышленно красовалась своей душой». Видим фотовыставку фотокорре-

спондента Дарданеллы. В странных фотообразах, созданных им, можно было узреть и «воспевание бесноватого» и «проповедь гордыни» и «нравственную разнузданность».

В общем, «команда Воланда» десантировалась не только на Патриаршие пруды в Москве ещё при жизни писателя Михаила Булгакова. Десятилетие за десятилетием она начала осваивать великие российские пространства, отдалённые сибирские сёла и города, и уж совсем отдалённые Забайкалье и Приморье.

У молодого человека начала семидесятых годов был небогатый выбор: либо надо было принять жестокие правила «игры» на выживание, либо уйти в себя, стать «книгочеем», чтобы найти счастье в высоких духовных сферах. Главный герой романа «Боже мой» Василий стал «книгочеем», а потом и «книго-создателем». Он поверил в торжество добра и любви по христианским канонам.

В романе есть эпизод, когда дамский любимец Дарданелла назвал Василия, нашего главного героя, уничижительным словом «Квазимодо», показывая этим, что животное начало человека и естественный отбор никто не отменял! Да, это так, к сожалению.

Но настоящий талант способен преодолеть непреодолимое! Этой обидой коллега по работе богато одарённого Василия только закалил! Через десяток-другой прожитых лет тысячи подобных «дарданелл» истощат свои силы в многочисленных любовных связях, в пьянстве и чревоугодии и растворяются в небытие... без следа и творческого наследия, а негодный для этих «пиршеств тщеславия» и разгула грешной плоти «уродец» Вася счастливо избежит духовного опустошения, которое поразило многих его коллег. Оттого и в семье у него всё будет хорошо: будет любящая жена, вырастет умница-дочь и Ознобихин станет известным писателем.

Да и разве может быть иначе, если главный герой сберёт свою душу для духовного служения. С молодых лет он научился по-христиански сопереживать чужому горю, ощутил в себе способность как бы со стороны взглянуть на зряшную суету и безрассудные поступки своих друзей и знакомых, которые находились в плену греховных страстей, и простить им самые дикие выходки! Вот один из примеров такого духовного преображения героя при виде на ссору супружеской пары:

«Умные же люди, и пошто друг другу кровь портят?! – переживал Василий. – Видно, горе от ума... Тьма ума и уйма воли – беда и себе, и людям... а в деревушках, поглядишь, иные мужики и бабы крестиком расписываются, а мудрости больше, и живут душа в душу, а ведь тоже в сердцах охота на близком зло сорвать. Но перемагаются же... Видно, вера в Бога подсобляет: в Писании же – возлюби ближнего... а тут один задержиха, другой неспустиха...»

К месту здесь было воспоминание Ознобихина о деревне. Это проблески родовой памяти, которую в нём не стёрли события здешней, современной ему безбожной действительности, где каждый день безродные вожаки-атеисты вдалбливали в сограждан абстрактные идеи, которые они сами же часто и опровергали в реальной жизненной практике. Вспомнились ему сельчане из дальних деревушек совсем не случайно! Это у Василия от предков – способность любоваться деревенскими жителями, которые крестиком расписываются, но живут по любви. По этому пути русское большинство должно было пойти, развивая в себе бескорыстную любовь и сострадание к ближнему. Да всё пошло совсем по-другому!

Но у нашего героя свой путь. Постигая книгу православного гения Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», Василий вдруг осознаёт истинный смысл пребывания человека на земле! В повествовании об этом событии автор так представляет Василия, который: *«расхаживая, от удивления покачивая головой, повторял на свой лад мысль: люди бы жили счастливо, если бы, не помня обид, ведали лишь вину друг перед другом и, радостно утоляя вину, служили друг другу, при сём, имея сердечную мудрость, не подсобляли в скверне, чтобы сослужить человеку не бесову – Божью службу».*

Боже мой! Как счастлив любой человек, для кого эта мудрость стала путеводителем по жизни, кто может почувствовать Бога в себе, а себя – частичкой духовной жизни своего народа. Национальный талант – пожизненный пленник духовного его прошлого и вечный страдалец за его настоящее и будущее. Символично окончание романа. Василий вечером спешит в типографию, снова набирает на линоTYPE и решительно вставляет в текст своей новой статьи вычеркнутые главным редактором слова «Боже мой!» Этот символический жест – как знак духовного выбора героем своего жизненного пути! Пока ещё на уровне защиты заветных слов его подсознание готово к будущему воцерковлению. Никто, в том числе он сам, ещё не знает об этом преображении. Оно совершается на наших глазах.

Роман окончен, а религиозный путь главного героя только начинается.

Минусинск, январь 2022 года

Берега прочтения

Ваагн Карапетян

Ваагн Самсонович Карапетян – писатель, автор нескольких книг. Член Международного союза литераторов и журналистов АРПА, член Союза армянских писателей. Имя Ваагна Карапетяна упоминалось в международной, советской и постсоветской периодике более чем в ста газетах и журналах. Основатель более десятка общественных и профсоюзных организаций. Первый председатель Федерации независимых профсоюзов Армении, первый председатель Союза русскоязычных писателей «Русский Альбион» (Великобритания), первый председатель Литературно-творческого объединения «Кленовый лист» (Канада). Главный редактор международного альманаха «Литературная Канада».

Великий блеф под названием «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Отрывки из романа-эссе

Сразу отмечу, что касается творчества самого Булгакова в целом – его романов, повестей, рассказов, – то он остаётся для меня непревзойдённым Мастером русского художественного слова, и это не подвергается сомнению. Многие произведения Михаила Афанасьевича потрясают меня своей глубиной. Я не буду приводить имена некоторых супер-классиков, во избежание ещё одного повода забросать меня камнями, но они значительно уступают Булгакову.

Другое дело, как он пользовался умением создавать художественные произведения, живописать словами... Не злоупотреблял ли доверием читателя? А если злоупотреблял, то с какой целью и что являлось причиной?

И второе, мои претензии в большей степени относятся к критикам-булгаковедам, чем к самому произведению. (С их лёгкой руки, благодаря именно роману «Мастер и Маргарита», появилась новая наука – «булгаковедение».)

Умело закрученной, этого нельзя отрицать, авантюрно-приключенческой истории приписывают не соответствующие произведению свойства и цели; мистика, феноменальность, исключительность, гениальность, загадочность и прочее. А также борьбу с мещанством в сталинской Москве, с низменными чувствами, с бытовыми проявлениями, порождающими зло и со всяким негативом, известным человечеству, причём принимают участие в этой «борьбе» исключительно все действующие лица. Булгаковеды берут на себя смелость утверждать, будто это произведение является не только вершиной булгаковского творчества, но и величайшим романом XX века.

Это не есть правда, о чём разговор ниже.

Я буду приводить примеры несогласованных поступков героев, действий, оборванных историй, стилистических и орфографических ошибок, коими изобилует роман, преследуя одну цель, убедить читателя в том, что роман далёк от совершенства, и самое главное, Михаил Афанасьевич Булгаков, будь жив, никогда бы не отдал этот сырой материал в издательство.

Это, так сказать, преамбула, а теперь по существу.

...В 1928 году в художественно-литературном журнале «Тридцать дней» появляется роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», в том же году издаётся отдельной книгой. Булгаков не мог не отметить небывалый всплеск читательской аудитории, вызванный этим необычным, не совсем советским романом, и задумал «переплюнуть» его.

ТО ЕСТЬ ОН ЗАДУМАЛ АВАНТЮРНО-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В СТИЛЕ РОМАНОВ ИЛЬФА И ПЕТРОВА БЕЗ КАКИХ-ЛИБО СОЦИАЛЬНЫХ, СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ И ПРОЧИХ ПОТЯСЕНИЙ.

При этом он поднимает планку на небывалую высоту, решается на произведение, по замыслу более авантюрное, более дерзкое, более динамичное, чтобы в повествовании каждое движение героев выходило за рамки понимания обывателя о пределах допустимой фантазии. К примеру, если накапать валерьянки, то не две-три капли, а триста!

«Коровьев отлепился наконец от стенки и вымолвил: – Нет, не могу больше! Пойду приму триста капель эфирной валерьянки!»

Пока триста капель насчитаешь, десять раз собьёшься. Что делать тогда? По новой начинать капать? Эдак целый день провозишься. Если летать Маргарите на щётке, то не только вдоль улиц, но и в космосе побывать.

«Повернув голову вверх и налево, летящая любовалась тем, что луна несётся под нею...»

(Странно, что желание «неискушённых обывателей» приписывать первенство среди женщин-космонавтов Валентине Терешковой не вызвало бурю гнева у булгаковедов.)

И назначать заседание литераторов не в два-три часа дня, как принято, а в 10 вечера. Хорошо хоть не в час ночи.

«Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нём председательствовать...»

Уже заголовок повести «Великий канцлер. Князь тьмы» сам по себе говорит, что готовится нечто грандиозное, я бы сказал, сюрреалистическое. (А Булгаков планировал написать повесть.) В процессе работы над повестью появляются более десятка названий: «Чёрный маг», «Копыто инженера», «Жонглёр с копытом», «Сын В(елиара?)», «Гастроль (Воланда?)», «Великий канцлер», «Сатана», «Вот и я», «Шляпа с пером», «Чёрный богослов», «Он появился», «Подкова иностранца», «Пришествие», «Чёрный маг» и «Копыто консультанта».

Во второй версии «Мастера и Маргариты» имелся ещё и подзаголовок – «Фантастический роман». Если учесть, что заголовок предопределяет содержание, то такой разброс названий говорит лишь о том, что Булгаков НЕ ЗНАЛ, что он хочет написать, не было общей концепции, генерального плана. Мы видим лишь то, что он планировал написать этакий микс фантастики с советской действительностью, а какую форму примет произведение, с какими героями и с какой задачей, что самое главное, и понятия не имел.

У писателей так принято – сначала намечается рабочий заголовок, а, завершив работу над произведением, автор определяет окончательный вариант названия. Обычно используется в процессе работы два заголовка, ну, от силы три, но никак не пятнадцать.

Разброс идей, намерений настолько велик, что Булгаков уже не следит за действиями своих героев.

III

В первых набросках, главным героем являлся Поэт (прозрачный намёк на Гоголя, ведь тот «Мёртвые души» назвал поэмой). Затем появилась история с Понтием Пилатом, далее на авансцену вышел дьявол, а ещё через несколько лет Михаил Афанасьевич ввёл в роман Мастера и Маргариту, и рукопись преобразовалась из повести в роман. Основными персонажами стали лица, появившиеся в романе в последнюю очередь...

Да, можно и нужно в процессе работы насыщать произведение новыми персонажами, но основная канва должна сохраняться. Прежде чем сесть за стол, нужно подумать, о чём ты хочешь писать. Если только в 1937 году на страницах романа мы встречаемся с Маргаритой, то нужно понимать, что девять лет до того он писал совершенно иное произведение. Появление в романе влюблённой пары в корне изменило заданную в начале романа тему. С их появлением началась совершенно ДРУГАЯ тема, в которой некоторые герои перекочевали из первой части книги во вторую, всего лишь.

В книгах Ильфа и Петрова герои романа «Двенадцать стульев» также перекочевали в другое произведение – «Золотой телёнок», но авторы не стали привязывать вторую книгу к первой, это не второй том, это отдельная книга...

...Нет точного сведения, как называлась рукопись, которую сжёг Михаил Афанасьевич. Хотя почему? В своём сумбурном письме «Правительству СССР», он сообщает, что «лично я, своими руками бросил в печку черновик романа о дьяволе...» То есть он назвал своё произведение «Роман о дьяволе». Как мы видим, главным героем на то время являлся «дьявол». И мы даже именовать её версией не имеем права, поскольку отсутствовали основные лица. Скорее всего, это было самостоятельное, законченное произведение. Потом нарисуются новые лица, то одно, то другое, то третье, и новая концепция, новое изложение.

IX

Ещё один пример. Пилат общается с президентом Синедриона, первосвященником иудейским Иосифом Каифа на повышенных тонах.

«– Что слышу я, прокуратор? – гордо и спокойно ответил Каифа, – ты угрожаешь мне после вынесенного приговора, утверждённого тобою самим? Может ли это быть? Мы привыкли к тому, что римский прокуратор выбирает слова, прежде чем что-нибудь сказать. Не услышал бы нас кто-нибудь, ижемон?»

Пилат мёртвыми глазами посмотрел на первосвященника и, оскалившись, изобразил улыбку.

– Что ты, первосвященник! Кто же может услышать нас сейчас здесь? Разве я похож на юного бродячего юродивого, которого сегодня казнят? Мальчик ли я, Каифа? Знаю, что говорю и где говорю. Оцеплен сад, оцеплен дворец, так что и мышь не проникнет ни в какую цель!»

Мы убедились в том, что в резиденции Пилата в зале, где он общается с Афранией, нет причины вести иносказательные речи, опасаясь посторонних ушей. Значит, в диалоге звучала открытая, прямая тревога за судьбу Иуды, и Пилат действительно просил уберечь жизнь этого низкого человека. А НАСТОЙЧИВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЭТОЙ ТЕМЕ, ОБЩАЯСЬ С НАЧАЛЬНИКОМ ТАЙНОЙ СЛУЖБЫ, ГОВОРЯТ О ТОМ, ЧТО ПИЛАТ ДОГАДЫВАЛСЯ ОБ ИСТИННЫХ НАМЕРЕНИЯХ АФРАНИЯ И ПЫТАЛСЯ ПРЕДОТВРАТИТЬ УБИЙСТВО. И всё же, почему начальник тайной службы поступил иначе? Да потому, что он запланировал убийство Иуды ещё до встречи с Пилатом, а с какой целью, об этом ниже.

XIII

Выйдя от Пилата, Афраний в первую очередь, выполняя указания прокуратора, организовал тайные похороны трёх казнённых. На то, чтобы послать повозки с инвентарём, необходимым для захоронения, ушло «не более десяти минут». А затем: «Вскорости после того, как уехали повозки с сопровождающей их командой, отбыл с территории дворца верхом и гость (Афраний. – Прим. В. К.) прокуратора, переодевшийся в тёмный поношенный хитон. Гость направился не за город, а в город. Через некоторое время его можно было видеть подъезжающим к крепости Антония, расположенной на севере и в непосредственной близости от великого храма. В крепости гость пробыл тоже очень недолго, а затем след его обнаружился в Нижнем Городе, в кривых его и путаных улицах. Сюда гость приехал уже верхом на муле».

Михаил Афанасьевич даёт нам понять, что встреча в крепости Антония продолжалась 10 минут, от силы 15, «тоже очень недолго», на которой обсуждалось убийство Иуды. А теперь вопрос к читателю. Если о необходимости убить Иуду Афраний получил указание от Пилата только час-полтора тому назад, мог ли он обсудить с исполнителями заговора вот так, с нуля, за 15 минут, весь процесс покушения? Нет, конечно. Это однозначно. И спорить не надо. Время ведь не поджимало, к чему топиться? Другое дело, когда машина запущена и осталось только внести некоторые детали. Можно уложиться в 15 минут. Но дальше – больше. Афраний отправляется в Нижний город договориться с очередной участницей покушения.

«У этой женщины Афраний пробыл совсем уже недолго – никак не более минут пяти. После этого он покинул дом и террасу, пониже опустил капюшон на глаза и вышел на улицу».

А теперь поподробнее, только не падайте. Её зовут Низа, она замужняя женщина, является любовницей Иуды. В этот вечер муж уехал «по торговым делам» и она ждала Иуду, чтобы провести с ним в постели приятное время. А тут, как некстати, появляется Афраний, очевидно, такой же знакомый, как и Иуда, но занимающий более высокое положение. Он даёт указание Низе вывести Иуду за город, где его будут поджидать убийцы. И на всё про всё это ушло «не более минут пяти». То есть за пять минут он убедил любвеобильную даму оставить мысли о тёплой постели и отправиться за город, заманивая туда красавчика Иуду, где его ожидает верная погибель. Невероятно! Жену пока за пивом пошлешь, запаришься, а тут за город тащиться надо, и с такой неблагоприятной целью... По сути, он предлагает Низе стать соучастницей убийства своего возлюбленного. За пять минут это сделать нереально! С другой стороны, зачем ей это нужно?

Поставим на чашу весов две личности. Афраний – представитель страны, захватившей её родину, поработившей народ израильский, а Иуда свой, пользующийся покровительством высшего духовенства, своим поступком предотвративший раскол иудейской веры, а потому всеобщий любимчик, красавец, к тому же ещё и её любовник. Можем ли мы гарантировать, что она, встретив Иуду, не шепнёт ему на ухо: «Беги, тебя убить хотят!» – и выложит весь разговор с Афранием Президенту Синедриона, первосвященнику иудейскому, Иосифу Каифа. И тогда у Афрания будут, ох, какие большие проблемы.

Определённо, с ней уже была договорённость, а пяти минут хватило бы для уточнения некоторых деталей. Но здесь ещё одна несостыковка. Зачем нужно Низе одеваться, выходить в город, чтобы «случайно» встретить Иуду, если он сам часом позже должен к ней прийти?

«На том самом углу, где улица вливалась в базарную площадь, в кипении и толчее его обогнала как бы танцующей походкой идущая лёгкая женщина в чёрном покрывале, накинутом на самые глаза. Обгоняя молодого красавца, эта женщина на мгновение откинула покрывало повыше, метнула в сторону молодого человека взгляд, но не только не замедлила шага, а ускорила его, как будто бы пытаясь скрыться от того, кого она обогнала.

Молодой человек не только заметил эту женщину, нет, он узнал её, а, узнав, вздрогнул, остановился, в недоумении глядя ей в спину, и тотчас же пустился её догонять. Едва не сбив с ног какого-то прохожего с кувшином в руках, молодой человек догнал женщину и, тяжело дыша от волнения, окликнул её:

– Низа!

Женщина повернулась, прищурилась, причём на лице её выразилась холодная досада, и сухо ответила по-гречески:

– Ах, это ты, Иуда? А я тебя не узнала сразу. Впрочем, это хорошо. У нас есть примета, что тот, кого не узнают, станет богатым...

Волнуясь до того, что сердце стало прыгать, как птица под чёрным покрывалом, Иуда спросил прерывающимся шёпотом, опасаясь, чтобы не услышали прохожие:

– Куда же ты идёшь, Низа?

– А зачем тебе это знать? – ответила Низа, замедляя шаг и надменно глядя на Иуду.

Тогда в голосе Иуды послышались какие-то детские интонации, он зашептал растерянно:

– Но как же?... Ведь мы же условились. Я хотел зайти к тебе. Ты сказала, что весь вечер будешь дома...»

Вот она ему у порога и нашептала бы, мол, иди за город в такое-то место и жди меня, я скоро буду.

Какой можно сделать вывод? Все участники покушения, ещё до встречи Афрания с Пилатом, знали о своём участии в заговоре, дали согласие, а начальнику тайной службы пришлось мотаться по городу, чтобы согласовать некоторые детали. Вот на это и достаточно было 10–15 минут в первом случае и пяти минут – во втором.

ОЧЕВИДНО, ВЕРНЫЕ ПРОКУРАТОРУ ЛЮДИ ДОНЕСЛИ ЕМУ О КОВАРНОМ ЗАМЫСЛЕ НАЧАЛЬНИКА ТАЙНОЙ СЛУЖБЫ, И ПРОКУРАТОР, НЕ РАСКРЫВАЯСЬ, ПЫТАЛСЯ ОДЁРНУТЬ ПОДЧИНЁННОГО, ВЫНУДИТЬ ПРЕКРАТИТЬ ОПАСНЫЕ ШАШНИ У НЕГО ЗА СПИНОЙ.

Теперь вопрос. А зачем начальнику тайной службы это нужно? Можно ответить, но для начала посмотрим, кто таков начальник тайной службы, вернее, каким рисует его нам автор:

«Надо полагать, что гость прокуратора (начальник тайной службы Афраний. – Прим. В. К.) был склонен к юмору. Но по временам, совершенно изгоняя поблёскивающий этот юмор из щёлочек, теперешний гость широко открывал веки и взглядывал на своего собеседника внезапно и в упор,

как будто с целью быстро разглядеть какое-то незаметное пятнышко на носу у собеседника. Это продолжалось одно мгновение, после чего веки опять опускались, суживались щёлочки, и в них начинало светиться добродушие и лукавый ум».

О таких людях мы говорим: «он себе на уме», «человек с двойным дном», как правило, у подобных личностей за пазухой «имеется камень», и сложно предугадать его действия – он стремится добросовестно выполнять свои обязанности или докапывается под своего руководителя с целью скинуть его и занять престижное кресло.

Беседуя, прокуратор опять возвращается к мысли, которая его беспокоит.

«Да, но вернёмся к делам. Прежде всего, этот проклятый Вар-равван вас не тревожит?»

Показательна реакция подчинённого:

«Тут гость и послал свой особенный взгляд в щёку прокуратора».

Однако Понтий Пилат солдат, а вернее – солдафон, он в этих тонкостях не разбирается и не замечает того, что наш современный клерк отметил бы сразу.

Пилат не унимается, он вновь возвращается к необходимости обеспечивать спокойствие в Иудее.

«— Дело заключается в следующем: хотя мы и не можем обнаружить – в данное время, по крайней мере, – каких-либо его поклонников или последователей, тем не менее ручаться, что их совсем нет, нельзя».

Гость внимательно слушал, наклонив голову.

— И вот, во избежание каких-нибудь сюрпризов, – продолжал прокуратор, – я прошу вас немедленно и без всякого шума убрать с лица земли тела всех трёх казнённых и похоронить их в тайне и в тишине, так, чтобы о них больше не было ни слуху ни духу».

Продолжая беседу, он снова возвращается к проблеме мира и спокойствия в регионе:

«— ...Итак, третий вопрос. Касается этого, как его... Иуды из Кириафа».

Тут гость и послал прокуратору свой взгляд и тотчас, как полагается, угасил его».

И опять прокуратор не заметил этого. Он продолжает убеждать Афрания предпринять серьёзные меры для сохранения стабильного мира в Иерусалиме.

«— я обязан предвидеть всё. Такова моя должность, а пуще всего я обязан верить своему предчувствию, ибо никогда оно ещё меня не обманывало. Сведения же заключаются в том, что кто-то из тайных друзей Га-Ноцри, возмущённый чудовищным предательством этого менялы, сговаривается со своими сообщниками убить его сегодня ночью...»

— Вообразите, приятно ли будет первосвященнику в праздничную ночь получить подобный подарок?

— Не только не приятно, – улыбнувшись, ответил гость, – но я полагаю, прокуратор, что это вызовет очень большой скандал. (Согласитесь, в данном случае улыбка совершенно неуместна, если за нею не кроется нечто другое. – Прим. В. К.)

— И я сам того же мнения. Вот поэтому я прошу вас заняться этим делом, то есть принять все меры к охране Иуды из Кириафа».

Как мы уже знаем, Афраний поступает прямо наоборот. Он организовывает убийство Иуды именно с целью вызвать народный гнев, что не осталось бы незамеченным в Риме.

По моему твёрдому убеждению, Михаил Афанасьевич планировал развивать эту тему, придав ей детективную форму. Нас ожидала увлекательная история, связанная с отстранением от должности Понтия Пилата и водворением на его место начальника тайной службы Афрания...

XV

Сам роман начинается с оживлённой беседы в парке на скамейке поэта Ивана Николаевича Понырева, пишущего под псевдонимом Бездомный, с Михаилом Александровичем Берлиозом, председателем правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращённо именуемой МАССОЛИТ, редактором толстого художественного журнала о существовании Бога и дьявола. Каждый из нас может припомнить случаи полемики на эту тему в кругу своих друзей, близких. Согласитесь, там баталии и жарче бывают, особенно, если хорошо поддаты оппоненты вышли из-за стола покурить на кухню в ожидании, когда хозяйка-именинница сменит посуду.

У Антона Чехова есть гениальная фраза, цитирую по памяти: «Если в первом акте на стене висит ружьё, то в третьем оно должно выстрелить». То есть каждое движение, каждое действие должно быть сделано с определённой целью и иметь определённые последствия.

На экранах нередко появляются фильмы о пришельцах, своеобразных инопланетных захватчиках, так они атакуют нашу Землю с определённой целью: либо с желанием поработить человечество, либо наесться от пуза. Смысл какой-то должен быть. Стучит нам в дверь сосед, он в первую очередь сообщает, что ему надо, зачем он решил вас потревожить: то ли хозяйка за солью послала, то ли ножовка понадобилась, то ли третьего не хватает, сосед за углом нетерпеливо ждёт. А с какой целью появился в Москве сатана – мне до сих пор не ясно. Будем разбираться.

Появился загадочный герой романа по имени Воланд, вернее, высветился из ничего и подсел к литераторам. Представился:

«– Я – специалист по чёрной магии.

“На тебе!” – стукнуло в голову у Михаила Александровича.

– И... и вас по этой специальности пригласили к нам? – заикнувшись, спросил он.

– Да, по этой пригласили, – подтвердил профессор и пояснил: – Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века, так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист».

Охотно верю, раз он единственный специалист, то кого же ещё приглашать. И понять могу, почему он прибыл в столицу не один, а с целой свитой.

Помню случай. Я работал заведующим орготделом ЦК профсоюза работников культуры Армении. Получили депешу из Москвы, мол, принимайте гостей, двух журналистов из Никарагуа. Из телефонного разговора выясняется, что прилетают семь человек. Самолёт приземлился. Знакомимся. Два никарагуанца, один переводчик, один представитель особого отдела. И ещё три гламурные девицы... Оказалось, их довеском прикрепили, чтобы командировочные деньги отработать.

Нечто подобное и здесь происходило. А как иначе объяснить? Станет Коровьев-Фагот страницы перелистывать, кот Бегемот свечку держать, Азazelло рожу корчить, а Гела в обнажённом виде пританцовывать на глазах у изумлённых посетителей библиотеки. И все при деле.

Но особо ломать голову не стоит, потому как Воланд на протяжении всего романа больше НЕ ВСПОМНИТ О ЦЕЛИ СВОЕГО ВИЗИТА, О ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ. Хорошо, Воланд не помнит, а Михаил Афанасьевич? Он-то должен помнить, обязан помнить.

Более того, когда соответствующие органы принялись расследовать преступную деятельность Воланда с его подельниками, стали обращаться в театральные органы и совершенно забыли о Государственной библиотеке, которая должна бы, в свою очередь, обеспокоиться отсутствием командированного к ним иностранного специалиста.

Дальнейшие события выстроились в строгую логическую последовательность, проследим за нею. Выясняется, что «специалист по чёрной магии» пока нигде не остановился и на вопрос:

«– А... где же вы будете жить?»

Отвечает:

«– В вашей квартире, – вдруг развязно ответил сумасшедший и подмигнул».

Булгаков уже вошёл в раж, предложил жить «председателю правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, редактору толстого художественного журнала» в коммунальной квартире. И делит он кухню с санузелом, подумать только, не с каким-нибудь слесарем шестого разряда, а с директором театра Варьете Степаном Лиходеевым.

Согласен, в Москве того времени, да и по всей стране в целом наличие даже однокомнатной квартиры считалось неслыханной роскошью, но не для высокопоставленных чиновников, какими являлись оба функционера. И тот и другой, без сомнения, разъезжали по Москве в служебных автомобилях, во всяком случае, о Степане Лиходееве есть такая информация: «– Машину зря гоняет казённую! – наябедничал и кот, жуя гриб». И вдруг коммунальная квартира! Но Михаил Афанасьевич, с издёвкой воспринимая советские порядки, решил не упустить случая лишний раз подтрунить над нею. Представляю, как он ухмылялся, помещая в коммуналку советских господ Степана Лиходеева и Михаила Александровича Берлиоза. Особое удовлетворение он испытывал, изгаляясь над своим непосредственным руководителем по литературному «цеху».

В то же время критик Латунский, очередной герой Булгакова, всего лишь член правления МАССО-ЛИТа, проживал в элитном доме «Драматурга и литератора», в многокомнатной квартире. В одной, как известно, стоял рояль, и ещё упоминается спальня, но это не всё. Автор пишет: «...какие именно окна квартиры Латунского. Несомненно, что это были пять тёмных окон на углу здания, в восьмом этаже». А значит, мы имеем дело как минимум с четырьмя комнатами. Если к этому приплюсовать, что Латунский не имел семьи, а, стало быть, жил один. То можно и воскликнуть: «Ого-го, хорошо устроился!»

XXI

...В романе сплошь да рядом встречаются несогласованные предложения, стилистические ошибки. Что касается грамматических ошибок, их также немало, но здесь такая картина: в романе, опубликованном в интернете, грамматические ошибки встречаются на каждой странице, а в книжном издании они отсутствуют, корректоры издательств, прежде чем передать рукопись в типографию, исправляют их. Поэтому я не заостряю на этом внимание. Но вот что запомнилось, «киевского дяди» написано с большой буквы.

Диву даюсь, если, как утверждает Елена Сергеевна, у неё на руках после смерти мужа осталась готовая рукопись, то можно было ЗА ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ ХОТЯ БЫ ОРФОГРАФИЕЙ ЗАНЯТЬСЯ, а не только бегать по кабинетам литературных боссов.

Перечислю лишь немного, только то, что попало на глаза. Сам я по натуре рассеянный, корректорскими и редакторскими способностями не обладаю, поэтому уверен, ошибок намного больше, чем я обнаружил. Привожу примеры из книги «Белая гвардия. Мастер и Маргарита», изданной в Минске в 1988 году издательством «Белорусская Советская Энциклопедия» имени Петруся Бровки.

Сидят в парке поэт с редактором и беседуют... *«Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму».*

А спустя несколько строк, уже речь идёт уже о рассказе:

«А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!..»

Может быть, сложится впечатление, будто я придираюсь, но, согласитесь, поэму никто рассказом не называет, не принято.

«— Бывал, бывал и не раз! — вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта, — где я только не бывал!» (Само по себе предложение корявое, ухо режет и глазам больно от этой тавтологии, «смеясь — несмеющегося». В любом случае я бы написал «не смеющихся глаз».)

«— Но, — продолжал иноземец, не смущаясь изумлением Берлиоза и обращаясь к поэту, — отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдалённых, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас!» (Я бы написал «сто лет с лишним».)

«Опять-таки виновата была, вероятно, кровь, прилившая к вискам и застучавшая в них, только у прокуратора что-то случилось со зрением». (Я бы убрал «и застучавшая в них», потому как достаточно фразы «кровь, прилившая к вискам», чтобы понять степень взволнованности человека.) Вторая часть предложения *«только у прокуратора что-то случилось со зрением»* не согласуется с первой. (Нужно это предложение разделить на две части. В первой части дописать концовку, а во второй — добавить начало.)

«И опять передернуло Берлиоза. Откуда же сумасшедший знает о существовании киевского дяди? Ведь об этом ни в каких газетах, уж наверно, ничего не сказано. Эге-ге, уж не прав ли Бездомный? А ну как документы эти липовые? Ах, до чего странный субъект. Звонить, звонить! Сейчас же звонить! Его быстро разьяснят!» (Надо бы написать «Ему быстро разьяснят».)

«Ивану стало известным, что мастер и незнакомка полюбили друг друга так крепко, что стали совершенно неразлучны». (Надо бы «Ивану стало известно».)

«Но горевать долго не приходилось, и Стёпа набрал номер в кабинете финдиректора Варьете Римского». (Двойное впечатление оставляет это предложение. То ли Стёпа находился в кабинете и оттуда звонил, то ли наоборот, извне звонил в кабинет финдиректора. Непонятно.)

«И у Ивана выпросили решительно всё насчёт его прошлой жизни, вплоть до того, когда и как он болел scarlatino, лет пятнадцать тому назад». (В этом предложении нужно убрать либо слово «когда», либо фразу «лет пятнадцать тому назад».)

«Усатый худой лихач подлетел к первой раздетой и с размаху осадил костлявую разбитую лошадь. Лицо усача радостно ухмылялось». (Непонятно, на чём подлетает к первой раздетой усатый худой лихач. Я бы оформил это предложение иначе: «Усатый худой лихач на костлявой, разбитой лошади подлетел к первой раздетой...»)

«Я встал человеком, который уже не владеет собой». (Наверно, всё же не «встал», а «стал».)

«После этого Николай Иванович бесследно исчез, а на месте его появился новый неожиданный человек». (Я бы написал: «на его месте».)

«Все с интересом прослушали это занимательное повествование, а когда Бегемот кончил его, все хором воскликнули:

– Враньё!» (Второе слово «все» лишнее.)

«Что-то сосало моё сердце! Ах! Он наблюдал за квартирой! И другой у подъезда тоже! И тот, что был в подворотне, то же самое!» (Я бы написал: «сосало под сердцем».)

«Вы, наверное, хорошо стреляете?»

– Подходяще, – ответил Аззелло.

– А на сколько шагов? – задала Маргарита Аззелло не совсем ясный вопрос.

– Во что, смотря по тому, – резонно ответил Аззелло, – одно дело попасть молотком в стекло критику Латунскому и совсем другое дело – ему же в сердце.

– В сердце! – воскликнула Маргарита, почему-то берясь за своё сердце, – в сердце! – повторила она глухим голосом...» (Наверное, надо: «смотря в кого или куда».)

«Но и при медленном лёте, у самого выхода на ослепительно освещённый Арбат, она немного промахнулась и плечом ударилась о какой-то освещённый диск, на котором была нарисована стрела». (И всё же: «при медленном полёте».)

«Поэтому она стала делать что попало». (Я бы написал: «Поэтому она стала делать ВСЁ что попало».)

«И оно исчезло через секунду, и Маргарита увидела, что она наедине с летящей над нею и слева луною». (Я бы убрал соединительный союз «и» между словами «над нею – слева».)

Повторение одного слова на коротком отрезке не красит само произведение, и писатели пытаются избегать этого, в крайнем случае вписывают слово, близкое по смыслу, используют синонимы. Завершив работу над произведением, писатели принимают удалять подобные повторы. Но, видимо, Михаилу Афанасьевичу ещё не до повторов было. Вот о слове «было» и идёт речь...

«То, что было сказано о том, что за цепью легионеров не было ни одного человека, не совсем верно. Один-то человек был, но просто не всем он был виден. Он поместился не на той стороне, где был открыт подъём на гору и с которой было удобнее всего видеть казнь, а в стороне северной, там, где холм был не отлог и доступен, а неровен, где были и провалы и щели, там, где, уцепившись в расщелину за проклятую небом безводную землю, пыталось жить больное фиговое деревцо». (Согласитесь, перебор.)

Этот отрывок ещё раз убеждает нас в том, что Михаил Афанасьевич не занимался чисткой романа.

XXII

А также в романе имеется достаточное количество диалогов, фраз, в которых хромает элементарная логика.

Понтий Пилат спрашивает у Иешуа:

«– Знаешь ли грамоту?

– Да.

– Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?

– Знаю. Греческий...»

Казалось бы, на конкретный вопрос дан конкретный ответ. Но, видимо, с памятью у кого-то проблемы. Через несколько страниц, Понтий Пилат задаёт близкий по смыслу вопрос:

«– Я не спросил тебя, – сказал Пилат, – ты, может быть, знаешь и латинский язык?

– Да, знаю, – ответил арестант».

Я не понимаю Иешуа, в первую очередь, Понтий Пилат конкретно спросил:

«– Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?»

Иешуа должен был назвать четыре языка, а не один, перечисляю: латинский, греческий, древнееврейский, как мы его сегодня называем, и русский. То ли забыл, то ли утаил, непонятно.

Иешуа не назвал свой родной язык, на котором написаны в основном все книги Ветхого Завета. А мы знаем, что он, на удивление всех окружающих, хорошо знал Священное Писание и не мог не использовать его, когда проповедовал и, по мнению Президента Синедриона, первосвященника иудейского Иосифа Каифа, – мучил сознание народа.

Как ни странно, но он знал ещё и русский язык... Мастер историю про Понтия Пилата, как мы понимаем, на русском написал:

«– Он (Иешуа) прочитал сочинение мастера, – заговорил Левий Матвей, – и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?»

Обратите внимание, он Воланда называет духом зла. А булгаковеды трубят нам о том, что последний прибыл на землю творить добро. Кому верить? Булгакову, ведь Левий Матвей, как куклы Карабаса Барабаса, повторяет слова автора, или булгаковедам, которые, по мнению их коллеги Лидии Яновской, лишены образного мышления.

«Прокуратор начал с того, что пригласил первосвященника на балкон, с тем чтобы укрыться от безжалостного зноя, но Каифа вежливо извинился и объяснил, что сделать этого не может».

Как понять? Ему приятнее стоять под палящим солнцем? Почему он не может последовать за Пилатом и в тени продолжить разговор? Скорее всего, опять предложение не согласовано.

«– Это водка? – слабо спросила Маргарита.

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

– Помилуйте, королева, – прохрипел он, – разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!..

Воланд молча поднял стакан и чокнулся с Маргаритой. Маргарита покорно выпила, думая, что тут же ей и будет конец от спирта».

Но через несколько строк читаем:

«...– А скажите, – обратилась Марго, оживившаяся после водки».

Кому-кому, а господину Булгакову хорошо известна разница между спиртом и водкой.

Или вот это:

«Незнакомец дружелюбно усмехнулся, вынул большие золотые часы с алмазным треугольником на крышке, позвонил одиннадцать раз и сказал:

– Одиннадцать! И ровно час, как я дожидаясь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять. Вот и я!»

Как понять: «...позвонил одиннадцать раз и сказал...»? То ли часы у него на руках, то ли колокольчик. Непонятно.

«Прокуратор, видимо, всё не мог расстаться с этим вопросом об убийстве человека из Кириафа, хотя и так уж всё было ясно, и спросил даже с некоторой мечтательностью:

– А я желал бы видеть, как они убивали его.

– Убит он с чрезвычайным искусством, прокуратор, – ответил Афраний, с некоторой иронией поглядывая на прокуратора.

– Откуда же вы это-то знаете?

– Благоволите обратить внимание на мешок, прокуратор, – ответил Афраний, – я вам ручаюсь за то, что кровь Иуды хлынула волной. Мне приходилось видеть убитых, прокуратор, на своём веку!»

Как мы поняли, на руках у Афрания окровавленный мешок с деньгами. Но это неправда, на мешке не могло быть следов крови. Вернёмся назад и посмотрим, как убивали Иуду.

«– Сколько получил сейчас? Говори, если хочешь сохранить жизнь!

Надежда вспыхнула в сердце Иуды. Он отчаянно вскричал:

– Тридцать тетрадрахм! Тридцать тетрадрахм! Всё, что получил, с собою. Вот деньги! Берите, но отдайте жизнь!»

Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель. И в тот же миг за спиной у Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюблённого под лопатку. Иуду швырнуло вперёд, и руки со скрюченными пальцами он выбросил в воздух. Передний человек поймал Иуду на свой нож и по рукоять всадил его в сердце Иуды».

Как мы видим, в момент получения ножевых ударов Иуда уже расстался с мешком. На мешке могла оказаться кровь лишь в том случае, если бы убийцы, справившись с Иудой, намеренно подставили мешок под хлынувшую кровь. Но этого нет в романе, зачем нам домысливать за автора.

Или вот ещё, непонятно, в какой комнате в психбольнице лежал Мастер.

«...задушевно попросил Иван, – а что там рядом, в сто восемнадцатой комнате сейчас случилось?

– В восемнадцатой? – переспросила Прасковья Фёдоровна...»

118 и 18 это разные цифры. Но мне опять возразят: ведь понятно же, можно догадаться.

– Но зачем догадываться? – Отвечу я им, я не понимаю этого.

Всё перечисленное нас убеждает в том, что рукопись требует дополнительной работы не только корректора, но и редактора.

XXVI

Булгаковеды в своих многочисленных эссе, очерках, научных статьях в унисон, слаженно, подобно грузинскому хоровому коллективу «Ореро» твердят одно и то же, в разной интерпретации, разумеется. Мол, Воланд наказывает жуликов, взяточников и других криминальных элементов, Москву подчищает, с этой целью и появилась его «бригада мусорщиков». Примеров множество, приведу лишь несколько:

«Нагоняющий на непосвященных мрачный ужас Воланд оказывается карающим мечом в руках справедливости и едва ли не волонтёром добра».

«И в истории московских походов Воланда, и в духовном поединке Иешуа с Понтием Пилатом, и в драматической судьбе Мастера и Маргариты неумолчно звучит один объединяющий их мотив: вера в закон справедливости, правого суда, неизбежного возмездия злу».

«Читатель, привычный к тому, что дьявол – это чистое зло, будет искренне удивлён образом Воланда. Он не делает зла, он – созерцает и наказывает только тех, кто поступает низко. Его гастроль в Москве лишь подтверждает эту мысль».

«И главное, роман утверждает обречённость всего, что враждебно человеческому счастью».

Складывается ощущение, что авторы этих строк книгу и в глаза не видели, поскольку налицо полное несоответствие сюжетной линии романа и сделанные ими умозаключения...

XXXI

Вгрызаясь, в буквальном смысле этого слова, в свободное пространство между строчками, чтобы уловить суть романа, я пытаюсь докопаться до «основной магистрали», которая должна наличествовать в любом произведении. Но мои усилия остаются тщетными: разброс героев, тем, сюжетов, оборванных историй, рассказов настолько велик, что объединить в единое целое, мой мозг способный воспринять, казалось бы, любую фантазию, не в силах. К тому же меня не покидает навязчивая идея, что к этому роману приложил руку не только Мастер, но и Маргарита постаралась. Очень сомнительно, чтобы вот эти низкопробные строки принадлежали Михаилу Афанасьевичу:

«Это был момент, который упустить было бы грешно».

«Да, это было сложно, очень сложно, но сложности эти нужно было во что бы то ни стало преодолеть».

«Дворик-то этот был тем и хорош, что всегда был пуст».

«Я была просто женой генерал-лейтенанта Шиловского, прекрасного, благороднейшего человека. Это была, что называется, счастливая семья: муж, занимающий высокое положение, двое прекрасных сыновей. Вообще всё было хорошо». Это не есть правда. Когда Елена Сергеевна была женой Шиловского, он имел звание полковника.

Нижеследующий отрывок не представляет собой ряд выдернутых из разных мест предложений. Это абзац, в котором предложения строго следуют одно за другим. Насколько они взаимосвязаны, это уже вопрос не ко мне. Обратите внимание и на примитивный уровень самих предложений.

«Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах.

Маргарита Николаевна могла купить всё, что ей понравится.

Среди знакомых её мужа попадались интересные люди.

Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу.

Маргарита Николаевна не знала ужасов жизни в совместной квартире».

Но не отвлекаемся. Как может быть автором вышеперечисленных строк и предложений, которые я ниже приведу, одна и та же личность?

«Однако в то же время неприятное облачко набежало на его душу, и тут же мелькнула змейкой мысль о том, что не прописался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного, ибо и такие примеры в жизни бывали».

Или вот это:

«Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича – изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, – но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж».

Совершенно очевидно, что над романом трудился не один Булгаков, по моему разумению, руку приложил и таинственный соавтор. 26 лет он корпел над рукописью, вытягивая из огромного нагромождения нечто удобоваримое. Надеюсь, мне удастся убедить в этом читателя...

XXXVII

Работая над послесловием, господин Вулис, подражая Константину Симонову, пишет: «Возможно, готовя книгу к печати, Булгаков по-новому взглянул бы на те или иные её эпизоды». Чувствуете подтекст? К этому же возвращается и в самом конце послесловия: «Сумеет он (читатель) разобраться и в её недостатках, подчас затемняющих силу и размах булгаковского замысла». То есть замысел был, но и недостатков не так уж мало. Как понять господина Вулиса?

И Константин Симонов пишет о недостатках, и он, причём дважды, указывает на это. И одновременно, по его утверждению, «Мастер и Маргарита» – лучшее творение Булгакова... Если господин Вулис даже читателю предлагает разобраться «в её недостатках», значит они на поверхности лежат. Тогда какое же это лучшее? Кроме того, почему эту неприятную миссию, ковыряться в романе, выискивать неудачные строки, предложения, нелогичные мысли, он возлагает на читателей, в том числе и на меня, а сам одни дифирамбы поёт? Похоже, перед тем как предлагать нам ломать голову, он сам должен был определиться, а то мечется из одной крайности в другую. А это тот случай, когда золотой середины не бывает.

XXXIX

Вечер в Варьете описан в романе в 12-й главе, а бал – в 23-й, но по содержанию бал состоялся гораздо раньше представления в Варьете, здесь обнаруживается накладка во времени.

Маргарита летит на встречу с Воландом договариваться по поводу бала именно в день смерти редактора Берлиоза, а значит, Воланд ещё не успел въехать в квартиру. Как такое может быть? Вы помните, Воланд спланировал и осуществил захват квартиры, имеющую дурную славу, и с этой целью невидимая сила забрасывает соседа редактора Берлиоза, Степана Лиходеева, в Ялту, а сам он оказывается под колёсами трамвая.

На чём основано моё утверждение? Маргарита, направляясь к Воланду, пролетает над писательским домом, обнаруживает квартиру критика Латунского и громит её. А критик Латунский в этот час находился в МАССОЛИТе, в ожидании заседания, на которое, по известной причине, так и не пришёл редактор Берлиоз. Уловили? Заседание МАССОЛИТа и бал проходят в один день.

Воланд в день заседания или, вернее, вечером не мог принимать Маргариту, удобно развалившись в злополучной квартире. Потому как он в другом описании, подобно трусливому школьнику, в это время убежал, плутая по московским улицам и переулкам от поэта Бездомного. Сам поэт, потеряв надежду на поимку беглого иностранца, отправился на заседание, в котором принимал участие и критик Латунский...

...Я обращаю ваше внимание на это несовпадение, чтобы лишний раз показать, с каким сырым материалом мы имеем дело. Над ним ещё работать и работать.

(Последняя выдержка из послесловия к роману литературоведа Абрама Вулиса)

...И снова звучит близкое по смыслу заявление: «И главное, роман утверждает обречённость всего, что враждебно человеческому счастью». И где это утверждение? Где счастье? Днём с огнём не сыскать. Все, исключительно все герои, включая и Мастера и Маргариту, в романе несчастны. Не согласны? Давайте разбираться.

Перечисляю:

- Михаил Александрович Берлиоз погиб под колёсами трамвая.
- Аннушка, разлив подсолнечное масло, понесла материальные убытки, придётся потерпеть до следующей полочки и снова сходить в кооператив, ещё и в конце романа с долларами вляпалась, еле отвертелась.
- Водитель трамвая, комсомолка в красной косынке, будет осуждена за убийство по неосторожности (ст. 109 УК РФ).
- Пассажиры трамвая, без сомнения, получили многочисленные ушибы, травмы. Нетрудно догадаться, как их разбрасывало в металлическом с деревянными жёсткими сиденьями того времени трамвае. И главное, стресс, который они перенесли, а это является первопричиной многих заболеваний. То есть, ко всему прочему, пассажиры если и не получили травмы, что весьма сомнительно, потому как саму вагоновожатую на отдельной санитарной машине увезли, то покинули трамвай потенциально больными людьми.
- Потрясённый смертью редактора, поэт Иван Бездомный попадает в психбольницу.
- Директора театра Варьете Степана Лиходеева люди Воланда в мгновение ока выбрасывают из Москвы в город Ялту, и он находится на грани сумасшествия, никак не может прийти в себя, понять, что происходит.
- Сподвижник Воланда Коровьев провоцирует председателя жилищного товарищества дома № 302-бис Никанора Ивановича Босого принять взятку. Затем со стороны его сотоварищей следует анонимный звонок в милицию, и Никанора Ивановича арестовывают за незаконное хранение иностранной валюты, которую он и в глаза не видел, что грозит ему ужасными последствиями, ведь хранение и торговля иностранной валютой являлись в СССР одним из самых тяжких, после убийства, преступлений (ст. 88 УК РФ).
- В ходе всего романа скитается насмерть перепуганный администратор театра Варьете Иван Савельевич Варенуха, его к тому же ещё и избивают подручные Воланда (толстяк, похожий на кота, и низенький клыкастый субъект) за то, что Варенуха намеревался отнести телеграмму Лиходеева из Ялты «куда надо».

– Во время представления – сеанса чёрной магии с участием иностранного мага Воланда и его свиты – на глазах у публики отрывают голову сотруднику театра конференсье Бенгальскому. Мы смеёмся, а я представляю, с каким ужасом созерцала обезглавленное тело публики. Затем, смилостивившись, «гастролёры» возвращают незадачливому конференсье голову. Он чувствует себя так плохо, что пришлось вызвать скорую, но потрясение было настолько велико, что и он, в конечном итоге, оказывается в психбольнице.

– Бухгалтер Варьете Ласточкин, оставшийся в театре за главного, приезжает в финзрелищный сектор с намерением сдать выручку от вчерашнего спектакля. Однако вместо рублей в его портфеле оказывается валюта. Его, как спекулирующего иностранной валютой, арестовывают.

– Убит Барон Майгель.

– Кот Бегемот, играючи, сжигает квартиру несчастного председателя МАССОЛИТа, покойного редактора Берлиоза, а заодно и часть всего жилого дома.

– Он же вместе со своим подручным Коровьевым устраивают пожар в элитном магазине.

– Затем то же самое повторяют на веранде писательского дома. И горят рукописи, ГОРЯТ. Поскольку в этом же здании находится издательство, то ГОРИТ МНОГО РУКОПИСЕЙ!

– Маргарита, пользуясь возможностью летать и быть невидимой, врывается в квартиру критика Латунского: вымещает свою злобу на внутренней обстановке, разбивает рояль, крушит мебель, люстры, лампочки, изгаляется как может. И теперь представим, как тот, потрясённый смертью председателя, возвращается к себе далеко за полночь и переживает новое потрясение: видит неизвестно кем устроенный погром. Хотя, как мы убедились, рассматривая рукопись Мастера, критик не погрешил против истины, дал объективную оценку.

– Маргарита заодно наносит ущерб квартирам соседей критика Латунского, совершенно не причастных к событиям, происходящим в романе.

– Окончательно свихнулся финдиректор, седой старик Григорий Данилович Римский.

– Также с ума сходит сосед Иван Николаевич.

– Погибают Мастер и Маргарита. В подвале, в котором они жили, возникает пожар, и, судя по описанию, огонь должен перекинуться на верхние этажи. Это значит, что будут ещё жертвы. И одна фраза: «Гори, гори, прежняя жизнь!» – не в силах конкретное действие трансформировать в символу.

– Наконец, женщины, сменившие свои платья на роскошную одежду во время сеанса, оказываются на улице в нижнем белье. Представьте, как они возвращаются домой, и ужас на лицах домочадцев. Почему эта банда так злостно посмеялась над женщинами, остается только догадываться. Пожалуй-ста, не надо мужчинам домысливать или цитировать уже известные штампы о том, что многие люди, и особенно женщины, алчны, и мы с вами не лучше.

(Анекдот по теме. Продадут из бочки пиво. Народ выстроился в очередь, кто с бокалом, кто с банкой трёхлитровой.

Подходит мужчина к продавцу и спрашивает: – Сколько стоит вся бочка?

Продавец, смекнув, что есть возможность поскорее дома оказаться, с готовностью отвечает. Называет энную сумму. Мужчина расплачивается, и продавец исчезает.

Затем мужчина просит приунывших покупателей не расходиться, мол, теперь пиво бесплатное, берите, кто сколько хочет. Что тут началось! Стали давить друг друга, материться, пошли в ход и кулаки, крик на всю улицу.

Услышал милиционер невообразимый шум, подошёл. Разобрался с тем, что происходит, велел любителям дармового пива разойтись, а зачинщика потащил в милицию. В милиции владелец пива, нисколько не стусевавшись, отвечает:

– Это моё пиво, я купил всю бочку и волен поступать так, как хочу. В чём проблема?

Милиционеры в недоумении, наконец, один из них спрашивает:

– Хотя бы объясните, зачем вы это сделали?

Тот отвечает:

– Я уже немолодой человек и вряд ли доживу до коммунизма. Хотелось посмотреть, как при коммунизме-то будет.)

В этом случае хоть какая-то логика, но есть. А чего добивались воландовцы, одаривая женщин вечерними шикарными платьями, затем выставя их на посмеище в обнажённом виде. Непонятно.

– А в самом конце романа Фагот свистнул и своим свистом нанёс значительный ущерб прилегающему к ним ландшафту и убил ни в чём не повинную птицу галку.

Это не весь список совершённого зла бандой негодяев, по которым тюрьма плачет, можно ещё насобирать пакостей, а обещанного добра днём с огнём не сыскать.

В РОМАНЕ НЕТ НИ ОДНОГО СЧАСТЛИВОГО ГЕРОЯ!

XXXXVI

И всё же, как бы я ни упирался, не могу не признать, что сам роман популярен, и даже очень, и интерес к нему не угасает, а, наоборот, с геометрической последовательностью растёт. Роман выдержал многомиллионные тиражи у нас и за рубежом. Переведён на многие языки Европы, Америки, Азии. Многократно инсценирован и экранизирован. На его сюжет созданы музыкальные произведения, оперы и балеты. Происходит паразитирование на популярном материале.

Видеть объяснение лишь в том, что Аннушка разлила масло, а Воланд предвидел это, не стоит, так как произведений с героями-предсказателями великое множество, однако они не будоражат наши умы, как это случилось с романом «Мастер и Маргарита». Причин несколько, я бы сказал, в романе и вокруг него сложилась совокупность обстоятельств, способствующих возникновению культа романа.

На первое место я бы поставил слухи. Да-да, слухи. Помните песню Высоцкого «И словно мухи, тут и там, ходят слухи по домам». И подтверждает мою мысль уже хорошо известный нам Абрам Вулис. Я бы дал более точную оценку следующему отрывку: он признаётся, что причиной сверхпопулярности является отнюдь не качество произведения, а нечто другое, но он не зрит в корень, не пытается вникнуть в суть данной коллизии, ограничивается поверхностным анализом. Он пишет: «Ещё долгое время даже упоминание названия этого романа считалось в СССР невозможным – до тех пор, пока в 1962 году в издательстве “Молодая гвардия” не был выпущен роман Михаила Булгакова “Жизнь господина де Мольера”». «...В послесловии к роману писатель Вениамин Александрович Каверин упоминает “Мастера и Маргариту” как неизданный роман, в котором “невероятные события происходят в каждой главе”».

«Сотни тысяч читателей только тогда впервые узнали о существовании “Мастера и Маргариты”. Не прочитали, так хотя бы узнали о существовании». То есть поползли слухи.

Елена Сергеевна, вроде как по секрету, сообщает соседкам, друзьям, знакомым, что среди прочих незавершённых дел есть готовый, уникальный роман, который потрясёт литературную братию (как в воду глядела). Только надо немного доработать: осталось-то всего ничего, укоротить местами, где-то добавить и расположить главы, страницы в логическую последовательность, так, чтобы произведение выглядело цельным. Короче, начать и закончить. Издатели только увидят, с руками оторвут. Понятно, доброжелательные подружки советуют, подзадоривают, мол, ты не тяни, давай на следующей неделе носи к издателю, или в следующем месяце, тебе виднее, как правильно. А сами информацию об этом уникальном романе добросовестно разносят во вверенном им участке, радиусом в несколько кварталов. Рассказывают своим подругам, знакомым и незнакомым на трамвайной остановке, те ещё, сидя на лавочке у подъезда, ошарашивают приятельниц удивительной новостью, мол, скоро выйдет необыкновенный роман Миши. А там такое! Прямо страсть! И цыганская почта работает не покладая рук, распространяя эту новость двадцать с лишним (!) лет.

И не только по домам, по забегаловкам, по пивным ларькам, и там, где на троих собираются, ну и, понятно, кухни, опять же скамейки у подъезда. И так 20 лет непрерывного ажиотажа, нагнетания интереса. И Каверин добавляет масла в огонь в послесловии к роману «Жизнь господина де Мольера», упоминая «Мастера и Маргариту». Тут уже вся Россия на ушах стоит, и слухи с удвоенной, с утроенной скоростью несутся по сёлам и городам.

Ну как тут не взбудоражиться литературной братии нашей страны, когда в романе «невероятные события происходят в каждой главе», а убедиться нет возможности, потому как: «Власти боятся чего-то, поэтому и не издают роман», – шепчутся старушки...

И начинается поиск самиздатовских экземпляров. Находят, читают ночами, потому как только на сутки дали, а там уже другие ждут, в очередь записываются.

Анекдот по теме:

Старушка сидит и от руки переписывает роман Льва Толстого «Война и мир». Соседка спрашивает: – Зачем ты это делаешь? Ведь эта книга в каждой библиотеке на первых полках стоит.

– А мой внучек, – отвечает старушка, – только самиздат читает.

Ещё одна заслуживающая внимания причина – неповторимый талант Булгакова. Если читатель меня спросит, каковы твои ощущения, что ты испытываешь, лихорадочно бегая по булгаковским строчкам? Отвечу честно. Отвлекаясь от общей концепции романа, вернее того, что нам насаждают булгаковеды, – одно удовольствие. Столько юмора, иронии нигде не встретишь, просто клад какой-то. Читаю, и улыбка не сходит с моего лица, это поразительная вещь...

...На любой странице «Мастера и Маргариты» зачитаешься. Он описывает события, ситуации, действия превосходно. Мы смакуем, наблюдая за филигранно-ювелирной словесной игрой мастера, но не задумываемся, насколько логично поведение героя и не зашкаливает ли абсурдная обстановка, в которую, как в ловушку, вовлекает нас автор, и настолько она необходима для решения общей концептуальной задачи. Своим виртуозным умением жонглировать словами он, словно экстрасенс, опутывает нас мелкими деталями, и сквозь них мы не видим общей картины. Мы, как в болоте, погрязаем в этих деталях, не решаясь выбраться, и по сей день остаёмся в этом пленении.

На третье место я бы поставил предрасположенность.

Говорят, красиво то, на что смотрите с любовью, то есть здесь важен настрой. Мы приходим в театр комедии, чтобы посмеяться. И стоит комику скорчить гримасу, сделать глупое лицо, как мы покатываемся со смеху, а подобное выражение на лице сослуживца вызывает раздражение. И в данном случае, когда нам годами твердят, что это из ряда вон выходящее произведение, оно уникально, оно необычно и не для среднего ума, что очень важно, не понять этот роман и не восхититься им – означает расписаться в собственной глупости и ограниченности.

Здесь мы плавно переходим к следующей причине. Этот роман для особо избранных, не каждому дано его понять. Хочешь прослыть умным – пой дифирамбы роману.

Так поступали придворные в сказке Ганса Христиана Андерсена «Голый король», усердно расхваливая платье на короле, которого не было, а свита не решалась признать, что король голый, потому что было сказано: «Одежда становится невидимой для всякого человека, который не на своём месте или непроходимо глуп». И стоило только воскликнуть мальчику, неискущённому в придворных хитросплетениях: «А король-то голый!», как разом вся свита, вместе с ликующим народом, прозрела.

И в нашем случае мы, ещё не открыв книгу, готовы считать роман из ряда вон выходящим произведением, потому что не хотим оказаться в списке глупых.

XXXVIII

Теперь о другом. Приписывание мистики и особого смысла самым обыкновенным предложениям.

Одной из популярных литературных фраз является фраза *«И все же Аннушка разлила масло!»* Мы повторяем её с особым смаком, при этом многозначительно тыча указательным пальцем в небо, считаем эту фразу веским аргументом в пользу гениальности романа. А если вдуматься, фраза как фраза, коих достаточно много, и не только в этом романе. Или вот это: *«квартирный вопрос только испортил их»*. Разве только квартира была недоступной эсэсэсэровцам, в смысле – жителям страны СССР? Перечислить? Или сами помните?

Или: *«Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?»* Ну, идут, и что с того? А кто должен идти? Умер коллега, литератор. Если бы умер кочегар – за гробом шли бы кочегары. Кому непонятно, поднимите руку.

И последнее: *«Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!»* А ну сознайтесь, господа-читатели, к кому из вас пришёл тот, кто сильнее вас, и дал вам то, в чём вы нуждаетесь? Есть таковые? Нет – и не будет. Сильные не всегда дают, когда просишь, а если ещё и с гордым видом ходить будешь – тем более.

Следующая причина – настойчивый характер вдовы.

10 марта 1940 года умирает Михаил Афанасьевич Булгаков. Его имя предадут забвению. На сценах театров остался только один спектакль «Александр Пушкин», допущенный, с лёгкой руки самого Сталина, к сцене. Дело в том, что Сталин не разрешил, выказывая показную скромность, спектакль Булгакова «Батум» о своей персоне и, чтобы не добивать драматурга окончательно, дал отмашку МХАТу. По моему твёрдому убеждению, Сталин отказался от спектакля о себе из-за одиозной личности автора. Напиши подобную пьесу Максим Горький, Сталин не стал бы возражать.

...ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ЖИЛА БУЛГАКОВЫМ, ОНА ВРОСЛА В НЕГО, И ОНИ СТАЛИ ЕДИНЫМ ЦЕЛЫМ: ТОЛЬКО ОН НА ТОМ СВЕТЕ, А ОНА НА ЭТОМ.

И ничто не в силах было отвлечь её. Дети? В Википедии помещена довольно-таки обширная биография Елены Сергеевны, так вот, там о детях написано лишь вскользь, в период её второго замужества, когда она была ещё женой полковника Евгения Шиловского, а после ни слова, как и не было у неё двух сыновей. Более того, в разделе семья даже племянник есть, но дети не упоминаются. Это говорит о многом.

Она не домоседка, с этим никто не станет спорить. Без сомнения, у неё большой круг знакомых. Она по вечерам гостит то у одних, то у других, либо у неё собираются на чай с вареньем. И разговоры о чём? Обменявшись светскими новостями, возвращаются к злободневной теме; как жить теперь несчастной вдове и что осталось от мужа, ушедшего в мир иной; перечень не особо впечатляет: записки, зарисовки, до полусотни незаконченных историй, которые не тянут на рассказы, но она, как я уже писал, не пала духом и добила немало.

XXXXIX

Впервые культовый роман «Мастер и Маргарита» был опубликован в двух номерах журнала «Москва» (№ 11, 1966 и № 1, 1967) благодаря усилиям прежде всего литературоведа Абрама Зиновьевича Вулиса, писателя Константина Михайловича Симонова, редактора журнала Евгения Ефимовича Поповкина и, конечно, вдовы Елены Сергеевны Булгаковой. И у каждого были свои причины оказать содействие изданию романа.

Константин Симонов не самоустранился, опасаясь непредвиденных последствий, ему вовсе не хотелось опять оказаться в списках сталинистов. Он должен был поддержать антисталинский роман, который, по сути, таковым не был. Но народная молва приписала роману антисталинизм, и никто не хотел ломать голову над тем, действительно ли этот роман имеет отношение к Сталину.

Абрам Вулис, на то время никому не известный журналист республиканской узбекской газеты «Правда Востока», давно «болел» сатирическими произведениями, собирал материалы по советской сатире. Неважно, он нашёл Елену Сергеевну или, наоборот, Елена Сергеевна вышла на него, но контакт состоялся. С первых же страниц рукописи Абрам Зиновьевич понял, что это его конёк, он должен поддержать желание Елены Сергеевны, увидеть опубликованной эту рукопись, а заодно нажить себе «политический капитал» и выйти на всесоюзный уровень, и это ему блестяще удалось. Будучи талантливым литератором-журналистом и, что не менее важно, напористым человеком, он, образно выражаясь, не хлопал дверьми, только распахивал их. Итогом чего и явилась публикация романа в журнале «Москва».

Журнал «Москва» нуждался в читателях, подписчиках. И чтобы привлечь внимание на себя читательской аудитории, нужно было опубликовать нечто взрывное. Вот рукопись романа и пришлась ко двору. Обратите внимание, первую половину романа опубликовали в 1966 году, а вторую оставили на 1967-й, чтобы читатели, заинтересованные продолжением необычной истории, вновь подписались. В девяностые годы прошлого столетия я как представитель Фонда защиты прав кавказских народов в Москве входил в состав команды редакции газеты «Мегаполис-экспресс» и был свидетелем необычного редакторского наставления журналистам. Главный редактор Владимир Павлович Волин для поднятия тиража требовал от них в каждом номере давать нечто сюрреалистическое, а иными словами – высосанное из пальца. Приём известный.

Интерес Елены Сергеевны понятен. Это, прежде всего, гонорар. Ей оставалось только надеяться на гонорары от публикаций произведений усопшего мужа, чем она и ежечасно, ежедневно, ежегодно занималась.

XXXXX

Читатель убедился в наличии в романе множества стилистических и пунктуационных ошибок, я показал на конкретных примерах лишь некоторые. Можно было бы за двадцать шесть лет исправить их, но надо было потратиться, нанять редактора, корректора. Скуповата была Елена Сергеевна, прямо скажем, скуповата.

Хотите верьте, а хотите нет, надгробие на могиле писателя появилось лишь спустя двенадцать (!) лет после смерти Михаила Афанасьевича. Да-да, действительно, двенадцать лет. Вы не раз и не два встречали заброшенные могилы, согласитесь, оставляет удручающее впечатление. Уже через год неприглядная картина, а через десять лет – тем более. Засохшая трава, пожелтевшая казённая табличка с полустёртыми буквами и цифрами. Глядя на такую могилу, понимаешь, что у усопшего не было ни заслуг, ни соответствующего положения в обществе и что покинул он этот свет, не имея ни родных, ни близких.

А в нашем случае другая картина: усопший был известной личностью, занимал прочное положение в русской литературе, осталась вдова, которая на всех перекрёстках рассказывает, как она убивается по безвременно ушедшему мужу, до сих пор себе места не находит и делает всё для увековечения памяти гениального мужа. А вот могилу обустроить всё ей недосуг. Может быть, с финансами туго? Всяко бывает. Ещё при жизни Булгакова были сняты со сцен все спектакли и из-за его характера не печатались книги. Но буквально перед смертью МХАТ заключил с ним договор на постановку пьесы о Пушкине. Эта пьеса не сходила со сцены театра 16 последующих лет. Значит, деньги были...

Очевидно, её совесть всё же терзала или любопытные бабки-соседки доконали. Вот она время от времени и вспоминала засохшие цветы на могиле писателя. Как-то позвонила в мастерскую по изготовлению надгробных памятников при городском кладбище: ребята, придумайте что-нибудь.

Те руками разводят, и рады бы помочь... правда, вспомнили, что у них есть каменная глыба, бесхозно валяется уже который год. Этот валун несколько месяцев служил временным надгробием на могиле Гоголя, но он совершенно не отёсанный, в таком виде не пригоден для надгробия. Елена Сергеевна смекнула, что этот валун не будет стоить больших денег и, прикрываясь особым отношением мужа к Гоголю, ухватила за него.

– Мой муж так уважал Николая Васильевича! Так уважал Николая Васильевича! Поэтому это то, что надо, – стала убеждать рабочих Елена Сергеевна.

Но опять загвоздка, подвезли глыбу к могиле Михаила Афанасьевича, а глыба она и есть глыба, культяписто смотрится.

– А вы переверните её вверх ногами, – не растерялась «неутешная вдова». Перевернули. Вот и стоит до сих пор перевёрнутая неотёсанная глыба на могиле Михаила Афанасьевича Булгакова, перед которым млеет вся литературная Россия.

Окончание

Больно осознавать, что отложена в сторону Великая русская литература, Великие русские романы и самым популярным произведением, по многочисленным опросам, считается роман «Мастер и Маргарита». Вступительные слова, которыми предваряют очередное издание дельцы-издатели, поражают наше представление о значимости этого произведения. Называют его величайшим литературным явлением XX века. Вершиной творчества Михаила Булгакова.

Роман «Мастер и Маргарита» является авантюрно-приключенческим, бульварным произведением, коих немало было до Булгакова, а сегодня и вовсе пруд пруди.

Если позволительно будет сравнивать, то роман «Мастер и Маргарита» превосходит романы Ильфа и Петрова по своему накалу, динамике самого повествования, но он написан в том же ключе, в его основу заложено то же желание заинтриговать читателя чем-то необычным.

А всё остальное, упорно нам внушаемое, есть домысливание целой армии приверженцев романа. Они с завидным упорством навязывают нам нравственное, высоко-эстетическое значение произведения, для которого в романе нет никаких оснований.

Мир без границ

Берега Палестины

Абдулла Исса

Абдулла Исса, в русскоязычных СМИ встречается также транскрипция Абедалла Иеса или Абдалла Иса – палестинский поэт, первый секретарь Посольства Государства Палестина, журналист, политолог, продюсер, обладатель ряда литературных наград, признан национальным палестинским поэтом. В 2013 году стал редактором и ведущим радиопередачи «Культурное кафе Абдуллы Иссы» телерадиокомпании «Голос России». В 2015 году стал первым секретарём Посольства Государства Палестина. В 2015 году получил высшую государственную награду Государства Палестина за «Достижение в области культуры, науки и искусства – степень творца».

НАЧАЛО

Перевод Светланы Савицкой

Какие слова ты нашла для твоих стенаний
за зимним окном,
Что я вздрогнул здесь, за шторами моей памяти:
Это как будто река, вышедшая из берегов,
без возврата и остатка.
Какую молитву ты смешала с чернилами,
Что нашла она отклик добрых ангелов,
Чтоб не смешала взмахи их крыл.
Она хранит меня
За моей тенью –
Грехи молчат.
Какими садами и качелями были твои плечи,
Чтобы полное до краёв детство моё
засеменило в мир под сенью сказок.
Здесь снег окружил мою жизнь изгородью
моих грехов.
Две ипостаси мои он бросил на скамьи:
Я, который здесь, как те цветы,
быстро увядающие в саду усопших.

ВТОРОЕ

Я, которого здесь нет, –
Это перезвон зеркал с моим отражением.
И ты тоже.
Представилось твоё лицо спящим солнцем
на зеркале вод,
Как чайка, цвет которой то возникает,
то пропадает в тени её крыл.

Я бродил с нежным сердцем в каждой
возможности жить.
Но и в самый прекрасный день
ты приносила слёзы,
Потому что твоё ожидание там:
вот придёт он не к обеду, так к ужину,
Здесь иссушает меня.
Ты тоже
Любишь сгорать, как огонь.
Он глотает ветер, когда хочет есть.

ТРЕТЬЕ

Но нежности полон к судьбе белой лилии.
Ты тоже!
На тебя указывают звёзды, притаившиеся
в твоей груди,
Когда ты убираешь с моей дороги
коварные камни.
О! Склонившаяся в моление
перед сердцем творца!

Ты тоже.
Если тронет твоё сердце тоска, чернее,
чем бездонной ночи тьма,
Или разочарование настоящего крушения,
Или холодный укус небытия,
Не пугайся его: это я.

ОТЕЦ

(Последний в жизни смех)

Тень не имеет цвета,
И запаха, и вкуса.
Эхо стонет в лёгких ветра.
Где рождается душа?
Какая буря уносит её пепел?
Какой жертвенный агнец
 поднимает колокол моей жизни,
Как купол твоих отпущенных грехов
Над твоими могильными травами?
Какой крест я должен нести, чтобы искупить их?
Я пришёл в жизнь:
Моя голова была запрокинута,
Мои руки были как
Две стрелы, страдающие головокружением
Под разбитой пустотой.
Я пришёл в жизнь – голым, как шторм,
Качающимся в глазах женщин,
Как будто мои руки – мачты из соли.
Как я не почувствовал дрожи их взглядов
Своим сладким желанием,
 встающим теперь во мне.
Радостным, как корона, и одиноким, как идол.
Ты согрешил мною, ты создал меня,
Как солому в глине стен нашего старого дома.
Всегда открытую для ветра.
Отец мой. Мой отец!
Где бы ни было твоё лицо,
Мои глаза вознесут его на горизонт.
Дорога будет кусать твои шаги.
И старый путь не приведёт тебя
К трону всевышнего,
Поэтому, если хочешь, отдыхай в камешке.
И дай мне вернуться на мою тайную вечерю.

И носи твой крест, который во мне.
Дай мне уйти от твоего проклятья:
Твоего рая. Я не живу достойно,
Не живу. Не...
Мир тебе!
Тебе, одетому в саван, подобно
Волнам, одетым в буруны,
В саван, хранящий остатки позабытой белизны.
Ты живёшь в моём пульсе,
Как дрожь ветра на дне замирающего колодца.
Покажи, что ты оставил во мне –
Я хочу спастись от тебя.
И подняться выше твоего креста.
И быть ярче мудрости твоего прегрешения.
Твой образ в моей памяти –
Разбитое зеркало.

Как я могу возвысить твоё молчание,
Куполом в моих рыданиях?
Наша душа такая узкая в словах.
Так широка в слезах!
Отец мой! Помоги душе моей матери
Вернуть бабочек её жеманной молодости!
Глаза – сонные ласточки в ночном зеркале,
И тело – река из росы ангела,
Смешанной с божественной тайной.
Отец, сотри твои грехи с её колен.
Оставь на ней её застенчивое платье.
Не пугай её своим дыханием, полным страсти.
Опусти свои крылья.
Понизь свой голос, кричащий:
– Моя женщина, будь осторожна,
Чтобы твои руки во сне не обняли образ другого!
Будь осторожна, чтоб твои глаза
Не заснули после моей смерти
На чужой кровати!
Будь осторожна, чтобы никто, кроме крика
моего петуха,
Не разбудил твоих женских чувств.
Сколько свежих мечтаний ты задушил
Под подушкой матери?
Сколько детей ты тайком посетил в её чреве?
Сколько лет ты заставлял плакать её сердце?
Поэтому она состарилась.
Незаметно для нас и блеска её украшений,
И я разделил все в ней глубокие морщины,
Пугавшиеся твоих возбуждённых рук,
Бросивших ветру её покой,
Отец!

Ты настолько был мужчиной,
Что я поскользнулся на твоих усах,
И дым твоих сигарет заполнил моё сердце.
Я живу недостойно.
Нестойно. Не...
Наш дом ещё в руках дьявола.
Блуждающего во внутреннем двореке.
От страха в наших дыханиях,
От дыма примуса почернели его стены,

А шторы на его окнах
Всё те же ветхие, как паутина...
Наш старый дом!
Ветер ещё кашляет в моей груди.
И скрипит дверьми.
И моя мать всё ещё призывает ангелов,
Чтобы они оберегали наш глубокий сон.
И как при тебе, мои братья, как десять мельниц,
Вечно проголодавшихся.
Они – десять жертв, отражённых твоим зеркалом.

Мир без границ

Берега Черногории

Олег Мраморнов

Олег Борисович Мраморнов – литературный критик и эссеист, автор биографической прозы «Донские памятки», «Записки и записи» и нескольких стихотворных сборников, вышедших в издательстве «Кругъ». Переводчик поэм «Луч микрокосма» и «Лжецарь Степан Малый» классика сербской литературы Петра Негоша, изданных отдельными книгами в издательстве «Спасское дело». Стихи черногорско-сербской тематики переводились на сербский язык и печатались в массовых газетах и изданиях Черногории. Неоднократно награждён грамотами Союза писателей этой балканской страны.

БАЛКАНСКИЕ МОТИВЫ

Из-за ковидных ограничений три года не был на Балканах, в Черногории, а прежде бывал чуть не каждый год – и как участник проводимого в Боко-Которском заливе, в окрестностях города Герцег-Нови литературно-художественного фестиваля «Русские мифы», и по приглашению черногорских друзей-поэтов. Нет в Черногории более почитаемого имени, нежели Негош. Первую книгу с поэмами Негоша приобрёл в его доме-музее в селении Негуши, потом появились другие издания. Погружение в Негоша сродни путешествию в чудом сохранившийся исконно героический славянский мир, в глубинные пласты родственного наречия. Чтобы прочитав в подлиннике и переложить на русский поэмы великого славянского песника «Луч микрокосма» и «Лжецарь Степан Малый», мне пришлось вспомнить те азы сербского языка, который преподавали нам в Московском университете, и двинуться дальше... Мои переводы вышли отдельными книгами в издательстве «Спасское дело», а теперь там же готовится к переизданию знаменитый «Горный венец» в переводе Юрия Кузнецова; в книге обещают поместить мой обширный очерк о Негоше...

ГОРЫ

Вижу Балканские горы,
камни вползают наверх,
жду, когда в поле обзора
вынырнет Езерский верх ¹.

Там, в мавзолее печальном,
скорбный Владыка лежит,
саваном там погребальным
скат леденистый покрыт.

Сердце балканской свободы –
Ловчен в обличье седом,
вилы свои хороводы
плавные водят на нём.

Боснии дерзостный выпад,
склонов её крутизна,
смелый сараевский выстрел...
Здесь начиналась война.

Это немирные горы,
в них поселился раздор,
что им попрёки, поборы –
неумолкаем их спор.

Что им суды, приговоры,
мнений враждебных волна –
это упорные горы,
им и война не страшна.

¹ На пике Езерский верх, в горном массиве Ловчен, неподалёку от старой столицы Черногории Цетине, в сооружённом в годы социалистической Югославии мавзолее покоится прах черногорского и сербского поэта владыки-митрополита Петра (Петара) II Пётровича Негоша; тема героической Косовской битвы была ведущей в его творчестве.

Косова древнее знамя,
Карагеоргия¹ стяг –
но возгорится ли пламя
там, где полощется флаг...

Это суровые горы,
камень запёкшийся строг.
Неколебимым дозором
высится в скалах Острог².

ВЕРНИСЬ НА ЛОВЧЕН

На Ловчене, окутанном туманом,
укрытом одеялом облаков,
забывшись сном святым и безобманным,
спит Петар Негош, повелитель слов.

Вернись туда, там вещему поэту
в видениях открылся Божий рай,
там воспевал он черногорский край,
и песни растеклись по белу свету.

Он от жестоких карстовых пород
вознёсся до спасительных высот,
до светлого заоблачного неба.

Вернись туда, где дикая скала
поэта от врагов уберегла,
отведай снова цетинского хлеба.

БОСНИЙСКИЙ ОБЕД

От Столаца неподалёку
звал на молитву муэдзин,
Корану веря и Пророку,
молиться не желал один.

Форель играла в горной речке,
и возвышался минарет;
в одном приветливом местечке
нас пригласили на обед.

– А если нас закружит дервиш,
мы тут же свалимся в реку
и с серебристою форелью
в сеть попадёмся к рыбаку!

– Тогда давай скорей уедем, –
ответил я на возглас твой, –
чтоб нас не подали к обеду
с отрезанною головой.

ВИДЕНИЕ

В знаменитых Балканах,
в неприступных горах,
на Высоких Дечанах³
старый сербский монах
слёзно Господа просит
о собратях своих,
по-славянски возносит
он молитвы о них.
Не в своём парамане,
с посохом и в скуфье –
в косоварском капкане
он привиделся мне.

В БОКЕ КОТОРСКОЙ

1.

Здесь Адриатики простор
сверкает, как нигде,
вдаль уходя от Чёрных Гор,
блеск царствует везде.

В Италии уже не так,
там ближе горизонт,
и меньше блеска видит зрак,
глядясь в лазурный понт.

2.

Когда ни приеду, встречает
то Троица, то Вознесенье,
и вайи приветливо машут
у узких церковных ворот,
и капают толстые свечи
слезами в песок ноздреватый.
Всегда розмариновый запах,
тимьян на полу сербской церкви,
цветущих кустов изобилие
и карстовых гор крутизна.
Рыбак с золотистой сеткой
вдоль берега важно проходит,
он рыб серебристых наловит
и нам их к столу принесёт.

¹ Карагеоргий, Георгий Чёрный, по-сербски Караджордже, Джордже Петрович – вождь Первого сербского восстания 1804 года, положившего начало освобождению Сербии от османского ига; основатель сербской королевской династии Карагеоргиевичей.

² Верхняя часть монастыря Острог в Черногории расположена на высоте 900 м в углублении-нише вертикальной скалы.

³ Верхние Дечаны – один из наиболее древних православных монастырей на территории ныне отторгнутых от Сербии Косова и Метохии.

Сюда короли приезжали
в славянское гордое время,
все рыцари, все знаменосцы,
юнаки отважные все.
Антично застывшее время,
античными стали пространства,
и в лицах людских поражает
их древний античный извод.
Слепит Адриатика морем,
слепит Адриатика солнцем,
слепит Адриатика светом,
от блеска устали глаза.
И весь этот мир бирюзовый,
и весь этот мир серебристый,
и весь этот мир многоцветный
увидел я вместе с тобой.

3.

О чём-то плачет над бухтой
сладкоголосая птица.
И по утрам нам не спится,
тебе и мне – нам не спится.

Магнолии запах душный,
быть может, тому виною –
нет, голос птицы воздушной,
не видимой за горою.

Хрупкой живой надеждой
она тревожит нам души,
несбыточною надеждой,
печалью сладкой, воздушной.

Под лёгкой дымкою воды
становятся зеленее,
и мы спускается к бухте
по узкой крутой аллее.

Там нас славянин отважный,
наш пращур неустрашимый
соединил однажды
с зелёной гладью залива.

Спускаемся, чтоб подняться
на выси памяти нашей,
спускаемся, чтоб расстаться,
а может ли быть иначе.

Сиреною черногорской,
зазывной кóторской птицей
зовёшь меня под угорье.
Тебе и мне – нам не спится.

4.

Бился турок с черногорцем,
дабы голову срубить.
Кто же под ядранским ¹⁵ солнцем
первым вызвался любить?

Утро в Которском заливе,
по воде ползёт туман,
чтобы выглядеть игривей,
ты надела сарафан.

Превратившись в деву-вилу,
стала ты меня водить
по окрестным луговинам,
дабы голову вскружить.

Шла купаться в водах бухты,
сох на солнце сарафан,
я слонялся необутым
и подозревал обман.

Мы испорченные люди,
нас обманом не пронять,
не объехать на верблюде...
Головы б не потерять!

Много лет с тех пор минуло.
Выцвел яркий сарафан,
но монистами блеснула
мне любовь из южных стран.

5.

Дождись меня в Которской бухте
на склоне знакомой горы,
где почками ветви набухли
в предчувствии вешней поры.

Стрелой кипарис вознесётся,
сравняется крона с горой,
и в сердце твоём всколыхнётся
всё бывшее нашей весной.

Не верь, что мы стали чужими,
что воздух растерзан и пуст,
глазами ты бухту обымешь,
и вырвется имя из уст.

¹ Боко-Которская бухта, или залив – часть Адриатического, а по-сербски Ядранского, моря.

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rosписatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великороссъ»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б. В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», учредители – С. Савицкая, А. Бухаров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», гл. ред. Сергей Бережной, Белгород
Журнал «Невечерний свет», гл. редактор Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html

О приобретении и подписке на журнал

Поддержка, приобретение и подписка на журнал «Берега»

осуществляется перечислением на карточку Сбербанка: № 2202 2009 0582 4080.